

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ
БЛУЖДАЮЩИЕ
ТЕНИ

Annotation

Куда исчезли жители Аркаима? Как избавить людей от страшных болезней? Как сбежать от недреманного ока могущественной спецслужбы? Как стать волшебником и чтобы ничего за это не было? Он узнает все и постарается выжить – и в нашем мире, и в параллельном. Но сделать это будет ой как трудно...

Евгений Щепетнов

Блуждающие тени

*Какой таинственной казалась мне та ночь,
Я затушил свечу и стал ждать, чего – не знаю.*

*В тишине вдруг представилось мне
Блуждают тени возле дома разных сказочных зверей...*

«Король и шут»

Глава 1

Сколько помню себя – я никогда не болел. Нет, вру – болел, но как бы это сказать... чихнул пару раз, и все – болезнь убиралась от меня, как будто меня напичкали антибиотиками или же сделали кучу уколов. Даже когда в нашем классе, а потом в университете свирепствовали эпидемии гриппа, я ходил по опустевшим коридорам учебных заведений с видом победителя – хрен вам, а не комиссарского тела! И это при том, что спортом я особо-то не занимался, никогда не злоупотреблял физкультурой или какими-нибудь оздоравливающими упражнениями.

Чем горжусь? Тем, что, как сказал знакомый медик, от предков мне достался невероятный иммунитет? Да, горжусь, а почему бы нет? Моя прабабушка с маминой стороны, простая деревенская баба, дожила до ста семнадцати лет. Кстати – по дошедшим до меня слухам, она была деревенской колдуньей и уходила из жизни очень тяжело.

Как-то бабушка виновато сказала моей матери: «Она так просила взять ее за руку – взяла бы, она бы так не мучилась! Никак не могла уйти... так и померла в муках, ругала меня все. Она же должна была передать свою силу мне, а не вышло. Мне бы тогда пришлось передавать силу Петьке... ну ее, силу эту. Прожили жизнь как люди, и слава богу! Эй ты, шпана, ну-ка хватит подслушивать!» Я с позором был изгнан из-за кухонной двери и бит веником.

Я тоже ничем не отличался от всех окружающих – ну кроме, как сказал, отменным здоровьем, которое не могли пошатнуть никакие СПИД или проказа. (Тьфу-тьфу! Как говорила бабушка, язык мой – враг мой!) Дожил я до двадцати двух лет спокойно, сытно и весело – пока не случились эти события, перевернувшие всю мою жизнь...

Этот день начался как обычно: я пришел в фирму по ремонту сложной бытовой техники – телевизоров, мониторов и всякой такой хрени, взгромоздился в свое кресло, предвкушая чашку кофе и общение в скайпе с друзьями, а уже после плотного возлияния и общения собираясь наконец проверить этот чертов ящик, занимающий половину моего рабочего места.

В огромном зале было светло и прохладно, гудела аппаратура и пощелкивали выключатели, у входа в зал скапливалась небольшая группка знакомых и знакомых знакомых мастеров, ожидающих выхода своего благодетеля к столу охранника – нормальная обстановка сервисного центра по ремонту, к которой я привык за полгода, что здесь работаю, и которая вызывала только скуку и больше никаких эмоций. Платили здесь неплохо, и после окончания физмата я устроился сюда работать через папиного приятеля, имеющего какое-то отношение к системе этих сервисов.

Так-то работа меня не напрягала, мне с детства нравилось возиться с приборами – дома имелся осциллограф и различные причиндалы для ремонта техники, так что тут я был, можно сказать, на своем месте. Амбициозностью я не обладал – хватает на жизнь, на одежду, обувь, на пиво и сходить в клуб с девчонкой, и ладно. Ну да, хотелось бы там мотоциклет с визжащим глушителем, и чтобы девка прижималась ко мне голыми сиськами, смеясь и размахивая снятой майкой, но я смотрел на жизнь реально: на хороший моцик надо много денег, а на плохом только позориться, что касается темы сисег – конечно, вниманием не был обижен, но и сексуальным маньяком не числился. В общем, среднестатистический парень, каких миллионы и на которых держится весь мир. Так я считал до этого дня...

Закончив свои делишки и искоса поглядывая на приближающегося ко мне начальника группы, я с умным видом снял заднюю крышку телевизора и погрузил свои умелые руки внутрь, автоматически, как последний лох, цапанувши обеими руками за внутренности аппарата...

Что происходило в течение последующих десяти минут, я не помню. Мне рассказывали, что я вскрикнул и с грохотом свалился на каменный пол, ударившись об него головой с таким стуком, что услышал даже охранник в двадцати метрах от меня.

Подбежавший ко мне начальник группы кинулся слушать сердцебиение – его не было. Минут пять я лежал на полу в окружении толпы тупо взирающих на меня соратников, пока их не растолкал с матерными выражениями и пиханием локтями старый мастер, хромой, перекошенный на одну сторону Василий Петрович, работавший по вызовам еще в советское время.

Он кинулся ко мне и с силой ударил несколько раз по груди сложенными вместе кулаками, прямо в сердце. Потом на этом месте у меня был огромный синячина, и сильно болела грудь – мастер был сухонький и старенький, но ходьба с клюшкой так натренировала его руки, что он бы мог гнуть ими подковы... Сердце снова пошло.

Сколько я был в состоянии клинической смерти? Никто не знает. Одним показалось, что прошло минут десять с того момента, как мое сердце остановилось от удара током, другие говорили, что прошла всего минута. Я благодарен судьбе, что рядом оказался этот злой, перекошенный жизнью старикашка – старый мастер Петрович, ему я и благодарен за все, что со мной случилось дальше. Иначе я бы уже лежал за железной оградкой, под дурацким памятником с еще более дурацкой фоткой, которую достали бы из моего университетского альбома.

Пробуждение было странным – я не понимал, где нахожусь. Надо мной, в необъятной вышине, плавали знакомые лица, но я никак не мог сосредоточиться и узнать их – вроде лица знакомые, но имена вылетели из головы, и все тут! Потом зрение сфокусировалось, и я узнал Петровича, он произнес три слова, два из которых были матерные, присовокупив:

– Чуть парня не загубили, болваны! Вот вам урок на будущее – не хватайтесь ручками поганенькими за что угодно, не подумав! – Дальше следовал непередаваемый фольклор в мой адрес, безрукого придурка с кривыми руками.

Вот интересно, как могут сосуществовать эти два взаимоисключающих факта – безрукий криворукий придурок? Ведь если у меня нет рук, то как они могут быть кривыми? Логичность этой мысли и сам процесс размышления разогнали мой мозг, и я все-таки осознал, что со мной что-то не так, и понял, что лежу на полу в окружении толпы любопытных людей, воспользовавшихся случаем, чтобы увильнуть от трудовой деятельности.

Тут же в голову ударила боль от столкновения с каменным полом – ощупав затылок, я обнаружил на нем страшнейшую шишку, размером с яйцо, не меньше. Голова сразу закружилась, и меня затошнило, что тотчас разогнало любопытствующих подальше от меня: смотреть, как помирает знакомый, довольно весело и интересно, а вот получить порцию блевотины на ботинок – не так забавно.

Впрочем, содержимое желудка – два яйца всмятку и бутерброд с сыром-маслом – я все-таки в себе удержал, но мне было реально хреново.

С помощью начальника группы Андрея я сел в свое кресло, откинулся на спинку и замер, пережидая очередной приступ дурноты. В глазах плавали мошки, какие-то веревки, нитки и сетки – такой гадости никогда не видал. Сколько ни моргал – нитки-шнурки никуда не девались, насылая на меня тошноту и боль. Закрыв глаза.

– Ну что, Михайлов, может, «скорую» тебе вызвать? А может, без «скорой» обойдемся – поедешь домой, я тебя отвезу! Ты сегодня не работник, это точно! – Жизнерадостный голос начальника группы ремонтников Андрея просто сочился сочувствием, а в моей больной голове неожиданно вспыхнула картинка: Андрей на пляже, рядом с загорелой телкой и бутылкой пива.

Я встряхнул головой – ясно, да, хочет воспользоваться случаем и свалить из офиса, чтобы потом сквозануть на пляж и позагорать. Похвальное желание – в такой ясный летний день смотреть на скучные рожи коллег и слушать гул неоновых ламп это просто извращение. Почему бы не помочь человеку принять правильное решение? Да пусть едет, пусть окажет помощь своему подчиненному.

– Да, Андрей... что-то мне нехорошо... отвези меня домой, на улицу Котовского. Знаешь, где это?

– Знаю, конечно, не вопрос! Не заблудёшь мне сиденья? Как чувствуешь себя?

– Нормально... почти. Возьми на всякий случай пакет с собой, вдруг что – я в него поблую. Поможешь мне дойти? Я что-то хреново вижу – в глазах мельтешит все, не пойму ничего. Отлежусь дома, а там видно будет, что делать... Может, в больничку схожу.

– Ага. Только это, Петь... в больничке скажи, что дома упал, после работы, ладно? А то нас премии лишат. А мы тебе тут больничный нормально закроем, отпуск еще сделаем... Лишнего не говори, ладно? – Простодушно-хитрое лицо тридцатилетнего начальника озарилось внутренним светом от осознания своей правильности и ума: вот, мол, какой я – и товарищу помогу, и производству не наврежу.

– Ладно, ладно, помогай давай, а то я опять грохнусь, – досадливо сказал я и, пошатываясь, встал с своего рабочего места.

Окинул взглядом стол – телефон не оставил, документы на месте – можно и валить отсюда. Отлежусь с недельку, отдохну и снова сюда. Тогда я не знал, что на своем законном рабочем месте был в последний раз...

Поддерживаемый под локоть начальником, предвкушающим жар песка и холодное пиво в горло, я вышел с ним к «Логану», втиснутому у входа в сервисный центр. Андрей распахнул правую дверцу и, следя, чтобы несущиеся по полосе автомашины не снесли нас вместе с ней, усадил меня на сиденье, захлопнул дверцу и пошел на водительское место.

Он обходил машину спереди, и, сфокусировав глаза на нем, я с отвращением заметил, что на его шее сидит какая-то пакость – что-то вроде слизня или этакого мешочка, ритмично раздувающего бока, как будто пьет из него кровь. От этой твари тянулась нитка ярко-красного цвета, уходящая куда-то вдаль. Андрей невозмутимо уселся за руль, вставил ключ в замок зажигания, завел автомобиль и только тут увидел мой странный взгляд.

– Ты чего? Чего смотришь на меня, как будто увидел морского змея? Что, поплевать хочешь? Дать мешок?

– Давай... – протянул я неуверенно, потом решил: – Слушай, Андрей, чего там у тебя на шее?

– А чего у меня на шее? – Он провел рукой по затылку, посмотрел на ладонь и с подозрением взглянул на меня. – Чего ты там увидал?

– Ты ничего не чувствуешь? Совсем ничего?

– Да что я должен чувствовать-то? – начал сердиться Андрей. – У тебя что, глюки?

– Наверное, да, потому что я вижу какую-то тварь, присосавшуюся к твоей шее! – выпалил я, будто бросился в ледяную прорубь.

– Э-э-э... братец, что-то все-таки у тебя с головой. Сейчас, как приедешь, ложись в постель, выключай всю муру типа телика и компа и спи. Проспишься – будешь как огурчик, и никто ни у кого уже не будет сидеть. Если только это не телка на коленях...

Машина вывернула в поток и понеслась по полузабитой транспортом улице.

Дорога к дому не заняла особо много времени – через двадцать минут я уже стоял перед подъездом своей пятиэтажки, а спустя еще минуту медленно поднимался по затертой тысячами ног лестнице на пятый этаж, где и проживал все двадцать два года своей жизни вместе с матерью и отцом.

Вернее, двадцать один год вместе с матерью и отцом – последний год мы жили с матерью вдвоем, отец умер после недолгой болезни, сгорел за четыре недели, врачи сказали, что у него рак толстой кишки. Он несколько месяцев жаловался на боли в желудке, но терпел. А когда обследование показало, что он болен раком, было уже поздно... Мне до сих пор не хватает его, и я не могу привыкнуть к его отсутствию – вот и сейчас мне казалось, что он откроет дверь и, подмигнув, скажет: «Что, сбежал с работенки? Да наплюй – выкрутимся! Было бы здоровье!» Увы, не дал Бог здоровья, не выкрутились.

Звонить в дверь квартиры я не стал, все равно дома никого нет – мать работала экономистом в каком-то учреждении, связанном то ли с сельским хозяйством, то ли с собесом, и наверняка была на работе. Впрочем – к лучшему: объяснять, что со мной случилось, отбиваться от попыток вызвать «скорую помощь» у меня совершенно не было сил. Так как опыта болеть у меня не было, переносил я свое болезненное состояние очень плохо: жизнь казалась отвратительной, будущее – бесперспективным и тусклым, и вообще хотелось умереть.

Под воздействием депрессии я прошел на кухню, где в шкафчике стояла бутылка коньяка, который мать добавляла в тесто для тортов и печенья. Баловала нас она этим делом редко, а после смерти отца вообще ничего не пекла, так что этой бутылке было минимум два года, и я боялся, что коньяк совершенно выдохся.

Нет, не выдохся – налив в граненый стакан грамм сто пятьдесят этой гадости, я залпом вылил в себя жгучую жидкость, едва не сфонтанировав, как нефтяная скважина.

Удержав в себе эту пакость, скорее убрал бутылку на место и максимально быстро пошел в свою комнату, пока стресс и алкоголь не взяли надо мною верх. Плюхнувшись на кровать, почувствовал, как коньяк впитывается в кровь, растворяется внутри меня и окутывает мозг теплым одеялом, отгоняя дурные мысли, депрессию и странные картинки, лезущие мне в глаза. Последнее, что я подумал: «Отлежусь, все нормально будет». И уснул.

Проснулся я уже вечером, когда грохнула входная дверь и в квартиру вошла мать. Она прошла сразу на кухню, опытным глазом увидела, что я брал бутылку с коньяком, и с трагическим выражением лица прибежала ко мне в комнату.

– Что с тобой? Ты спиваешься! Твой дедушка Григорий пил горькую, и гены передались тебе! Это все отцовская родня. Их дурное влияние!

– Мам, ну ты чего?! Просто мне было плохо, депрессия, и еще – я ударился головой, вот и полечился немного. Ты же знаешь, я не пью! Сто раз же тебе говорил!

– Не пьешь? Ты употребляешь наркотики? Мне рассказывала Мария Федоровна на работе – вся молодежь сейчас пьет и употребляет наркотики! Сынок, признайся – если вовремя полечить, мы спасем тебя! Я продам бабушкино кольцо, возьму кредит в банке, и мы тебя полечим! Сынок, признайся, ты наркоман?

– Мам, ты с ума сошла? Если я не пью, значит, наркоман? А если выпил сто грамм, значит, алкоголик? Ты хоть понимаешь, что это взаимоисключающие заявления? Отстань от меня! Не пью я и не нарк! И даже не курю, как ты знаешь! Лучше пожрать чего-нибудь сделай, я с утра ничего не ел!

Под причитания матери я потащился в ванную, разделся и встал под душ, смывая горячей водой пот,

оставшийся после дневного тяжелого сна, и головную боль от удара об пол. Перед тем как пройти в душ, я украдкой внимательно посмотрел на мать – нет, никаких чудовищ на шее или еще где-либо не увидел, хотя пространство так и было заполнено нитками – красные, желтые, черные, зеленые и серые – всех цветов и оттенков, каких только не было! Попробовав потрогать нити, убедился: я никак не могу на них воздействовать, эти нити струились, как какие-то лучи, если подставлял руку – они проходили через нее, не оставляя никаких следов и не давая никаких ощущений.

Приняв душ, я надел треники и майку и пошел в кухню.

Мать гремела посудой – покосилась на меня:

– Садись. Япельменей сварила, ешь. Сегодня не пойдешь никуда?

– Нет, скорее всего не пойду. Говорю тебе – сегодня упал, ударился головой. Сильно. Вот и лечился... глянь, шишка тут какая была!

Мать подошла ко мне, ощупала голову, ахнула:

– Давай «скорую» вызовем! А если трещина в черепе?! А если ты вообще с ума сойдешь с такой травмой? Я, когда маленькая была, у нас в детском саду один мальчик с качелей упал, так у него с головой что-то случилось: он уверял, что видит чудовищ всяких, – (я при этом поперхнулся и долго откашливался под сочувственным взглядом матери), – плакал, спать перестал. Его забрали из садика, говорили – лечили долго, но так и не помогло. Не знаю, что с ним потом было. Вдруг и у тебя с головой что-то? Надо врачу показаться обязательно! Завтра прямо с утра и пойдешь! И не возражай, не возражай! Я сейчас позвоню тете Оле, у нее хирург знакомый есть – пусть завтра осмотрит, а чтобы ты не сбежал, я завтра сама с тобой пойду. Знаю тебя, негодника, – скажешь, что был у врача, а сам сбежишь!

Мать немедленно приступила к боевым действиям – набрала по сотовому телефону родную сестру, тетку Олю, рассказала, как собирается меня взять в полон и подвергнуть унижениям с помощью осмотра у хирурга, и моя судьба была решена: десять утра, Первая клиническая больница, доктор Симонович.

Ночь прошла тихо – я спал как убитый, провалившись в сон в девять часов вечера, будто бы и не проспал весь день. Это было странно, так как я обычно ложился поздно, очень поздно: пока полазишь по Сети, пока считаешь, а то вдруг возникнет мысль поиграть в сетевуху какую-нибудь – смотришь, уже час-два ночи. Утром со скрипом встаешь на работу и сидишь там до обеда с чугунной башкой – скорее всего, это и было причиной, по которой я допустил такую элементарную ошибку и подставился под удар током в несколько тысяч вольт.

Утром мать торжествующе повела меня в больницу – лучше нет развлечения для матерей, чем залечивать своих несчастных чад. Материнский инстинкт, страшный и не рассуждающий, заставляет пичкать своих детинушек лекарствами, парить им ноги и ставить банки, даже если они уже на голову выше матери и весят в два раза больше, вот как я.

Выход на улицу стал для меня потрясением, какого я не испытывал еще никогда: нити никуда не делись, а улицы были заполнены людьми, на которых сидели чудовища различного вида и расцветок – как и нити, идущие к ним, они были всех цветов радуги и располагались где угодно, от шеи до гениталий. Жутко было видеть, как навстречу мне идет девушка в легкомысленных шортах, облегающих ее красивые бедра, а внизу живота у нее, как этакий горб, висит противный фиолетовый мешок, пульсирующий наподобие сердца.

Я проводил взглядом несчастную, подумавшую, что я заглядываюсь на ее попу, и презрительно фыркнувшую при виде простого парня в дешевых кроссовках и джинсах не от Версачи, и, со смятением в голове, пошел дальше, опасливо поглядывая на мою конвоиршу – не дай бог, она узнает, что я вижу

чудовищ! Судьба мальчика из ее детства не вдохновляла меня на откровения.

Вообще, давно сделал вывод: чем меньше рассказываешь матери о своих недомоганиях, тем меньше шансов их усугубить – залечит к чертовой бабушке.

Но деваться было некуда – я любил свою мать и расстраивать не хотел, она и так чуть ума не лишилась после смерти отца, пусть уж покомандует, переживу.

По дороге в больницу я насчитал несколько десятков людей, на которых сидели чудовища. Сообразить, что бы это значило, я не мог – предположения были, но настолько фантастичные, что не укладывались в голову, болевшей после вчерашнего падения и возлияний коньяка; я ведь на самом деле почти не пью... ну так, изредка, в компании, и потом сильно от этого болею.

– Ну что, молодой человек, на что жалуетесь? – жизнерадостно спросил меня доктор лет сорока пяти, в белоснежном халате, с щеголеватыми усиками над губой.

– На маму. Еще – нет мотоцикла. Зарплата не очень. Еще, может быть, какие-то жалобы вам сообщить?

Доктор сразу притух, жизнерадостная улыбка увяла, и он взглянул на мою мать.

– Тяжелый случай. Говорите, головой ударился? Никак не проявлялось? Тошнота, рвота? Какие-то отклонения в психике? – Он взял со стола снимок моего черепа, экстренно сделанный в рентгенологическом кабинете, и посмотрел на свет. – Нет, трещин вроде нет. Ну что, юноша, так и будете отмалчиваться и тревожить свою мать? Может, все-таки расскажете о своих симптомах?

Что меня дернуло, я не знаю – то ли был приступ хулиганского настроения, то ли раздосадовало обращение со мной, как с маленьким ребенком со стороны матери и этого жизнерадостного доктора, – только я взял и со зла ляпнул:

– Вижу на вас, в области поясницы, сгусток вроде слизняка, от которого тянется серая нить. Вижу чудовищ на других людях – не на всех, правда, но на многих. Еще вопросы?

Врач с интересом посмотрел на меня, покосился на мою мать и с облегчением сказал:

– Не мой профиль. Это вам надо к Льву Филипповичу, в тринадцатый кабинет, сейчас я вам направление к нему дам. С моей стороны никаких нарушений не замечено – череп цел, и вообще, на удивление

физически здоровый человек, соответствующий своему возрасту. Вы не спортсмен, молодой человек? – Врач быстро писал что-то на листке. – Нет? А такой здоровый! Может, потому и здоровый! – усмехнулся он и протянул моей матери листок с непонятными каракулями. – Сходите к Льву Филипповичу, он вам что-нибудь посоветует...

Мы вышли из кабинета, я плотно закрыл за собой дверь и огляделся – больница была полна людей, на которых сидели чудовища – от маленьких, размером с мандарин, до огромных, похожих на пульсирующий воздушный шар метр в диаметре.

Такой шар висел на молодой девушке с интересным лицом, которая с трудом шла на костылях, сопровождаемая врачом и женщиной лет сорока – видимо матерью, с заплаканными красными глазами. Мне стало тошно, и я отвел взгляд.

Мать мне что-то говорила, пласиво морща лицо, убеждала – непонятно в чем. Я лишь разобрал из ее слов, что совершенно необходимо сходить к Льву Филипповичу – он настоящий психиатр, старой школы, он обязательно разберется с моим недугом и поможет!

– Психиатр? Какой психиатр?! Это он меня к психиатру отправил? – с недоумением переспросил я,

разглядывая бумажку с каракулями хирурга. – Да пошел он к чертовой матери, я нормальнее всех вас, вместе взятых! Не веришь, что я вижу чудовищ на людях, не надо – от этого они все равно не исчезнут! Ты понимаешь, я вижу их! Я вижу!

– Ну что ты кричишь, что кричишь? – нервно оглянулась мать, проверяя, не слышал ли кто-нибудь моих крамольных слов. – Тебе что, трудно, что ли? Ну сходи, ради моего спокойствия сходи! Я же не так много прошу у тебя! – И она тихонько заплакала, прижимая к глазам платок.

Я выругался про себя: вот черт! Придется идти! Сколько раз хотел уехать куда-нибудь от этой материнской опеки, да жалко ее – как будет без меня, пропадет одна.

Угрюмо кивнув, я обреченно проследовал за матерью к белой двери с табличкой «Психиатр» и номером «13» сверху.

Забавное совпадение, подумалось мне, забудь надежду всяк сюда входящий! Толкнув дверь, я решительно вошел в кабинет:

– Здравствуйте. Вы Лев Филиппович? Меня направил к вам хирург.

– Да-да! – высунулась из-за моей спины мать. – Мы от Симоновича, он нас направил! Вы нас примете, доктор?

– Вас? – с усмешкой спросил психиатр и посмотрел на нас поверх очков, сидящих на самом кончике носа. – А вы что, тоже на прием? Или только этот молодой человек? Если только он – выйдите из кабинета и закройте дверь. А вы, юноша, присаживайтесь и рассказывайте.

Мать поспешно скрылась за дверью, я же посмотрел на сидящего за столом мужчину, больше похожего на грузчика, чем на психиатра, своими мощными плечами, пышными соломенными усами под красным носом и крупными руками.

Ему было лет шестьдесят – впрочем, может, и больше, я никогда не умел определять возраст людей, как-то не задумывался над этим. Научусь когда-нибудь. Меня не оставляло раздражение – от этого посещения врачей, на мать, на свою жизнь, которая преподнесла мне странный сюрприз. Я был настроен еще агрессивнее, чем у хирурга.

Усевшись напротив стола, я демонстративно независимо положил ногу на ногу и уткнулся глазами в руки врача, покрытые вздутыми венами, – что-то он совсем не похож на психиатра, может, самозванец какой-нибудь, диплом купил?

Чем больше я накручивал себя, тем веселее становился врач – почему-то я чувствовал это, и после продолжительного молчания он сказал:

– Достала, да? Знакомое чувство... я тоже когда-то был под гнетом материнской любви, пока не сходил в армию. Там научили, как выживать... Ты в армии еще не был?

– И не буду, – буркнул я угрюмо. – У нас военная кафедра была в университете. И вообще, тратить год-два жизни на дебильную муштру может только идиот! Что, узнаете – нет ли у меня психической статьи? Нет, заверяю вас. Поход в больницу – затея моей матери, ни малейшего смысла в нем не вижу!

– Да без проблем! Просто поговорите со мной, и все – чтобы успокоить вашу маму... Вы же не хотите причинить ей боль? Она расстроится, если вы сейчас уйдете. Может, расплачется – я же вижу, что она уже плакала, вы же приличный молодой человек, сразу видно, любите свою маму. Ответьте на мои вопросы и идите себе домой! Ну что, поговорим?

– Поговорим. Задавайте ваши вопросы. Только если они мне не понравятся – я отвечать не буду!

– Договорились! Я же не гестапо, чтобы вас пытаться! Начнем с малого: вы работаете где-то?

Неожиданно для себя я выложил ему все про свою жизнь – он ловко подталкивал меня наводящими вопросами, спрашивал о каких-то, с моей точки зрения, несущественных деталях, и в конце концов оказалось, что я рассказал ему все до того момента, как и почему оказался сегодня в больнице.

Насторожившись, я ждал, что психиатр будет выпытывать какие-то подробности моей половой жизни или еще что-то такое же интимное, но ничего подобного не произошло, и я расслабился.

– Да-да, среднестатистический молодой человек, не курите, не пьете, вот только тут доктор Симонович пишет: «Галлюцинации, возможно, на почве алкогольно-наркотического отравления...» Это как? Вы сказали, что не выпиваете и не употребляете, а откуда такие галлюцинации взялись? Вы чего-нибудь этакое на работе ели-пили? Ну например – съели что-то из магазина «Магнит», и вас пронесло, или же глюки пошли, нет? Бывает же – попало что-то в консервы или в салат, и человек страдает. Не думали над этим? Нет? Не могли бы описать свои видения?

– Видения? Хорошо, слушайте, – усмехнулся я. – Весь мир, все пространство пронизано нитями – тонкими и толстыми. Они идут в разных направлениях, пучками и отдельно, и тянутся к неким сгусткам, похожим на слизняков, сидящих на людях. Они сидят на разных участках тела и пульсируют, пульсируют, пульсируют – как будто что-то перекачивают.

– Красиво! – восхитился врач. – А какого цвета ваши... хм... мешки?

– Разного – любых оттенков. От серого и черного до красного и синего. Размеры тоже разные – от маленьких, с грецкий орех, до огромных, метр в диаметре.

– И что, они на всех людях? И на мне тоже? На вас?

– На мне нет. На вас? – Я посмотрел на доктора внимательно, привстав, окинул взглядом с головы до ног. – Нет, на вас я бы нить, тянущуюся к вашему «слизняку», видел. Они не на всех людях, примерно процентах на двадцати, но в больнице таких гораздо больше – процентов девяносто. Ну вот так вот...

– Интересно, очень интересно! Вы так подробно их описываете. Знаете, что я вам скажу... Не могли бы вы встретиться с одним человеком – это мой университетский товарищ, он тоже психиатр, он в соседнем корпусе находится – в стационаре. Можно, я его приглашу, и вы ему расскажете о своих видениях? Подождите минут двадцать, ладно? Посидите в коридорчике. Мне бы хотелось с ним проконсультироваться – больно уж случай интересный!

– Посижу, если не долго... почему нет.

– Нет-нет, очень быстро – сейчас я с ним созвонюсь, и он прибежит. Идите посидите пока в коридоре.

Врач, ласково улыбаясь, выставил меня из кабинета, и я опустился на кушетку, где, нервно ожидая меня, сидела мать.

Она, с испугом заглядывая мне в глаза, спросила:

– Ну что, что доктор сказал? Можно как-то это вылечить?

– А чего это-то? – ошетинился я. – Что я тебе, психопат, что ли? Оставь эти дурацкие предположения! Я нормальнее вас с доктором, вместе взятых!

– Ладно, ладно, успокойся! Так что доктор сказал?

– Доктор позвал своего друга, типа консилиум – будут разглядывать меня, как зверушку. Довольна? Мам, ты иногда просто невозможна! Так и хочешь загнать меня в дурдом!

Мы препирались уже минут пятнадцать, когда в коридоре показался пожилой толстенький человечек-колобок, в распахнутом, развевающемся халате, стремительно направляющийся в нашу сторону.

Предположив, что это и есть искомый психиатр, друг здешнего психиатра, я встал с места и стал прохаживаться возле кадки с фикусом, ожидая когда меня позовут. «Колобок» исчез за дверью кабинета номер тринадцать, и через пару минут оттуда выглянул Лев Филиппович:

– Зайдите, молодой человек.

Мое сердце слегка сжалось – не нравилась мне вся эта суета вокруг меня, и, приготовившись к самому худшему, я шагнул за порог. Мне и правда закралась мысль – может, действительно что-то случилось с моим мозгом и я вижу то, чего не существует? Я знал по триллерам, что в принципе человека можно убедить в чем угодно, если воздействовать на него нужным образом, а уж если с помощью специальных лекарств... У меня просто мороз по коже прошел.

Так что к моменту беседы с «консилиумом» я уже был весь в тягостных раздумьях о своем болезненном состоянии, и меня можно было убедить в чем угодно – например, в том, что я шизик и подлежу лоботомии.

– Я рассказал моему коллеге о ваших видениях, но он хотел бы это услышать от вас. Не могли бы вы повторить то, что мне говорили?

– Что, все с самого начала?

– Сначала, только то, что касается ваших видений, разумеется.

Минут пять я излагал, что я вижу, «колобок» внимательно слушал, доброжелательно кивал, и я успокоился – может, и правда вижу то, что вижу, и я не сумасшедший?

После того как я закончил, наступило молчание, затем «колобок» начал важно сыпать какими-то терминами, похоже, на латыни. Врачи о чем-то с жаром спорили минут десять, в потоке латинских фраз я не понимал ни слова и в конце концов затосковал – сколько можно слушать эту хрень?

Видимо заметив это, Лев Филиппович обуздал свое красноречие и нормальным голосом сказал:

– Наш уникум заскучал, давай-ка, Вась, перейдем все-таки к самой главной и животрепещущей проблеме – что с ним делать?

– Ничего со мной не делать! – заволновался я. – Вы что, лоботомию мне задумали сделать или током бить? Так я не дамся!

Врачи весело рассмеялись – а чего им не веселиться, не их же превратят в овощ! Отсмеявшись, Лев Филиппович сказал:

– Никто вас не собирается оперировать! Но мы бы очень хотели понаблюдать вас какое-то время в стационаре, если бы вы согласились. Насильно никто вас не будет туда класть, но, если у вас есть возможность побыть в стационаре и желание все-таки узнать о данном феномене что-либо, прошу вас, согласитесь на обследование! Вас как звать? Петр, ага. Так вот, Петр, досужие вымыслы по поводу психиатров основаны на триллерах и выдумках журналистов – действительность выглядит совсем иначе, чем в статьях писак. Вы будете лежать в комнате, читать, разговаривать с людьми, а за вами будут наблюдать и, если случится какое-то ухудшение здоровья, тут же помогут! Интересный факт открылся – мой коллега, Василий Федорович, уже встречался со случаями подобными вашему. Люди рассказывали, что видят чудовищ, какие-то странные картины, но фокус в том, что все эти люди были действительно больны, с детства, они практически не могли передать, что видят, не могли рассказать врачу, какие картины наблюдают. Вы же, человек умный, образованный, начитанный, могли бы помочь нам составить представление о предмете исследования, помочь науке в лечении подобных нарушений психики! Ну что, поможешь нам?

Голос психиатра сочился доброжелательностью, был ласковым и бархатным. Так и хотелось, услышав такой голос, бежать за врачом и отдаться в руки исследователей моей психики! Они так думали. По крайней мере, надеялись, что сработает...

– И не подумаю. Несмотря на то что я вижу всякие нити, а на вас, доктор, сгусток в районе затылка, я не собираюсь служить в качестве подопытной свинки или лабораторной собаки – кстати, терпеть не могу Павлова за его издевательства над несчастными животными. Делаю вывод – вы ни черта о том, что со мной происходит, не знаете, вам я интересен только как лабораторный кролик, а если я, спятив на самом деле, отдамся вам в руки, вы и вправду доведете меня до сумасшествия. И если вы думаете, что ваши душеспасительные беседы возымели успех, то глубоко заблуждаетесь. Вот как-то так. До свидания. Ой нет – прощайте...

Я встал и прошел к двери мимо кислого «колобка», под хмурым взглядом Льва Филипповича, открыл дверь и вышел в коридор.

– Пошли отсюда, мама, ни черта они не знают! Быстро отсюда валим, а если ты еще раз меня поведешь с такой целью в это заведение – клянусь, я сниму квартиру и не скажу тебе где! Все! Закрыли вопрос!

Я рванул вперед, не дожидаясь, когда мать мне ответит, и с разгону врезался в ту самую хромую девушку на костылях, которую видел в коридоре перед тем, как посетил психиатра. Получилось так, что я практически упал на нее, и самое противное в этом было то, что я с размаху погрузился в «тело» метрового «слизняк», сидевшего на девушке, окунувшись в него, как в густой туман или в кашу.

Что произошло – не знаю, но показалось, что пространство вокруг взвизгнуло, этот «слизняк» запульсировал, меняя частоту в сторону ускорения, и вдруг лопнул, исчезнув в небольшом темном вихре. Нить, которая связывала его с чем-то, чего я не видел, рассыпалась небольшими кусочками, извивающимися как червяки и через несколько мгновений растаявшими в воздухе как туман.

Только теперь я услышал возмущенный женский вопль и тихий смехок девушки, лежащей подо мной. Как ни странно, она не испугалась, только с интересом смотрела мне в лицо, явно забавляясь ситуацией.

– Может, ты встанешь с меня, увалень, а то моя мама сейчас изойдет криком? – Низкий голос девушки разрушил гипноз ее огромных синих глаз, и я судорожно стал пытаться встать с нее под крики ее мамы:

– Идиот! Набросился на дочь и свалил ее, как сумасшедший бегаешь! Кто их пускает, этих идиотов, в больницу?! Да уберите этого придурка с нее, она и так едва ходит, а тут этот бандит!

Наконец я встал с девушки, покраснев до корней волос, автоматически протянул ей руку, забыв, что она вообще-то без костылей и ходить-то не может. Она тоже совершенно машинально схватила меня, утонув своей тонкой худой рукой в моей лапище, и вскочила на ноги, на глазах вскрикнувшей и зажавшей рот матери.

Конечно, девушка была худа, измождена болезнью, но она совершенно спокойно стояла сама, без поддержки, без костылей, а ведь несколько минут назад она едва-едва могла двигаться!

Оправившаяся от изумления женщина подлетела к дочери, потребовала, чтобы та села на скамейку, стала подтаскивать костыли, что-то говорить, девушка ей отвечала, но я уже этого не слышал – сбежав вниз по лестнице, я неслился домой, забыв о том, что за мной не поспевает мать, требующая, чтобы я ее подождал, чтобы я не вел себя как идиот или сумасшедший, чтобы я... Уже не помню, чего она там требовала, но в голове у меня вертелась одна мысль, не позволяющая мне расслышать ее слова: «Я могу убивать этих

тварей! Мое прикосновение убило эту гадость, и девушке стало лучше! Что бы это значило, почему это?!»

На ходу я бросил матери:

– Поезжай домой, я позже буду – хочу прогуляться. Голову проветрить!

Не слушая ее причитания, я запрыгнул на остановке в автобус и поехал куда глаза глядят. А глядели они у меня на какую-то кафешку у небольшого фонтана, где возле голубой ели, разогретой летним солнцем, под навесиком были выставлены столики и ходила официантка, вполне так смазливенькая девица в сексуальном передничке с кружевами.

Она, улыбнувшись, приняла у меня заказ, и вскоре я сидел перед высокой запотевшей кружкой с пивом, открывая фисташки и поглядывая на пробежавший мимо меня рабочий люд.

Холодное пиво лилось в живот, успокаивая и охлаждая мое разгоряченное нутро, а я наблюдал за прохожими и думал: что со мной случилось? Этого, скорее всего, я не смогу узнать... Что-то повернулось в голове, что-то замкнуло или, наоборот, разомкнулось – только теперь я могу лечить людей. Всех людей? Нет, не всех, только тех, на которых сидит эта гадость. То есть фактически – как минимум половину больных людей. А с чего я взял, что половину и что я смогу всех лечить? А я проверю! Кто мне мешает полечить еще кого-нибудь? Если получится, это будет классно... Только представить: я – типа экстрасенс! Лечу наложением рук! Это и почетно, и интересно, и... денежно. Что, я собрался зарабатывать на человеческом горе и болезнях? Упс! Чего я несу-то? Врачи что, на горе и болезнях зарабатывают, типа мародеры какие-то? Ну... если эдак рассудить, некоторые – да. Но не все же! Есть кто лечит ради призвания лечить людей. Почему и я не могу? Тем более что могу вылечивать страшные случаи... хм... наверное. Ох, куда меня занесло! Могу, да, что-то там вылечивать. Могу убрать эту пакость, пакость исчезнет, болезнь, ею вызванная, исчезнет. И все. А что за пакость – не все ли равно? По большому счету... нет, не все равно! Интересно же...

Допив потеплевшее пиво, я побрел вдоль газона с зеленой стриженной травой, вдыхая запах разогретой на солнце хвои, земли и цветов на соседней клумбе, посмотрел на сверкающее в небе солнце и с удовольствием подумал: «А что, хорошо ведь! Когда еще представится повод заняться таким делом, которое денежно, да еще и на самом деле приносит пользу людям! Как начать? А запросто!»

Маршрутка высадила меня возле моего дома, хлопнула самозакрывающейся дверью и унеслась, а я сделал первый шаг к собственному светлому будущему: возле подъезда на скамеечке сидели три старушки из нашего дома.

Как всегда они перемывали кости соседям, пересказывали последние дурацкие новости и ругали правительство, которое ну никак не хочет помочь пенсионерам, а кидает им только подачки, как собакам.

Я поздоровался и задержался у скамейки якобы для того, чтобы поправить развязавшиеся шнурки кроссовок. Бабки продолжили прерванный моим появлением разговор, а я внимательно осмотрел их и обнаружил у одной на плече «слизняк» приличного размера. «Слизняк» был темно-красный, с довольно толстой нитью и пульсировал, как будто докачивал последние остатки жизни из старухи. Она шевельнул рукой и, видимо, почувствовала острую боль, потому что вздрогнула и изменилась в лице.

Старуха осторожно потерла плечо – я видел, как ее рука входила и выходила из темно-красной массы «слизняк», потом бабка снова застыла, подождала и сказала своим товаркам:

– Пойду-ка я домой, лягу, так плечо сегодня разболелось – видно, дождь будет. У меня что-то часто стало кости ломить – помру, наверное, скоро.

Она с кряхтением стала подниматься, когда я неожиданно и для себя и для нее сказал:

– Баб Маш, хотите, я вам помогу, полечу?

Старухи воззрились на меня, как будто я сказал что-то необычайно неприличное или же, встав на четвереньки, снял штаны и показал им голый зад.

– Ты? Полечишь? – Самая старшая и злобная старушенция баба Наташа, или, точнее, Наталья Феодоровна, с недоверием посмотрела на меня. – Это чем ты полечишь-то, Кашпировский ты хренов?! Плюнешь ей на плечо, что ли? Или еще что на плечо ей сделаешь?

Старухи радостно захихикали, уверенные в том, что они являются фонтанами искрометного юмора и Петросяну до них, как до Луны.

– Лечильщик хренов! Маш, дай ему... он тебя полечит!

– Тьфу на вас, дуры, пацана совсем в краску вогнали! Старые, а охальницы те еще! – Баба Маша усмехнулась и спросила серьезно: – А что, правда полечить можешь? Если можешь, лечи! Я как-то смотрела про экстрасенсов – там такие молоденькие были – дак они и рассказывали все, и порчу снимали! Может, и ты порчу снимать можешь?

– Могу, баб Маш, – храбро заявил я. – На вас порча, на плече, я могу снять! Хотите?

– Ясно, хочу, – обескураженно ответила сбитая столку старуха, – только я денег не дам! Нет у меня денег-то!

– Да я и не спрашиваю, вам – бесплатно будет! Сядьте на скамеечку, сейчас я вас мухой полечу! Ну, в смысле не мухами, а мухой, быстро, значит! – Я запутался в своих заявлениях и уже жалел, что связался с этим делом – а вдруг не получится? Злобные старушки разнесут весть по окрестным дворам, потом пальцем все будут показывать – вон, мол, придурок идет, экстрасенс хренов!

Но делать было нечего: назвался груздем – полезай в кузов. И я полез.

Усадив бабу Машу на скамейку, я под любопытными горящими взорами ее подружек важно изобразил из себя экстрасенса – протянул руки вперед и стал шевелить пальцами. Вышло забавно, старушенции даже слегка отшатнулись от моих страхолюдных движений, и в их взглядах проступило сомнение – зря-то так шевелиться не будет! Колдовство творит, однако!

Коснувшись сгустка зла на плече бабы Маши, я снова ничего особого не почувствовал, только увидел, как сгусток лопнул и завернулся небольшим вихрем. Вся операция заняла секунду – дольше только страху нагонял своими театральными действиями.

– Смотри-ка, а рука-то перестала болеть! – с удивлением сказала баба Маша. – Это ты когда научился-то так лечить, сынок? Вроде я и не знала, что ты у нас тут экстрасенс такой живешь! Ничего себе... Видали, бабки, у нас какой тут умелец живет? Вот это да... вот это парень! Спасибо, сынок! Тебе бы в передачу попасть на телевизор! А вы смеялись, глупые! И что, сынок, все болезни лечить можешь?

– Нет, баб Маш, только те, которые от порчи, которые навели. А если кто упал там и сломал себе что-нибудь – не могу. Только против зла могу. Так что, если кто хочет порчу снять, присылайте, сниму. Если время будет...

Я весело подмигнул и пошел домой, оставив скамеечных завсегдатаев в ошеломлении – случилось чудо! – они лишились дара речи. Это надо где-то записать такое событие...

Стоило мне появиться на пороге, мать завела причитания про лечение, про то, что я зря обидел важных докторов и сбежал из больницы – я, не обращая внимания на ее заунывное бормотание, ушел к себе в комнату и улегся на постель, закрыв глаза. Вначале пытался обдумать происшедшее, а потом дневные переживания, усталость и нервотрепка взяли свое, и я уснул. Разбудил меня голос матери, которая трясла за плечо и говорила:

– Петь, вставай, тут к тебе пришли!

– Кто пришел? Зачем? – Спросонок я ничего не понимал. – Вроде не жду никого. Кто там?

– Женщины две – говорят, ты порчу снять можешь. – Глаза матери были вытаращены от удивления. – Я их спрашиваю: какую порчу? Кто такую ерунду придумал? А они не уходят, плачут – в ноги бросаются, выйди, пожалуйста, разберись! Только это... – она понизила голос, – смотри, осторожно! Может, аферистки какие-то или ненормальные – вдруг покусают еще?!

Меня как пружиной сбросило с постели, и я, как был, в слаксах и майке, пошел к двери. На пороге топтались две женщины – одна почти девочка, с ребенком на руках, вторая старше, лет сорока. В глаза бросился здоровенный пузырь, сидящий на несчастном ребенке, который задыхался и синел, – «слизняк» сидел на горле.

– Вы Петр, да? – с надеждой спросила старшая женщина. – Нам сказали, что вы можете снимать порчу, не поможете нам? Ребенок сильно болеет, может, порчу на него навели? Мы уж всех врачей обошли – никто не помогает, а мальчишка чахнет и чахнет! Помогите, ради Христа! Мы заплатим, все что есть отдадим, помогите, пожалуйста, не откажите!

– А кто вам сказал про меня? – Я рассматривал «слизняк» и удивлялся, как ребенок еще жив при таком здоровенном гаде на шее. – Помогу, конечно. И не надо ничего, так помогу. Да, на нем порча, и очень сильная, но сейчас мы ее прихлопнем! – Я протянул руку и коснулся «слизняк». – Есть! Готово! Порчи больше нет. Если что, приходите.

Я повернулся и ушел в квартиру, оставив недоумевающих женщин:

– Что, уже все?

– А что вы ожидали? Танцев с бубном, завываний и каких-то молитв древним богам? Все, готово. Если снова начнется – приходите. А пока – видите, он повеселел и сделался розовый, дышит как следует, живи, братишка!

Я помахал пацаненку, улыбнувшись мне, и пошел на кухню искать банку со спайтом – почему-то мне привиделось, что она где-то в холодильнике была прикопана на черный день, – в глотке пересохло, просто до очумения. Были бы бабки – сплит-систему поставить неплохо бы в доме! Жарко – гребаная хрущоба, последний этаж, крыша нагревается, как сковорода, летом спать невозможно. Отвратительно. А может, кондиционер-оконник воткнуть? Да что я рассуждаю-то – все равно бабок нет. А почему не взял у женщин? А что я, мародер, что ли, какой-то, видно же, что небогаты и последний хрен без соли доедают, стремясь брать у нищих. Были бы богатые – тех сам бог велел ободрать как липку, не последнее отдают. А эти... нет уж, я еще не опаскудился, чтобы так делать. Не голодаю.

Хлопнула входная дверь, в кухню влетела совершенно очумелая мать:

– Что это было-то? Ты объяснишь? Они мне тысячу рублей сунули! Я отбивалась как могла, а они все равно на шкаф сунули и ушли, тебе привет передавали! Ты что, правда их лечил?

– Мам, ну зачем деньги взяла? – Я слегка расстроился. – Ну да ладно: да, лечил. Я же тебе говорил, я вижу то, что никто не видит. И могу лечить людей от порчи. Веришь ли ты со своими дурацкими докторами или не веришь, но это так. Давай-ка лучше сооруди мне яичницу на копченом сале, жрать хочу, аж пищит все...

Глава 2

Я не ожидал такого эффекта. Длинные языки бабулек разнесли весть обо мне по всем уголкам нашего района и даже нашего города (а может, и дальше!). Возле двери нашей квартиры стояла очередь – люди с изможденными лицами, настойчиво и упорно дожидаящиеся того момента, когда они смогут попасть ко мне на прием.

Вначале меня это радовало – ну как же, я помогаю людям! Мной были уничтожены сотни, тысячи «слизней», спасено множество людей – но чего это мне стоило! Нет, быть неким мессией, великим лекарем не только удовольствие и радость, это огромное напряжение и сплошной негатив.

Как сейчас помню – ко мне пришла молодая семья, которая принесла ребенка лет двух. Ребенок, судя по всему, родился с какими-то нарушениями – то ли генетическими, то ли родовые травмы, но отец и мать не сомневались, что он отстает в развитии и уже сейчас ясно, что будет идиотом только потому, что на него наслали проклятие.

Никакого проклятия на нем не было – ребенок с признаками психических отклонений, развивающихся по непонятным мне причинам.

Несчастные родители были уверены в том, что я уклоняюсь от лечения их чада, и меня за это надо порицать.

Порицали они вначале матом, а потом попытались меня избить – не вышло, все-таки я лось здоровенный, но, выталкивая их из квартиры, я получил много синяков и царапин – на лице, но больше всего на душе.

Душа моя болела... я даже не подозревал, что в мире столько страданий – эти бесконечные вереницы убогих, больных, страдающих, заискивающих и ругающихся.

Противными были посещения журналистов и различных проверяющих органов – журналисты все время норовили уличить меня в том, что я аферист, который наживается на горе людей, ехидно задавали вопросы с подковыркой, я гнал их, научившись определять этих кадров сразу, с порога.

Кстати сказать. У меня проявилось еще одно странное свойство – коснувшись человека, задав ему определенные вопросы, я мог увидеть какие-то картинки из его жизни. Подобное я видел в старом фантастическом фильме. Герой этого фильма мог определить убийцу, взяв кого-то там за руку или взяв предмет, который человек держал ранее. Насчет предмета не знаю, но вот в том, что можно узнать все о человеке, коснувшись его, я убедился.

Однажды ко мне пришла молодая парочка. Девушка была бледная, некрасивая, толстая, и, ко всему прочему, у нее на шее сидел огромный «слизняк». Ее партнер или жених, не знаю, как его назвать, мне очень не понравился – он был таким лощеным, таким предупредительно-слащавым и демонстративно влюбленным в свою некрасивую подругу, что и без особых способностей становилось ясно: типичный альфонс.

Когда я случайно задел его рукой, в моей голове вспыхнула картинка – толстая девушка с криком падает с высокого этажа дома на асфальт. Он так ясно это представлял, что я увидел это, будто кадры кинофильма. И тут же сцена – этот молодой человек, и рядом голая девица с длинными распущенными волосами, брюнетка, с чувственным губастым ртом, в самом интересном состоянии процесса...

Мне стало неприятно, и я, сделав вид, что хочу получше полечить эту толстушку, выгнал ее парня из квартиры, затем пригласил девушку в гостиную – теперь я тут принимал посетителей, устроив что-то вроде

кабинета психотерапевта или психолога, не знаю, как назвать. Пристально посмотрев на нее, я сказал:

– Знаете, зачем я вас позвал? Я хочу открыть вам глаза. Мне вас стало жалко, и я не люблю, когда подличают.

Девушка грустно улыбнулась:

– Вы про Виктора? Вы не первый мне это говорите. Он меня любит. Я не хочу ничего слышать о том, что он негодяй, которому нужны мои деньги. Папа оставил мне деньги, перед тем как разбился его самолет над Саянами, вот теперь все думают, что на меня набросятся ловцы наследств. И вы туда же, хотите обвинить моего любимого?

– И я туда же. Подумайте – нет ли в вашем окружении девушки с губами, как у Анжелины Джоли, с длинными черными волосами, высокой и стройной? Так вот – он с ней спит. Я видел это в его голове. И еще – я видел, как вы летите с высоты пятнадцатого этажа на асфальт. Не ходите с ним в высотные дома, если будет предлагать.

– Все? – Девушка недоверчиво и сердито смотрела на меня. – А лечить будете?

– Да я уже вас полечил – проклятие снял, вероятно, вы уже стали чувствовать себя лучше, не правда ли? Всего доброго вам, ваш молодой человек вас заждался. Помните про высотные дома...

Я выпроводил девушку, сердито косящуюся на меня, и подумал: «Какого черта я лезу не в свое дело? Ну убьют ее, и что? Если она сама хочет, чтобы это сделали, я-то при чем? И вообще, что я здесь делаю?»

Посмотрел вокруг – мать суетится на кухне, разговаривая с какими-то людьми, в прихожей столик для записи посетителей, в гостиной кабинет для приема, свободен я только в своей комнате, когда запираюсь и не отвечаю ни на какие стуки и крики за дверью.

Уже четыре месяца я снимаю проклятия с людей. Проклятия ли? Что это за «слизни»? Я так это и не узнал. Пытался найти упоминание о них в Интернете, пытался связаться с какими-то экстрасенсами – бесполезно. Экстрасенсы оказались на сто процентов аферистами, в лучшем случае обладающими незначительными паранормальными способностями, никаких «слизней» они не видели и вообще принимали меня за сумасшедшего, перестав отвечать на мои письма или звонки по скайпу. Постепенно я прекратил общение со всеми ними.

Мне все осточертело. Мне осточертела эта квартира, мать с ее разговорами с объявившимися вдруг помощниками организации лечебного процесса, толпы людей, которые, заглядывая в дверной проем, ждали – когда же они войдут в квартиру?

Выйти во двор я не мог – начинали шептаться и цепляться ко мне: «Это он! Это он!» Ко мне подбегали на улице и просили снять проклятие, ночевали на лестнице и в машинах возле подъезда, в ожидании посещения.

Соседи начали писать жалобы. Жалобы дошли до самых верхов, и началось: проверяющие шли потоком, один за другим – первой ласточкой был участковый, который важно вышагивал с папкой по квартире, но, так и не найдя к чему придраться, свалил к себе в опорный.

Пытались прорваться телевизионщики с какого-то местного канала – предупредил мать, чтобы она ни под каким видом их не пускала. Когда они пришли, она обдала их вчерашним супом – слава богу, теплым, потому что уделаны они были с головы до ног и ретировались, угрожая, что так распишут нашу богадельню, что прокуратура нами сразу заинтересуется.

Прокуратуры пока не было – видимо, не успела до нас добратся, но конкретный, серьезный наезд. Проблемы начались однажды в понедельник с молодого человека, который зашел ко мне сгибаясь и

изображая сильную боль.

На нем не было «слизняк», и видно было, что он ненатурально изображает недужного. Взяв его за руку, я четко увидел человека в форме, рядом с которым, улыбаясь, сидел этот парень, вполне здоровый и веселый, и совсем недавно здоровый и веселый, часа два назад.

Посмотрев в глаза парню, я спросил:

– Что, вы штатный сотрудник или так, по велению души пришли разоблачить афериста?

Парень сразу прекратил изображать страдания.

– О чем вы? – Его глаза сделались колючими и настороженными. – Не понимаю!

– Все понимаете. Если ваш начальник хочет действительно что-то выяснить, пусть приходит сам. Или боится?

– Ничего он не боится! – начал парень, тут же заткнулся и покраснел, потом вскочил и выбежал из квартиры.

Его начальник и правда появился – на следующий день.

Он вошел в квартиру с видом хозяина, по его лицу было понятно, что он точно не ждал у порога сутками, да и не собирался – такие люди всегда вне очереди и берут то, что им надо.

– Приветствую. Вы Петр?

Из-за плеча важного чиновника испуганно выглянула моя мать и пожала плечами – что, мол, я могла сделать?

– Я Петр!

Посмотрел на человека – ну да. Этого парня я видел вчера вечером, только он был в милицейской форме – по-моему, полковничьей, а теперь – в дорогом даже на вид костюме, при золотых часах. Лицо умное, смотрит хмуро и хитро, как будто пронизывает взглядом насквозь и заранее знает, что я виноват.

– Так что вы тут устроили, Петр? Прежде чем принять к вам меры, решил узнать получше, что тут происходит, посмотреть на это бесчинство! Кто вам позволил устраивать из квартиры лечебницу? Вы имеете медицинское образование? У вас есть разрешение на практику? Предъявите ваше разрешение! Вы получаете доходы, нигде их не отмечаете, ни в каких декларациях – вы нарушаете закон, и мы вас можем арестовать!

Я стал медленно закипать от злости, глядя на этого холеного борова, по хозяйски топающего по моей квартире.

– Вы, вообще, кто такой? Вы чего тут расхаживаете, как хозяин? У вас есть право врываться в дом, допрашивать, выдвигать обвинения? Шли бы вы отсюда к чертовой матери!

Глаза полковника сузились, его перекосило от злости:

– Значит, так, да? Наглеешь? Сопляк! Я просто тебя уничтожу, вместе с твоим притоном! Бабки берешь и не делишься? Гаденыш! Чтобы каждую неделю по десять штук отдавал! Тогда будешь работать! Нет – я эту свору разгону, а тебя закрою!

– На основании чего закроешь-то? Я и не открывал ничего. Не лечу никого. И кстати сказать, ни рубля в руки не взял!

– Ты не взял – твоя мамаша берет! В среду пришлю парня, вчера который был, чтобы передал десять штук. И так каждую среду будешь отдавать. Все, разговор закончен!

Полковник, нарочито топая, вышел на лестницу, а я, опустошенно закрыв глаза, стал думать – что делать? И правда ведь закроет! И хрен с ним, пусть закрывает. Не хочу больше этот конвейер бед обслуживать. Черт с ним, с этим предприятием, – ошибка была. Найду что-то и получше для заработка. На том и порешил.

Получилось так, что к моменту визита полковника (так я для себя его окрестил) я уже созрел для того, чтобы закрыть предприятие.

Впрочем, как оказалось, полковник имел в виду другое закрытие – по своей темноте я не знал, что на уголовном жаргоне, а также на жаргоне милиционеров, «закреть» – означало вовсе не закрыть предприятие, а нечто худшее...

В среду в дверь заглянул тот самый хорьковатый парень – он нашел меня глазами и спросил:

– Приготовил?

– Нет, не приготовил. Пошли вы на хрен с вашим полковником!

– Вот так, да? Ну пеняй на себя!

Парень исчез, а я продолжил прием «проклятых» людей.

Около пяти вечера я прервался, чтобы поужинать, и уселся на кухне, хлебая щи и заедая их пирожками с мясом, которые очень хорошо пекла мать.

Слава богу – я успел съесть большую тарелку, умять три пирожка, когда в дверь позвонили и обломали мой ужин...

После того как мать открыла дверь, в квартиру ворвались вооруженные люди в камуфляже и стали дико вопить, как будто напали на наркопритон или логово террористов:

– Всем оставаться на местах! Лежать! Стоять где стоите!

Я очень удивился взаимоисключающим командам – как это я буду лежать, если я сижу, и как буду стоять, если не стою? Выяснить данные вопросы решил у главного, громче всех оравшего, тут же получил сапогом в ребра и улегся на полу в позе зародыша – мне было очень больно и обидно, и скоро я все-таки просветился и узнал, что «закреть» означает не ликвидацию предприятия.

А означало оно, что меня вульгарно сажают в милицейскую машину под взглядами сочувствующих и злорадствующих людей и везут в КПЗ, где нормально оформляют задержание по подозрению в мошенничестве и еще по множеству статей, среди которых, слава богу, не было статей по педофилии и изнасилованиям – и за это спасибо важному полковнику.

В «обезьяннике» сидело с десяток людей в разной степени целостности – двое с подбитыми глазами и разбитыми носами обсуждали какую-то Таньку, которая «ввела в блудняк», трое других негромко переговаривались, озираясь по сторонам, еще один... в общем, шла напряженная, активная жизнь.

Меня вызвали довольно скоро – как я и ожидал. Два милиционера – впереди и сзади, повели меня по пыльной лестнице на второй этаж, мимо пахнущего хлоркой и неисправным унитазом туалета, в самый конец коридора, где на двери была привинчена табличка «Начальник Управления общественного порядка Кантирович».

Один из сопровождавших меня милиционеров постучался и, не дождавшись ответа, заглянул за массивную деревянную дверь:

– Товарищ полковник, задержанного доставили!

Меня втолкнули в кабинет, и я оказался перед сидящими у стола тремя мужчинами – полковник так и

был в гражданской одежде, рядом же сидели двое в милицейской форме, майор и подполковник. По их виду, они были давно и глубоко пьяны – рубахи расстегнуты, галстуки отпущены, лица их были красны, а на столе перед ними стояли рюмки и тарелки с лимоном и бутербродами.

– Ну что, наглец, вот я тебя и закрыл! Предупреждал же! Видите, ребята, каков наглец – я пришел к нему по-доброму, предупредить, помочь, а он меня на хрен посылает! – Полковник встал, обошел стол и, споткнувшись о ножку шкафа, заорал: – Ты кто такой, гаденыш, чтобы противиться мне, Кантировичу?! Да я тебя сгною! Да я тебя!.. – Он размахнулся и врезал мне в скулу, разодрав кожу перстнем и отбросив в угол, на пол.

Я был в наручниках и, упав на спину, испытал невероятную боль – похоже, руки мои распухнут потом до размеров бревен. От ярости и боли я зарычал, и мне страшно захотелось убить этого подонка, захотелось стереть улыбку с его поганой морды, и тут со мной что-то случилось – мозг вспыхнул огнем, и из меня что-то полезло, как будто мозг выдавливал из себя нечто черное, гадкое... Это гадкое лезло, лезло и вдруг обернулось «слизняком» размером с футбольный мяч!

Этот «слизняк» метнулся как кошка и шлепнулся на голову полковника – тот охнул и схватился за темечко.

– Ну, пацаны, говорила мне мама – не пей, не пей больше! Не слушал ее! Что-то у меня голову сжало, как обручем. – Полковник проковылял на место и уселся, глядя в стену бессмысленными глазами. – Давно так голова не болела. У вас не болит, ребята? Может, погода меняется?

– Да нет, вроде бы не болит, – ответил один из собутыльников и зашептал: – Слушай, ты бы не связывался с этим типом, все-таки экстрасенс, говорят... найдет еще какую-нибудь гадость...

– Да пошел он! Это обычный аферист, никакой он не лекарь – я следил за ним. Бабки греб лопатой – делиться не желал! Вот теперь пусть посидит. Ну что, еще по одной?

– Нет, мы пойдем домой, хватит. Нормально посидели. – Подполковник с сожалением поднялся и кивнул на меня: – А с ним что будешь делать, правда его закроешь?

– Закрою, теперь куда деваться, обязательно закрою! Щас оформим, и в СИЗО... пусть посидит полгода, подумает, кто тут хозяин.

Я лежал в углу, смотрел на хозяина кабинета, на его друзей и пытался понять: что случилось? Как я выпустил эту гадость из себя, и почему у меня вдруг перестала болеть отбитая скула? Почему у меня зажили ссадины на руках, скованных наручниками, руки не болят, и вообще – я чувствую себя великолепно, в отличие от этого негодяя, как вижу!

А негодяю и правда было плохо – он с трудом поднялся, потирая виски руками, подошел к внутреннему телефону и сказал в него отрывистым и грубым голосом:

– Быстро сюда помощника – задержанного отправить в СИЗО! – Потом полковник положил трубку, снова уселся за стол и стал сверлить меня тяжелым взглядом. – Сгною тебя! Будешь сидеть в СИЗО и полгода и год – пока не начнешь соображать, как себя вести, и не приползешь ко мне на коленях! Буду узнавать время от времени – как ты, не готов ли уже работать как следует, как надумаешь – скажешь. А пока посиди. Там сейчас хорошо... курорт! – Полковник усмехнулся, явно зная что-то интересное о следственном изоляторе, и отвернулся, потирая виски.

Я молчал и смотрел, как на его голове пульсирует черный как уголь футбольный мяч. Толстая черная нить тянулась ко мне, и я думал – теперь я знаю, куда и зачем тянутся эти нити. Сколько же нас таких? Сколько людей питаются чьей-то жизнью? Откуда вообще взялась у меня эта способность? Ответа не было.

Серый автозак втянулся в унылый двор, меня вывели из машины с обязательными словами – «Руки за спину! Смотреть вперед!» и повели по длинным коридорам, выкрашенным синей краской.

В дежурке скучный толстый капитан оформил мой прием, забрал все, что у меня было в карманах (а у меня там и ничего не было), шнурки из кроссовок, и вот я уже снова шагаю по коридорам и переходам СИЗО к своему пристанищу на ближайшие недели и месяцы – камере сто тридцать четыре.

Вот в этой-то камере я и узнал, что такое ад на земле.

Переход от роли мессии к роли заключенного был настолько стремительным и шокирующим, что мой мозг до конца так и не смог это осознать, особенно когда открылась дверь в «преисподнюю» номер сто тридцать четыре и перед глазами предстал он, ад: в камере, предназначенной для двадцати человек, находилось восемьдесят.

До сих пор я не понимаю – зачем засовывать в тюрьму всех без разбора? Ну ладно я, меня засунули туда специально, как бы попрессовать, нет, не как бы – а точно попрессовать, но эти-то – мелкие мошенники, воришки, семейные дебоширы и пьяницы – им-то что там делать? Почему судебная система работает так, что эти люди, еще не осужденные, должны месяцами находиться в диких условиях, фактически быть наказанными с недоказанной виной? Нет ответа у меня и никогда не будет.

Это тесное помещение было заполнено клубами дыма, тут курили, и дыму некуда было уйти – он висел под потолком тяжелой полосой, во влажной жаре, как туманные испарения каких-нибудь африканских или южноамериканских болот.

В этом дыму лазили полуголые, мокрые от пота люди, с блестящими от лихорадки, жары и бессонницы глазами, мои будущие товарищи по несчастью – только вот товарищами их называть было совсем нельзя, это точно.

Мое появление в камере было воспринято никак – на меня почти не обратили внимания, хотя я ждал, что будут сейчас докапываться, – я не вращался в кругах близких уголовным, но кино-то смотрел, а наши киношники любят смаковать всякие подробности из жизни эзков.

Стал лихорадочно вспоминать – как мне себя вести, и громко поздоровался с камерой:

– Приветствую! Кто старший, с кем говорить?

С завешанных тряпками нар слез молодой парень с одутловатым лицом и протянул мне руку.

– Давай здороваться, что ли?

Я заметил заинтересованные взгляды окружающих и почуял неладное – не стал с ним ручкаться, а еще раз спросил:

– Кто старший в камере?

Одутловатый не отставал:

– Что, тебе запахло здороваться со своим товарищем?

– Цыц, Мурка! – откуда-то издалека, от окна раздался жесткий голос, и на нарах присел мужчина лет сорока, по пояс голый, весь в наколках. – Иди сюда, парень.

Я прошел к нему, и мужчина, посмотрев на меня, спросил:

– По какой статье чалишься?

– Мошенник, говорят... – недоуменно развел руками я.

– Ага, значит, сто пятьдесят девятая, часть какая?

– Третья.

– Значит, крупный размер. А чего без барахла, если крупный? Сидора нету?

– Нет. Вот что на мне, в том и привезли. Из дома взяли, даже одеться не дали.

– Ну тут одеваться тебе не особо к чему... скоро раздеваться будешь. Чуешь, какая тут температура?

И правда, в камере была удушающая жара – люди были покрыты каплями пота, стояла вонь, идущая от грязных тел, от носков, от параши – хотелось блевануть от этой вони, но так было бы только хуже.

Еще заметил – как минимум половина заключенных были со «слизняками», и тот, кто со мной говорил, тоже. Его «слизняк» сидел на руке, которую тот, морщась, время от времени потирал.

– А за что тебя взяли? Что шьют-то?

Уже потом я понял, что смотрящий «упорол косяк» – нельзя заключенного расспрашивать о том, что ему вменяют, – могут принять за «наседку».

– Я с людей проклетие снимал, ну как бы лечил. Ну а полковник Кантирович решил, что я должен ему платить. Я не захотел.

– Правильно. Нечего красноперым бабло отдавать! Надо на общак платить, а не этим боровам!

– Да мне и нечем было платить, я денег за лечение не брал. Матери продукты давали, может, какие-то деньги, но я сам ничего не брал.

– Ага! Типа – народный целитель! Слыхал я, если они бабки берут за лечение, у них способности пропадают! Интересный ты парнишка! Погоняло есть? Нет? Будешь... будешь... Колдун! Во – Колдун! Я Лысый, смотрящий за этой хатой, от воров поставлен. Значит, так – живи мужиком, там посмотрим. Если что пришлют с воли – отстегивай на общак, и все будет нормально. Наша хата по понятиям живет, так что тебя никто не тронет, если сам не накосячишь. Правильно, что ты с Муркой не стал здороваться, он здешняя машка, поздоровался бы – зашкварился. В семью вступать будешь? Вон там ваши кучкуются, семьей – мошенники и аферисты. Народ зажиточный, справный. Главный в семье Профессор – вон он сидит, видишь? Строительством занимался, народу кинул море. Можешь к нему подойти, он тебе место покажет, скажи – в семье хочу быть. Ты еще, вижу, темный совсем, законов не знаешь, скажи – я велел тебя ввести в курс дела, законы рассказать, чтобы ты не накосячил. И не дрейфь, первый раз все стремятся, а потом привыкают. Шагай к нему.

Лысый закончил речь, важно откинулся на постель и закрыл глаза, а я пошел в дальний угол камеры к сидящему на нижней шконке мужику лет тридцати пяти, с темными глазами и располагающей внешностью, немного похожему на капитана Немо из кино.

Подумалось – аферисту нужно иметь располагающую внешность, на то он и аферист.

– Добрый вечер. Лысый сказал мне подойти поговорить. Я – Колдун, такое погоняло Лысый дал.

– Привет. Я Профессор. Хочешь вступить в семью? Ты вообще первый раз попал на нары?

– Да, первый. По сто пятьдесят девятой.

– Да понятно, потому Лысый и прислал тебя ко мне. Вроде как пацан ты правильный, иначе Лысый бы ко мне не отправлял, но расскажи о себе – присаживайся на шконку. Поговорим, потом определимся, как и что.

Я снова пересказал уже Профессору – за что, какая статья, кто виноват в том, что я тут завис, и он выдал свое резюме:

– Да понятно. Наш человек. Я не спрашиваю тебя, за дело ты тут паришься или просто по беспределу –

тут все безвинные. Давай я тебя в курс дела введу, что тут и как.

Профессор полчаса рассказывал мне об основных правилах поведения в СИЗО, о законах уголовного мира, о правилах поведения и закончил с усмешкой:

– Вижу тоску в глазах – не горюй, первая ночь в камере всегда самая страшная, потом привыкнешь. Занимай верхнюю шконку надо мной – нижних нет, народу полно. Что, белье не выдали? Завтра дежурного озадачим. Там есть матрас, подушка – спать есть где. Правда, тяжеловато будет тебе в первую ночь... Ну давай отдыхай. Успеем наговориться...

Первая ночь и правда была тяжелой – горела лампочка за стальной решеткой, бросая тусклый свет на ободранные стены, на лежащих заключенных – кто-то спал, кто-то разговаривал, потихоньку бубня, кто-то стонал во сне... На многих из них я видел «слизней», высасывающих жизнь.

Сизый табачный дым не хотел куда-то уходить и ядом впитывался в одежду, обувь, постели... Было страшно и противно. И тоскливо.

Пытаясь заснуть на грязном матрасе, я заставил себя думать не об этой неприятной действительности, а о том, что происходит с моими магическими способностями, например, откуда взялся «слизняк», который вылез из меня и набросился на полковника? Вот и сейчас я видел нить, которая шла ко мне в голову – черная, матовая, как будто поглощающая свет.

Физически я чувствовал себя прекрасно – не беспокоили никакие боли, даже не мучил голод, хотя я и ел много часов назад, все раны и ушибы зажили. Откуда-то я знал, что полковнику сейчас очень, очень худо! И это меня радовало... Нет, я был не злым человеком, скорее наоборот, но у меня обострено чувство справедливости – с детства я очень остро и болезненно воспринимал любую несправедливость, и лишь врожденная логика и осторожность останавливали меня от резких, непродуманных действий. Так что пусть помучается – заслужил.

Еще я сделал вывод, который напрашивался сам собой: каждый «слизняк» – это производное от такого, как я. То есть в мире есть какие-то существа, которые выпускают таких вот «слизняков», и те присасываются к людям, выпивая из них жизнь и здоровье. С горечью подумал: «Если бы мои способности проснулись раньше, года два-три назад, ведь тогда папа был бы жив... Я бы снял с него эту пакость, и он сейчас был бы дома, смотрел телевизор, смеялся и, когда я не вижу, хлопал бы мать пониже талии, после чего она, хихикая и притворно сердясь, кричала бы на него: «Дурак! Мальчишка увидит!»

Судя по нитям – людей со способностью высасывать энергию было много, очень много! Мне показалось, что на улице как минимум каждый третий был захвачен «слизняком». Скорее всего, конечно, это было не так: посоображав, прикинув, я решил – где-то процентов десять, это будет точнее. В больнице – да, там уже приближалось к девяноста процентам, но это и понятно, в больницы сходились все больные. Тут, в камере изолятора, тоже было много захваченных «слизнями» – процентов сорок, не меньше. Опять подумалось – почему я ни разу не видал, как чужой «слизняк» нападает на свою жертву? Поразмыслив, пришел к выводу: просто не довелось. Увижу еще.

Утро началось с криков, проверки, суеты, завтрака – жрать хотелось невероятно, сутки уже ничего не ел. Белье мне все-таки выдали – передали в кормушку.

Жратва была, конечно, отвратная (какой ей быть в тюрьме?), даже упоминать ее не хочу.

После того как все успокоилось, стал знакомиться со своей «семьей» – так называют в тюрьме группы заключенных, объединенных по статьям или местечковому признаку; это я уже знал, откуда – не помню, читал где-то. Они поддерживают друг друга, делятся передачками, защищают от других сокамерников – как бы некий коллектив образуется.

В «семье» было шесть человек, я седьмой. Народ все больше благообразного вида, умные, образованные, начитанные – настоящие аферисты. Те граждане, что в основной своей массе заполняли камеру, им и в подметки не годились по интеллекту – мошенники были своеобразной элитой преступного общества. Оно и понятно, отнять у государства или человека деньги без каких-то физических действий – это надо иметь большой ум.

Они опять наставляли меня, как себя вести, ведь за косяки члена «семьи» отвечает вся «семья», но она же за него и заступает, если что случится.

После того как перезнакомился со своей «семьей» и рассказал, как тут оказался, – вкратце, конечно, без подробностей, я лежал на своей шконке и лихорадочно думал, как отсюда выбраться. Получалось – меня могут держать годами в этом аду, даже возникли мысли о том, не лучше ли сдаться полковнику и дожидаться, когда он «крякнет», чтобы от него освободиться. Но у меня вскипала злость, и в ней растворялись все разумные мысли – хрен ему, не сдамся!

Видимо предполагая что-то подобное, скорее всего через администрацию тюрьмы, ко мне прислали «уговаривающих». Началось это с визита мордворота с тупой харей, ростом метра два.

Он подошел к моей шконке и дернул меня за штанину (раздеваться я не хотел, хотя и страшно потел в одежде – противно было касаться тюремного белья).

– Эй ты, Колдун! А ты чего это развалился тут на шконке и совсем бесплатно? Платить за шконку кто будет? Слезай, базарить будем!

Сердце у меня замерло – ну вот, поехало! Драться я не особенно умел – хотя силой не был обижен, как и ростом, но детина был на полголовы выше меня – этакий раскормленный боров. На его теле было много наколок, но, похоже, авторитетом он не пользовался – типичный баклан, или «торпеда», – хулиган, в общем.

Я посмотрел на угол Лысого – тот якобы ничего не замечал, и я понял: санкционировано. Вот тебе и правильная камера... болтуны хреновы, везде болтуны – и на воле и в тюрьме.

Чего-то подобного этому наезду и ожидал... только не думал, что это будет так быстро. Хотя – почему не быстро? Куй железо, пока горячо, на месте этого полковника так бы и сделал: пока я тепленький, первый день в СИЗО, деморализован, голоден – тут только и дави!

Опять меня ярость охватила – не дамся! И подумалось – чего это я стал такой резкий? Ну платил бы уроду, как все платят, да и все! Но ведь я не ларек держу, да и не рвал я бешеные бабки, если честно – даже не знал, сколько мать берет. Как-то стыдно было спрашивать, типа – я святой, денег не касаюсь! Усмехнулся – чего себя-то обманываю? А для чего тогда я это все затеял? Для святости? Жрал-пил всласть, одевался-обувался – на какие деньги?

– Чего лыбишься? – недоуменно спросил мордворот. – Платить за шконку будешь?

– Кому платить? – спокойно спросил я.

– Мне, – хохотнул мордворот, – кому же еще?

– А почему тебе? Ты кто такой?

– Я – Зубило! Платить будешь мне!

– То есть ты не считаешься с авторитетом смотрящего и присваиваешь себе по беспределу деньги, которые я не обязан платить?

Зубило опешил:

– Какому беспределу? Ты – лох педальный, и ты должен платить! Клади сюда штуку и спи себе на шконке. Штуку в неделю.

– Беспредельничаешь. Мне вчера Лысый сказал, что тут не платят, здесь соблюдают воровские законы, а раз ты идешь против него, значит, ты нарушаешь закон. Ты против воровского закона?

Мордovorот захлопал глазами:

– Метла у тебя чисто метет... ладно, твоя взяла. Но на тебя воровской закон не распространяется – ты лох! А если надо будет, я отвечу перед ворами! Отказываешься платить, чмо болотное? – Урод схватил меня за лицо своей грязной, вонючей ладонью, которой только что лазил в паху, и толкнул назад так, что я ударился головой о шконку.

У меня перед глазами завертелись огненные круги...

Такой ненависти и ярости я не испытывал давно – что-то щелкнуло у меня в голове, и мой взгляд стал осязательным, весомым, как будто это был не взгляд, а огромное бревно, вылезавшее из моего черепа.

Бандит глупо улыбнулся, потом упал на колени и заскулил, схватившись за голову, а я наклонился к нему и тихим, страшным голосом сказал:

– Уходи и никогда ко мне больше не подходи – меня нет! Иначе ты умрешь страшной смертью!

Бандит кое-как поднялся с пола и, шатаясь, поплелся прочь от меня, не разбирая дороги, налетел на стол, опрокинув кружки заключенных, поедающих что-то из сидоров, доплелся до параша и выблевал туда все, что получил в желудок во время завтрака.

Я сел на шконку Профессора и замер, вцепившись в край кровати, – меня трясло, лихорадило. Оглянулся на лежащего афериста и заметил, как он почему-то вздрогнул.

– Колдун, а ты ведь правда колдун! Слушай, а чего у тебя с глазами?

– А чего с глазами? – постепенно успокаиваясь, выдавил я.

– У тебя зрачки во весь глаз! – Профессор настороженно посмотрел мне в глаза и заметно расслабился. – Нет, уже нормально. Может, показалось? Ну ты и напугал меня! А чего этот придурок так бросился от тебя? Впрочем, понимаю. Если уж я рядом напугался, то он, глянув в твои глаза... Так что, ты и правда экстрасенс?

– Правда. Снимаю порчу.

– А с меня можешь снять? – заинтересовался Профессор. – В тюрьме скучно, все какое-то развлечение...

– А на тебе нет порчи. Не вижу. А вот на многих тут – висит. Только снимать с них не хочу – с какой стати?

– Интересно! – опять восхитился мужчина. – А в нашей семье есть порча у кого-нибудь? Эй, мужики, айда сюда – Колдун сейчас порчу снимать будет с вас!

Мужчины, принадлежавшие к нашей «семье», зашевелились и собрались на шконке Профессора.

– Сейчас Колдун посмотрит и определит, есть ли на вас порча. Давай, парень!

– На двух. Вот на нем, – я указал рукой на полненького мужчину в очках, у которого на поясице сидел здоровенный «слизняк», – и вот на нем. – Я показал на высокого, с интеллигентным лицом худощавого мужика, даже здесь умудрявшегося сохранять вид, как будто он только что вышел из салона красоты. На нем «слизняк» сидел на животе, подумалось – или рак начинается, или язва.

– И где у них порча? Что болит? – У Профессора от удовольствия сверкали глаза – такое развлечение, и все бесплатно! – Можешь сказать?

– Вот у него, скорее всего, сильные боли в пояснице, а вот у него – или желудок больной, или кишки.

– Ну-ка, ну-ка... Он правильно говорит, парни?

Аферисты-мошенники ошеломленно покачали головами – да, верно.

– А снять порчу можешь? Для своих корешков? – Профессор внимательно смотрел мне в глаза. – Реально можешь?

– Могу. Сейчас сниму. Идите сюда.

Мужчины, на лицах которых застыло недоверчивое выражение, встали с мест и подошли ко мне. Я легко коснулся «слизней» рукой, они лопнули как обычно и исчезли.

– Все. Порча снята.

– И что, вот так, махнул рукой, и все? – разочарованно протянул Профессор. – Я-то думал, что-то более зрелищное будет!

– Я что, должен был бить в бубен, скакать полчаса орангутаном и потом только объявить, что порча снята? – Меня разобрал смех, и я тихонько засмеялся, поддержанный Профессором и своими «соратниками».

– Ну да, что-то вроде этого! Вообще, когда выйдем, и ты снова начнешь свою аферу, приходи ко мне за консультацией – ты совершенно не умеешь подавать свое дело в нужном ракурсе! Где длинные патлы, где демонические причиндалы вроде хрустальных шаров и магических метелок? Ну какой уважающий себя бизнесмен отвалит тебе приличный кус? Так и будешь кусочничать со своей мамашей! Эх, молодежь, учить вас и учить! А как они почувствуют, что порча снята?

– А они уже почувствовали, не правда ли? – спросил я полеченных мужчин. – Поясница не болит, живот тоже, да?

– Правда... я давно так хорошо себя не чувствовал, если забыть, что я на нарах, – с удивлением выговорил высокий мужик, вроде как его звали Владиславом, насколько я помнил. – Раньше как кол в желудок вставили, а теперь вообще ничего, как у младенца! Силен парень!

– Да, я тоже чувствую, – добавил толстячок. – Слушай, как выйдем отсюда – предлагаю сделать клинику! Будем обслуживать VIP-клиентов, денег будет море!

– Стоп-стоп, забито! – хлопнул ладонью Профессор. – Я и без вас парня пристрою к делу. Кстати, мы можем подзаработать и тут – есть желание? Будешь снимать порчу с братвы – будем брать продуктами, деньгами, все на семью. Чаем будем брать, сигаретами – мы такую развернем деятельность! Я все организую, комар носу не подточит! Согласен?

Я не раздумывал ни секунды: одно дело – ты залетный лох, без всякого статуса в этом сообществе, и другое – нужный человек, считай, лекарь.

– Давай организовывай. Вы обеспечиваете мне прикрытия, ну а я снимаю порчу. Все заработанное на общак в семью.

– Молоток! – восхитился Профессор. – Только это, учти – некоторых, кого покажу, будешь лечить бесплатно – это смотрящий и его приближенные, а также воры и авторитеты, которые тут, в СИЗО. Политика, сам понимаешь. Типа ты на общак лечишь. И еще – будем долю в общак хаты засылать, иначе работать не дадут. Все, сейчас я договарюсь с Лысым!

Профессор вскочил с места и пошел к смотрящему – они долго что-то обсуждали, потом смотрящий важно кивнул, и Профессор с довольным видом вернулся назад.

– Ништяк все! Десять процентов на общак, смотрящему, его и его свиту лечим бесплатно, и он нам еще подсылает людей на предмет осмотра и лечения! Вот развлекуха, и питание будет нормальное! Сейчас мы их раскрутим!

По одному потянулись страждущие – Профессор брал с них то банку тушенки, то денег пятьсот рублей, то пачку чаю – тут продукты, особенно чай, были дороже денег, пачка чая стоила как раз те пятьсот рублей.

К вечеру у нас набралась приличная мзда, пересчитав которую Профессор отделил долю на общак и отнес Лысому. Вернувшись, с удовлетворением сказал:

– Да-а-а... хороший бизнес! Повел рукой – и вот тебе капитал. Айда чай пить – сейчас сварганим!

Профессор со товарищи торжественно достали откуда-то жестяную банку. Налили туда воды из-под крана и стали варить чифир кипятильником – я никогда до того не пробовал эту гадость. Но пришлось... Потом мы плотно поели – люди «семьи» были довольны свалившимся с небес угощением, и я снова забрался на шконку.

Так тянулись мои дни – иногда ко мне приводили людей из других камер, и я снимал с них порчу, дважды выводили к каким-то охранникам – прознав о моих способностях, они потребовали, чтобы их тоже лечили от порчи, – но меня все не вызывали и не вызывали по моему делу, как будто решили похоронить в этой живой могиле.

Я иногда разговаривал с Профессором, и он подтвердил мои опасения: меня могут держать в камере по беспределу месяцами, стряпая заново и заново различные бумажки – мозг человека всегда был изощрен в подобных гадостях.

После начала моей карьеры тюремного лекаря я был, можно сказать, если и не в авторитете, то в немалом уважении – на меня больше не пытались напасть, а тот, кто попробовал наехать, исчез в тюремной больнице, и, по слухам, то ли умер, то ли ушел на волю инвалидом.

Я получил репутацию колдуна, черного колдуна, который может не только снимать порчу, но и напускать ее. Впрочем – а разве это было не так? Кроме того, за меня горой стояли «семья» и смотрящий со своими прихлебателями – они тоже имели с меня довольно хороший доход.

Передачи я не получал – уверен, что моя мать пыталась проникнуть ко мне и что-нибудь послать, но ей отказывали под любым предлогом. Как потом выяснилось, так все и было...

В один из дней дверь камеры с лязгом открылась, вошли двое охранников и выкрикнули мою фамилию.

Я от неожиданности даже вздрогнул, потом облегченно вздохнул и сказал Профессору:

– Наконец-то хоть что-то определится.

– Ну-ну... на всякий случай – удачи, Колдун! Если в камеру не вернешься, запомни номер сотового, он простой. – Профессор быстро продиктовал мне номер. – Состыкуемся, если что.

Охранники, как ни странно, спокойно смотрели, как я прощаюсь с сокамерниками, и не торопили. Все-таки слава черного колдуна имеет свои преимущества – вдруг порчу напустит?

Заложив руки за спину, я пошел за ними по коридору, после процедур оформления снова отправился в автозак, и через два часа меня вели по вонючему коридору к знакомому кабинету, с которого началось мое путешествие в тюрьму.

Конвоир толкнул дверь, спросил разрешения, и второй конвоир подтолкнул меня в спину, перед светлые очи хозяина кабинета.

Очи были и правда светлые, да и хозяин очень уж сильно побелел. Он был бледен, изможден и тощий как палка, одежда висела на нем, как на вешалке, на голове пульсировал мой «слизняк», выкачивая силу и перекачивая в меня.

Все эти месяцы, что провел в СИЗО, я чувствовал, как тают силы полковника и поддерживается мое здоровье. Я бы не удивился, если бы узнал, что и лет жизни у меня прибавилось, а у полковника сократилось.

– Что, доволен? – Лицо полковника задергалось в нервном тике и перекошилось. – Проклятый колдун! – Полковник достал пистолет, передернул затвор, дослав патрон в патронник, и направил ствол на меня. – Я сдохну, но и ты сдохнешь, тварь! – Он выстрелил, целясь мне прямо в грудь, дважды нажав спусковой крючок.

Как будто страшный молот обрушился на мое плечо и грудь – одна пуля разбила мне ключицу, а другая пробила легкое, и изо рта у меня фонтаном хлынула пузырящаяся кровь.

Последнее, что я увидел, это как мой «слизняк» раздулся раза в три и запульсировал с такой скоростью, что его пульсации перестали быть видны, такое впечатление было, что он просто завизжал, перекачивая энергию от полковника ко мне. Это меня спасло, а полковника убило – фактически он убил самого себя, заставив мою черную сущность активизироваться в попытке очень быстро восстановить мое здоровье, конечно, за счет его жизни, а жизни оставалось немного – за два с половиной месяца «слизняк» успел разрушить его организм.

Полковник умер на месте, но я этого не видел, потеряв сознание.

Очнулся я уже в больнице, под охраной милиционеров, стоящих в изголовье, и первое, что увидел над собой, – шар головы следователя.

– Очнулся? Давай поговорим с тобой, расскажешь, как дело было. – Капитан милиции сидел рядом со мной и с интересом смотрел на меня. – Самое главное, скажи мне, как это получилось, что в тебя всадили две пули калибра девять миллиметров, а ты остался жив, и при этом раны твои выглядят, как будто ты был ранен лет десять назад? А? Пояснишь? Пули остались в тебе и каким-то образом зависли в теле, не мешают тебе жить. Как это может быть? И вообще, с чего вдруг полковник стал в тебя стрелять чуть ли не с порога? Тут ходят странные про тебя слухи – информация просто потрясающая, как в передаче про таинственные явления на РЕН-TV... Ну так что, пояснишь мне что-то?

– Ну а что пояснять-то? – с недоумением сказал я. – Ну начал этот ваш придурок стрелять в меня, почему – не знаю. Я упал, очнулся... хм... ну не гипс, да, палата вот эта. Сами-то вы хоть знаете, что с ним случилось, почему он спятил?

– Знаем, – неохотно ответил после непродолжительного молчания капитан. – У него был рак мозга в последней стадии, скоротечный, с метастазами везде, где только можно и нельзя. Так почему он стал в тебя палить?

– Извините, ну вы же взрослый человек, у человека рак мозга, он медленно или быстро сходит с ума – я-то как вам могу пояснить, что было у него в мыслях?

– Да, мне говорили сотрудники СИЗО, что ты умеешь говорить, сокамерники о тебе докладывали. Но также они докладывали, что ты там занимался снятием проклятий, и вроде как они боялись, что ты можешь их насылать, это так? Фактически ты можешь убивать людей, насылая на них проклятие, на расстоянии, и так, что все будут считать это естественной гибелью. Это верно?

Я замер. Внутри у меня похолодело, я разглядывал гладкое лицо следователя, его короткую спортивную прическу и соображал – тут что-то не то! Как они меня вычислили?! Потом в голову пришла мысль: это не следователь.

– Вы кто такой? Покажите мне свои документы, удостоверение там или еще что-то, иначе дальше я с вами не буду разговаривать!

– Вот мое удостоверение. – Следователь достал красную книжечку и помахал ею перед моим лицом. – Ну что, успокоился? Решил, что тебя бандиты, что ли, похитили? Нет, братец, бандитам мы тебя не отдадим. Знаем мы все про тебя – знаем, как лечил в своей квартире, как полковник на тебя наехал, знаем, что ходил ты к психиатрам в больницу, – засветился ты по полной, и деваться тебе некуда. Поступаешь ты в отдел специальных мероприятий при... хм... да не нужно тебе это знать, где это «при». А что ты будешь делать, наверное, догадываешься. И давай без глупостей, твоя мать сейчас находится у нас, и, если ты взбрыкнешь, попытаешься, например, наслать проклятие на меня или на других сотрудников, твоя мать погибнет. Смотри сюда. – «Следователь» достал из сумки планшетник, пощелкал клавишами, и на экране появилось лицо моей матери.

– Сынок, со мной все в порядке, я нахожусь в хорошем месте, обо мне заботятся. Пожалуйста, сделай все, что они просят. Я тебя люблю, и мы скоро увидимся.

Мать говорила монотонно, как неживая, похоже – ее напичкали какими-то наркотиками или психотропными средствами. У меня заныло сердце – единственное, на чем они меня могли взять, это мать. И они поймали меня...

«Следователь» закрыл планшетник и доброжелательно, практически любовно сказал:

– Не беспокойся, все будет нормально! Ты получишь все, что хочешь, будешь жить в достатке, получать деньги на счет. А когда отработаешь положенное время – тебя отпустят, здорового и веселого! Будешь жить-поживать на свои денежки с мамой и с кем там захочешь, и все, никаких проблем! Ну все, отдыхай, а наши ребята тебя пока постерегут, чтобы ты чего-нибудь не выкинул, говорят, ты парнишка хоть и тихушник, но строптивый, как черт. Отдохни, а завтра врачи тебя посмотрят и скажут – в каком ты состоянии и можно ли начинать с тобой работу. Какую работу? Увидишь. Теперь ты боец спецподразделения «Ночь». Гордись!

«Следователь», усмехнувшись, вышел из комнаты, а я с горечью подумал: «Вот на хрена мне это все надо было? Ну зачем, зачем я полез обеими своими погаными ручонками в тот телевизор? Иииииэээххх...»

Глава 3

Долго я в палате не залежался, меня поволокли на обследования – брали кровь, просвечивали мозг, руки-ноги, все тело мое исследовали, будто я подопытная собачка, и не отвечали ни на какие вопросы.

Я вообще не знал, где нахожусь – то ли в подземелье, то ли высоко над землей, а может, под водой, да черт их знает! Эти гребаные врачи – или не врачи? – молча, как автоматы, бегали вокруг меня и только подавали однообразные короткие реплики: поддержи то, поддержи се, наклонись, выпрямись, не дыши – дыши.

Аппаратура, которую они использовали, была мне незнакома, одно было ясно: эти приборы очень дорогие и вряд ли стоят в районной больнице города Заплюевска.

Столько исследований мое тело не видело никогда – тем более что я и болеть-то не особо болел...

В конце всех процедур меня повели в небольшую комнату, обставленную аскетично, но стильно – кресла из белой кожи, столик из толстого темного стекла, какие-то картинки на стенах – все в тон, все нарядно и даже на вид дорого. Там сидел приятный мужчина лет пятидесяти, с седоватыми волосами и голубыми пронзительными глазами, смотревшими весело и немного с насмешкой.

– Приветствую вас, молодой человек. Вас звать Петр, насколько мне известно. Меня – Алексей Федорович. Я куратор по паранормальным явлениям группы «Ночь». Присаживайтесь, поговорим. Итак, насколько я знаю, вы обладаете способностью напускать порчу на людей, с тем чтобы они теряли здоровье и умирали. Расскажите мне с самого начала – откуда у вас взялась эта способность? Чувствовали ли в детстве свою необычность? Были ли у кого-то в вашем роду аномальные способности? – Он расположился поудобнее и закинул ногу на ногу. – Не спешите, у нас много времени – рассказывайте все, с самого начала.

И я рассказал. Все. Или – почти все. Зачем им знать, что я могу видеть картинки или же что я могу взглядом остановить человека? Чем больше у меня есть неизвестных им способностей, тем сильнее я буду против них. Никакой уверенности в том, что спецслужбы – а это были именно они – отпустят меня хоть когда-нибудь, у меня не было совершенно. Да, я никогда не сталкивался с ними (если только в булочной, в дверях), но о том, что войти сюда можно, а выйти нет, рассказано в тысяче книг и документальных свидетельств. Нет бывших шпионов, как нет бывших ментов – профессия навсегда накладывает отпечаток на человека.

В общем, я рассказал ему про «слизняков», про лечение, про напускание «слизняка», только сразу предупредил, что напускать осмысленно я не могу – у меня получилось это один раз, и то когда я был в страшной ярости и ненавидел этого человека. Поэтому, скорее всего, пользы от меня будет мало. Вот снять «слизня» – пожалуйста, а напустить его – это не очень-то в моих силах.

Выслушав мой рассказ, куратор недолго помолчал, потом усмехнулся как-то грустно и сказал:

– Мы тебе поможем развить свой талант – хочешь ты этого или не хочешь, не беспокойся. Мне кажется, ты парень неглупый и даже себе на уме, так вот, я без обиняков сразу хочу тебе сказать: жизнь твоей матери зависит от того, как ты себя поведешь. Пока ты слушаешься – жива и она, если мы придем к мнению, что ты бесполезен, что ты сопротивляешься обучению и нашим указаниям – матери будет плохо, а тебя могут выкинуть с промытыми мозгами, с лоботомией на улицу. Мы же не можем оставить на свободе – и не на свободе тоже – здорового колдуна-монстра, способного убить любого человека, в том числе из руководства страны. Или ты у нас под контролем и подчиняешься нашим указаниям, или ты умираешь, превращаясь в овощ, исчезаешь. Тебе это понятно? Помнишь кино «Никита»? Так вот, ты сейчас наша Никита, более того – от тебя зависит жизнь твоей матери, и, если надо будет тебя сломать, мы

ни минуты не будем колебаться и сделаем это с помощью твоей матери, используя ее. Извини, Петр, таковы правила игры. Ты не в то время и не в том месте... сунул пальцы в розетку. Мне жаль тебя, но, если нужно будет для дела, я лично перережу горло тебе и твоей матери.

– И после этого вы говорите, что наше государство правовое и что у нас все по закону? – со злобной досадой выдавил из себя я, кипя от бессильной ярости. – А что будет, если я сейчас напущу на вас порчу и вы будете умирать в корчах много дней, зная, что никто не сможет ее снять? Вот прямо сейчас напущу – не боитесь?

– Боюсь, – спокойно сказал куратор, – но это моя работа, а если ты это сделаешь, твою мать убьют медленно и мучительно, и покажут тебе фильм, как это делали, и ты запомнишь на всю жизнь, как убил свою мать. Если тебя оставят жить. Кроме того, найдут всех твоих родственников – да что их искать? Все они известны. Тетки, двоюродные и троюродные братья – погибнут все. Фактически их убьешь ты. Ты все еще хочешь напустить на меня порчу?

– Хочу. Но не напущу. Я вас ненавижу, вы даже хуже этого сраного полковника – он был просто мздоимцем, подлецом, а вы реально нелюди.

– Согласен. Иногда я сам себя ненавижу... а что делать? Так получилось. Ты не один в группе, там есть еще люди с паранормальными способностями – гипнотизеры, экстрасенсы... не те придурки, что устраивают клоунады на телевизионном экране, нет, настоящие экстрасенсы, ты с ними познакомишься. Заодно и проверим, как на тебя действует тот же гипноз. Кроме тренировок по экстрасенсорике ты пройдешь полный курс обучения диверсанта-разведчика. Что толку от твоего проклятия, если ты не сможешь подойти вплотную, на рабочее расстояние к объекту нападения? И зачем нам терять ценного агента, если ты не сможешь уйти с места происшествия? Ты получишь полный курс – тебя будут учить переодеваться, менять внешность, добывать документы, убивать людей голыми руками и подручными предметами, стрелять, метать ножи, ездить на всех видах транспорта. Хочешь стать Джеймсом Бондом? Неужто нет? А! Ты хочешь свернуть мне шею? Ну что же, и шею сворачивать тебе придется. Будет такая возможность. Отмечу хорошее: у тебя будет столько денег, сколько тебе надо, дорогая машина, квартира или дом, путешествия за границу, красивые женщины... Плата только одна – в определенный момент ты напускаешь порчу на того, на кого мы укажем. Без вопросов и сомнений. Все сомнения будут расцениваться как предательство, и ты или твоя мать будете наказаны. Запомни еще раз и забудь о бегстве или каких-то вредоносных действиях в отношении кураторов группы «Ночь» – ты наш. Навсегда. Не обольщайся, что отсюда куда-то там сбегает – не сбегает. Из тюрьмы можно сбежать, из психушки, откуда угодно. От нас – нет. Тебя найдут всегда и везде на этой Земле, в любом ее уголке. И расплата будет страшной. – Куратор помолчал. Его жесткие, как ледяные иглы, глаза потеплели, и он усмехнулся. – Да ну что мы заладили – расплата, расплата... Гляди, ты жив, здоров, чистый, сытый, впереди интересная жизнь – чего печалиться? Сейчас ты пройдешь в один кабинет – будет немного больно, потерпи. Пошли за мной.

Куратор поднялся и вышел из кабинета, дождавшись, когда я встану и пойду за ним.

Он привел меня в белоснежную комнату типа операционной: мощные светильники над установленным в центре столом, по обе стороны которого застыли двое в хирургических масках и костюмах.

– Снимай рубаху и ложись на стол. Сейчас будет немного больно, но придется потерпеть, это необходимо.

С замиранием сердца я стащил с себя полотняную рубаху и улегся на живот. Стоявшие у стола люди прихватили мои руки ремнями, зафиксировали ноги, голову, и один из них протер резко пахнущей жидкостью место где-то у моей левой лопатки. Затем резкая, шипучая боль – у меня даже искры из глаза

посыпались и закапали нежданные слезы, и все прекратилось. Место укола заклепили пластырем, меня развязали, и я, кривясь и морщась, оделся.

– Вот теперь, уважаемый Колдун... кстати, ты так и проходишь теперь по нашим документам... мы будем знать всегда, где ты находишься, с кем ты находишься и слышать все твои разговоры. Это сделано для нашей и твоей безопасности. Мы же не можем допустить, чтобы такой ценный агент, как ты, пропал, исчез в неизвестном направлении. Ты всегда будешь на наших мониторах, и мы будем знать, жив ли ты. Капсулу, которая в тебе теперь сидит, извлечь трудно – самостоятельно ты это точно не сделаешь, а при попытке извлечения она может взорваться и убить тебя заложенным в ней мгновенно действующим ядом. Также мы можем взорвать ее на расстоянии, если увидим, что ты совершаешь что-то такое, что идет вразрез с данными тебе инструкциями. Учти это. Ты наш – навсегда! Теперь можешь идти в свою комнату, тебя проводят. Завтра первый день твоих занятий. О расписании тебе расскажет тот, кто провожает. Ну что ж, добро пожаловать в группу «Ночь», Колдун!

Моя комната ничем не отличалась от других комнат, которые я здесь видел: аскетизм, стерильность и ничего лишнего. На письменном столе в углу – компьютерный монитор, рядом ноутбук, авторучки, бумага. У стены кровать – довольно широкая, можно сказать, двуспальная.

Посмотрел – рядом вход в ванную комнату, сверкающую кафелем и хромированными ручками кранов, унитаза, биде и кабина душа. Была и ванна – тоже сверкающая и стерильная, хотелось в нее плюнуть, чтобы хоть как-то нарушить совершенство этого царства чистоты. Была и кухня – оборудованная огромным количеством всякой бытовой техники, от посудомоечной машины до каких-то комбайнов, мне непонятных и неизвестных. Два огромных холодильника заполнены всевозможными продуктами – деликатесами и полуфабрикатами.

Как сказал мой провожатый, человек лет тридцати, представившийся Николаем, я могу обедать в столовой, где обедают все курсанты, а могу сам себе готовить что-то в этой кухне – по желанию. Продукты будут автоматически по мере их использования восполняться. Если есть какие-то пожелания – что-то хочется из продуктов или что-то не хочется, – оставлять записку на холодильнике, прикрепив магнитом, все будет сделано. Одежду и белье, нуждающееся в стирке, надо оставлять в крытой пластмассовой корзине. Компьютеры подключены к Интернету, так что можно читать и смотреть все что угодно, связываться с кем угодно – но с одним условием: как только я попытаюсь нарушить государственную тайну, Интернет отключат, а я понесу наказание. Вся моя жизнь теперь под контролем. Приводить в свою комнату я могу всех, кого пожелаю, оставлять на ночь и делать с ними все что хочется, в пределах разумного, конечно, – убивать нельзя, калечить тоже, а так кувыркаться в постели можно с кем угодно, женщинами, мужчинами и даже баранами, если я тут их отыщу, – не возбраняется. После двадцати двух ноль-ноль ходить по коридорам воспрещается, только по вызову руководства. Начало занятий в восемь ноль-ноль, подъем в семь. В двенадцать ноль-ноль – час на обед, потом занятия до семнадцати ноль-ноль. После занятий – свободное время и отбой двадцать два ноль-ноль. За соблюдением распорядка строго следят, и за злостное нарушение распорядка может быть назначено наказание. Какое? От банального избиения до дополнительных нагрузок в обучении – а это еще хуже. Теперь все. Если чего-то понадобится – все что угодно, просто нужно сказать вслух: я хочу то-то и то-то, и мне это доставят. Женщину? И женщину тоже – по моему выбору. Антилопу гну? Вряд ли – если только со спиленными рогами.

Когда я остался один, то скинул кроссовки и бросился на постель, раздумывая о том, что на меня навалилось... Лежать на мягкой, упругой постели было приятно, но мысли были совсем неприятные – стелют-то мягко, спать вот жестко... Фактически – я раб. Элитный раб, да, мне дают все-все, о чем может мечтать обычный человек, – сытость, удовольствия, зрелища, но отнимают свободу. Я даже сходить погадить не могу без того, чтобы кто-то не слышал и не видел, как я это делаю! Даже рабы могли это

делать без глаз и ушей надсмотрщика, а я не могу! Ну не скотство ли?

Спина болела, ощущая наличие в моей спинной мышце надзирающей бомбы – без нее еще как-то можно было надеяться на благополучный побег, но с ней – как я с ней убегу? Грохнут на взлете, как дурную заполошную утку из двустволки... Ну что ж, пока я жив – надеюсь. Надеюсь на то, что они сами воспитают из меня то, что потом сможет их победить. Пока я обычный пацан, никакой, но в будущем... посмотрим, кем я стану в будущем. Человек всегда найдет дырку даже в непроницаемом заборе, в этом я был уверен.

Пройдя на кухню, открыл холодильник и, порывшись в нем, с удивлением и удовольствием обнаружил здоровенную банку черной икры, несколько бутылок пива разных видов, сырокопченую колбасу, виноград, груши, яблоки... Выложил все это богатство на стол и стал поглощать с мстительным удовлетворением – хоть обожрать их, моих пленителей, раз убить не могу!

Появившийся в дверях кухни Николай, с улыбкой понаблюдав это торжество плоти, сказал с усмешкой:

– Главное, чтобы завтра на занятиях не обделался, а то от такой еды точно пронесет. Вот тебе расписание, завтра в первой половине дня занятия по физо и рукопашному бою, после обеда спецзанятия – по твоему профилю и теория по общим основам разведки. В восемь утра ты уже должен быть в спортивном зале, налево десятая дверь. Одежда – кимоно и кроссовки – будет лежать у твоей кровати. И без опозданий, помни, что я говорил о наказаниях.

– Николай, а сколько вообще это обучение будет длиться? Когда я смогу выйти из этого здания на свободу?

– На свободу? Никогда. Из этого здания на землю – когда закончишь обучение. А обучение закончится тогда, когда мы сочтем тебя подготовленным. Обычно оно длится до двух лет, без выходных и отпусков. Выходные не предусмотрены – на том свете отдохнем. Твоя задача пройти обучение как следует – от этого зависит длина поводка, на котором тебя будут отпускать ходить по земле.

– А мать я смогу видеть?

– Только по телевизору и по специальному разрешению, раз в месяц. Для нее ты в важной правительственной организации и контакты с тобой запрещены законом. Впрочем, это так и есть. Ну все, отдыхай. Не забудь завтра вовремя прийти на занятия. Телевизор можешь смотреть через компьютер – там все налажено, шестьсот каналов. Удачи, Колдун.

Я остался перед своей грудой продуктов – есть уже расхотелось. Мысли о несвободе и о неясном будущем не способствуют хорошему аппетиту.

После обеда сел за компьютер – полазил, почитал новости, включил телевизор, улегся на постель, незаметно угрелся и уснул.

Проснулся уже ночью, поглядел на мерцающий экран монитора, на котором дикторша вешала что-то важным голосом, исходящим из неподвижной манекенной головы, нажал кнопку выключения и снова уснул сном младенца – после диких условий СИЗО эта золотая клетка казалась просто раем.

Мне приснилось, что на меня летит огромный тепловоз – с ревом, шумом колес, – я еле успел от него увернуться, проснулся в холодном поту и понял, что ревел не тепловоз, а сигнал побудки, видимо проведенный в каждую комнату курсантов. Кстати, я так и не узнал, сколько курсантов будет обучаться вместе со мной – Николай только сказал: увидишь! Возможно, он и сам не знал толком, сколько курсантов будет.

Я быстро позавтракал, надел кимоно, оказавшееся мне точно по размеру (да и глупо, если бы это было не так), натянул кроссовки и вышел в коридор.

Оглянулся – двери снаружи никак не запирались, впрочем, изнутри я тоже запоров не заметил. А от кого запирается? Чужие тут не ходят, все просматривается, а у рабов нет интимных секретов и быть не может.

Прошлепав по коридору, отсчитал двери, толкнул десятую и замер – это был громадный зал, теряющийся где-то далеко-далеко, даже не видно где. В нем находились какие-то постройки и странные сооружения – видимо, для бега с полосами препятствий.

В углу у входа уже кучковались человек десять молодых ребят, одетых как я – в кимоно. Их возраст колебался от семнадцати до двадцати пяти лет, впрочем, как я уже говорил, могу и ошибаться. Женщины выглядят то моложе своих лет, то старше, парни... по парням я вообще – пас. Даже пройдя тюрьму...

Я подошел к группе, поздоровался и уставился на Николая, стоящего рядом с человеком среднего роста, лет сорока с небольшим – коротко стриженным, с шеей, плавно переходящей в пулевидную голову, – похоже, это был наш тренер.

– Курсанты! Это ваш тренер. Вы будете его звать Мастер. Обращаться друг к другу только по псевдонимам, потом вы узнаете, какие у кого псевдонимы. Мастер будет руководить вашей физической и рукопашной подготовкой в течение всего времени обучения. Он же – ваш экзекутор, если вы проштрафитесь. Я вас покидаю до конца занятия. Мастер, они ваши.

Николай усмехнулся и неслышными шагами пошел к выходу, скрывшись за плотно притворенной белой металлической пластиной.

Мастер внимательно оглядел нас маленькими жесткими глазками и сказал:

– Вы все – дерьмо! Вы никуда не годные твари, которых одним пальцем убьет любой спецназовец. А вы должны быть круче их, вы должны быть настоящими убийцами, убийцами от Бога, вернее – от Сатаны. Я научу вас убивать голыми руками, предметами, холодным оружием – так естественно, как будто вы просто едите вилок и ложкой. Это очень жесткое обучение, и выбывшие тут будут только на тот свет. Вас уже предупредили об этом. Кончились детские игры, кончились шуточки, вы – группа «Ночь», вы блуждающие тени в ночи, вы хуже чем ночь – ночь отпускает, а вы не должны отпускать, если вцепились в жертву. Мы будем заниматься рукопашным боем, физической подготовкой, психологической подготовкой к тому, чтобы вы были готовы убить. Это непросто, это очень непросто. Ударить человека, покалечить его – это одно, а убить его одним ударом, так чтобы он больше никогда не смог жить, – совсем другое, особенно когда вы смотрите ему в глаза, видите, как он умирает... это вам не из винтовки стрельнуть за два километра. Впрочем, и этому вас научат. Запомните: вы – Тени! Вы незаметные, невидимые, каждый из вас обладает каким-то особым умением, которое он применит в своей деятельности. Это умение будет отдельно развиваться, в особом порядке, а я вас буду обучать общему курсу, который не преподается ни в одном спецподразделении, только в нашем. Вы элитные убийцы, и вы всегда у нас на прицеле, вы оружие, запомните! Но пока – вы дерьмо. И из этого дерьма мы будем лепить стальной клинок. Вот ты, увалень, иди сюда... Как тебя звать? Ну да, ты, ты, бестолковая орясина!

– Пе... Колдун.

– Так вот, Колдун, ты что-то умеешь? С помощью чего ты можешь убить человека такого же сложения и роста, как ты?

– Умею. Взять нож и воткнуть ему в сердце.

– На, возьми нож. Попробуй, воткни мне в сердце.

Мастер подал мне тупой пластиковый черный нож, я неловко взял его, покрутил в пальцах и неожиданно выбросил руку вперед, надеясь покончить с наглым и самодовольным преподавателем раз и

навсегда. Конечно, ничего у меня не вышло, но попробовать-то стоило?

Я плюхнулся на маты всем весом своих девяноста килограммов, и из меня улетучился весь воздух, вдобавок Мастер вывернул мне руку с ножом так, что я с минуту вопил и пытался удержать слезы, катящиеся из глаз от боли, – еще немного, и он сломал бы мне руку.

– Видите, – как ни в чем не бывало спокойно продолжил Мастер, – здоровенный детина плачет как дитя, когда дядя взял его за ручку! Вот и вы все такие – рыхлые, самодовольные, неотесанные! Ничего, я вас доведу до ума... поднимайся, детинушка. Встать в строй. Теперь замечание по тому, что вы сейчас видели: забудьте то, что я сейчас делал, вы будете изучать другой рукопашный бой. В методе, которым вы будете действовать в аналогичной ситуации, нет места удержаниям или болевым приемам, вам не для чего захватывать противника. Вам надо его убить – кратчайшим и наиболее эффективным способом: его же ножом или голыми руками. Предупреждаю, рядом всегда дежурит группа реанимации, но некоторые из вас могут и не дожить до конца обучения. Зато оставшиеся выйдут сухими из любой ситуации. В основу нашего комплекса рукопашного боя входят выжимки из всех известных человечеству и из всех неизвестных большинству людей стилей борьбы с оружием и без оружия. Никаких балетов, никаких па и пируэтов – удары ногой не выше пояса. Выше пояса – только руки. Никаких прыжков, никаких грозных и красивых стоек, каждый ваш удар это и защита и нападение, каждый удар – смерть противнику или тяжелое увечье, на худой конец, и только так. Итак, начинаем с пробежки, становитесь – побежали за мной!

Примерно с час мы бегали, отжимались, кувыркались, разминались. Потом приступили к тренировке.

Время пролетело незаметно, и, когда появился Николай, все уже порядочно вымотались и покрылись синяками. Мне даже некогда было рассмотреть своих одноклассников – только успел заметить, что парней вместе со мной было пять человек, а девушек шесть. Странно. Почему девушек больше и почему вообще их так много в этой группе? Потом рассудил: для убийцы важно быть незаметным, выглядеть безобидным и незащищенным – кто лучше всего подходит для этой роли? Конечно, девушка.

Николай объявил:

– Сейчас все на обед, перерыв час. Столовая – направо третья дверь, или каждый может пообедать у себя. В своей комнате – помыться, переодеться в слаксы и рубашу. Приготовиться к теоретическим занятиям. С собой блокнот для записей и авторучку. Предупреждаю, что нагрузка будет увеличиваться с каждым днем, и через полгода время вашего дневного обучения уже составит двенадцать часов. Пока – всего восемь. Вот еще что – девушкам не рекомендуется оставлять длинные волосы. Всем, у кого они отличаются от длины волос парней, подстричься. После окончания курса при желании вы снова отрастите волосы. Сейчас они будут только мешать. Впрочем, потом они вам тоже будут мешать – вас легко схватить за эти волосы и лишиться подвижности, а то и искалечить. Учебный класс располагается в восьмой комнате. Номер на двери. Разбежались! – Николай негромко хлопнул в ладоши, и мы медленно потянулись из помещения.

Я искоса смотрел на своих соратников и думал – чем же их могли сюда залучить? Каким способом? Наверное, не менее радикальным и отвратительным, чем тот, которым воздействовали на меня. И еще – что они умеют? Это ведь непростая группа, как мне сказал куратор. Кто есть кто из них? Ну да ладно, скоро я все и так узнаю. Возможно.

Обедать я решил у себя – перекусил, попил чаю, выпил стакан сока, выжатого из грейпфрута – а чего себе отказывать? – и поплелся на занятия по теории.

Все уже сидели в классе – приготовив ручки и блокноты. Экстраординарного ничего не было – ознакомительные лекции по теории наблюдения, слежки, изменения внешности, – кое-что я даже встречал в популярной литературе. Мы записывали и украдкой рассматривали друг друга.

Девушки были вполне миловидные, особенно понравилась одна брюнетка с короткой стрижкой типа «тифозная». Восемнадцатилетняя ангелоподобная детка с большими зелеными глазами невинно хлопала ресницами, и на лице ее было все, кроме отражения того, что сейчас она учится на спецкурсах по убийству людей. Кто мог заставить такую юную особу заниматься столь неблагоприятным делом и КАК ее заставили? Это я узнал позже, через несколько месяцев после начала занятий. Сейчас я знал только то, что ее псевдо был Ласка.

Когда я услышал его, усмехнулся – вообще-то ласка совсем не ласкова, это страшный зверь, очень быстрый, жестокий, просто невероятно жестокий при своей красоте. Это один из немногих зверей, которые убивают ради удовольствия – если ласка завелась в курятнике, она убьет всех кур, а сожрет только одну и то не целиком. Соответствовала ли девушка своему звериному аналогу? Я не знал этого.

Остальные девушки тоже были вполне симпатичными и... как бы это сказать... незаметными. Если она не накрадется, не наденет что-то вызывающее – пройдет мимо, и потом не вспомнишь, что она тут проходила.

Таковы же были и парни – среди них лишь я выделялся ростом, все-таки у меня рост за сто восемьдесят сантиметров, сто восемьдесят пять, если быть точным, а они все были ниже меня сантиметров на пять – десять.

Так что тут сидела группа действительно теней – пройдут незаметно, и человек умер, не успев осознать, что он уже труп, и никто потом не сможет вспомнить лицо этого среднестатистического человека-убийцы.

Как оказалось – мне не будет позволено знать, какими сверхнормальными способностями обладают мои соратники.

Через два часа после начала занятий нас развели по разным комнатам. В моей комнате оказался куратор Алексей Федорович и небольшой сухонький человечек академического вида. Он жадно разглядывал меня, подробно расспросил о моих ощущениях, а потом спросил:

– Сейчас вы ни на ком не видите, как вы говорите, «слизняк»?

– Нет, ни на ком. Вы чисты.

– Славно, славно, – потер руки человечек. – А насрать его на кого-нибудь можете, например – на него? – Он показал пальцем на недовольно поморщившегося куратора. – Попробуйте, нашлите на него порчу!

– А потом у меня будут неприятности? – подозрительно буркнул я. – Гарантируете, что проблем не будет?

– Гарантируем, гарантируем... вы тут же и снимете «слизняк» с него!

– А вдруг не смогу снять? – с мстительным удовлетворением сказал я. – Вдруг я могу снимать только чужих «слизняков»? Да и не кажется ли вам, что после снятия «слизняка» процессы могут быть необратимыми? Например – он как-то запустит процесс образования раковой опухоли, и она будет развиваться сама по себе. Не думали над этим?

– Хм... – выпятил губу человечек. – Не думал. Нет, не думал. Возможно. Возможно.

– Так если возможно, какого хрена вы, профессор, напускаете его на меня?! – рассердился куратор. – Давайте вам посадим на шею «слизняк», чтобы вас потом скрючило! Я вам что, подопытный кролик?! Курсант, я запрещаю вам без моего разрешения подсаживать кому-либо эту сущность, вы поняли меня? Под страхом жестокого наказания! А вы, профессор, вначале думайте и прикидывайте на себя, прежде чем

ляпнуть!

– А что я, что я... чисто академический интерес, – засуетился профессор, – что такого-то? Ну оставим пока эту тему, потом обсудим. Перейдем к другой проблеме: скажите, юноша, а какие-то другие паранормальные способности у вас не проявлялись?

Мне показалось, что и куратор и профессор замерли, будто охотничьи собаки, вставшие в стойку над дичью, – но нет, хрен вам!

Я сделал как можно более простое и невинное лицо и сказал:

– Нет, ничего – только порча и ее снятие. В основном снятие, порчу я напустил только один раз.

– А сейчас мы проверим, проверим... – почти пропел профессор. – Сейчас я попытаюсь вас погрузить в гипноз – вы знаете, что это такое. Не сопротивляйтесь мне и смотрите в глаза.

Профессор пристально посмотрел мне в глаза, и я буквально почувствовал, как его воля обволакивает меня и заставляет подчиниться.

Я никогда раньше не участвовал в сеансах гипноза и не знал, как это происходит, но представлял, что это выглядит именно так – без каких-то блестящих шариков, раскачивающихся на нитке, просто человек скажет, чтобы другой человек спал, и тот заснет.

Это же попытался проделать и мой собеседник, вот только промахнулся с выбором объекта – как только на меня стало наваливаться осязаемое ментальное давление, я легонько толкнул сжимающую мой мозг стенку, и она рассыпалась мелкими кирпичиками.

Профессор покраснел, вытер пот со лба и с сожалением сказал:

– Он не поддается гипнозу! Я встречал подобные случаи, но очень редко. Против меня еще никто не устоял, он первый – я сильный менталист. Давайте его попробуем на детекторе лжи – там уже чисто механические факторы, устоять может только человек тренированный или от природы умеющий регулировать процессы, протекающие в организме. Ну что, проверим его?

– Давайте, – охотно согласился куратор.

Ну а моего желания никто и не спрашивал...

На меня нацепили кучу присосок, проводков и начали кружить по всем пунктам моих ответов, начиная с детских мастурбаций и заканчивая отношением к политике руководства России.

Я отвечал не думая, быстро и уверенно: да – нет, да – нет. Скоро они подкрались и к моим способностям:

– Владаете ли вы какими-то паранормальными способностями, о которых не знают кураторы?

– Нет.

– Пользовались ли вы какими-то паранормальными способностями, о которых не знают кураторы?

– Нет.

И вот такая бодяга тянулась около часа, пока мои мучители совсем не выдохлись и куратор не заявил:

– Хватит уже. Оператор четко сказал – все совпадения стопроцентны, он реально не врет. Увы... Ладно, отпускаем его и обсудим, как нам тренировать его в его способности напускать порчу. Есть у меня одна задумка... Иди, Колдун, в свою комнату. Или в столовую, если хочешь. Свободен!

Выйдя в коридор, я уныло побрел к себе – мне было скучно, тоскливо... решил на ходу – пойду в столовую, хоть с кем-нибудь пообщаюсь – и то ладно, все веселее будет.

В столовой было безлюдно – за столиками я увидел только пятерых из тех, кто был в группе, Ласка сидела отдельно, остальные по двое.

Я подошел к стойке раздачи, взял поднос, наставил на него салатов, налил в тарелку борща, положил второго – раздатчика тут не было, все делали сами, даже объявление висело: «Курсанты обслуживают себя сами, грязную посуду сбрасывают в бак для посуды».

Обозрев эту громоздившуюся на подносе гору еды, я подумал и подошел к столику Ласки.

– Можно к тебе присесть?

– А зачем?

Я сделал глупое лицо и сказал:

– Ну как – сейчас я присяду, потом сделаю какое-то забавное замечание, ты улыбнешься, мы вступим в разговор, в процессе разговора почувствуем приязнь друг к другу, решим закончить беседу у меня в комнате. Там выпьем, расслабимся и на основе одиночества и оторванности от привычной среды вступим в интимные отношения... два раза. Или три – я сегодня в ударе. Так как, я присяду?

– Хм... присядь, – улыбнулась Ласка. – Хорошо у тебя язык подвешен! Только вот интимных отношений не обещаю. А так – почему бы и не пообщаться? И правда скучно. А где ты научился так излагать свои мысли?

– В тюрьме. Меня учил один из самых крутых в стране аферистов – Профессор его погоняло.

– Ты был в тюрьме? – удивилась девушка. – За что? За кражу подштанников с коммунальной кухни? Или за совращение малолетних неформалок?

– Если бы! Тогда я бы был почтенный крадун или брачный аферист! Сидел всего лишь за колдовство и снятие порчи.

– Ага, вот откуда у тебя имя Колдун... Ну что, Колдун, пошли исполнять следующую часть твоей программы-максимум? Доел?

– Доел. Пошли.

Мы направились в мою комнату под взглядами наших соратников по группе и под неусыпным взором невидимых телекамер.

Подходя к двери комнаты, Ласка сделала неприличный жест куда-то вверх и со злобой сказала:

– Смотрите, сволочи! Еще не на все вы наложили свою лапу!

Она толкнула дверь и вошла в мою берлогу.

Конечно, уже через час мы были в постели. Ласка обладала невероятно привлекательным телом – смесь спортивной девчачьей фигуры, мальчишеских бедер и полной груди одалиски.

Она оказалась очень страстной – уверен, от ее стонов и криков у всех, кто подглядывал в этот момент за нами через камеры, была устойчивая эрекция. Надеюсь – они стали после этого импотентами.

Я вначале испытывал неловкость, зная, что за нашими выкрутасами наблюдают внимательные и похотливые глаза, а потом это даже стало возбуждать, и я развернулся во всю силу, держа в руках бедра трепещущей смуглой Ласки, содрогающейся в черед неперывных оргазмов.

Это безумие продолжалось часа два, потом Ласка оторвалась от меня, прыгнула с постели и, закинув на плечо свои штаны и майку, как была голышом, открыла дверь и вышла за порог, сказав:

– Хорошего понемножку. Это было здорово, но спать я люблю одна. Ты молодец – как-нибудь

повторим это дело. И почему я раньше не спала с теми, кто долго сидел и был все это время без бабы? Я много потеряла!

Она озорно усмехнулась, и ее босые ноги зашлепали по пластиковому полу коридора, я же остался лежать на постели, среди запахов женщины, мокрых пятен и сумбурных мыслей о происшедшем.

«День прошел хорошо», – подумал я и моментально уснул, несмотря на то что тело ломило от непомерных перегрузок, болели синяки от ударов, полученных на тренировке, и ныла вывернутая Мастером рука. А может, именно потому и уснул как убитый – плюс ко всему два часа приятной физкультуры с новой подружкой.

Новый день повторил прежний, без изменений, за исключением того, что больше попыток заставить меня вызвать «слизняк» не было.

Ласка вела себя ровно, будто и не скакала на мне вчера, как на необъезженном жеребце, – похоже, для нее это было не впервой.

В столовой ее не было, так что вечером я поплелся домой один и очень удивился, когда увидел ее в своей постели, уже раздетую и готовую к сексу.

– Ну что встал? Не нравлюсь? – Она приподняла обнаженную гладкую ногу совершенной формы и пошевелила розовыми пальчиками. – Смотри-ка сюда, а мне нравится мое тело!

– Мне тоже оно нравится! – внезапно охрипшим голосом сказал я и, на ходу сбрасывая с себя одежду, помчался к возжеленной цели.

Ласка хихикнула, стала притворно отбиваться, и все закончилось к нашему вящему удовлетворению – стонами, криками, судорогами наслаждения и мокрыми телами, скользкими от любовного пота.

Спал я опять один – да и к лучшему, я тоже не люблю спать с кем-нибудь, самое то – встретились, покувыркались и разошлись по своим комнатам. Только в этот раз я нашел в себе силы дотащить до душа и все-таки смыть с себя любовные соки и пот – хоть и трудно было поднять свое измученное тело. Подумалось: эдакими темпами я загоняю себя вусмерть – днем Мастер измывается, вечером Ласка, – и куды крестьянину подацца?

Следующий день принес сюрприз – нет, не в боевой подготовке. В кабинете, где обсуждали мои способности, снова сидели куратор и профессор – я так и не узнал его имени, профессор и профессор, и вообще мне до лампочки его имя. Скорее всего, и у куратора было не то имя, которое он мне назвал. Имена в этом мире рыцарей плаща и кинжала имели второстепенное значение...

– Итак, молодой человек, сейчас вы продемонстрируете нам, как вы умеете напускать порчу. Объектом будет вот этот человек. – Профессор указал на тридцатилетнего мужчину с жестким взглядом и шрамом на щеке. – Сосредоточьтесь и напустите на него порчу. Давайте, давайте, не стесняйтесь – он в курсе, на службе и полностью осознает последствия.

Я пожал плечами, сосредоточился... и у меня ничего не вышло. Еще раз попробовал – опять не вышло. Третий раз – ноль.

– Не могу, не получается, – удрученно сказал я. – Наверное, в прошлый раз у меня вышло потому, что я сильно ненавидел этого полковника, а этого человека и знать-то не знаю.

– Ага. Ясно, – задумчиво сказал профессор, – ментальный барьер. Основан на порядочности испытуемого – нельзя вредить тому, кто не сделал ему зла. Я что-то подобное и предполагал.

Он кивнул человеку в камуфляже, тот подошел ко мне и ударом ноги в грудь сбил меня со стула, потом начал пинать меня ногами, попадая во все болезненные и уязвимые места. Я вертелся ужом,

сопротивлялся, вернее – пытался сопротивляться, но он был безжалостен и избивал меня со знанием дела.

Уже почти теряя сознание от боли в разбитом носу, в отбитых почках, я выстрелил в него «слизняком», и это был «слизняк» в два раза больше, чем на полковнике!

Он обхватил его голову, как огромный нарост, и человек прекратил избивание, застонав и схватившись за нее.

Я злорадно смотрел, как он корчится у стены, и чувствовал, как в меня вливаются силы и заживают мои раны. Легко поднявшись, я сел на стул и продолжил наблюдать за мучениями палача. Кровь у меня уже не капала, синяки исчезли, и даже усталость пропала, будто и не было тяжелого, насыщенного занятиями дня.

– Колдун! Сними с него проклятие! – приказал куратор, с тревогой глядя на корчи человека в камуфляже.

Я немного выждал, кивнул и медленно пошел к пострадавшему. Мне хотелось еще немного оттянуть момент освобождения его от «слизняка» – вливаемая «слизняком» сила была так восхитительна, так хороша... Теперь я до конца осознал, как смог продержаться в вонючем СИЗО – если бы не то, что на полковнике сидел мой «слизняк» и передавал мне его здоровье, мне было бы очень, очень тяжело.

Наконец я справился с собой, подошел к зажавшему голову человеку – было такое впечатление, что его руки уходят куда-то в угольный мешок, – и легко коснулся «слизняка» рукой. Тот привычно неслышно хлопнул и исчез в сером вихре.

Мою голову кольнуло, я потерял висок, но все было нормально – никаких последствий резкого разрыва с выпущенной мной сущностью не ощущалось, я также чувствовал прилив сил, свежести и был бодр, как будто отдыхал много-много часов.

Наоборот, палач в камуфляже выглядел отвратительно – он был бледен, исхудал и словно постарел на несколько лет, стоял дрожа и пошатываясь, как пьяный.

Профессор достал телефон, потыкал в кнопки, и через несколько минут камуфляжника укатали на каталке для обследования.

Куратор и профессор были чрезвычайно довольны, только что не мурлыкали:

– Великолепно, молодой человек! Эдак мы и слошим ваш ментальный барьер, и вы сможете кидать проклятие, ненаучно выражаясь, на любого человека! Тут ведь как: надо, чтобы вы знали, что невыполнение приказа – ненаправление проклятия на объект, всегда связано с болью. Ваш организм это запомнит и будет выпускать «слизняка» каждый раз, как вы пожелаете. Кстати, а почему эффект проклятия был таким явным? Мне казалось, что вмешательство в организм проклятого идет слабее, как вы думаете, молодой человек?

И вот тут я допустил ошибку – занятый своими мыслями, ляпнул то, что было у меня в голове:

– Потому, что он сильно избил меня, а «слизняки» это не только и не столько проклятие, они служат для восстановления жизненных сил, здоровья своего хозяина! Вот почему.

Куратор и профессор переглянулись, а потом куратор с непонятной мне интонацией медленно сказал:

– Значит, чтобы ускорить процесс умирания объекта, вытягивания его жизненных сил, надо нанести ущерб твоему телу, и чем больше ущерб, тем больше энергии надо на восстановление, и тем скорее скончается проклятый... ин-те-рес-но...

У меня замерло сердце – ну песец! Какой я болван! Ну кто, кто тянул меня за язык? Эти люди не остановятся ни перед чем... и я дал им такой прекрасный и эффективный способ убивать людей с

кто будет палачом?

Теперь оказалось – палачами предстояло стать нам. Это произошло после полугода нашего обучения. К этому времени мы прошли большой курс рукопашного боя, с оружием и без оружия, фактически уже были на уровне сильного спецназовца – наверное, еще круче, специальные тренировки, ежедневно, без выходных, без праздников, по шесть часов в день, волей-неволей станешь крутым.

Так что однажды утром Мастер встал перед строем и сказал:

– Сегодня приступим к реальным боям с реальными противниками. Никаких ограничений. И у противника и у вас задача одна – убить. Если он убьет кого-то из вас, его статью переквалифицируют, или его спишут по здоровью – якобы умер, а на самом деле куда-нибудь переведут, это ему обещано. Вы должны его убить любым доступным способом – рукопашным или своими способностями. Как умеете. Но убить обязательно. У вас сегодня будет по два противника. И так будет постоянно, все время ваших тренировок – вы будете убивать людей, пока это не станет для вас простым делом, как нарезать хлеб. Чтобы вас не мучила совесть, скажу, что на счету каждого из этих людей по несколько загубленных душ – некоторые убивали ради развлечения, мучили, пытали, издевались над детьми, рвали их на части. Вы обязательно должны их добить, если раните, как и они добьют вас. Если они вас не добьют – убьют их. Если вы не добьете – вас избьют так, что вы долго не сможете встать, а потом снова поставят напротив этого противника. Остаться в живых должен только один, учтите это. Скидок на то, что против вас мужчина сильнее и выше вас, не будет. Вы подготовлены, они нет, вы тренированы, а многие из них нет, хотя среди них есть очень сильные и тренированные люди – бывшие бойцы, боксеры, единоборцы. В общем, все как в жизни. Теперь вы будете в месяц убивать по несколько человек, сколько – это решим мы, когда увидим, что вы готовы к убийству. Выбор противников определяется жеребьевкой – вон там стоит коробка, идете и вытаскиваете по одному номеру. Все, пошли!

И мы потянулись к простой картонной коробке, в которой лежали чьи-то жизни...

Глава 4

Я был четвертым, кто сунул руку в эту коробку.

Мне достался номер тринадцать – забавное совпадение, ну всегда мне он достается, тринадцатый номер.

Я не знал, кто он будет, тот первый человек, которого я убью в поединке. Первый ли? А полковник? А мордоворот в СИЗО? Да, я их убил, но это было совсем по-другому. Теперь я должен был убить совершенно неизвестного мне человека – пусть, возможно, и нехорошего, но мне лично ничего не сделавшего. От этого у меня все в душе переворачивалось. А что, я должен подставить себя и свою мать под удар из-за какого-то незнакомого типа? Нет уж, тюремный закон гласит: «Ты сдохни сегодня, а я – завтра». Жизнь в тюрьме кое-чему меня научила, пусть я и не очень долго там был.

Ласка тоже выбрала себе жертву в картонной коробке и уселась на скамью рядом со мной. Ее ангелоподобное лицо с огромными глазами было спокойным и умиротворенным. За то время, что я с ней был, я так и не узнал, как она сюда попала, мне было известно лишь, что ее прихватили за какое-то убийство – то ли приревновала кого-то, то ли хотела денег срубить, – в общем, Лаской ее прозвали не зря...

Не было никаких клеток, как в фильмах про бойцов, не было никаких зрителей или орущих болельщиков – все обыденно, спокойно, и тем страшнее.

В стене, позади того места, где мы ожидали боя, открылись неприметные двери, и оттуда вывели человека средних лет, похожего на бухгалтера, – ну типичный Чикатило.

Мастер объявил:

– Номер шесть!

Встал один из наших парней, приготовился, Мастер подал команду... заключенный умер через три секунды: удар в шею заставил его потерять сознание, а следом послышался хруст позвонков – Тень сломал ему шею. Заключенного уволок.

– Номер три!

Встала небольшая светленькая девушка с симпатичным грустным лицом, звали ее, как мне помнится, Заря – против нее стоял здоровенный детина, выше больше чем на голову, с руками как грабли.

Он с усмешкой посмотрел на стоящую перед ним пигалицу и изготавился к бою.

Противник успел нанести несколько ударов, прошедших мимо цели – гибкая девушка каким-то образом пропустила их рядом с собой так, что они не коснулись ее тела (сразу вспомнились занятия с Мастером, когда он обстреливал нас вначале мячами, а потом перешел на пластмассовые тяжелые полнотелые шары, не увернулся – вот тебе синяк или выбитый зуб). Затем с ним что-то случилось – он зашатался, закрыл глаза руками, как будто его разум помутился, а девушка нанесла ему сокрушительный удар в сонную артерию кулаком и, уже упавшему как гора, свернула шею, отчетливо хрустнувшую на весь зал.

Неожиданно ко мне сзади подошел Николай, сопровождавшие его куратор и профессор остановились у стены, наблюдая за происходящим на «арене», где добивали очередного «манекена».

Кстати сказать, из шести заключенных еще ни один не только не выжил, но и не смог оказать даже достойного сопротивления Теням, хотя было видно, что некоторые уголовники совсем не промах в деле подраться.

– Подойди к куратору, – шепнул Николай и отошел в сторонку.

Встав, я сделал несколько шагов и оказался перед двумя моими начальниками, с интересом наблюдающими за убийством людей.

– Я слушаю вас.

– Колдун, тебе приказ: когда выйдешь биться, применять физическую силу по минимуму и практически не уклоняться от ударов. Учти, если не выполнишь, нам придется проводить эксперимент по-другому, и тебе будет гораздо хуже! – Куратор жестко посмотрел мне в глаза. – Тебе в общем-то ничто не угрожает, сам знаешь – бросаешь на него проклятие и ждешь, когда твой «слизняк» его задушит, восстанавливая тебя. Мы хотим увидеть, как это произойдет. Ты понял меня?

– Понял.

Я отошел от своих «благодетелей», меня душила злоба – так хотелось их убить, и даже просто голыми руками. Без всякого колдовства. Но я проглотил злобу, сел на свое место и стал наблюдать за поединками.

Следующей вышла Ласка против высокого парня с хищным кавказским лицом, я где-то его видел, вроде как по телевизору – один из боевиков, организовавших много взрывов и убийств в русских городах, – он точно заслуживал смерти, но как это сделала Ласка, запомнилось мне на всю жизнь, тут я и понял, какое ее свойство было паранормальным и почему ее прозвали Лаской.

Кавказец злобно ухмыльнулся, сплюнув на пол, когда увидел, что против него вышла девушка, хрупкая и гибкая, как тростинка, похожая на ученицу девятого класса, а не на убийцу, Терминатора какого-нибудь.

Он почти успел дотянуться до нее кулаком, когда Ласка вдруг превратилась в смутное пятно – на тренировках она никогда не показывала такой скорости, видимо, она возникала только в экстремальной ситуации. Ласка просто размазалась по пространству, секунда – и у боевика были вырваны глаза, повисли на каких-то тяжах, сосудах, еще секунда – и боевик стоял с вырванным горлом, кусок его остался у Ласки в руках.

Она бросила вырванный кусок мяса на пол, он шлепнулся со смачным звуком, а девушка подняла руку вверх и слизнула ручеек крови красным язычком, которым так часто меня ласкала...

Боевик, булькающий горлом, из которого толчками выливалась кровь, упал на пол и задергался в конвульсиях. Мозг его уже отключился, но тело не знало, что оно умерло, и сопротивлялось смерти. Наконец он затих.

Честно говоря, мне было его не жалко – он загубил столько народу, что за каждого человека его следовало трижды убить, много сотен раз. Но то, как сделала это Ласка, наслаждаясь убийством, наслаждаясь вкусом и запахом крови, меня просто потрясло – похоже, она была немного сумасшедшей, и, если бы не эта организация, быть ей убитой или быть там, с той стороны, в рядах наших противников.

Впрочем, женщин у нас не сажают пожизненно... особенно таких красивых. Что бы они ни сделали...

Ласка села рядом со мной, а я старался не смотреть на нее – почему-то мне стало неприятно, как будто все это время я спал не с красоткой, а с маньяком-убийцей, который в любой момент мог лишить меня жизни. Может, такого эффекта и добивались организаторы этого действа – показать: если вы выйдете из-под контроля, за вами пойдут вот они, ваши так называемые товарищи, и пощады тогда не ждите!

Следующим был назван мой номер, и я, немного мандражируя, вышел на место боя. Оно вновь было сухим и чистым – пол уже оттерли, труп унесли.

Из дверей вышел человек ростом с меня – по тому, как он двигался, я понял, что это опытный и

умелый боец, скорее всего боксер или рукопашник.

Как потом я узнал от Николая, это действительно был бывший рукопашник, занимавшийся в бандитской группировке ликвидацией людей по заказу, а также соратников, проштрафившихся и приговоренных авторитетами. Прихватили его только потому, что бандиты, напуганные уничтожением своих товарищей, сами заложили киллера, боясь его больше, чем отсидки. Погоняло его было, как ни удивительно, Боксер.

Он двигался легко и непринужденно, и первые удары пошли в меня как из пушки – я едва успел их заблокировать, уведя в сторону мягким движением руки. Я бы мог его сейчас серьезно травмировать или покалечить – в меня вбили уже столько способов убийства руками, что я с трудом остановил начатое движение, – но Боксер решил, что я просто лох, который не может ответить, и вихрем набросился на меня, сразу разбив мне бровь, а когда его кулак угодил в солнечное сплетение, я чуть не потерял сознание. Как мне и велели, я специально принял на себя эти удары – что делать, приказ есть приказ.

Когда он отскочил от меня, я выпустил «слизня», тут же вцепившегося в голову противника – излюбленное место нападения моих «слизней», сам не знаю почему.

Боксер вздрогнул, скривился, его ехидная улыбка потухла, но он собрался с силами и бросился на меня, молотя кулаками, как грушу.

Каждый удар его достигал цели, но я восстанавливался быстрее, чем он наносил удары, и скоро он стал шататься, превратившись из мощного, могучего бойца в дряблую костлявую развалину, а затем вовсе упал на пол, где и остался, тяжело и с присвистом дыша.

Я подождал несколько минут, стоя над ним, но этот парень оказался крепким, никак не хотел умирать, а может, не мог – я ведь уже восстановил силы, так что «слизняк» почти не оттягивал от него энергию. В общем, мне пришлось уничтожить «слизняка» и сломать противнику шею. На этом бой закончился.

На моем лице не осталось ни следа от травм, тело пело, насыщенное энергией, и только моя одежда – все кимоно было залито моей кровью – напоминала о только что прошедшем бое и понесенных мной увечьях.

Уйдя с места боя, я подошел к куратору и тихо сказал:

– Довольны? Хватит вам этого зрелища или еще раз повторить?

– Достаточно, – с довольной миной сказал профессор, и ему вторил куратор:

– То, что хотели увидеть, мы увидели. Следующего противника можете бить как хотите.

Я бесстрастно кивнул и сел на свое место рядом с Лаской, которая с недоумением и некоторой неприязнью смотрела на меня. Она видела, как противник бил меня как грушу, и не понимала – почему я веду себя как безнадежный увальень.

Да мне было плевать, что она думает, – честно говоря, прошлый ее бой открыл мне глаза на то, кем она на самом деле является: кровожадная убийца, наслаждающаяся убийствами и кровью жертв. Впрочем – а кто я? Я – не хуже ли нее? Черный колдун, высасывающий жизнь из людей, вместо того чтобы их лечить!

Следующие противники были вооружены ножами – сантиметров тридцать длиной.

Впрочем, успеха им это не принесло, «манекены» быстро были уничтожены – их же ножами или точными ударами в жизненно важные центры тела.

Ласка, убив своего противника, сделала то же самое, что и после прошлого боя, только еще, облизнув

окровавленную руку, посмотрела мне в глаза – может, почувствовала мое неприятие этого пира убийств, а может, считала, что так выглядит в моих глазах соблазнительнее. В любом случае – я знал, что прежних отношений уже не будет. Я никогда не смогу забыть того, что видел.

Мой следующий противник довольно умело махал ножом, но скорость его оставляла желать лучшего – первым же блоком я сломал ему руку в локте и тут же перебил горло страшным ударом. Никаких магических штучек, никаких «слизней» – две секунды, и труп.

Подумал: «Видела бы мама, во что я превратился, или тетя Оля – которая всегда говорила, что я олух царя небесного и что я тюфяк, который никогда не сможет постоять за себя, даже если об него будут вытирать ноги».

После сегодняшнего побоища нам объявили сокращенный день и отпустили отдыхать. Я гадал, придет ли ко мне Ласка, но так и не решил, хочу ли ее видеть. Чисто физически, наверное, да, хочу – долго обходиться без женщины вообще тяжело, а уж привыкнув к такой красотке... совсем худо было бы без бабы. Но и думать о том, что она в любой момент может вырвать тебе горло, как-то не очень хотелось.

В этот день я напился до пороссячьего визга, благо, что на кухне имелся запас крепкого спиртного – коньяка, виски.

Очнулся я только глубокой ночью, в луже блевотины, дрожащий от холода.

Раздевшись, встал под горячий душ и с наслаждением почувствовал, как вода смывает сегодняшний негатив и клейкие вонючие выделения моего желудка...

С этого дня нам регулярно привозили людей, которых мы убивали различными способами – были поединки и на палках, и даже на саблях, организаторы этого действия, кажется, соревновались в придумывании различных способов уничтожения «манекенов». Может, через камеры они снимали все это на пленку? Ну что снимали-то это точно, вот только не верилось, что они это делают в коммерческих целях, ну как в кино показывают – тотализаторы там всякие... впрочем, все может быть. Этого я не знаю и не узнаю, наверное, никогда.

Наши отношения с Лаской охладели – нет, мы не оборвали их сразу, она еще несколько раз ко мне приходила, но все реже и реже, а потом перестала приходить вообще.

Через какое-то время я увидел ее с молодым парнишкой, само собой из наших, она шла в его комнату и даже не оглянулась, когда я проходил в этот момент мимо нее.

Почему-то меня это вовсе не задело... умерла так умерла.

После этого я пустился во все тяжкие – переспал практически со всеми девушками в группе. По-моему, только с одной не переспал, и то только потому, что она была не в моем вкусе – похожа на доярку из «Особенностей национальной охоты».

Конечно, я не против крепких девушек с глупым выражением лица, но спать с ними как-то не желаю. Увы, ни одна из них и близко не дотягивала до умения и сексуальности Ласки, после нее мне трудно будет подобрать сексуальную партнершу – когда поешь деликатесов, нелегко потом переходить на пшеничную кашу. Но я довольствовался тем, что есть, а однажды, когда мне не хотелось видеть никого из моих «подруг», хотелось отдохнуть от всех, кого лицезрел каждый день, я взял и сказал вслух:

– Хочу женщину, не старше двадцати лет, брюнетку, ниже меня ростом, с короткими волосами и стройной фигурой!

Смешно – но через двадцать минут в мою комнату вошла прелестная брюнетка, улыбнулась, стянула с

себя короткое, практически микроскопическое платье и занялась моими сексуальными проблемами.

Через два часа добротного секса спросила, не хочу ли я, чтобы она осталась на ночь, я отказался, девушка мило улыбнулась, оделась и вышла из комнаты.

Я лежал немного и решил, что это было хорошо, и на хрена мне заморачиваться, окучивая моих соратниц-убийц, когда можно вот так, спокойно и бесп проблемно воспользоваться услугами прелестной красоти.

Подумал еще и громко сказал:

– Спасибо за подарок. Завтра опять вызову. – И пошел мыться.

Наша учеба продолжалась. Нагрузка стала такой мощной, что из моих девяноста килограммов осталось только восемьдесят, я стал жилистым, как вяз, каким-то узловатым – когда я стоял перед зеркалом в ванной, в нем отражался высокий парень с хмурыми глазами, перетянутый мышцами и жилами, как подсушенный культурист, и они все двигались, двигались, двигались...

Вообще-то мне понравилось то, что я видел в зеркале, но какой ценой это достигалось!

Двенадцать часов занятий в сутки. Первая половина дня – физические тренировки, к ним добавилась еще и стрельба из всех видов стрелкового легкого оружия, включая луки и арбалеты. Кстати, тут, как и в метании ножей, у меня неожиданно открылся талант – я спокойно всаживал со ста метров чуть ли не стрелу в стрелу, что из лука, что из арбалета.

Впрочем, из боевого арбалета стрелять было проще, чем из лука, это выглядело почти как стрельба из пистолета, даже прицел на арбалете был лазерным – куда точка упала, туда стрела и попала. Легко. Для меня. Некоторые же курсанты учились этому долго и трудно.

Ножи я тоже метал легко и точно – они почему-то летели всегда острием и втыкались туда, куда нужно, до миллиметра. Мастер даже сказал, что у меня талант к этому делу и я мог бы выступать в цирке – если бы не надо было убить кучу народу, мешающего стране жить. Шутка это такая у него была. Фонтан искрометного юмора, типа того.

Учились мы и менять свою внешность. Мне довелось быть и стариком, и гопником, и даже здоровенной дамой – типа Верки Сердючки, только выше на голову. Курсанты похохатывали, глядя, как я старательно ковыляю в туфлях на высоком каблуке, пришлось научиться передвигаться на этих ходулях – через две недели я уже вышагивал как заправская гламурная кисо.

Зачем все это было? Нам объясняли, что мы должны уметь подойти к объекту незаметно, так же незаметно от него уйти: малейший шум для любого разведчика, диверсанта или ниндзя вроде нас – это провал, огрехи в работе. Подошел, незаметно убил – и незаметно ушел.

Учили нас и воровать – это искусство оказалось очень, очень сложным. Не зря в тюрьме щипачи – воры-карманники считались одними из самых уважаемых людей. Попробуй-ка сопри что-то у живого гражданина из кармана, прилегающего к телу, да еще на глазах окружающих – но это было необходимо для работы, мало ли что может случиться с ниндзя-Тенью, когда он будет на задании.

Да и стимул учиться был весомый – экзекуции были не редкостью, тех, кто не старался справиться с заданием, Мастер несколько раз избивал так, что их уносили с помоста без сознания, и тут уже никакие паранормальные способности не помогали – их запрещено было использовать против администрации учебки.

Трижды я видел, как устраивали аутодафе для проштрафившихся курсантов – дважды это были парни, один раз девушка. Их за руки привязывали к перекладине, предварительно сорвав с них одежду, и били

палками, пока все тело не покрывалось синими полосами, а местами не выступила кровь. Калечить, конечно, не стали, агент с особыми приметами, например от порки, никому не нужен, но всем показали – вот так будет с теми, кто проигнорирует приказы начальства. Все это запомнили...

Я не подвергался ни наказанию, ни особым похвалам – кроме как от Мастера по стрельбе и метанию ножей, старался не высовываться из середнячков, по всегдашней своей привычке не лез на рожон, а потому мои дни шли тихо и размеренно, если не считать те, когда нас заставляли убивать «манекенов». Сколько я их убил, уже не помню. Все они слились для меня в аморфную массу фигур и лиц, я и не хотел их запоминать – так было легче.

После полугода обучения начальство посетила новая шиза – нас стали обучать языкам. Проходило это методом погружения – то есть все говорили с нами исключительно на английском языке, и даже между собой нам было запрещено общаться на русском – только английский, до особого распоряжения.

Вот так пострадала та единственная девушка, которую поставили перед всеми голышом и высекли, превратив тело в сплошной синяк, – она взбрыкнула и высказала свое недовольство. Больше она его не высказывала...

После того как все свободно стали общаться на английском, в том числе вести записи (поганцы – даже телевизионные передачи пропускали только на английском!), нас перевели на немецкий, испанский, португальский, французский... на каждый язык уходило месяца по два – если медведя сильно бить, он начинает ездить на велосипеде.

Последующие языки уже давались легче – видимо, сказывалось знание предыдущих языков, они были все-таки из одной группы. Вот китайский – это улет, тут всем пришлось туго, здесь уже взбрыкнул один из парней, за что и был высечен.

Что интересно, Мастер продолжал обращаться к нам по-русски – правда, мы должны были отвечать на том языке, который в этот момент осваивали. Впрочем, если он и не знал какого-то языка, по нему это не было видно – возможно, он и владел большинством тех языков, что мы изучали.

По правде сказать, и отвечать-то ему обычно было нечего – он просто ставил задачу, и ты должен был ее выполнить, не выполнил – спарринг с ним, где он избивал иногда до потери сознания, не смотря, кто перед ним, мужчина или женщина.

Победить его было нереально – это на самом деле была машина для убийства, если мы тренировались полтора года каждый день, то он это делал двадцать или тридцать лет.

Как я понял по отрывочным мимолетным сведениям, собранным с помощью наблюдений и сопоставления фактов, Мастер происходил из семьи, потомственно связанной с ниндзя, и был взят на службу много лет назад, вначале в качестве оперативного агента, а потом тренера-наставника. В его облике проглядывало что-то восточное – немного раскосые глаза, какие-то движения, мягкие, как у кошки. Он был невысоким, но невероятно сильным, его тело практически было стальным, пробить его пресс не представлялось возможным – удар шел как в стену.

На втором году тренировок нас стали обучать чему-то вроде паркура – то есть бегать через препятствия в городе, с огромной скоростью, на ходу преодолевая оконные проемы, лестницы. Это было понятно, уйти от погони – агент должен это делать лучше всех, несмотря на то что нам вдалбливалось в голову: раскрытый агент почти бесполезен. Но ведь и терять агента, в которого вложили столько денег и усилий, не хочется... да и не простые агенты мы были.

Через несколько месяцев мы уже могли бы соревноваться с паркурщиками, которые совершенствовались в этом деле годами – побегай-ка каждый день, да по несколько часов, да встречая по

пути людей, которых надо выключить в схватке, да стреляя на ходу по мишеням на точность или метая ножи.

Кроме того – мы плавали, ныряли, просто так и с аквалангами, дрались под водой без оружия и с оружием, стреляли под водой и из воды.

Обучались и вождению автомобилей – огромный полигон содержал для этого все необходимое, не было только танков и вертолетов. Впрочем, для обучения их вождению были тренажеры, полностью имитирующие процесс.

В учебных классах нам преподавали способы убийства с помощью различных ядов, которые мы могли приготовить в домашних условиях из подручных средств, как и противоядия, – а ну как доведется вместе с жертвой выпить свою отраву, надо же как-то спастись. Занимались приготовлением взрывчатки, изготовлением отравленных пуль и стрел, стрелок для духовой трубки, изучали специальные средства – типа ампул, раздавив которую в закрытом помещении ты убиваешь всех нервно-паралитическим газом за несколько секунд, если, конечно, предварительно, за несколько часов ты принял противоядие, нейтрализующее действие этой пакости. Иначе самому кранты...

Очень трудно дался мне курс обучения, который я назвал бы – «Грязь».

При моей чистоплотности я с детства терпеть не мог не то что грязного тела, но и каких-то запахов типа сортирных – меня с них просто мутило, то-то мне так трудно было сидеть в СИЗО. Убийца должен быть абсолютно устойчивым к таким раздражителям – вдруг придется спастись по канализационным трубам, лежать в грязи, в дерьме... Вот нас и заставляли лежать и ползать в дерьме, в грязи – тренажеры полностью имитировали канализационные трубы, заполненные полусгнившим дерьмом, и мы сутками находились в этой пакости, пока у всех не исчез рвотный рефлекс.

Запах падали – рядом с полуразложившимся трупом собаки, покрытым белыми отвратительными червями, я однажды пролежал сутки – казалось, этот запах, вьевшийся в меня, не исчезнет никогда.

Но вот трупы людей... где они взяли эти трупы? В морге? Или это были трупы тех, кого мы убивали на спаррингах? Наверное.

Эти раздувшиеся, отвратительные, с хлопаньем лопавшейся кожей, раздутой газами, и оскалом полусгнившего черепа – они будут мне сниться еще много лет... если я выживу.

Приходилось взваливать их на себя, маскироваться под труп и лежать часами, долгими, долгими часами, ощущая, как на тебя капает гниlostная жидкость из раздувшегося тела.

Тогда и сорвался второй из парней – возмущившись, заявил, что это бесполезная тренировка, ни к чему не пригодная, а он трупов боится с детства. Его избили, потом посадили в яму с дерьмом, где он и сидел по шею, без воды и еды.

Кстати сказать, ямы с дерьмом не избежали и все мы, сидели там как миленькие. Ну это-то я еще понимал: вдруг дожидаться жертву, например, какого-нибудь боевика, бандита, придется где-нибудь в сортире в сельской местности.

Как по контрасту, одновременно нам преподавали умение вести себя в обществе, одеваться, понимать живопись и искусство – слава богу, хоть не требовали петь или играть на музыкальных инструментах, у меня к этому никогда не было склонности.

Позабавил курс обольщения – как обольстить женщину (соответственно для женщин – как обольстить мужчину), как вести себя в постели, что нужно уметь, как двигаться и – опять же для женщин – как изображать оргазм, если его нет.

Приглашались объекты соблазнения – после них можно было стать импотентом – толстые и худые тетки разных возрастов, и мы, мужчины, должны были изображать неземную страсть и удовлетворять их по всем правилам.

Хорошо хоть, что времени на обучение этому отвели немного, иначе и правда могли привить отвращение ко всему женскому роду. Столько уродин в своей постели я не видел никогда, ни до, ни после.

Это все было понятно – агент должен уметь втереться в доверие, соблазнить женщину, доказать ей, что он не ради денег или доступа к чему-то тайному ее соблазнил, и изобразить настоящую неземную страсть.

Трудно изображать страсть к стодвадцатикилограммовой туше, которая радостно похрюкивает под тобой во время акта и требует активности в постели...

Женщинам вроде как должно быть проще, но одна из случайных партнерш-курсанток жаловалась мне на то, что от них требуют всех удовольствий, какие может предложить женщина, вплоть до совершенно извращенных, и чтобы при этом она еще стонала, кричала якобы в потрясающем оргазме, – и я подумал, что это, пожалуй, еще хуже, чем упражняться с толстушкой, пахнущей потом и селедкой.

Тяжко далось сыроедение – это когда какое-то животное убивают голыми руками, раздирают на части и поедают еще сырым, теплым, выпивают кровь. Жрали всё – кошек, собак, баранов, змей... Я зажал себя и старался не думать, что делаю. Человека убить мне было уже несложно, но убить кошку или собаку – все в душе переворачивалось.

Увы, тут всегда действовал принцип – или ты убиваешь, или тебя убивают. И мы убивали, жрали, лежали в дерьме, снова убивали и к концу второго года обучения превратились даже не в людей-убийц, а в каких-то монстров, человекоподобных машин для убийства.

Но, как оказалось, обучение еще не было закончено. Это была только теория... практика началась позже.

Однажды нас всех собрали в учебной комнате, и Николай сказал нам:

– Вы закончили теоретический курс. Теперь вас будут выводить на практические занятия – в город, в село, в лес. Не забывайте, что за вами сверху постоянно наблюдает спутник, и не один, мы знаем о всех ваших передвижениях, о всех ваших словах, все ваши помыслы – если попытаетесь бежать, поймаем, и наказание будет очень жестоким, как и за отказ выполнить задание. Надеюсь, за два года в этих стенах вы уже поняли, что с вами не шутят! Вы – наши. И всегда будете наши. Назад дороги нет: не выполняете условия – вы погибнете. Я вообще удивлен, что у вас все дожили до окончания курса. Видимо, сказалось то, что ваша группа особенная, обычно при обучении гибнут процентов тридцать – сорок курсантов. Да, вы не одни проходили такие курсы, есть и еще группы, и в случае вашего неповиновения они будут вас отслеживать и убивать, как и те, кто сидит сейчас рядом с вами, – иначе погибнут сами. Каждый из вас должен быть готов выполнить любой приказ – даже если вам скажут убить своего товарища, с которым вы учились тут два года. Или подругу, с которой делил постель эти годы. Или друга. Запомните – вы не принадлежите себе, вы оружие, которое мы выковали. Ладно, перейдем к делу. Завтра вы будете заброшены в город. Ночью, парами, в самый криминальный район. Назовем это – операция «Чистка». Города будут разные, крупные и не очень, девушки должны быть в вызывающе откровенных нарядах, завлекательно накрашены, парни наденут очки без диоптрий, одежонку попроще. Цель – спровоцировать хулиганов, чтобы они зацепились за вашу девушку и попытались напасть на вас. Ваша задача – убить всех, кто при этом будет. Если попадется прохожий, который это увидит и сможет вас опознать, – убить и его. Повторяю: мы следим за вами. Если вы не выполните приказ – будете жестоко наказаны. Партнеры будут выбраны произвольно, по нашему выбору. Одежда вам уже

приготовлена. Разойтись по своим комнатам и ждать указаний.

Придя в свою комнату, я переоделся в маскарадный костюм, посмотрел на себя в зеркало и усмехнулся. Ужасные брюки фабрики «Волжанка», джемперок из той же коллекции «прощай молодость», какие-то плетеные сандалии коричневого цвета, очки... ох уж эти очки! Это было конкретное издевательство – коричневая оправа из дешевой пластмассы, стекла, через которые я видел как обычно, но со стороны казалось, что без этих очков я и трех шагов не смогу сделать. В общем, отвратительный ботан, которому так и хочется дать в глаз.

Будущее задание не вызывало у меня протеста, я ненавидел гопников, как и каждый нормальный человек, очистка мира от них – дело святое. Но занимало меня совсем другое – как мне выбраться из всей этой чертовой бодяги? Как, используя свои прежние и новообретенные способности, вырваться из рабских сетей? Тем более что мать моя остается в заложниках.

Решил для себя: пока не буду рыпаться, нужно вначале осмотреться, к тому же нас точно будут сейчас усиленно пасти, отслеживая каждый шаг. Пока я не усыплю их бдительность, о побеге и думать нечего. Каждый месяц я общался со своей матерью – по видео. Она казалась спокойной, только отвечала на вопросы будто механически. Я не понимал почему, потом решил – она все-таки под контролем, рядом чужие, вот и боится говорить, что думает. Скорее всего, ее тоже там держат в ежовых рукавицах, на положении пленницы, так что не стоит ожидать от нее особой откровенности.

Я лег на кровать, закинул руки за голову и стал размышлять. Интересно распоряжается судьба – из лекаря, который хотел осчастливить людей, я превратился в безжалостного и страшного убийцу. Кто бы мог подумать, что из спокойного и немного нерешительного пацана выйдет такое? Бежать? Но как? Ну ладно, вытащил я капсулу, освободил мать – куда деваться? И тут же себе ответил: да куда угодно. Теперь я могу добыть денег любым способом – даже грабежом, меня вряд ли сумеют остановить, кроме того, по всей стране раскиданы тайники с оружием, деньгами, продуктами – надо просто знать, где они находятся. Мы знали. Это были специальные тайники для диверсантов на задании, и они могут быть вскрыты в особом случае – например, если агент полностью потерял связь с Базой, а для выполнения задания ему необходимы средства и оружие. Десятки таких тайников располагались по России и в зарубежье – нам навсегда вдолбили в голову их расположение. Опрометчиво с их стороны? А что они теряли? Мы же под постоянным контролем...

Эти два года я много размышлял о своих паранормальных способностях – о сути «слизняков», откуда берутся другие «слизняки» и почему я не могу просто запустить «слизняка» в мир, чтобы он выбрал себе жертву. И признавался себе: может, и могу, вот только что – я пущу «слизняка», чтобы он напал на кого угодно? На старика? На женщину? На ребенка? До сих пор я напускал их только на тех, кто причинил мне зло... или по приказу. Тут я тоже ничего не мог сделать – или я умру, или они. Мои жертвы. А мне все-таки хотелось пожить, как бы эгоистично это ни выглядело. Ну не герой я, не герой, да!

Занимало и то, куда девается «слизняк» после гибели жертвы – он просто лопался, как и тогда, когда я касался его рукой, исчезал, как только пропадал источник жизненной энергии.

Интересно было, куда шло большинство нитей. Они уходили, как я заметил, в определенном направлении, видимо, где-то был пункт – поселение или еще что-то такое, где располагалось множество таких, как я, колдунов. И похоже, не одно поселение – я отследил как минимум десяток направлений, еще когда был вне стен учебки. То есть, скорее всего, этих поселений было много.

Но это все потом – вначале надо выйти отсюда, обосноваться на свободе, а потом уже можно заняться исследованием направлений, в которых уходят нити.

До сих пор не понимаю, почему мои пленители не заинтересовались – могу ли я направлять своего

«слизняк» туда, куда мне надо, если объект находится вне пределов видимости? Да и самому мне до недавних пор это не приходило в голову... и экспериментировать – пока – я не собирался.

Открылась дверь, и вошел один из служащих учебки.

– Пойдемте. Я провожу на выход.

Я вскочил и пошел за ним, глядя в стриженный затылок провожатого. Я не знал его имени – все контакты с персоналом учебки пресекались, а служащие не отвечали ни на какие вопросы, видимо, их предупредили об этом, и они строго выполняли условия.

Пройдя длинными коридорами, мы вышли в большой гараж, заставленный различными автомобилями – от «Волг-двадцатьчетверок» до дорожных «мерседесов» и лимузинов, автомобили тут были на все случаи жизни.

Меня подвели к неприметному «Мерседесу-Вито», микроавтобусу с наглухо тонированными стеклами, мой провожатый открыл дверь и жестом предложил мне войти в салон.

Там уже сидела девушка – это была та самая беленькая Заря, на которую я обратил внимание еще во время первого поединка с «манекенами». Она выглядела как хрупкая школьница лет шестнадцати-семнадцати, хотя на самом деле, как я знал, она была на год младше меня, ей было двадцать три года.

Я лучше ее узнал, когда мы несколько раз от скуки переспали. В постели она ничего особого не выказала – довольно сексуальная, но против Ласки, конечно, холодновата, ну что сказать, блондинка, она и есть блондинка. У меня с ней были ровные, дружеские отношения, без особой приязни, но доброжелательные – никаких негативных чувств я к ней не испытывал, это точно.

Возможно, при выборе напарников руководство ориентировалось на результаты двухлетних наблюдений – ведь напарник в опасной ситуации должен прикрыть спину, а как прикрывать спину человеку, который тебе неприятен? Были, конечно, неприязненные отношения в группе – хотя я лично ни с кем не ссорился, но видел какие-то разборки между курсантами, быстро пресекаемые начальством.

Заря была одета в микрошортики, обнажающие ее длинные красивые ноги, покрытые сильным ровным загаром, как будто она только что вернулась с курорта. В учебке были солярии, в которые в обязательном порядке регулярно отправлялись все курсанты – без солнца, без ультрафиолета, человеческое тело не может полноценно жить, да и нельзя показываться в свободном мире в таком виде, как будто два года отсидел в подземной тюрьме. Сейчас был конец лета, а посему вид курсанта должен был соответствовать этому времени года.

Грудь Зари с крепкими торчащими сосками обтягивал небольшой топик, открывавший плоский живот с дольками мышц, как у спортсменки. Мелькнула мысль – надо было ей прикрыть живот, а то сразу видно, что девушка очень тренированная, теряется аура незащитности глупой лохушки.

В пупке у нее был сделан пирсинг – вставлено кольцо с небольшим блестящим камешком, раньше его не было.

Я приподнял брови, увидев ее пупок, знакомый мне по прежним встречам, она улыбнулась и спросила:

– Нравится? На прошлой неделе вставила. Красиво, да? Настоящий брильянтик, как мне сказали!

Камешек и правда сверкал и притягивал взгляд, я подтвердил:

– Да, прикольно.

– А видишь, какой мне кулончик дали – с изумрудом, и браслет на руке, и смотри, цепочка какая на ноге. – Она показала на лодыжку, которую охватывала довольно толстая желтая цепь, не оставляющая

сомнений в том, что она сделана из золота. – Так что я теперь приманка, а ты основная ударная сила, учти. – Заря осмотрела меня и хихикнула. – Вот заразы! Что они из тебя сделали! Такой красивый представительный парень был, и получился ботан, да еще какой-то полудурок! Такому заехать по носу – дело святое!

Мы с ней посмеялись, машина мягко завелась и тронулась.

Кто там сидел за рулем, куда мы ехали, я не видел – салон был отгорожен от водительского сиденья непрозрачной перегородкой, а окна наглухо забраны пластиковыми белыми пластинами.

Ехали мы часа три, не меньше, меня слегка укачало в дороге, и я уснул – всегда, когда ездил в автобусах или автомобилях, меня тянуло в сон, с детства.

Наконец машина остановилась, и голос из переговорного устройства, искаженный динамиком, сказал:

– Прибыли на место. Под сиденьем у входа пакет – там деньги и ваши документы. Осмотрите его и, как будете готовы, выходите на задание. По окончании задания с вами свяжутся.

Я заглянул под сиденье – да, небольшой пакет, завернутый в плащевую ткань. Развернул – в нем стильная женская сумочка в тон легкомысленному наряду моей спутницы, сотовый телефон, небольшая пачка денег. Пересчитал – около тысячи долларов пятидесяти- и двадцатидолларовыми купюрами, двадцать тысяч рублей тысячными бумажками. Паспорт с моей фотографией и совсем не моими фамилией, именем и отчеством – теперь я был Фоменко Сергей Викторович, двадцати четырех лет от роду, проживающий: г. Урюпинск, улица Строителей, дом десять, квартира пять. Меня даже покорежило – вот вроде все продумывают, а вместо моего города какой-то Урюпинск поставили! С какого хрена? Юмор, что ли, такой? Да еще улица Строителей! Комедий нагляделись, что ли! Да по фиг мне, ладно.

Рассовав деньги и паспорт по карманам, я поднял глаза на Зарю и сказал:

– Я Фоменко Сергей Викторович. Ты кто?

– Лазутина Елена Макаровна. По паспорту.

– Ясно, что по паспорту... Не в Урюпинске живешь? Глянь прописку...

– Не-а... Волгоград. А тебе Урюпинск поставили? Вот хохмачи! Легендарный «город-призрак», как Китеж, – Урюпинск! Ну что, готов?

– Я-то всегда готов. Ты как?

– И я готова.

– Тогда пошли!

Я открыл дверь микроавтобуса и вышел в вечернюю прохладу, даже не подумав подать руку подруге, потом сообразил – прокол! Теперь мы не равнозначные курсанты, а парень и девушка!

Обернулся и подал руку выходящей из машины Заре. Она удивленно приподняла брови, потом кивнула с улыбкой – поняла.

После того как она захлопнула за собой дверь, микроавтобус сорвался с места и унесся по улице, оставив нас вдвоем.

Я огляделся – это была набережная реки, закрытая дощатым грязным забором. С другой стороны – высокий бетонный забор, вроде как промзона, вдоль которой тянулась длинная пыльная улица, сплошь изъеденная рытвинами и усыпанная вдавленными в землю крупными кусками щебня и кирпича.

Заря с видимым отвращением обвела взглядом этот апокалиптический пейзаж и со вздохом сказала:

– Мерзость какая. Типичный заводской район – я в таком родилась. Безднадега, грязь, быдло и бандитва. Ну что ж, пошли искать, где тусуется народ. Зови меня Леной. Я тебя буду звать Серегой – все по паспорту.

Я согласно кивнул, и мы пошли по улице, предполагая где-то впереди жилой массив.

Через полчаса – все это время я держал мою подругу за голую талию, время от времени опуская ладонь на ее гладкое бедро (приятное ощущение, надо сказать! Давно я не прохаживался с девчонкой в обнимку!) – мы вышли к спальному району, состоящему из испещренных желтыми потеками пятиэтажек и так называемых «жактовских» домов – двухэтажных мерзких сооружений, крытых дранкой и выкрашенных в грязно-коричневый цвет.

Мне сразу вспомнилось, как однажды искал дом своего товарища, у которого надо было забрать какую-то вещь, уже не помню какую, и ориентир он мне дал странный – влево от дома Чикун. Я выразил недоумение – что это за Чикун такой, так у него даже глаза на лоб полезли. «Как? Ты не знаешь, кто такой Чикун? Это же такой крутой бандит, его все знают!»

В общем, для заводских ребят крутой бандит был их идеалом, а его дом – ориентиром, вроде как Кремль или собор Парижской Богоматери.

Увы – мало что изменилось за годы. В заводском районе ходить в вечернее время – я знал это давно – было опасно даже взрослым людям, а уж подростки или молодые парни точно подверглись бы агрессии, про девушек и говорить нечего.

Когда затихал город и наступал вечер, районом правили молодежные бандгруппировки, поделившие всю территорию на сферы влияния. Вот в такой район нас и забросили, типичных жертв предполагаемого нападения.

Мы прошли через дворы, как будто прогуливаясь, – было еще довольно светло, солнце только что село, и за горизонтом торчал его край, багрово подсвечивающий облака, отчего казалось, будто на них выплеснули кровь с молоком.

С полчаса никто не обращал на нас внимания, и только когда мы прошли мимо бывшего кинотеатра «Космос» с покосившейся от времени вывеской, где тусовалась толпа гопников, кто-то заметил нашу парочку и, показывая пальцем на Зарю, прогнусавил, чвиркнув сквозь зубы густым плевком:

– Пацаны, гля – чувак какую биксу отхватил! И вся в рыжье! Ну фартовый! А сам-то, гля, лох педальный, в очочках, интеллигент, наверна. А бикса-то, глянь, какая – так и крутит задницей, так и просится на... Нет, ну в натуре, почему вот одним все, а другим ниче?

В толпы засмеялись, а кто-то глумливым голосом сказал:

– Серый, кому че, кому ниче, а кому... через плечо! Это тебе через плечо, а не эту биксу! Слабо такую отыметь? Прикинь – они щас придут домой, он стянет с нее эти труселя... и ка-а-ак отходит ее! А ты будешь тут харкать и шкурку гонять за забором!

– Ты че, в натуре, оборзел, Гвоздь?! – взъерепенился Серый. – Че лепишь, козлина?

– Че, я козлина?! Да ты сам козел, в натуре!

Гвоздь бросился на Серого, попытавшись врезать ему кулаком в нос, тот ответил, завязалась потасовка, но их быстро разняли, и они стали что-то обсуждать, потом Серый с тремя гопниками исчез в темноте дворов.

Мы издали слышали часть их выкриков и были настороже – я знал, что кто-нибудь из них все равно в нас вцепится, а это и было нашей целью, целью нашего задания.

Мы прошли дальше и оказались у двух одноподъездных девятиэтажек с поломанной детской площадкой возле огромной грязной лужи, в которой утонули останки старого велосипеда и куча картонных коробок из ближайшего магазина «Продукты». Оглядевшись, я подтолкнул Лену к росшим возле домов кустам сирени и тихо сказал:

– За нами наблюдают. Давай, целуемся. Они где-то тут...

Лена повернула ко мне лицо, я обхватил ее руками, впился в ее губы длинным, горячим поцелуем и не отрывался до тех пор, пока рядом не выросли темные фигуры в трениках и фуражечках.

– Слышь, ты, лох педальный! Поделись биксой, не все тебе ее лапать! Ты че, в натуре, не слышишь, г..?

Я, как будто только что заметил гопников, сделал удивленное лицо, поморгал и сказал:

– Вы чего пристали? Уходите! Я жаловаться на вас буду!

Гопников просто повело со смеху.

– Жаловаться, умора! Серый, видал козла? Козел и есть – стукач, в натуре! Ментовская прокладка! Надо и спросить с него, как со стукача! Слышь, козел, оставляешь нам свою биксу, деньги из карманов и уйдешь отсюда почти целым – только пенделей парочку получишь. Нет – щас опустим тебя, как козла!

Я переглянулся с Зарей, толкнул ее в плечо, и мы кинулись бежать к пустырю, как будто надеялись уйти от преследователей, затерявшись в сумерках.

На самом деле наша задача была увести погоню от любопытных глаз – лишние свидетели нам были совсем не нужны.

Гопники будто того и ждали – с гиканьем кинулись за нами, радостно гогоча и завывая от предвкушения кровавой потехи. Они были похожи на стаю шакалов, загоняющих раненых антилоп...

Мы с Леной бежали быстро, для нас это была легкая пробежка после двух лет тренировок в учебке, и я постоянно сдерживал ее, наблюдая за тем, чтобы гопники не отставали.

Наконец я решил, что место нам подходит: впереди огромная труба теплоцентрали, в зимнее время, как водится, отапливающая мировое пространство, справа и слева густые заросли какого-то кустарника, а сзади гопники, запыхавшиеся от бега, но торжествующие – жертвам некуда бежать, попались!

Они обступили нас полукругом, в сумраке позднего вечера я посчитал – их было шесть человек.

Вперед вышел старший, в кепке-восьмиклинке, излюбленном головном уборе этих придурков, не знаю, почему они любят эту кепку, и сказал запыхавшимся глумливым голосом:

– Попались! Сейчас твоя телка будет обслуживать нас по очереди, а ты будешь смотреть и ей помогать. Потом соберете все свои цацки и отдадите их нам – за ущерб. Я, когда бежал за вами, ногу ушиб, мне на лечение надо!

Шпана захихикала, предвкушая зрелище и удовольствие, а старший достал нож-«бабочку» и демонстративно закутил его в руке.

Я посмотрел на Лену и шепнул:

– Пока не вмешивайся, я сам, не пачкайся. – Снял очки и отдал ей.

Шпана с интересом наблюдала за моими манипуляциями, отпуская скабрзные шуточки и беспрерывно матерясь, потом старший сделал шаг ко мне, намереваясь что-то сказать или сделать, – и умер.

Я мгновенно схватил его за голову, крутнул немного вверх и в сторону, переломив шейные позвонки, как кусок хлеба. Он не успел даже взмахнуть рукой, воспользоваться ножом или что-то сказать – настолько быстро это было сделано.

Остальные оцепенели, увидев, как их главарь мешком падает на землю, а я уже напал на следующего, ударом в живот разбив ему печень. Затем еще один – с вбитой в мозг переносицей.

Тут гопники начали понимать, что их убивают, и кинулись бежать. Я догнал двоих – одному перебил позвоночник, второму проломил затылок.

С досадой отметил, что один ушел в сторону, но тут же увидел выходящую из кустов Зарю – она обтирала о пучок травы «бабочку», конфискованную у главаря.

– Тот тоже готов.

Я кивнул и проверил лежащих – все были мертвы, кроме одного, с перебитым позвоночником, который завывал и пытался уползти на руках, причитая что-то типа «Мы просто пошутили!».

Заря наклонилась и спокойно, как будто нарезала сыр, дважды воткнула «бабочку» ему под сердце. Бандюк несколько раз дернул ногами и затих, глядя в небо пустым взглядом.

Лена молча вытерла рукоять ножа о его рубашку и бросила нож на труп.

– Ну что, Серега, вроде как мы задание выполнили. Пошли искать пристанище, спать-то где-то надо! Не в кустах же...

– Надо к центру, что ли, пробиваться... сказали, что известят, когда задание будет выполнено, и нас заберут. Пока никаких сигналов не было. Ладно, пошли. Найдем остановку маршруток – там обычно таксеры стоят, сейчас найдем кого-нибудь до центра.

Поблуждав немного по дворам, мы вышли к освещенной остановке, окруженной кучкой ларьков. На запоганенном содранными и висящими объявлениями столбе висели желтые таблички с расписанием маршрутов автобусов, никогда в жизни не ходивших по этому расписанию, на скамье сидели двое пьяных мужиков с такой же пьяной, одутловатой бабой, и рядом стояло несколько машин с шашечками, потрепанных, выдавших виды.

Я подошел к старому красному «Опелю-Кадету» с желтыми шашками на крыше и спросил у пожилого кавказца за рулем:

– До центра сколько возьмешь?

– А куда в центр?

– Куда-нибудь, только отсюда подальше.

Кавказец понимающе окинул взглядом меня, мою подругу в сексуальном наряде и ответил, усмехнувшись:

– Ну если подальше, тогда – триста рублей. Устроит?

– Устроит. Лена, давай на заднее сиденье!

Я подождал, когда она сядет, и устроился рядом на продавленном старом диване, провалившемся до самого пола. Водитель завел мотор, и машина тронулась с места, а я полез за деньгами, надеясь, что это рухлядь все-таки довезет нас до центра города.

Глава 5

За окнами машины тянулись частные дома, заборы каких-то торговых баз и организаций, фары высвечивали в ночи зеленые глаза бродячих кошек – одна чуть не попала под колеса нашего такси, и водитель выругался:

– Вот сколько езжу, собаки редко попадают под колеса, умные потому что, а эти кошки дурные летят наперерез, не разбирая дороги, как ночные тени, и вечно оказываются в беде – под брюхом машины или под колесом. Хорошо хоть они живучие – трудно задавить, бывает, прогромыхает под днищем, вскочит сзади и дальше побежала! Вот дурные твари!

– Действительно дурные, эти ночные тени, – усмехнулась Заря, – и хорошо, что их убить трудно. Пусть живут, правда, Серега?

– Правда, – улыбнулся я, – им же тоже хочется пожить...

– Все хотят жить, да! – продолжил разговор водитель и завел какую-то свою таксистскую рассказку про трудную жизнь, про сноху, которая не хочет работать, и глупого сына, который ее никак не прогонит и не возьмет правильную девушку из своей деревни.

Я слушал его, обнимал прижавшуюся ко мне Зарю и думал: если бы это было в обычной жизни, я бы сейчас наслаждался – со мной красивая и, как ни странно, при своей красоте умная девушка, я еду на такси в центр города, и у меня в кармане приличная сумма, чтобы пару дней очень недурно погулять. Чем не счастье? Только надо забыть, что я раб, что я наемный убийца на службе у беспринципных и жестоких людей. Знал бы этот мужик, кого он везет, обделался бы от страха...

Такси, ровно шелестя двигателем, выскочило на оживленную трассу, водитель выругался – несмотря на поздний час, машин было полно – мажоры носились по улице, катая своих телок, хвалясь друг перед другом новыми тачками, купленными папами и мамами, свысока смотря на тех, кто едет на российских или не очень новых машинах.

Каждый из этих людишек, только что научившийся писать стоя, а не на горшке, почему-то считает, что это не его родители добились чего-то в жизни, а он сам, такой крутой, такой важный – очень значимая фигура в этой жизни.

Один такой пристроился сзади нас и начал лихорадочно мигать фарами, показывая, чтобы наша машина уступила ему дорогу.

Водитель выругался:

– Шайтан! Сын осла! Куда я денусь – у меня справа и слева машины! Он что, мозгами тронутый?!

Мажор в конце концов, ревя сигналом, как-то втиснулся между нами и машиной справа, подрезал нас, наш водитель только успел покрутить пальцем у виска, показывая этому придурку, что тот ведет себя ну совсем уж неадекватно.

Похоже, этот debil заметил жест водителя, резко затормозил и стал специально ехать очень медленно, не давая нам проехать, а потом вообще встал.

Дверцы «Фокуса» с наглухо тонированными стеклами открылись, и оттуда вылезли три патлатых пацана лет двадцати, подошли к водительской дверце нашей машины, и один из них вразяжку процедил:

– Ты че там показывал, чмо? Ты че, в натуре, попутал? Ты, козел вонючий, на кого попер, рожа таксистская?

Второй пацан открыл дверцу, вытащил водителя, испуганно сжавшегося, как заяц, и ударил его в лицо. Мне стало так гадко, так противно – таксисту было лет шестьдесят, не меньше, а этот малолетний подонок бьет его, как одногодка, и ведь видит – сухонький дедок даже сдачи не может дать!

Мажор ударил его уже раза два, когда я распалился и крикнул яростно:

– Эй ты, гаденыш, оставь мужика! Что, на кого-то посильнее духу не хватает нападать, старика выбрал? Гниль болотная!

– Че-о-о? – протянул мажор. – Иди сюда, урод! Сейчас и тебе хватит! – И присовокупил матерное слово.

Заря тихо сказала:

– А чем они отличаются от тех? Только осторожнее...

Я медленно вышел из машины, подошел к группке негодяев, радостно глумившихся над лежащим на асфальте водителем, с прибаутками и плевками пинавших его в бок, и первым же ударом убил того, кто вытаскивал мужика из-за руля – я разбил ему грудную кость, хрустнувшую как дранка, и остановил сердце.

Второй попытался меня ударить в подбородок – я уклонился и, сломав ему руку захватом, ударил в горло, перебив гортань и заставив захлебнуться в своей крови... Говорят, когда легкие наполняются кровью, человек видит какие-то прекрасные картины, возникают галлюцинации, интересно – что он увидел, когда его кровь забулькала в горле?

Третий попытался скрыться, я поймал его уже у дверцы «Фокуса» и сломал ему шею. Сунул голову в салон – больше в машине никого не было.

Быстренько подхватил трупы, закинул в машину, обтер ручку и саму дверцу подолом рубахи, включил аварийку и оставил «Фокус» стоять посреди дороги – пока разберутся, чего тут мажоры стоят, пройдет время, а нам этого и надо.

Скомандовал Заре:

– Быстро на переднее пассажирское сиденье!

Подхватил бесчувственного водителя и положил его назад, сам сел за руль, поморщившись, отрегулировал сиденье – еле поместился, водитель был маленький и сухой, завел мотор и рванул вперед. Через минуту машина пожирала километры городских улиц, как будто всегда управлялась одним из блуждающих в ночи Теней...

– Как отмажемся? – спокойно спросила Заря. – Водитель может сдать. Валим?

– Нет, – отмахнулся я, – будет молчать. Он уже небось и не помнит, кто это был и как был – не свяжет парочку ботан с секси-телкой и три трупа. Просто не поверит. Сейчас поставим тачку где-нибудь у магазина, его за руль, очнется – и не поймет, что было, а мы другую тачилу поймаем. Он не очнулся там?

Заря оглянулась:

– Нет, в отключке. Этот козел ему сильно наподдал.

– Сунь ему штуку в карман, пусть хоть немного утешится. Нет, не надо, не поймет откуда, станет вспоминать – три сотки ему положи, как договаривались. Подумает, что мы вышли, а он уснул. Все, тут выходим!

Я остановил «опель» у магазина, который, судя по включенной лампочке сигнализации, уже не работал, перетащил водителя на переднее сиденье и захлопнул дверцы, поставив все в положение «закрыто», чтобы никто его не обворовал. Мужик сидел за рулем, откинувшись на спинку, как будто спал, а

не был в отключке, так что ни у кого не останется и тени сомнения, что он просто отдыхает.

Машины резко тормозили возле голосующей Зари и, заметив рядом меня, разочарованно отъезжали, только один молодой джигит все никак не хотел отвалить, нахально предлагая девушке ехать с ним и бросить этого лоха, но после того, как она посулила откусить ему нос, с матерной руганью умчался, сжигая резину на своей тонированной «Приоре».

Я ухмыльнулся:

– Ты имеешь успех, моя дорогая!

– Это мои гребаные шорты, которые мне всю задницу уже испилили, имеют успех! – рассмеялась Заря. – Ага, вон такси едет!

Да, в ночи засияли подключенные к системе автомобиля «шашки», и скоро мы сидели в уютном салоне «Тойоты Короллы» и наслаждались покоем. Даже Теням иногда хочется отдохнуть...

Высидевшись в начале центрального проспекта города, мы потихоньку побрели по тротуару, осматриваясь и решая, что будем делать. Я предложил:

– Давай мы сейчас возьмем номер в гостинице, а потом погуляем по проспекту, в ресторанчик зайдем? Я ни разу еще не был в китайском ресторане – всегда пробежал мимо и мечтал, что, как заведутся деньги, пойду и закажу что-нибудь экзотическое. Сходим?

– Ага, пошли номер снимем, а потом прогуляемся. Я столько времени уже не была в городе, так хочется немного побродить... загребли эти пустые скучные коридоры Базы.

По вывескам мы нашли гостиницу с громким названием «Европа», и я решительно толкнул высокую тяжелую старинную дверь, попав в царство совка и безнадежного плюшевого хамства.

Дежурная презрительно глянула на нас – я в ужасной затрапезной одежонке лоха, Заря в проститутском прикиде – и сказала брезгливо:

– Что хотели, молодые люди?

– Вообще-то здравствуйте, – холодно произнес я, глядя в наглые, бесстыжие глаза дежурной.

– Ну здравствуйте, – ничуть не смутилась баба. – И что хотели? Мы не сдаем номер на час!

– Нам нужен двухместный люкс, пока на сутки, – сухо объявил я.

– Люкс стоит пять тысяч в сутки. Будете брать? Платить будете наличными? Паспорт с собой? Кто будет жить?

– Мы будем жить. Я и моя девушка.

– Паспорта есть?

– Есть. Вот.

– О-о-о! Да вы не муж и жена... мы не можем селить разнополых, не мужа с женой, в один номер.

– У нас есть свидетельство о браке! – хмыкнул я.

– Покажите! – лупая глазами, потребовала эта сорокалетняя дебелая бабища с сожженными химией волосами.

Я достал из кармана пачку денег.

– Вот одно свидетельство, вот другое. – Отсчитал две тысячи и положил ей на стойку. Уважаемая, давайте побыстрее оформим, мы еще хотели в ресторан сходить, есть хочется!

– Да-да, конечно! – залебезила эта матрона. – Сейчас, сейчас оформим! Вы не сердитесь, правила такие, с нас требуют... но если очень надо, солидные гости – конечно, мы идем навстречу!

Я слушал ее лепет и думал – интересно, а за сколько она прямо тут, у стойки, сделает мне... Стало противно, и я отвернулся к стене, рассматривая какие-то офорты, изображающие виды города.

Наконец оформление завершилось, нам выдали ключ, и мы отправились по широкой каменной лестнице вверх, в свой номер.

Гостиница была старой, и хотя из нее явно пытались сделать что-то современное, ничего не вышло – плюшевая безвкусица и тараканья рухлядь вылезала из-под всех покрасок и фальшивых позолот.

Номер ничем меня не удивил – две комнаты с кроватями, телевизоры, холодильник, бар с напитками. Какие-то дурацкие кресла, с пятнами от поставленных на них стаканов – как ни старались их вывести, эти пятна, так и не смогли. Правда, белье на постели было чистым, и то хорошо. Да и в ванной-туалете не воняло – тоже замечательно.

Осмотревшись, я включил кондиционер, чтобы он к нашему приходу немного охладил воздух в номере, терпеть не могу спать в духоте, затем мы вышли из номера и пошли искать китайский ресторан.

Искать его долго не пришлось, и даже спрашивать не пришлось – запах пряностей, соусов и раскаленного масла разносился на весь переулок, в котором он стоял.

Администратор встретил нас довольно радушно, несмотря на наш дурацкий вид, – в отличие от администратора гостиницы он был человеком умным и понимал, что не все так выглядит, как есть на самом деле, и, если люди сюда пришли, значит, у них есть деньги и они их хотят потратить.

Заглянув в меню, я заказывал разных блюд – тысяч на семь. На удивленный взгляд Зари пояснил:

– Ну не съедим – попробуемся, типа дегустация!

Она хихикнула и кивнула:

– Точно, мы комиссия по дегустации – будем пробовать все, пока не обожремся и не лопнем!

Не лопнули. Мы не спеша ели всего понемногу, под слегка удивленными взглядами официантов, и наслаждались атмосферой экзотики, легкой восточной музыкой, экзотическим видом персонала – после нашего двухлетнего заточения в больничной атмосфере Базы наш мозг, соскучившийся по ярким впечатлениям, жадно впитывал окружающую действительность, похожую на сон.

Я смотрел на свою «подругу» и с грустью думал – как бы хорошо было, если бы она была не случайная напарница по боевому заданию, а просто девчонка, которая сидит со мной за столиком на свидании и мечтает о том, чтобы я ее поцеловал, а может, и больше...

Как будто поняв мои мысли, Заря ласково накрыла мою руку своей и улыбнулась. В тот момент, когда она коснулась моей руки, в моем мозгу вдруг пронеслись, как в калейдоскопе, картины ее прошлого, и я был потрясен тем, что увидел.

Видимо, я изменился в лице, потому что она испуганно привстала и спросила озабоченно:

– С тобой все в порядке? Что случилось?

– Поперхнулся острым соусом – не в то горло попал, – нарочито раскашлялся я, прикрыв рот рукой. – Ну что, может, хватит этого разврата, пойдем к другому?

– А чем займемся? – с интересом спросила девушка. – Пойдем в номер или еще погуляем?

– Хватит, наверное, на сегодня гуляний. Пойдем отдыхать... ну в общем, в номер, – улыбнулся я. – А там как захотим, отдыхать или нет.

Глубокой ночью, лежа рядом с обнявшей меня Зарей, прижавшейся гладким обнаженным телом и сопевшей мне в подмышку, я вспоминал то, что увидел у нее в памяти, – так, как будто видел все своими глазами.

Картинка первая: мать пьяная спит на постели, раскидав ноги в стороны, и ее насилуют пятеро пьяных мужиков. Один обернулся, заметил девочку и сказал:

– Тут ее отродье, смотри-ка, она уже козырная! Я ее тоже хочу! Я литр ставил, а моя очередь никак не доходит!

– Брось, в натуре, корефан, ей всего лет десять, че с ней проку! Стремно, в натуре, пацанку-то!

– Не-э-э... хочу ее!

Девочка закричала, ее пронзила острая боль, и в памяти осталась только мерзкая пыхтящая рожа с капающими слюнями.

Картинка вторая: тонкая детская рука украдкой тянется к кухонному ножу, он такой острый, истончившийся от многочисленных заточек; виден мужик с красным рылом, уснувший рядом с матерью девочки. Рука с ножом на мгновение замирает над горлом лежащего, потом резко опускается, с ударом и потягом, и вот уже мужчина хрипит, заливается кровью и булькает, бессмысленно тараща глаза на девочку и пытаясь зажать струю жизни, красным потоком утекающей из него через рану на шее.

Он падает на пол и в судорогах затихает. Его кореша спят, пьяные и насытившиеся паленой водкой и женским грязным телом давалки за литр водки, и не слышат, как он умирает.

Девочка осторожно вкладывает нож в руку одного из спящих и исчезает.

Картинка третья: грязный туалет, запах табака и мочи – в поле зрения попадает нога и с размаху бьет девочку по лицу.

– На, тварь, на! Будешь лизать, будешь!

Перед ней на унитазе раскорячилась здоровенная шестнадцатилетняя девка с жирными толстыми ляжками и тянет ее голову к своей промежности. Девочка сопротивляется, ее бьют ногами, бьют о край унитаза, потом она, сдавшись, тянется к бедрам ухмыляющейся девки, и вдруг в кадре видна рука девочки с заточкой, которая бьет девку прямо во влагалище! В живот! В ногу! Хлещет кровь, все визжат и разбегаются, а рука поднимается и опускается, поднимается и опускается, и вот уже несколько девиц лежат в луже крови и испуганно всхлипывают:

– Не надо, пожалуйста, не надо! Прости, мы просто пошутили, прости!

Картинка четвертая: стерильная палата с выкрашенными бежевой краской стенами. Потолок в трещинах извести. Склоненная голова санитары в белой шапочке.

– Что, очнулась, буйная? И уколы-то на тебя так не действуют, как на других! Опять покалечила пациентку, нам кровь отмывать пришлось, тварь! Слова ей не скажи, понимаешь! Сразу руки распускать? Сейчас я тебя научу, как себя вести, сейчас!

Опять в поле зрения голова пыхтящего слюнявого мужчины, раскачивающаяся в такт движениям. Три минуты, и он спрыгивает с нее.

– Я еще тебя навещу, и не раз, а сейчас сторож придет – сто рублей тоже деньги! От тебя же не убудет! Тварь! Все вы твари, только прикидываетесь! Понравилось, да, тварь похотливая, понравилось?! Щас тебе Василий...

Картинка пятая – над головой потолок с трещинами, и голос:

– Профессор, вы уверены, что это можно делать? Этот препарат не до конца изучен, побочные эффекты абсолютно непредсказуемы – а вдруг она умрет? Или же действительно потеряет разум?

– Умрет – спишем, мало ли у нас умирает от болезней, они же все больные, а спятит – так на то мы и психиатрическая лечебница, чтобы лечить психически нездоровых людей!

Веселый смех, потом второй голос добавил:

– Эти исследования важны для министерства обороны, для комитета, нам выделяют большие средства – должны же мы, в конце концов, выдать результат?! Нам урежут финансирование, если мы так и будем продолжать кормить их обещаниями. Пора уже перейти к клиническим испытаниям препарата. Это когда испытывали прежние серии, подопытные умирали или превращались в овощ, мы внесли изменения, и сейчас препарат должен сработать более радикально – задача поставлена увеличить мозговую активность человека, а не свиньи и не собаки. Как можно проверить это, если не вводить именно человеку? Сами подумайте, Вячеслав Иванович! Квартиру ведь хотите новую? Хотите. Машину? Хотите! Так давайте работать как следует! Хватит морализаторства – эта безродная никчемная девка, возможно, залог нашего успеха. Ну а если нет – кто о ней будет вспоминать? Лабораторная крыса, никому не нужная. Ну сдохнет, и пусть сдыхает – первый раз, что ли? Держите ее руку, я введу препарат. Дозу увеличим в пять раз, чтобы эффект, если он будет, проявился быстрее.

Картинка шестая: голова санитаря.

– Я пришел, тварь. Позабавимся? Чего буркалы-то вытаращила?! Что? Что ты делаешь?! Не смотри на меня! А-а-а! – Голова захлебывается криком, появляется рука и медленно поднимает уже раскрытый перочинный нож, подносит его к горлу, и сверху льется красный теплый поток, пахнущий железом.

Картинка седьмая: двое в белых халатах, еще трое в гражданской одежде – отличных серых костюмах по фигуре.

Один из тех, кто в белом халате – узнаю профессора, – говорит:

– Выжила пока одна, зато у нее развились экстраординарные способности – она заставила санитаря перерезать себе горло, действуя силой внушения, даже без слов! Очень сильный экстрасенс, кроме того, невероятно быстро запоминает и усваивает материал – за два месяца курс средней школы. Очень умна. Если бы не вставленная в спину бомба, давно бы нас всех поубивала и ушла – останавливает только то, что она понимает, как уязвима, потому что не может воздействовать на операторов вне ее поля зрения. Очень сильная, решительная, расчетливая и абсолютно бесстрашная, как хищный зверь. Родни нет – мать убили пьяные собутыльники. Отца не знает. В психиатрическую больницу попала после того, как убила шестерых насильниц в детском доме, с особой жестокостью, вырезав им языки и воткнув во влагалище. Суд счел, что это ненормально, и отправил к нам. На ней был испытан препарат ганизотрапол 34678, новая версия.

– Мы забираем ее к себе! – решительно сказал человек в сером костюме, я узнал куратора. – Наблюдать за ней вы и у нас сможете, а нам такие зверюги нужны, в спецгруппу. Готовьте на нее документы!

Я долго лежал без сна, потрясенный – сколько пришлось испытать этой девушке, по сравнению с ней мои проблемы, казалось, были более мягкими... И она еще умудрилась не потерять то человеческое, что при рождении закладывается в нас природой – жалость, сострадание, привязанность... А может, только прикидывается?

Я посмотрел на сопящую рядом девчонку, погладил ее по голой спине, она шевельнулась, слегка похлопала меня по бедру рукой и снова крепко уснула. Я улыбнулся – жизнь налаживается? Посмотрим...

Утром мы отправились в магазин – одеваться. Ходить одетым как лох и прикинутой как проститутка

было очень неудобно и неприятно.

Телефон все не звонил и не звонил, я даже проверил – он вообще-то включен или нет? Включен.

В магазине подобрали приличную одежду. Мне слаксы, хорошую голубовато-серую майку, приличные кроссовки – мою стандартную одежду. Заря купила костюм с шортами, только не такими вызывающими, как были на ней, а свободными и элегантными. Косметика у нее в сумочке была, так что покупать ничего не пришлось.

Покупки выбили из нашего бюджета приличную сумму, но денег оставалось еще достаточно, правда, практически одни доллары, надо было обменять.

Подумали – а почему не совместить полезное и полезное? Я спросил у прохожего, где тут ближайший обменный пункт, и мы пошли в указанном направлении.

Через минут пятнадцать я увидел старинное здание – там вроде как находился почтамт, а за одной из дверей расположился обменник, у которого, как и всегда, шастали подозрительные личности.

Мы с Зарей обменялись взглядами, и она сказала:

– Давай я схожу, а ты постой снаружи, посмотри.

– Уверена? – с тревогой спросил я.

Заря грустно улыбнулась и подмигнула мне.

– Расслабился на воле? Забыл, кто я такая? Уверена... мне надо поактивнее участвовать в задании.

Я остался наблюдать возле выставленного на улицу прилавка с пирожками и различным печевом, изображая, что прогуливаюсь и выбираю – чего бы купить, а Заря, коротко переговорив с одним из «жучков», молодым парнем совершенно аферистского вида, вошла в соседний подъезд здания.

Через минут пять туда направился еще один парень – похоже, из этой же группы, и, заглянув, сказал что-то, зашел и исчез внутри.

Минуты три спустя из дверей вышла Заря, отрицательно качнула головой и пошла вниз по улице – там был скверик с густыми кустами и поваленными добрыми гражданами урнами у входа.

Я последовал за ней, наблюдая за происходящим, и увидел, как из дверей, где происходил обмен, выскочили двое парней, подбежали к трем типам, стоящим чуть поодаль, и все пятеро бросились за Зарей вдогонку.

Я чуть прибавил шаг, чтобы успеть к кульминации всего действия.

Зайдя за чугунную решетку заплеванного скверика, сориентировался по направлению – в углу сквера было место, прикрытое большой ветлой, опускающей ветви до самой земли, оттуда слышалось пыхтение, стоны и хруст. В ожидании я остановился, и через минут пять оттуда вышла элегантная, ничуть не вспотевшая Заря, которая тихо обронила:

– Валим отсюда по-быстрому, я тебе потом все расскажу.

Мы быстрым шагом вышли из сквера к дороге, поймали тачку и через пятнадцать минут уже сидели на набережной под колокольчиком навеса и ожидали заказ, сделанный официантке в белом кружевном передничке.

Официантка, приятная, милая девушка лет двадцати, принесла нам мороженое, посыпанное орехами, и, спросила, не нужно ли чего еще. Мы отказались, официантка ушла, и больше нас никто не беспокоил – было позднее утро, солнце всю грело набережную, вбивая острые лучи в раскаленный асфальт, так что народу в кафе почти не было.

Заря открыла под столом сумочку и показала мне толстые пачки денег.

– Улов. Теперь живем. А они нет! – Она усмехнулась. – Как ты и предполагал, меня тут попытались кинуть. В подъезде я отдала ему штуку баксов, парень пересчитал деньги, передал мне российские рубли, я пересчитала – не хватает. Отдала ему для пересчета – старая как мир схема! – тут заглядывает второй и говорит типа с укоризной этому придурку: «Я же тебе говорил, не меняй деньги! Это незаконно!» Первый сунул мне назад доллары – я сразу увидела, что уже подменил какими-то зелеными принтерными ушлепками.

Он попытался слинять, но я врезала ему – не наповал, но так, чтобы не ушел. Второй, видя это, со словами: «Ты че, тварь, охренела?!» заскочил внутрь и тут же получил от меня горячего.

Я забрала у них деньги, положила в сумочку, а придурков оставила там валяться – подъезд жилой, люди рядом, нельзя было убивать, кипеш поднимут. Одна бабка, услышав шум драки, высунулась из квартиры и пригрозила вызвать милицию. Вот я и решила увести этих типов в безопасное место. Получилось еще лучше – они прихватили группу поддержки, видать, побоялись уже вдвоем лупить слабую девушку, – Заря весело рассмеялась, – ну а за кустами я их положила. Вот еще травматика, взяла на всякий случай. Может, выкинуть? Тяжелый, зараза, таскать его замучаешься. Пытался на меня направить, болван... Давай-ка пересчитаем, чего там у нас... – Заря несколько минут пересчитывала толстые пачки и наконец с удовлетворением подытожила: – На конфеты точно хватит – около восьмисот тысяч. Неплохо поработали! Тот случай, когда работа приносит и удовольствие, и хорошую прибыль!

Я покосился на девушку, с детски довольным выражением лица слизывающую с пухлых губ растаявшее мороженое, помедлил и, решившись, спросил:

– Скажи, а ты действительно испытываешь удовольствие, убивая людей?

Заря отложила ложечку, откинулась на спинку стула и с неудовольствием воззрилась на меня.

– Все было так хорошо! Ну зачем вам, мужикам, всегда надо все испортить? Зачем лезть в душу и ковыряться там? Ну вот зачем сейчас ты это спросил? Если я скажу, что получаю удовольствие, ты меня бросишь и уйдешь с гордой рожей? А если скажу, что нет, ты забудешь о том, что я профессиональная убийца, положившая десятки людей? Ты с какой целью это спросил? Испортить мне настроение? – Заря явно рассердилась и чуть не шипела, как кошка. – Да, я испытываю удовольствие, убивая этих подонков! Они мне всю жизнь сломали! Вместо того чтобы учиться в университете, скакать в ночном клубе и кататься на красивой папиной машине, я кочевала из детского дома в психушку, меня били, насиловали, унижали, мучили, надо мной проводили научные эксперименты изуверы в белых халатах – что я должна сейчас чувствовать, уничтожая этих подонков на улицах, скажи мне! Раскаяние? Стыд? Нет у меня давно уже стыда! В детдоме отучили стыдиться. В психушке, когда меня, привязанную к кушетке, насиловали санитары и приводили ко мне гастарбайтеров, продавая мое тело по двести рублей за акт. В яме с дерьмом я оставила свой стыд, стараясь дышать носом и думая о том, что, наверное, когда тебя, голую, прилюдно бьют палкой – это очень больно и стыдно. Ты удовлетворен ответом, мой добрый напарник?

Я помолчал, глядя в ее яростные глаза, и с сожалением сказал:

– Прости меня. Я такой же, как ты... почти. Забыл на короткое время, кто мы такие и что мы делаем, расслабился. Мне приятно с тобой, и я на минуту представил, что мы просто влюбленная парочка, где-то на юге в отпуске отдыхающая в свое удовольствие. Наверное, я безнадежный дурак, романтик и идеалист по жизни. Прости.

– И ты прости... – вздохнула Заря. – Набросилась на тебя ни за что. Ты-то ни при чем тут, жизнь такая у меня удалась паскудная, вот и виню всех, кто под руку попадется. А мне с тобой хорошо, есть у тебя какая-то основательность, такая порядочность, вбитая папочкой и мамочкой. Что, я что-то не то сказала?

Напомнила о чем-то? Ну вот... обменялись любезностями... прости. Давай не будем больше начинать разговора об этих вещах? Пусть идет как идет. Звонка от хозяев все нет, значит, задание продолжается. Вот такой вопрос... можешь мне рассказать? Если не запрещено – какие у тебя способности экстрасенса? Это чтобы нам на будущее знать, чего ожидать друг от друга и эффективнее действовать в паре.

– Да вроде никто не запрещал – почему и нет. Мои способности заключаются в том, что я могу напускать проклятие, некую сущность на человека, и эта сущность будет высасывать из него жизненную энергию и передавать мне. Ну вот вроде и все.

– Здорово! – восхитилась Заря. – Теперь я понимаю, почему тебя зовут Колдун! А раз она передает тебе энергию, эта сущность, то тебя практически нельзя убить, так?

– Хм... да кто знает – наверное, пока жив тот, из кого она сосет жизнь. Только я не пробовал и не собираюсь пробовать.

– А как вообще выглядит эта сущность? Что ты чувствуешь, когда она сидит на жертве?

Я коротко рассказал о том, что со мной происходит, – конечно, умолчал о еще некоторых своих умениях, о картинках, например, умолчал о том, что я видел ее жизнь, и мне известно, что с ней происходило. Зачем ей об этом знать? А тем более тем, кто сейчас сидит у мониторов и слышит в наушниках весь наш разговор...

– А тебя почему тебя прозвали Заря? Что ты умеешь делать – ну кроме того, что сворачивать шеи всяким моральным уродам?

– Я умею внушать людям, – после ощутимой паузы сказала девушка, – могу заставить человека пойти и повеситься. Или перерезать себе горло. И он не может мне сопротивляться. Могу оглушить взглядом и заставить стоять на месте, пока я его убиваю. Вот так.

Она подняла глаза на меня, и я чуть не вздрогнул: в ее глазах была такая боль, такое сожаление – о том, что она не простая красивая девушка рядом с парнем на набережной южного города, а беспощадный монстр-убийца, клинок, заточенный безжалостными людьми, который можно направить в кого угодно. И в меня – тоже.

Подумав об этом, я спросил:

– А можешь продемонстрировать на мне, как ты это делаешь? Нет, – я усмехнулся, – не перерезать себе горло, боже упаси... Заставь меня сделать что-то, что я не хочу!

– Что не хочешь? Ну держись! – Девушка улыбнулась лукаво и вонзила в меня тяжелый, ощутимый, как струя воды из брандспойта, взгляд.

Тут же мне ужасно захотелось снять штаны, трусы и показать гуляющему люду голый зад! И эта мысль была такой естественной, правильной, казалось, что это точно нужно, важно, и обязательно сию минуту, и никогда больше! Я даже привстал со своего места, но червяк логики внутри меня зашевелился и пискнул тонким голоском: «Ты чего делаешь? Это морок, это наведенное!» Я поставил внутри мозга мощные крепостные стены, отгородившись от взгляда Зари, и наваждение пропало, как не бывало.

Девушка с удивлением посмотрела на меня:

– Неужели ты справился? Еще никто не справлялся! Они испытывали меня на всех, на ком могли, никто не смог справиться! Лезли на стену, вешались, ели дерьмо, бились в судорогах – но никто меня не осилил! Видимо, ты потому справился, что у тебя мозг особенный. Простой человек не смог бы со мной совладать.

– Скажи, Заря, а почему ты не ушла от них? Ты же могла заставить их выполнить все, что ты хочешь!

Кто бы тебя остановил? Зачем тебе все это? Не понимаю.

– А ты сам подумай, Колдун: куда я пойду? Кому я нужна, нищая, убогая, необразованная! Это теперь я знаю два десятка языков и разбираюсь, какой рукой взять вилку, а какой нож, а тогда – кто я была? А теперь уже поздно – у меня, так же как и у тебя, в спине сидит бомба, да и идти все-таки и сейчас некуда. Разве только... – Она помолчала. – Я бы с удовольствием посмотрела, куда ведут эти твои нити. Тебе никогда не хотелось посмотреть, где находится скопление этих вот колдунов? Где есть еще такие люди, как ты?

– Хотелось. Но куда я денусь от группы «Ночь»? Теперь уже вряд ли...

Неожиданно, как будто подтверждая мои слова, в сумочке Зари издал пронзительную трель телефон. Мы посмотрели в глаза друг другу, посерьезнели, и девушка достала аппарат.

С отвращением посмотрев на него, она с досадой сказала:

– И все было так хорошо... теперь началось. Ответишь?

– Ответь ты, какая разница? – отмахнулся я.

Девушка кивнула и, нажав кнопку приема, приложила трубку к уху, затем протянула ее мне:

– Тебя требуют.

Я взял телефон:

– Слушаю!

Голос куратора сказал:

– Санкционирую исследование на тему местонахождения подобных тебе людей. Какие средства тебе нужны для того, чтобы этим заняться вплотную?

– Деньги, – ни секунды не раздумывая, ответил я, – мне нужно купить мощный джип, экипировку, снаряжение. На всякий случай – оружие. Деньги на непредвиденные расходы. Зарю – в помощники.

– Хорошо, принято. Ожидайте звонка. Прежнее задание остановлено – не привлекайте к себе внимания, занимайтесь чем хотите, до особого распоряжения. Возможно, мы встретимся лично. Отбой.

Трубка замолчала, и я задумчиво положил ее на стол между мной и девушкой.

Она тревожно смотрела на меня и не решалась спросить – знала, что я и так не утаю от нее ничего сказанного, если только это особо не оговорили.

Я слегка улыбнулся ей и спросил:

– А почему тебя все-таки Зарей прозвали?

– А ты разве не почувствовал, как в глазах вспыхнула красная заря? Нет? А вот те, на ком испытывали мои способности, рассказывали, что перед глазами загорается красная пелена, как заря. Вот и Заря. Наши кураторы лишены воображения, раз заря – значит, Заря. Вот! – Она по-девчачьи показала язык куда-то в сторону, и проходящий мимо пожилой кавказец, решивший, что это его она дразнит, что-то буркнул неодобрительно и покачал головой.

Мы рассмеялись и откинулись на спинки стульев.

– Ну так что они там тебе втирали? – все-таки не выдержала девушка. – Что нового?

– Прежнее задание отменяется, ждем новых указаний, а пока наслаждаемся жизнью и делаем что хотим!

– Ух ты! Слушай, а пошли куда-нибудь искупаемся? На пляж, например?

– А купальник-то есть?

– Да черт с ним, с купальником, пошли на нудистский – уверена, тут есть такой. Надо на городском пляже поспрашивать. Поваляемся, позагораем – я уже много-много лет не была на реке, только в самом детстве, когда мать была еще нормальной, мы ходили на речку, и, пока она там с подругами перемывала кости мужикам, я плескалась в воде у берега... так давно это было... Ну что, пойдем?

– Да пойдем, почему нет. Правда, я никогда не бывал на нудистских пляжах, как-то стремно... Впрочем, у меня тоже не осталось стыда, пошли! Где наша не пропадала!

Мы взялись за руки и, смеясь, сбежали по ступенькам длинной лестницы...

Поиск пляжа занял около часа, но в конце концов мы оказались на песке возле воды, где и наслаждались ярким, горячим солнцем.

Местные маститые нудисты с завистью поглядывали на нашу пару – женщины на меня, а мужчины на фигуристую Зарю. Нам было наплевать на них, только немного раздражали извращенцы, скачущие по кустам, выглядывающие из-за бугорков и дергающиеся в судорожных движениях.

– Вот уроды! – возмутился я, проводя пальцем по гладкой, упругой груди девушки, отчего сосок съезжился и отвердел. – Может, пойти поотрывать им их грязные отростки? Достали! И заметь, они даже не на тебя глядя это делают, а на меня! Такое впечатление, что это они меня пользуют, скоты этикие!

Заря захихикала и изогнулась как кошка, с наслаждением впитывая лучи солнца.

– Оставь их – несчастные люди. Лучше пошли искупаемся, я уже перегрелась, как блин на сковороде! Все-таки под лампами солярия совсем не то, а вот солнце – другое дело!

И мы с разгону, разбрасывая брызги, влетели в прохладную воду, разгоняя стаи мальков и ползающих по дну раков.

Весь день мы тупо валялись, болтая ни о чем, время от времени пили теплую, как моча, газированную воду, ругая ее производителей, разок сходили в кусты погуще, где насладились друг другом под бешеный ажиотаж местных мастурбаторов, потом опять купались, загорали, снова купались...

К вечеру летнее солнце ослабло, народ потянулся с пляжа, и мы в толпе уходящих поджаренных граждан бездумно пошлепали в город.

– А правда хорошо день прошел? – прижавшись ко мне и заглядывая в глаза, спросила Заря. – Я никогда так хорошо не проводила время! Спасибо тебе за подарок.

– Да у нас еще будет много счастливых дней, подобных этому, уверен! – жизнерадостно сказал я и подумал: «Кто знает, кто знает... что ждет впереди?»

Девушка, вероятно, подумала о том же и погрузнела, потом встряхнулась:

– Будем принимать все таким, какое оно есть. Ничего другого не остается, что теперь поделать. Ну что, в номер пойдем?

– Пойдем. Надо помыться, привести себя в порядок. А еще есть хочется – в ресторан надо сходить.

– А может, так и пойдем, а? Ой нет! У меня волосы как пакля торчат, да и от тебя тиной пахнет. Пошли мыться. Хорошо еще, одежду купили, а то как бомжи бродили.

Мы хорошенько вымылись – очень здорово, когда есть кто-то, кто потрет тебе спину, думал я при этом.

Оделись – по дороге в гостиницу купили еще барахла, вечернего, для ресторана, – и отправились ужинать. В этот раз решили обойтись без экзотики, сойдет и обычный «элитный» ресторан. Ну что сказать – пафосно, дорого и глупо. Возмутил кусок мяса – с ладонь размером – за две с половиной тысячи рублей. Так-то по фигу, но у меня сложилось впечатление, что ресторанный бизнес сродни по доходности торговле оружием и наркотиками – сколько стоит этот кусочек мяса на рынке? То-то же...

Мы слегка выпили – сухого вина, шампанского, и, когда возвращались в номер, в голове у меня чуть шумело, а весь мир казался добрым и щедрым. Со мной под руку шла красивая девушка на каблуках-шпильках высотой семь сантиметров, в коротком элегантном платье, я здоров, сыт – что еще надо от жизни?

Эйфорическое состояние бесследно исчезло, когда, открыв дверь, я увидел сидящего за столом куратора.

Он молча смотрел на нас, с кислым выражением лица (вообще, оно всегда у него было кислое и как будто немного обиженное, я его так и звал в своих мыслях – Кисляк). Мы вошли, настороженно поглядывая на него, куратор хмыкнул и сказал:

– Развлекаетесь? Хорошо смотрите. В принципе вы удовлетворительно справились с заданием, почистили город – слегка. А мажоров-то зачем валили? Впрочем, понимаю. А вот водителя зря оставили в живых, это ошибка. Но мы ее исправили.

Я выругался про себя. Убили мужика ни за что ни про что! Вот твари! А куратор продолжил:

– Не должно быть никакой жалости, сантиментов – только выполнение задания и связанная с этим безопасность. Водитель мог вспомнить об инциденте на дороге, кому-нибудь сболтнуть, пошли бы разговоры, а это верный путь к провалу. Учтите на будущее. Итак, о новом задании. Колдун, иди сюда, присаживайся.

Я подошел к креслу, сел рядом с куратором, и тот протянул мне пачку документов. Я взял ее, случайно коснувшись его руки, положил к себе на колени и замер, не в силах перевести дыхание, – я был потрясен настолько, что просто не мог говорить.

Куратор ничего не заметил, и только Заря, глядя на мои вытаращенные глаза и побелевшее лицо, поняла, что случилось что-то неладное, вопросительно приподняла бровь, но я будто ненароком качнул головой – нет, потом!

– Итак, Колдун, твое нынешнее задание – найти место, где пребывают подобные тебе, узнать об этом как можно больше, по возможности войти в доверие к этим людям и передать информацию нам. Вам сделаны новые паспорта, теперь вы муж и жена Макеевы, Сергей и Елена, имена менять представилось нецелесообразным. Здесь же водительские удостоверения, страховки, ИНН и все прочее, что имеет обычный среднестатистический гражданин. Здесь же документы на автомобиль, пластиковые карты, на каждой из которых по миллиону рублей, кодом является ваш месяц и день рождения. Оружие, спутниковый телефон, сотовые телефоны с зарядным устройством – все лежит в машине, припаркованной в охраняемом дворе гостиницы. Еще – удостоверения милиции и ФСБ, на всякий случай. Но не козыряйте ими без нужды.

Выехать на задание надлежит в течение двух дней, не позже. Я понимаю, что вам немного надо отдохнуть и привыкнуть к своему положению, но не мешкайте – задание должно быть выполнено максимально быстро. Здесь, – он указал на лежащий на столике неприметный ноутбук, – вся информация, которая вам может понадобиться, выход в Сеть из любой точки Земли, там же навигатор с закачанными и настроенными картами. Память этого ноута – двадцать терабайт. Он автономен, может заряжаться и от солнца – вот солнечная батарея в крышке. Сломать его очень трудно – кевларовый корпус,

непроницаемый, может даже в воде бултыхаться, ничего с аппаратом не сделается, цените вещь, это только для вас. Ну вроде бы все – отдыхайте, ждем результата. И не забывайте, что вы на контроле – мы всегда сумеем пресечь вашу попытку освободиться от нашего влияния.

Куратор, не попрощавшись, вышел из номера.

Заря с тревогой посмотрела на меня и опять вопросительно приподняла бровь: что случилось? Я помотал головой из стороны в сторону и показал на спину. Она понимающе кивнула и пожала плечами: расскажешь потом... Я жестом показал – напишу на бумаге.

Мы разделись и легли спать.

После того что я увидел, заниматься сексом мне было совершенно невозможно, видимо, Заря это поняла и не приставала, она лишь обняла меня, закинула на меня ногу и руку и уснула, как будто кто-то выключил ее дистанционным устройством.

Я же не мог заснуть, меня душили слезы и горечь. Когда я коснулся руки куратора, меня пробило как током, и я увидел...

Картинка первая.

– Куда подевался этот чертов колдун? Кто санкционировал его арест? Вы, майор? Что за самостоятельность?

– Нет, товарищ генерал! Это полковник милицейский, похоже, решил наехать на него и срубить денег, а когда тот отказался, закрыл его в СИЗО. Принять меры по освобождению?

Недолгое молчание.

– Нет. Пусть посидит. Будет податливее и скорее пойдет на контакт. Заодно понаблюдаем за ним в естественных условиях. Внедрите в его камеру агентов.

– Уже сделано. Доклады идут регулярно. Ситуация полностью под контролем. К нему не допускаем никого – даже родственников, под любым предлогом. Пусть поварится в собственном соку.

– Хорошо. По результатам доложите.

Картинка вторая.

– Майор! Я сорву с вас погоны! Вы положите удостоверение на стол! Вы болван! Вы тупоголовый солдафон с кашей вместо мозгов! Как вы это допустили?! Как вы могли упустить ее?!

Голос куратора, оправдывающегося:

– Извините, кто же знал, что у нее слабое сердце? Стояла-стояла, а когда в очередной раз выкинули передачу, что она принесла сыну, упала, и все. Ну кто мог подумать, что она умрет?

– Идиот! Чем теперь на него воздействовать? Как его заставить работать на нас с полной эффективностью? Это был мощный рычаг, а теперь что? Да вы должны были пылинки с нее сдувать! Идиоты! Ох, идиоты... с кем я работаю?! Эти чистки убрали из наших рядов настоящих профессионалов, остальные дилетанты вроде вас. Это кошмар, а не работники! Гнать вас всех надо! И что собираетесь теперь делать?

– Колдун пока в СИЗО, будем ждать развития событий. Насколько я знаю, он умудрился кинуть проклятие на полковника, и тот теперь умирает от рака. Подождем еще немного и, если полковник не вызовет Колдуна, будем действовать сами. Что касается рычага воздействия – мы выбрали актрису, похожую на его мать, загримировали, она будет произносить текст, компьютерщики озвучат, имитировав голос его матери. Ему будет запрещено с ней общаться вживую, так что через экран он вряд ли заметит

подмену. И остаются еще родственники – тетка, троюродные братья. Тоже рычаг. Ну и мы вживим ему контрольное устройство с элементами подрыва – так что никуда не денется. Заверяю вас, товарищ генерал, ситуация под контролем, все будет развиваться нормально.

– Ладно, – голос начальника явно потеплел, – вижу, вы постарались исправить ошибку. Докладывайте мне о всех его действиях. Этот человек уникален. Мы еще не встречали таких уникалов, не использовать его в нашем деле будет большой ошибкой. Свободны, майор!

Лежа в постели и слушая тихое дыхание девушки, я смотрел в потолок и думал: вот я и остался один. Отец, мать – ну почему они так рано покинули меня? Почему так несправедлива жизнь?

Вспомнилось детство, руки матери, пахнущие яблоками, сильные руки отца, подбрасывающие меня к потолку... Непроизвольно у меня капнула слеза и упала на голое плечо девушки.

Она вздрогнула, открыла глаза и спросонок хриплым голосом сказала:

– Ты чего все не спишь? Что с тобой, чего ты распереживался? Все сделаем, скатаемся к твоим колдунам, все будет нормуль! Иди сюда, ко мне! – Чуткой женской душой Заря почувствовала, что мне очень плохо, и решительно ринулась в бой против моей депрессии самым доступным для женщины способом – она целовала мои мокрые глаза, губы, ласкала мое тело, и в конце концов свершилось то, что и должно было свершиться...

Как ни странно, после секса мне и правда стало легче, и я заснул, поглаживая гладкое бедро разметающейся во сне девушки.

«Утро вечера мудренее, – было последней моей мыслью. – Теперь у меня развязаны руки! Посмотрим, уроды, кто умнее!»

Глава 6

Утром я долго не хотел вставать и только слушал, как шлепают босые ноги Зари, шумит вода в душе, потом она, не одеваясь, прошла из душа в комнату, отодвинула тяжелую портьерную ткань с окна и негромко сказала:

– Хватит валяться! Время уже десять часов, так и весь ум проспешь!

– Не просплю, – ворчливо ответил я, – нету у меня его, ума-то! Если бы был, совсем все по-другому было бы...

– Все мы так говорим, когда поезд уже ушел, – грустно улыбнулась Лена и села в кресло, закинув одну ногу на подлокотник. – Давай собираться, посмотрим, что нам приготовили наши добрые и щедрые кураторы, да не пронесет их черный понос! Шутка, слухачи хреновы!

Мы рассмеялись, и я, вскочив с кровати, направился в душ.

Стоя под струей горячей воды, я думал о произошедшем и все больше утверждался в мысли, что ситуацию надо переламявать, – хватит уже быть рабом этих подонков, пора брать свою жизнь назад. Только как это сделать? С бомбой в спине... ну будем рассуждать, сказал себе я. Мне заявлено, что бомба неизвлекаемая. Допустим. Почему неизвлекаемая? Потому что, уверен, они услышат, как ее будут извлекать, и тут же могут подорвать. Значит, я должен оказаться в таком месте, где они меня услышать не смогут. Где такое место? Пока не знаю. Суть еще в чем – при этом они должны быть уверены, что я оказался в недоступном для них месте по случайному стечению обстоятельств, а то ведь и рвануть могут или прислать наших «товарищей». То есть – только я нырну в какой-нибудь бункер, где врач мне начнет вытаскивать эту штуку, как они туда Теней зашлют, и нам всем мало не покажется...

Против двух-трех я со своими колдовскими способностями еще устою, а вот если пятеро-шестеро Теней – это труба, порвут как грелку. Потеряют, конечно, штуки три своих, но порвут. Ну так что делать-то? А ничего! Плыть по течению и ждать, когда на горизонте появится бревно, за которое можно уцепиться и выплыть... пока что несет меня, кружит, как щепку в мутном потоке. Барахтаюсь, пытаюсь выбраться, но все никак... Ладно, подумаем позже.

Выйдя из душа, растерся большим махровым полотенцем, оделся и уже чистый, освеженный подумал: «Все-таки не так все плохо? Сейчас они могут меня сдерживать только бомбой, а если ее не будет? А если ее не будет – им каюк!» Я с наслаждением представил, как сворачиваю башку этому профессору, убиваю куратора, и мне просто захорошело... Как я их ненавижу! Почему? А кто будет любить рабовладельцев? Кто будет любить палача и экзекутора?

– Готов?

Заря уже была одета, элегантна, пахла шампунем и свежестью – кто бы мог узнать в этой элегантной, уверенной девушке замарашку из заводского района, с расчесами от комаров и чесоточных клещей? Но я видел в картинках, кем она была пятнадцать лет назад, и не переставал удивляться, что может сделать с человеком жизнь – кого-то она вытаскивает из грязи, а кого-то втоптывает в нее, как выброшенный окурок.

– Хороша! Как ты хорошая, женушка моя! – усмехнулся я. – Я тебя прямо-таки ревную! Смотри, не заглядывайся на мужиков, а то придется тебя побить по русскому обычаю!

– Тьфу на тебя и на такие русские обычаи! – хихикнула Заря. – Натягивай трусы, штаны, и пошли смотреть, какую там колымагу нам подсунули наши добрые хозяева. Я прочитала в документах, что это «мерседес» какого-то там заполошного, мохнатого года – с помойки его, что ли, подобрали. Не могли уж

новый дат, крохоборы.

– Новый привлекает внимание, нам ни к чему лишнее внимание, может, поэтому? Посмотрим...

– А чего там смотреть? – сердилась Заря. – Глянь – G500 1995 года выпуска! Крохоборы, мать йиху в гроб ети, как говорил мой сосед дядя Вася!

– Да черт с ним, лишь бы ехал, – отмахнулся я, – все не пешком. Все, я готов! Ключи взяла?

– Взяла. Пошли.

Мы спустились по лестнице и спросили у администратора, где тут стоянка гостиницы. Через боковую дверь мы вышли в темный обшарпанный дворик, заставленный мусорными баками и немногочисленными автомобилями гостей и персонала.

Мы осмотрели стоянку и слегка опешили, а я ехидно подколот Зарю:

– Ну что, как тебе наши крохоборы? Я такой зверюги еще ни разу не видал!

– Ладно, – хмыкнула девушка, – реабилитирую их на время. Посмотрим еще, как ехать будет эта телега. Это ты там говорил, что они не хотят привлекать к нам внимания?

«Телега» выглядела монументально, даже как-то угрожающе: из обычного четырехдверного «Гелендвагена» 1995 года сделали потрясающего офроудного зверя: громадные, широченные офроудные шины со зверским рисунком обували его колеса, впереди и сзади торчало по мощной лебедке с намотанным на них тросом, цвет машины был каким-то неопределенным – то ли серо-голубым, то ли присутствовал какой-то фиолетовый оттенок, но с первого взгляда нельзя было сказать, какого цвета машина. В паспорте – темно-серый.

Заря щелкнула дистанционным управлением противоугонки, и вот мы уже сидим в кожаных креслах.

Как всегда в дорогих машинах, тут пахло кожей и чем-то неуловимым. Подумалось – вот он какой, запах денег! Это тебе не в маршрутке, где воняло только грязными носками, мазутом и «выхлопом» пассажиров.

На панели перед пассажиром стоял специальный подиум-крепление – видимо, для ноутбука, а на заднем сиденье, благо стекла были наглухо тонированными, лежал здоровенный пакет – полагаю, обещанные оружие, снаряжение и все, что нам может понадобиться на задании.

Разобрав пакет, мы распределили все по своим местам, раскидав мелочи по многочисленным хранилищам в машине.

Из оружия нам выдали бесшумные пистолеты ПСС и обычные «макаровы», старое доброе ментовское оружие. В специальном наборе имелись духовые трубочки для стрельбы отравленными стрелами, капсулы с нервно-паралитическим газом, упакованные в стальные оболочки, метательные ножи на специальной перевязи скрытого ношения, острейшие ножи для диверсанта, желающего колбаску порезать и часового снять, и прочая, прочая, прочая, предназначенное для быстрого и эффективного убийства живых существ. Только автоматов не было – впрочем, это меня не особо расстроило, я и воевать-то не собирался... по крайней мере, пока.

– Ну вот, а ты переживала, что снаряжение пожалели! Даже с запасом выдали.

– Да, с запасом... – протянула Заря, разглядывая всю эту кучу убийственного инструмента. – Такое впечатление, что нас отправляют на небольшую войну, а не посмотреть, кто это сидит где-то там в деревне. Или в городе.

– Кстати, об этом – пойдём-ка посмотрим по картам и определимся, куда вообще-то поедём, –

предложил я. – Хотя бы приблизительное направление, а там видно будет.

– А барахло тут бросим? Не попрут?

– Да кому нужно влезать в такую зверюгу, да на глазах у дежурного – видишь, вон, в будочке сидит? Он уже все глаза сломал, пытаюсь заглянуть тебе за вырез, когда ты шла к машине. Вряд ли мимо него кто-то пройдет и будет вламываться в наш лаптежник.

– Пошли. Банковские карты нашел?

– Ага – вот твоя, вот моя... или наоборот? Хрен с ними, разберемся потом. Телефоны бери и зарядные, что еще взять? Нет, ничего. Остальное пусть тут болтается. Айда в номер.

Около часа мы сидели перед ноутбуком и решали, что нам делать и куда ехать. Я внимательно отслеживал направления нитей и размышлял, каким из них воспользоваться, в конце концов придя к одному интересному умозаключению:

– Смотри, большинство нитей идут в северо-восточном направлении. То есть, проанализировав информацию, я сделал вывод – где-то там находится интересующий нас объект, объект, который должен выпадать из общей картины мира. Давай рассудим – что это может быть?

– Деревня какая-то, известная своими колдунами, нет?

– Как вариант. Еще что-то? Пирамиды какие-то? Святилища? Это должно быть что-то очень, очень древнее... стоп! Знаю! Челябинская область! Ни о чем не говорит?

– Челябинская... Челябинская... оп-па! Ты уверен? Слишком уж фантастично!

– А что такого? Бронзовый век, что там было в бронзовом веке – кто знает? Какими знаниями обладали люди? Что знали, что умели? Остались от них только города, брошенные и сожженные ими самими, – раскопки делали, так оказалось, что находок почти нет, они все забрали с собой! Я еще до того, как стал Колдуном, интересовался этой штукой, читал взахлеб о находке, об исследованиях, о том, как хотели затопить, да отказались. Кстати, гляди... – Я нашел в Сети фигурку человека, сложившего руки на коленях и с тоской смотрящего в небо. – Похож на нас? Мы бы тоже улетели в небо... но, как и он, не можем. Там еще ходят странные рассказы, что под горой находится объект типа космического корабля пришельцев. Хрень, конечно... впрочем – а почему и нет? Куда делись все люди из этих городов? А их там несколько десятков! В общем, наш путь лежит туда.

– Значит, в Аркаим?

– В Аркаим. А на месте определимся уже, как и что.

Мощный движок джипа с сопением всасывал воздух и бензин, взрывая, когда я прижимал педаль, и бросался вперед, как хищный атакующий динозавр.

Преимущества движения на таком звере были в том, что автомобили в городском потоке уступали нам дорогу, стоило только нависнуть над их кормой здоровенной катухой лебедки. Конечно, эти лебедки вряд ли нам понадобятся в уральских степях, но приятно было осознавать, что остановить нас какому-то там бездорожью будет очень, очень трудно.

– Хорошо хоть кондиционер не сняли, когда оборудовали этого монстра, – с удовольствием вытягивая красивые ноги, сказала Заря и потянулась. – Жара за окном дурная, изжарились бы в этом монстре.

– А что ты хотела – лето! Но ночью уже холодно, так что теплая одежда тоже пригодится.

– Сколько займет дорога, как думаешь? – Заря с интересом смотрела на пролетающие за окном

машины дома, людей, спешащих по своим делам, вывески магазинов и кафешек, массово натыканных на выезде из города.

– Если в день делать тысячу километров... то дня два. Но чего нам спешить? Ночевать будем в кемпингах – хочу спать по-человечески, а не на сиденьях. Помыться как следует...

– Согласна. Знаешь, я ведь за всю свою жизнь никуда не выезжала из города – ни в гости к родственникам или знакомым, ни в туристические поездки, только в пригород, на речку, и все. Хорошо бы вот так катить и катить куда-нибудь. Не думая о проблемах, о чем-то плохом...

– Эт точно, – угрюмо кивнул я и посмотрел на Зарю.

Она кивнула мне и грустно улыбнулась.

Я не рассказывал ей о том, что узнал про мать, не мог рисковать, выдать свои скрытые от всех способности, но кроме того – как я ей расскажу? Написать на бумажке? А если за нами наблюдают камеры? В номере, в машине, могли стоять скрытые камеры. На природе? Ну да, можно и на природе... но что изменится, расскажи я ей сейчас про это дело? Зачем рисковать и подставлять и ее? Всему свое время. Видимо, девушка все понимала, догадывалась, что я не могу откровенничать, а потому не лезла ко мне с вопросами.

Мы много разговаривали – больше о том, что видим вокруг, стараясь не касаться нюансов нашей работы.

Можно ли назвать это работой? Убийство людей – работа или нет? Как сказал один персонаж: «Есть такая профессия – Родину защищать!» Да, все время, что мы находились на Базе, нас не только запугивали, не только накачивали стимуляторами, ускоряющими восстановление организма после огромных нагрузок, физических и моральных, но еще и усиленно промывали нам мозги.

Каждому курсанту, индивидуально и в общем классе, рассказывали, что он боец невидимого фронта, что от него зависит, будет ли стоять страна, что он обязан подчиняться своим командирам, так как они лучше знают, что делать и как спасти страну. Возможно, кто-то в это и верил – только не я. И скорее всего, не верила Заря. Я не верил по одной простой причине – слишком скептический ум, слишком уж критически я относился ко всему, что мне говорили. А Заря... ну тут понятно – после той жизненной школы, что она прошла, любые институты власти, в каком бы виде они ни существовали, вызывали у нее отвращение, которое она выказывала не раз и не два.

И еще – в моем разуме – а я был воспитан на книгах о подвигах разведчиков и всяких там героев, борющихся за благосостояние страны, – никак не укладывалась схема, когда нужно убить того, кого тебе укажут, и еще всех, кто это увидит, всех случайных свидетелей. Ну пусть сто раз мне скажут, что это правильно, логично, но я никогда не поверю, что счастья для народа можно добиться, убивая невинных. Ну да, возразит мне оппонент, благо всего народа превыше блага одного человека! Может, надо ради блага всех убить десятков, сотню, тысячу, и все заживут славно и весело! «Мы с песней по жизни шагаем!» – ага, знаем, читали. Одна часть страны сидит в лагерях, другая носит им передачи, третья ловит тех, кто носит передачи, а четвертая ловит тех, кто ловит тех, кто носит передачи. Охренеть от такого блага для народа. И еще – а кто сказал, что структура вообще государственная? И кто сказал, что она блюдет интересы государства, а не отдельных его лиц? Ну да, куратор сказал и его помощники, слышали. Но не поверили...

Только верим мы или нет, делать остается одно – работать на них. Или умереть.

Что, у меня не хватает духу умереть и оставить жить множество людей, которых я убью в будущем? Да, не хватает. Я слаб, я просто человек... и мне хочется немного пожить. И отомстить. За мать, за себя... Кому отомстить? Аморфной массе под названием База? Ну почему – есть определенные лица, профессор,

например, ставящий опыты на людях и убивающий их страшными инъекциями, куратор, приказывающий убивать.

Разве они лично виновны в смерти моей матери? А кто еще? Это они, зная, что полковник по навету и сфабрикованному обвинению держит меня в тюрьме, оставили меня сидеть там, наблюдая, как я буду выкручиваться, это они лишили меня всех передач и заставили мать волноваться и расстраиваться так, что она умерла от горя, это они устроили фарс с актрисой, которая два года изображала мою мать, – вот небось смеялись над этим болваном Колдуном! Как выражается контингент СИЗО: «Я должен спросить с них, как с сук!»

Как хорошо все начиналось – я лечил людей, вереницей идущих ко мне в дом, думал, что так будет до конца жизни... мнил себя таким великим лекарем... и чем это закончилось?

Нет, за эти два года, что провел на Базе, я тоже лечил людей. Ко мне приводили каких-то личностей в масках, я снимал с них порчу или говорил, что порчи на них нет, и эти субъекты исчезали из моей жизни как тени – я не знал и никогда не узнаю, кто это был. Их были десятки, а может, и сотни – подозреваю, что на этих сеансах побывало все руководство страны, все олигархи, их жены, дети, родственники, друзья... возможно, и не безвозмездно. Но это было самым легким из моих занятий на Базе, в часы, когда профессор и куратор исследовали мой талант экстрасенса. Остальное было просто отвратительно. Впрочем, все ли?

Я посмотрел направо, Заря лежала полузакрыв глаза и тоже о чем-то думала, и думы эти, похоже, были невеселыми.

Протянул руку и погладил ее по гладкой смуглой коленке, девушка повернула ко мне голову и вопросительно приподняла брови, а я подмигнул ей:

– Ничего, прорвемся! Ты в бубен наш магический поглядела? Как маршрут наш проляжет?

– На Уфу, Магнитогорск, там уже на местности определимся. Объект находится в двух километрах на юго-восток от некоего поселка Александровский. Надо будет договориться с кем-то из местных оставить машину у них во дворе и пройти пешком эти два километра.

– Э-э-э... Лен, ты отстала от жизни, там туристический комплекс какой-то, я читал – можно вагончик снять, а значит, поставить машину. Не надо нам никаких частных. Поедем на турбазу «Аркаимские просторы». От Магнитогорска сто пятьдесят километров, а там на турбазу, и на месте уже определимся, что и как.

– Ну вот, а чего тогда спрашивал, если и сам знаешь? – фыркнула девушка.

– Чтобы ты отвлеклась от мыслей всяких невеселых, а то что-то ты совсем загрустила.

– Загрустила? Наверное... так, вспомнилось кое-что... – На лицо моей напарницы легла тень, оставившая жесткую складку у пухлых губ. – Нехорошее, из прошлого. Ну да не будем об этом! Все наше – впереди! Жми на газ, Серега! Дави этого гаишника! Не хрен ему на нас тыкать этой чертовой трубой!

Я нажал на газ, и наш динозавр, взревев мотором, пролетел мимо безуспешно пытающегося остановить нас своей полосатой палкой гаишника в сдвинутом на затылок кепи. Его полное лицо искривилось от злости, он запрыгнул в машину к своему напарнику, и они, включив «люстру» и сирену, погнались за нами на раздристанной «пятерке», выжимая из своего аппарата все что можно и нельзя.

Я слегка прижал газ, динозавр засопел, и скорость быстро установилась на ста восьмидесяти километрах.

Подмигнул девушке:

– Хорошо идет старичок! Умели делать вещи в четырнадцатом году! А ты жаловалась – старье дали. Видала, как мы ушли от этих лохов?

– Видала, – усмехнулась Заря, – сейчас они там просто кипятком писают от злости. Кстати сказать, в пяти километрах впереди стационарный пост ГАИ, учти. Там могут устроить встречу.

– А ксивы на что? Готовь ксиву, моя в нагрудном кармане. Не перепутать бы – им надо ксиву комитетскую совать, ментовскую они похерить могут. Ты кто там по званию?

– Обидели, гады! Лейтенанта дали!

– Хех! А я старший лейтенант! Прошу любить и жаловать!

– Вечером полюблю! Впрочем... можно и сейчас... – Заря, хихикая, полезла на меня и стала расстегивать мне штаны, я отбивался рукой, одновременно держа другой руль и стараясь не упустить машину с дороги – скорость-то была дурная, под двести!

– Отстань, развратница! Отстань, нимфоманка! – Меня душил смех, и я с трудом боролся с девчонкой, защищая свои сокровенные органы. – Вон менты нарисовались, щас сдам тебя за развратные действия в отношении старшего лейтенанта ФСБ!

– Ага! Так-то, не буди лиха! Застегивай ширинку и готовься – там на посту вон как чего-то бегают, как идиоты, похоже, нам готовят встречу. Колдун, аккуратно, они там полосу стелят, типа нас останавливать взялись. Вот придурки... снижай ход.

– Лен, ты там это... не мочи их, разберемся, если что, и так, без крови, ладно?

– Ты что, маньячкой меня, что ли, считаешь? – Девушка поджала губы, потом не выдержала и фыркнула. – Видел бы ты свое лицо, когда я тебя пыталась соблазнить на ходу! Как будто сердце вырвать у тебя собралась!

– Ну сердце не сердце, а эти органы как-то еще нужны! – тоже фыркнул я и сосредоточился. – Внимание, как бы палить по нам не начали! Вон какие рожи серьезные!

Поперек дороги лежала лента с торчащими из нее полыми шипами, наехав на которую можно было и диск пробить навывлет, шлагбаум, сделанный из металлической трубы, был опущен, а возле стальной будки притаились два милиционера с автоматами наготове.

– Слушай, моя дорогая, нас, случаем, не за бандформирование приняли? Только гранатомета не хватает для полноты картины! Чего это они бегают как муравьи? Глянь, там и маски-шоу выстроились! Осторожно, как бы чего не вышло...

Вперед вышел милиционер с полосатым жезлом, и нас стали окружать люди в масках, с направленными на нас автоматами. Послышался голос из мегафона:

– В джипе – медленно выйти из автомобиля, держа руки на виду! При попытке бегства открываем огонь на поражение!

– Упс! Хрень какая-то! Это пахнет не бегством от ментов, – нервно хихикнула Заря, – наспигуют свинцом – пикнуть не успеем!

– Не дергайся. Достань свою книжицу и держи ее развернутой в руке. Руки подними вверх. Я сделаю то же самое. Спокойно, выходим!

Открыв дверцу автомобиля, вышел под дула автоматов, держа руки вверх и громко крича:

– Свои! Удостоверение в руке!

Но – бесполезно. Я не успел сделать и шагу, как на меня обрушился удар прикладом – если бы я не

увернулся, мне бы точно сломали ключицу.

Сломать не сломали, но проехали по плечу зверски болезненно, разорвав кожу и порвав дорогую футболку, купленную мной в хорошем магазине.

Взревев от боли и ярости, совершенно на автомате я выбил оружие у противника и, выкрутив ему руку приемом айкидо, метнул через дорогу.

Второй нарвался на прямой удар в челюсть и осел у моих ног, третий, наверное, долго не будет удовлетворять свою женщину – сплошной синяк в паху этому не способствует. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы мужской голос не проревел в мегафон:

– Прекратить безобразие! Остановиться! Не трогайте его, идиоты!

– Кто кого трогает?! – возмущенно крикнул один из бойцов, неохотно отходя от меня и щупая пульс лежащего на земле напарника. – Если ты, гаденыш, его убил, я тебя лично пристрелю!

– Не убил, – холодно сказал я, возмущенно оглядывая порванную футболку и начавший наливаться синевой и кровью порез на плече. – А надо было убить! Козлина, такую майку классную испортил! Что, дебилы, не слышали, что я вам кричал про удостоверение в руке? Идиоты, правильно ваш начальник сказал! Я старший лейтенант госбезопасности, вот удостоверение! Ну и идиоты... где вас, дебилов, набирают? В охранных структурах города Пердьяевска, что ли?

– Сам идиот! – окрысился боец, стянувший с себя черную шапку с прорезями. – Какого хрена у ментов на трассе не остановился?! У нас ориентировка на разбойное нападение – черный джип, полный кавказцев с оружием, что мы должны были подумать? Сам-то башкой думаешь или нет? Вы, б..., комитетчики, ментов в хрен не ставите, стремно остановиться было, что ли? Теперь разборок и отписок, б..., на весь вечер! Чтоб ты лопнул, летеха хренов! – Мужик хлопнул в сердцах маской об асфальт и зашагал к будке КП.

Побитые мной его соратники тяжело поднимались с земли – само собой, я не стал их убивать, нам до кучи не хватало только проблем с законом по дороге к цели.

Я тоже пошел к КП, предвкушая разговоры со старшим ментом.

Они не заставили себя ждать, эти разговоры, – рядом с Леной стоял человек в форме подполковника, глаза которого метали молнии. Девушка же, наоборот, была свежа и прекрасна, как майская роза, и слегка улыбалась, глядя на разъяренного мента.

Лена подняла на меня глаза, отведя их от красного от злости подполковника, и сказала:

– Сергей, господин полицейский очень расстраивается по поводу того, почему мы не остановились на сигнал патруля по трассе. Ты не мог бы объяснить ему, в чем дело?

– Запросто. Вначале только представимся: старший лейтенант Федеральной службы безопасности Макеев. Как вас величать? Иван Сергеевич? Зам командира батальона? Замечательно. Господин заместитель командира, мы в командировке от управления и не вправе вам рассказывать о нашем деле. Ваши сотрудники подали нечеткие сигналы, которые мы не заметили, поэтому, скорее всего, вина за случившееся лежит на них. Оценив ситуацию на КП, я приказал достать удостоверения и, когда выходил, продемонстрировал свое в открытом виде вашим сотрудникам, однако они не отреагировали и набросились на меня с автоматами. Я обучен реагировать на это адекватно. Так что ваши трое сотрудников получили легкие и средней тяжести телесные повреждения. Я тоже получил телесное повреждение – возможно, средней тяжести, что может осложнить мою работу в ближайшее время. Ну что, будем отписываться или разоидемся, как в море корабли?

– Разоидемся, – буркнул подполковник, искоса рассматривая загорелую гладкую ляжку Зари,

торчавшую из элегантных шорт, – если у вас претензий нет. Наши тоже накосячили, придурки чертовы!

– Нет никаких претензий – я понимаю, произошла ошибка. Мы не будем ничего указывать в рапорте. Кстати, не расскажете нам, что там за джип ловят и какого черта все так всполошились?

Подполковник помолчал и хмуро сказал:

– Группа кавказцев, человек пять, совершила разбойное нападение на главу районной администрации. Убита жена главы, сам он ранен. Добить они не успели – милиционеры охраны открыли огонь, бандиты захватили в заложники девушку восемнадцати лет, дочь главы, и, запихнув в джип, увезли в неизвестном направлении, расстреляв патрульные машины из автоматов. Вот и все. Теперь план «Перехват» по всем дорогам – джип, предположительно черного цвета или какой-то темный, модель неизвестна, все говорят – большой и тонированный.

– А как они могли захватить девушку, – удивленно спросила Лена, приподняв брови, – они что, дома у него были?

– Возле дома. Перекрыли движение, а когда глава высунулся из своей машины, открыли огонь. Мимо проезжали две патрульные машины вневедомственной охраны... если честно – не проезжали, а пили кофе, у ларька стояли и лясы точили... услышали стрельбу, надо отдать им должное – сразу подключились к делу и обстреляли бандитов. Те попрыгали в машину, прихватив девчонку, которая как раз выходила из дома, и свалили.

– Непонятно, а зачем им девушка? – спросил я. – Они уже убили главу – по крайней мере, так посчитали, – а девушка-то им зачем? Выкуп они точно не получат, а с ней одна возня только... И еще – а какой смысл главу этого валить? Какие дела у него с кавказцами?

– Ходят слухи, – подполковник понизил голос, – что он с чеченами еще во время перестройки хороводился, теперь завязал с предпринимательством – типа у него нет бизнеса, а весь бизнес у родственников, перевел на них, видать, – стал политиком, потом главой администрации заделался. Видимо, какие-то разборки у них были с чеченами. Но я вам ничего не говорил, хотите вон – поговорите с командиром группы ОМОНа, вы с ним, хе-хе, уже познакомились. А мне пора. И так тут суеты хватает, вас еще черт принес...

Подполковник развернулся и пошел в КП, а я отправился налаживать контакт с белобрысым парнем, с которым общался возле джипа, – это и был командир группы ОМОНа.

– Командир! Можно на пару слов?

– Чего хотел? Ехали – и езжайте себе! Мне без залетных «соседей» дел хватает! Жаловаться, что ли, будешь? Жалуйся! Мне плевать! И так в дерьме вечно! Вы-то вон раскатываете, как, б..., Джеймсы Бонды, а мне тут на земле, под пулями, черных ловить! Валили бы вы отсюда, а? Без вас тошно!

– Извиниться хотел. Не сильно покалечил твоих?

– Нормально. – Мужик тряхнул русой головой и потер лицо руками. – Ладно, закрыли тему. Все бывает. Все живы, почти здоровы. Так что вопрос закрыт. Осторожнее поезжайте, мы сейчас все машины процеживаем через сито, а они, скорее всего, отсиживаются где-то в лесу – неужели они такие идиоты, чтобы по трассе двигаться. Хотя... все может быть.

– А где тут заночевать можно? Мы хотели в кемпинге где-нибудь – неохота в город ехать, гостиницу искать.

– Тут километрах в двадцати по трассе, возле озера, есть неплохой кемпинг, и кормят хорошо. Хозяин русский. Так что там можете остановиться. Ну все, удачи!

Омоновец повернулся и вслед за подполковником ушел в КП. Там горел свет, кто-то ходил, громко разговаривал, в общем – шла обычная бурная деятельность.

Лена посмотрела на меня и сказала:

– Пойдем переоденем тебя, вояка! Как это ты дал ему врезать по тебе прикладом, Тень? Он даже коснуться тебя не должен был, не то что синяк поставить!

– Ну не убивать же мне было его! – огрызнулся я. – Все-таки представители власти! Думал – разберутся, а они сразу в бой! Скажи спасибо, я их на месте не положил – сейчас бы замучились писать объяснения. Пошли, переоденусь, да в мотель – уже смеркается, надо и отдохнуть, не пилить же всю ночь. А спать на сиденьях я категорически отказываюсь – хочу прижать тебя на чистых простынях... ну относительно чистых!

– Распутник! – Лена ткнула меня пальцем в грудь и с видом гордой девственницы проследовала к джипу.

Я улыбнулся – контраст нависшей темной зловещей глыбы навороченного джипа и светлой девичьей фигурки был пикантным.

Как и сказал командир группы ОМОНа, кемпинг стоял на дороге, в двадцати с небольшим километрах дальше по трассе. Возле него, как обычно, кучковались три или четыре фуры с освещенными огромными кабинами и занавесками на окнах, стояли несколько легковых автомашин с номерами разных регионов (на нашем джипе были московские номера), и тускло горели фонари на столбах.

Был уже поздний вечер – лес вокруг, трасса с пролетающими автомашинами были темны, как будто облиты чернилами.

Выйдя из машины, я потянулся, оглядел окрестности и пошел договариваться насчет ночлега.

Двухэтажное кирпичное здание не представляло собой ничего интересного – внизу кафе с деревянными столами и стульями из массива,верху комнаты для постояльцев. На здании гордо висела вывеска MOTEL, видимо, для иностранцев, массово заповнивших такие великолепные центры культуры, как Мухоморанск и деревня Бельдяжки.

Молоденькая дежурная радостно продемонстрировала мне номер люкс, в котором были аж ванная и отдельный туалет, я удовлетворенно кивнул, бросил взгляд за окно, на освещенный тусклым светом фонаря наш джип и метнулся к лестнице.

Уже подбегая к джипу, я услышал глухие удары и булькающий хрип, как будто кто-то ударил топором по полной бутылке с колой – не рассуждая, с ходу выбил у черноволосого кадра предмет, очень напоминающий «стечкин», и сломал ему шею.

– С тобой все нормально? – с тревогой спросил я у напарницы и повернул ее лицо к свету. – Ты в крови!

– Это их кровь. Видишь джип? Они с той стороны подъехали, с лесной дороги. Меня под прицел взяли и сказали выйти из машины. Я и вышла...

– Хорошо вышла, правильно вышла! Я в окно на втором этаже заметил мельтешение у машины, но не успел.

– Нормально все. Только умыться надо. Противно...

– Знаешь что, давай сейчас положим их в их же джип и вернемся на КП, сдадим мужикам – все им меньше работы будет. Или не будем? Сейчас заставят отписываться, фигню всякую... зачем нам светиться?

– Так-то оно так... упс! Слушай, там же девчонка должна быть, где она? Пошли!

Лена перешагнула через набросанные между машинами трупы разной степени изломанности, заглянула внутрь джипа – это был «Круизер», потом открыла багажник и сказала:

– Иди сюда! Тут она!

Я поспешил на зов и в свете фонаря увидел девчонку. Ее ноги и руки были связаны скотчем, рот тоже был заклеен скотчем, так что она могла только бессильно мычать.

Девушка таращила глаза, дергала руками, в общем, как могла, показывала – развяжите!

Я протянул руку, чтобы сорвать скотч с лица, коснулся девушки и замер, ошеломленный наплывом страшной информации, затем убрал руку и остановил Зарю, пытавшуюся освободить девушку:

– Не трогай ее. Пусть полежит.

– Почему? – Заря недоуменно посмотрела на меня.

– Я знаю, кто навел боевиков на ее отца и мать.

– И кто же?

– Она. Она навела. Из-за нее убили мать и ранили отца. Правильно говорю, а, подруга?

Девушка испуганно сжалась в багажнике и попыталась от меня отползти.

– У нее была связь с одним из чеченцев, типа любовь, а перед этим отец, когда стал политиком, перевел свое имущество на жену, а когда с женой начались скандалы на почве его гулянок и баб, перевел все имущество на нее. Она уже взрослая, паспорт есть, все есть – ей хотелось наследства, она ведь единственная наследница папаша. Договорилась через любовника о заказе на папашу, передала информацию – где папашу подстрелить, как и что, вот боевики их и приняли. Чечены же, не будь дураки, отца и мать подстрелили, будучи уверенными, что наповал, а ее втащили в машину, потребовав, чтобы она подписала им необходимые документы. Похоже, она была против, чтобы какой-то Арби или Гусейн снимал бабки с ее счетов, и возмутилась – после этого и оказалась в багажнике. Когда менты их обстреляли – похоже, повредили что-то в машине, – они отсиделись в лесу, дождались темноты и доползли до кемпинга, чтобы поджидать жирных лохов и заменить тачку – тем более что она засвечена, да еще и в дырках от пуль. Вот лохи им и попались. Мы.

– Как додумался?

– Озарение было! – пожал плечами я и подмигнул Лене.

– Хорошенькие у тебя озарения... – протянула она и посмотрела на девушку. – Что, крыса, так все было? Отвечай, а то сейчас башку откручу, как этим уродам! – Лена рванула со рта девицы скотч, и та плаксиво закричала:

– Они меня обманули! Они хотели все забрать! А папаша, сволочь такая, хотел своей любовнице все отписать! Он с матерью разводился и документы переоформлял, хотел оставить меня ни с чем! Ибрагим, скотина, сказал, что меня любит, а сам им отдал! Вы все равно не докажете ничего, уроды! Скоты, развяжите меня!

– Люди уже поглядывают в нашу сторону, что будем делать? – Лена обеспокоенно посмотрела по сторонам.

– Валишь ее надо. Тварь та еще, а наказания точно не понесет. Скажем – нашли мертвую в багажнике, со свернутой шеей. Она мать убила свою... ей нельзя жить. Мне самому или ты?

– Я. Иди складывай жмуrow в салон.

Я отошел от багажника и услышал за спиной истошный крик:

– Не подходи, тварь, не подходи! А-а-а!..

Крик резко оборвался хрустом позвонков...

Подняв очередной труп, я забросил его в салон джипа, захлопнул дверцу и сказал Заре:

– Давай за руль нашего джипа, а я поведу этот гроб.

– Куда ты его?

– Сейчас отъедем немного по трассе да спалим. Не тащить же его к КП, ну их к черту, и правда заставят отписываться...

Двигатель чеченского джипа завелся с трудом, хрипел, гремел – видимо, менты его хорошенько зацепили, то-то бандиты полезли к нашему, небось обрадовались, увидев такого динозавра, навороченного, с лебедками и лаптями.

Ехал автомобиль чеченов дергаясь, но все-таки двигался, и через минуту я уже разогнался километров до сорока в час.

Кемпинг скрылся из виду, только луна висела над темным лесом, да редкие огни встречных автомашин выхватывали из темноты придорожные столбы.

Припарковав джип, я подумал немного, пошел к нашей машине, поковырялся в снаряжении и достал оттуда «макаров». Отойдя в сторону, сделал несколько выстрелов по бензобаку автомашины. Конечно, никаких взрывов, никакой иллюминации не было – это не киношный триллер, просто из бака струйками потек бензин, собираясь под днищем в большую лужу.

Подойдя к джипу, заглянул внутрь, включил зажигание и ткнул прикуриватель в его гнезде. Через короткое время он щелкнул, выскочив, я отошел от джипа и бросил раскаленный до вишневого сияния цилиндрок в лужу под машиной.

Жахнул гулкий удар, и джип охватило яркое пламя полыхающего бензина.

Я прыгнул в наш джип, стоящий чуть поодаль по ходу движения, и кинул Заре:

– Гони! Сейчас бак рванет!

Наш джип выскочил на дорогу, как по команде сзади жахнуло, и пламя поднялось выше крон деревьев. С бандой и крысой, убившей свою мать, было покончено.

– В кемпинг будем возвращаться? – невозмутимо спросила Заря, небрежно поворачивая баранку руля и следя за дорогой.

– Нет. Жми дальше, это не последний кемпинг на дороге, я думаю, да и вообще, подальше отсюда надо оказаться – нарисовались по полной, нам это ни к чему.

Мы ехали в ночи еще около двух часов, сделав не менее двухсот пятидесяти километров и уйдя далеко от того места, где разобрались с негодьями.

И я, и моя подруга молчали, думая о своем.

Только раз я спросил у нее:

– Может, мне сесть за руль?

– Нет, все нормально, я днем отдохнула, сиди...

И я не настаивал. Хотя, можно сказать, в нашей паре я был лидером, но прекрасно понимал, что Заря

ничуть не уступает мне ни в подготовке, ни в уме, ну, может быть, чуть послабее – чисто физически, а так – она превосходит множество мужчин по всем параметрам.

Я знал, конечно, что нам давали специальные препараты, которые улучшали нашу память, соображалку, позволяли восстановиться физически после тяжелейших нагрузок, но был очень рад тому, что эти средства хотя бы внешне не превращали девушек в мужчин – это было бы мне очень досадно.

От таких мыслей я усмехнулся и, видимо, хмыкнул, потому что Заря спросила:

– Чего ты? Что смешного?

Я объяснил ей, и она без улыбки сказала:

– Да, эти уроды нам подсыпали в еду препараты, витамины – как они их называли. Я тоже знала. Ну а что сделаешь? Ты же сам понимаешь, что без этих средств такую нагрузку мы бы не выдержали. Надеюсь, что они не шибко навредили нашим организмам. Впрочем, а какая разница? Все равно мы долго не проживем – пушечное мясо. Надо будет – спишут на раз, зашлют куда-нибудь в безнадегу, и сгинем под пулями или пытками. Впрочем, опять же – я уже давно должна была умереть, еще в детстве, так что живу, считай, в долг. Вот ты, мне кажется, случайно сюда попал – из тебя так и лезут понятия о справедливости, о ее восстановлении, о правде, о помощи ближнему. Видать, ты домашний мальчик, да, Колдун?

Я помолчал – вообще-то у курсантов не принято делиться личной информацией, это даже специально оговаривалось инструкторами, но мы же уже вроде как и не курсанты? Или курсанты? Да что я их боюсь-то, этих уродов! Теперь – пусть они меня боятся!

– Да. Я вырос в хорошей семье. Папа, мама... бабушка с дедушкой. Все порядочные, работающие. Я вот один получился такой поганец, влетел в такие неприятности.

Заря покосилась на меня и грустно сказала:

– Ты хороший. Ты сам не знаешь, какой ты хороший человек. А то, что попал в переплет... а кто выбирает нашу судьбу? Если бы мы...

Мы еще помолчали, глядя на бегущую ленту дороги, потом Заря сказала уже деловито:

– Давай-ка посмотри, что там у нас, городишки нет поблизости? Что-то и правда мне захотелось полежать на постели... ну и поспать, разумеется, – покосилась она на мою ухмыляющуюся физиономию.

– Нет, тут только какие-то деревни. Смотрим кемпинг наподобие этого, где мы были, да и приземляемся там. Достаточно уже отъехали, хватит. Отдыхать будем.

Нам пришлось пролететь еще километров сорок, пока вдаль на трассе не показалось зарево от яркого освещения большой заправочной станции, рядом с которой стоял вполне приличный мотель, где нашлось место таким бродягам, как мы.

Машину загнали на стоянку, где стояли дальнобои, – она была под охраной, за шлагбаумом, да и угнать джип было не так просто. Впрочем, нам было на это наплевать: угонят – другой дадут. Не пешком же мы будем тащиться на задание?

В кафе нас покормили сонные официантки, выползшие откуда-то из недр здания – видимо, спали в подсобке. Мы не особо настаивали на разносолах и удовольствовались солянкой и бутербродами, ругая себя за то, что не запаслись продуктами в дорогу где-нибудь в приличном магазине, не хотелось возиться – мы и сорвались-то из города уже после обеда, в ночь.

Номер оказался так себе, но мы были довольны – горячей воды сколько угодно, простыни белые и чистые, а тела наши гладкие, горячие и умелые... в общем, через минут двадцать сладострастной возни мы крепко спали, как младенцы.

Так закончился первый день нашего путешествия на северо-восток.

К месту назначения мы добрались уже вечером, около семи часов.

Я поразился количеству нитей, которые целыми пучками вели в некую точку, к какому-то пункту, мне неизвестному, – небо было просто опутано этими тяжами. Я даже попросил Зарю сесть за руль – перед глазами постоянно находились эти путанные жгуты. Наверное, как-то можно отключать умение их видеть, но, увы, я не знал, как это сделать.

Мы заняли вагончик люкс – был тут и такой, – умылись и стали думать, как нам быть дальше. Посоветовавшись, решили – надо расспросить руководство турбазы, что тут посмотреть, чтобы определиться с тем, на какой объект нам идти.

Выйдя на крыльцо вагончика, я огляделся по сторонам и поморщился. Невероятно унылый, выжженный пейзаж напоминал завожские Голодные степи – пожухлая трава, степи до горизонта, по которым ветер гнал пережаты-поле, темными шарами прыгающие по песчаным кочкам. Как тут живут люди? Как четыре тысячи лет назад жили люди, которые построили Аркаим и потом куда-то ушли отсюда, забрав все вещи и уничтожив свой город? И ведь так произошло со всеми городами-крепостями, которые располагались в Стране городов, похожими на этот город, называемый нами Аркаим. Вполне вероятно, что четыре-пять тысяч лет назад, как датируют возраст Аракима, климат здесь был совсем другой – было больше лесов, трав в степи, осадков... Но сейчас – это был суровый и жесткий край. Представив, что тут делается зимой, в сорокаградусные морозы и при ураганном ветре, я поежился и решительно спустился с крылечка.

Мы прошли по лагерю паломников в Аркаим – тут была куча народу со всей страны.

Древний памятник археологии стал объектом бизнеса – предприимчивые люди наладили тут целую индустрию туризма, на радость местным жителям, хоть какая-то движуха в жизни этой забытой богом дыры.

В магазинчике продавали неизменную фигурку «Человек, смотрящий в небо».

Пока мы ехали, Заря разочаровала меня, рассказав, что к Аркаиму эта фигурка, ставшая его эмблемой, не имеет никакого отношения, – она вообще была найдена в Казахстане, рядом с городом Кустанай, трактористом Елисеевым и долго подпирала двери его коровника.

Впрочем, и без этой фигурки тут было очень много странного. Судя по всему, нити тянулись не к самому брошенному древними поселению, а к пологой горе рядом с ним.

Вообще, место меня не впечатлило – жара, какие-то заполошные граждане, бегающие вокруг, некоторые из них имели странные глаза, глянув в которые Заря безошибочно диагностировала:

– Слушай, они под наркотой! Я читала, что тут полно всяких последователей Заратустры и каких-то самодельных шаманов и колдунов, раскрывающих сознание с помощью наркотиков. Не знаю, чего они там раскрывают, но рожи у них, как у нарков. Никаким особым народом тут и не пахнет – местные паразитируют на туристах, а туристы обдалбываются и лезут в городище. Слушай, если бы ты не сказал, что нити сходятся сюда, я бы решила, что это огромный такой пшик и вся эта суeta вокруг Аркаима есть не что иное, как способ отъема денег у населения одним из законных методов.

– Нет, нити точно идут сюда – вон на ту гору. Пойдем спросим, что за гора?

– Я и так тебе скажу, и спрашивать не надо, это гора Шаманка. Там на вершине выложена какая-то спираль, по ней бродят желающие очиститься и бла-бла-бла... в общем, место паломничества зороастрийцев и проходимцев. Я бы так и решила, если бы ты не сказал, что именно туда тянутся нити. Ну

так что будем делать? Туда пойдем? Посмотрим, куда они деваются, эти хрени?

– Давай переоденемся – хоть и жарко, но скоро станет смеркаться и похолодает, резко континентальный климат, тут ночью почти мороз.

– А может, утром? Нормально переночуем, а с утра и потащимся на эту горку, а? Что-то меня не климатит переться туда на ночь глядя, когда в желудке одни бутерброды и то давно уже переваренные. Мы ели-то в последний раз когда? Еще в обед. Да потом по паре бутербродов съели... Может, завтра, а? Серег, да ну ее на хрен, эту Шаманку? Пойдем переночуем, а завтра с утра потащимся. Ты на машине хочешь туда ехать?

– Нет. Машину оставим, тут нельзя рассекать на машине по археологическим памятникам, как ни странно, – я усмехнулся, – надо пешком, просветляться и засветляться! Ладно, черт с ней, айда в вагончик. С утра попремся на эту горку...

Так мы и сделали, к удовольствию Зари. Ну и моему тоже – ночь мы провели в вагончике, вечером посидели в местной кафешке, съели вполне съедобное горячее, в магазинчике купили воды для предстоящего похода и были совершенно готовы к тому, что увидим завтра. Так мы считали...

Вставать рано мы не стали – какого черта тащиться спозаранок, как эти солнцепоклонники?

В восемь утра мы, приняв душ, надели камуфляжки и хорошие ботинки – и то и другое было натовское, на голову шапки от солнца, взяли рюкзаки с водой и задержались только для того, чтобы позавтракать в кафешке с вполне приемлемыми ценами да оплатить на три дня стоянку и вагончик. Вещи мы сложили в машину и заперли – ну не таскаться же с пистолетами и ноутбуком по выжженной степи? Никакой опасности, кроме как натолкнуться на обдолбанного зороастрийца, я не заметил.

Подумав, один комплект ключей от джипа положил в дырку под крышей вагончика, а второй оставил в автомобиле.

Дорога к горе заняла около часа. Мы бодро шагали по степи, еще не слишком раскаленной жгучим летним солнцем, но было уже довольно жарко, а я настоял, чтобы мы оделись в камуфляжки, за что Лена уже десять раз упрекнула меня – какого черта она не в легком и сексуальном костюме, а в этих рейнджерских хламидах?

Я вяло отбивался, подшучивая над ней, заявил, что берегу ее блондинистую кожу от ожогов, и вообще, белое тело в Средние века считалось признаком принадлежности к аристократии, а загорелое и здоровое – признаком плебеев. На что она отвечала, что готова выглядеть загорелой плебейкой, лишь бы не париться в этих чертовых натовских обносах.

К чести натовцев надо сказать, что костюмы их были удобными, не такими уж и жаркими, так что ее стоны были больше следствием раздражения и недовольства этой унылой местностью.

Чем ближе мы подходили к горе, тем напряженнее становился я и молчаливее моя подруга, чувствующая мое состояние. Все небо было в узлах нитей, как мне казалось, пульсирующих и уходящих куда-то в центр горы, в ее вершину. Я описал все это напарнице, она с тревогой посмотрела на меня и сказала:

– Вот что, давай договоримся: держимся за руки – на всякий случай. Что-то у меня предчувствие какое-то не очень хорошее. Интуиция меня еще не подводила. Серега, не суйся без нужды ни в какие дырки, ладно?

Я механически кивнул, почти не слыша ее, и стал подниматься по склону. Рядом спустились и поднимались какие-то люди, я совершенно не обращал на них внимания, и наконец мы добрались до верха...

И сейчас я помню это зрелище – большое пульсирующее зеркало, или, скорее, шар, в котором отражались мое лицо, лицо моей подруги, люди с тупыми лицами, бродящие, закатив глаза, вокруг портала... что это портал в другой мир, я понял сразу.

Все нити сливались в огромную трубу, шланг около метра в диаметре, и уходили в этот портал, будто обрубленные топором. Ошеломленный, я застыл и, сжав руку Лены, восхищенно сказал:

– Ты видишь? Нет, ты видишь? Это прекрасно!

– Чего видишь?! – недоуменно переспросила Лена, вертя головой по сторонам. – Турбазу видно. А что еще? Лабиринт – кто-то из зороастрийцев, видать, постарался, соорудил. Что видишь-то?

– Его! Разве ты не видишь? – Как замороженный, я двинулся вперед, шагая через выложенные камнями спирали, Лена тащилась сзади, ничего не понимая, но инстинктивно сдерживая меня, как якорь.

Бесполезно, я пер как трактор и через минуту уже оказался у «зеркала», протянул руку и коснулся зеркальной сферы... вспышка... искры... светлячки на черном бархатном поле... удар о землю – и темнота.

Из меня вышибло дух при ударе о дерево, и я скривился от боли. Рука все так же сжимала руку моей подруги – Лена лежала рядом и ошеломленно озиралась.

– Серега, куда мы попали?! Это не Аркаим, не Шаманка! Гляди – деревья вокруг, и вообще – солнце садится, а мы на горе были утром! Серега, что это?

– Думаешь, я знаю? Цела? Ничего не сломала себе? Ну слава богу. Раз так – потащились смотреть, куда мы попали... Эх, жаль, фонарика нет, да кто же знал-то, что так будет...

И мы стали спускаться по склону. Нитей я не видел – возможно, они и были, но в темноте различить их было совершенно нереально. Утром все разубнаем. А пока надо было найти хоть какое-то пристанище...

Глава 7

Деревья тихо шелестели листьями под ночным ветром, и я подумал: «Как хорошо, что не поддался на капризы Зари и не согласился, чтобы она шла в своем легкомысленном наряде – шортах и белой рубашке. Сейчас бы задубела по полной».

Как будто услышав мои мысли, Лена пожала мне руку, и я услышал в темноте ее смехок:

– Прав был, прав!

– Ага, – не без удовольствия отметил я. – А ты чего, мысли читаешь, что ли? Скрывала такое умение?

– Да по тебе прочитать твою эту мысль – как на дисплее. Сопишь от удовольствия, аж в темноте светишься, сразу видно, о чем ты думаешь. Слушай, давай версию – где мы и чего мы! У меня, если честно, ум за разум зашел. Только что были на горе под жарким солнцем, и вот – ночной лес. Как это может быть, обоснуй!

– А чего ты меня об этом спрашиваешь? Я не больше тебя знаю, где оказался!

– Ну с твоей легкой руки мы сюда нырнули, так что давай выдай мысль на-гора. Что, нет версий?

– А легче будет, если я сейчас тебе наваяю версий от инопланетных пришельцев до параллельных миров? Это что-то изменит?

– В общем-то нет.

– Тогда давай не будем заниматься гаданием и поиском, где тут можно приземлиться на ночь. Спички-то у нас есть?

– Ни черта нет. Кто мог подумать? И никто из нас не курит...

– Кстати, ты заметила, что никто из курсантов не курит? Интересно – почему?

– А что интересного? Я курила когда-то, в учебке уничтожили тягу к курению – не забывай, мы же их имущество, их оружие, а от курения оружие портится. Так что – долой курение. А ты курил?

– Нет. У нас никто в семье не курил.

– Везет же людям... и не верится, что такие семьи бывают. Моя мамаша пила, дымила как паровоз, жрала таблетки – все, что по мозгам шибало. После того как меня родила, пристрастилась к пьянке и курению. И за то спасибо ей – родила до того, как совсем опустилась. Ну да ладно. Слушай, а тебе не кажется, что это тропа? Я ни черта не вижу! Может, у тебя увидеть получится?

– Хрен там. Но действительно – вроде как тропа выбита в земле. В какую сторону по ней идти? Давай рассуждать логически: если рядом есть какое-то человеческое поселение – оно будет возле воды. Где вода? В низинах и долинах. Значит, нужно идти туда, куда ведет тропа, – вниз. Пошли, держи меня за руку, паровозиком пойдем.

– Паровозиком? – усмехнулась Заря. – Ну у тебя и ассоциации... пойдем паровозиком. Я, когда с тобой говорю, как в другой мир попадаю... тьфу! И правда попала! Я имела в виду – ты как из другого мира, благополучного, правильного. Где слова имеют совсем другое значение, чем в том мире, в котором росла я.

– Хм... а какое значение еще может быть у выражения «паровозиком»? – удивился я. – Тащу тебя за руку, как паровоз вагончик, и что?

– Ничего. Давай оставим эту тему, ладно? – Голос Зари был жестким и расстроенным, и я не стал

углубляться в ее прошлое.

– Давай прикинем: в том направлении была речка – в нашем мире. Скорее всего, она есть и здесь, вот только тут она точно полноводнее – течет не в степи, а в лесу. Возле реки должны быть поселения людей.

– А ты думаешь, они нас примут с распростертыми объятиями? – с усмешкой спросила Заря. – Что-то мне в это не верится...

– И мне не верится, – признался я, – но есть какие-то варианты, кроме как выйти к людям и все у них узнать?

– Нет, ты прав... Кстати, а куда делся портал на горе? Заметь, с этой стороны никакого портала нет – пустое место. А нити ты видел?

– Чего в такой темноте увидишь? А-а-а! Черт! Чуть глаз не выколол! Осторожнее, тут ветка над тропой!

Девушка хихикнула:

– До моего глаза не достанет, я ниже.

– Да... вам, мышам, хорошо – залез в норку и сиди себе спокойно! Тут... того и гляди глаза лишишься.

– Сам тымышь! – Заря хлопнула меня рукой по заду. – Шагай и смотри за ветками!

Мы шли уже часа два, когда у реки увидели темную глыбу дома – именно не домов, а дома.

Это была избушка, довольно большая, сложенная из толстых бревен, чуть не в обхват толщиной. Окошки маленькие, непонятно что вставлено – то ли кусочки мутного стекла, то ли пластик какой-то, в темноте не разберешь. Осмотрел: снаружи частокот, между кольями плетенки из высохших веток, на кольях – крынки. Нормальный пейзаж для какой-нибудь глубинки... хм... средневековой.

Калитка висит на веревочных петлях. Прислушался – собак вроде нет, шагнул за порог, направляясь к сеням дома, или как они там называются, в общем, это была пристройка, я предположил, что в ней находится вход в дом.

Насчет собак я ошибся! От угла дома к нам с рыком рванулась огромная тень, я только успел скомандовать Заре:

– Прячься за меня! Тут волкодав!

Она, не обращая внимания на мои слова, вышла вперед, и вдруг – хрипящая от злобы массивная фигура зверя остановилась как вкопанная у ее ног. Девушка опустила руку на его огромную голову, угадываемую в сумраке ночи, и сказала ласковым голосом:

– Хороший, хороший... не надо нас жрать. Уйди!

Она махнула рукой, и эта собака Баскервилей затрусила в сторону, снова укрываясь в тени дома, как призрак ночи.

– Здорово ты... а я уж приготовился с ним драться! Это та же самая штука, что и с людьми? Внушение?

– Да. А чем отличается собака от людей? Только верностью... она не предаст. А воздействовать можно на них так же, как и на людей.

– Ты бы могла дрессировщицей работать... типа – «На арене великая дрессировщица хищных коров и атакующих кроликов – Ззззаррря-а-а!!!».

Заря хихикнула:

– Ну ты и выдумщик! Атакующие кролики – это как? Чем они атакуют? Идем в дом, придумщик! Надеюсь, нам не попытаются выпустить кишки честные граждане – ведь бродят глубокой ночью только

тати, как бы не встретили вилами...

– Держись за мной все-таки, ладно? Если что – я успею кинуть проклятие, выживу. А вот как тебя спасти, если что...

– Ладно. Только осторожнее все равно...

Легкими стелющимися шагами – как учили – я двинулся к дому. Только собрался подняться на крыльцо, как услышал голос из дома, сказавший что-то непонятное:

– Арун тартагус аналда кум!

Я остановился и прислушался, голос зазвучал снова, только уже нетерпеливо:

– Арун тартагус, фанкум!

Я решительно поднялся по ступенькам крыльца, толкнул дверь – она оказалась не закрытой – и вошел в темные сени.

На улице и так-то было темно, а в сенях и вообще мрак, я попытался присмотреться, раскрыл глаза пошире – и бац! – чуть не ослеп!

Перед глазами вспыхнул огонь – белый шар размером с апельсин висел в воздухе над некой темной фигурой. Из-за режущего глаза света нельзя было рассмотреть того, кто стоял перед нами, и я прикрылся ладонью. Человек с «нимбом» (или не человек?!) отчетливо усмехнулся, а Заря сзади ойкнула и сказала:

– Слушай, у него как нимб над головой! Может, бог какой-то?

– Ну чего ты несешь?! Мне еще тут религиозного экстаза не хватало! Приветствуем вас! Я Сергей, а это Лена! А вы кто?

Существо опять отчетливо хмыкнуло, открыло дверь в дом и махнуло рукой: мол, заходите!

Я дождался Лену, взял ее за руку, и мы вместе перешагнули высокий порог избы. Оглядевшись, заметил: большой стол в огромной комнате, русская печь, скамьи у стола, в углу вместо икон какие-то статуэтки – вроде как богов или идолов каких-то, большего не успел заметить, хозяин – а это был именно хозяин, мужчина, – повелительно указал на скамью и что-то сказал, видимо предлагая садиться.

– Лен, ты видела, чего вместо икон стоит? – не удержался я. – Идолопоклонники, мать их за ногу! Это точно не Земля... Давай присядем, похоже, он именно этого хочет.

Мы уселись на скамью у стола и стали рассматривать сидящего перед нами мужчину. Это был старик с длинной, практически до пояса, седой бородой, его белые волосы были уложены прядь к пряди и ровными волнами свисали до плеч. Глаза внимательные, глубокие, как синие озера, а длинный нос торчал вызывающе и хищно, как у орла.

Он тоже рассматривал нас. Вначале меня – осмотрел, чуть заметно кивнул, как будто утвердился в своих мыслях, осмотрел Лену – насупил брови, потом приподнял их, как бы удивившись, видимо, признал в ней девушку. Она была одета так же, как я, так что сразу, да еще в темноте не определишь, мужчина это или женщина.

– Ангуста кранат ссассункрита бура? – спросил старик, но я бессильно развел руками:

– Не понимаю!

Он стал что-то говорить, отчетливо разделяя слова. Нет, ничего похожего на те языки, что я изучал, не было. Впрочем, вроде как проскакивали слегка похожие слова то ли на фарси, то ли еще на каком-то языке, но не уверен.

– Лен, ты хоть что-то поняла? Я лично – ничего не понял. Ни слова знакомого.

– И я не поняла. Не понимаем мы! – обратилась она к старику. И уже мне: – Я попробую на других языках с ним поговорить. Может, он что-то поймет...

Лена начала произносить фразу «Вы говорите на этом языке?» на всех языках, что мы изучали в учебке. А потом – еще на сорока языках, таких, что я даже не слыхивал – сплошь щелкающие и курлыкающие звуки. Я не удержался и спросил:

– Ты где столько языков выучила? Я просто балдею с тебя!

– Это еще до учебки... эксперименты ставили после испытания препарата – сколько языков может вместить моя голова. Много, очень много. Я полиглот. Достаточно несколько сеансов, и язык ложится мне в голову как родной – побочный эффект действия препарата.

– Ну и что наполиглотила тут?

– Да ни черта. Видно, что дедок ни одного языка не понимает. А из того, что он говорил, часть была похожа на какой-то из индоевропейских языков. Кстати, глянь на него – типичный европеец, как друид какой-то. И зыркает, будто сейчас сожрет нас! Дед, ну не понимаем мы тебя, и все тут! – Заря сокрушенно развела руками. – Придумай чего-нибудь!

Будто поняв ее, старик поднялся, сказал несколько слов на своем языке и показал жестом – сидите, мол, тут. Он ушел в заднюю комнату и вернулся через несколько минут, сияющий своим «фонарем» как шахтер, поставил на стол глиняный кувшин и стал сливать в него жидкость из принесенных с собой небольших баночек. Добавил туда какой-то сушеной травы, растолок в ступке камень черного цвета – тоже метнул туда, еще что-то из банки – зашипевшее, как негашеная известь, капнул на стол, размазал пальцем, покачал неодобрительно головой и еще подкинул черного камня, затем стал равномерно помешивать всю эту «окрошку» деревянной палочкой, беззастенчиво нас разглядывая.

– Слушай, чего это он такое делает? – всполошилась Лена. – А ну как заставит выпить эту гадость? Я не хочу пить неизвестные жидкости в неизвестном мире!

– Может, и заставит. Только пусть вначале сам отопьет... если отопьет – тоже будем пить, не выступай! Вдруг у них такой обычай тут – отпивать вот такой гадости! У нас же ставят всякую гадость на стол – принято ее выпивать, а потом сильно болеть, вот и мы будем это делать.

Лена фыркнула и тихонько засмеялась.

– Ну ты и сравнил! Да если эту гадость выпить – как минимум пронесет, а как максимум... я даже боюсь подумать. Я лично не хочу бегать по сортирам и шумом пугать воробьев! Если хочешь – сам пей, а я погляжу, что будет. Должен же кто-то остаться боеспособным в нашей паре, пока ты будешь бегать и дристать!

– Э-э-э... хитрая, да? Ладно, спасу тебя от бесчестья! Если предложит – выпью. Но если все нормально будет – выпьешь и ты, согласна?

– Ладно. Не бойся, красные отряды отомстят за тебя! Я этого старикашку искореню, если с тобой что-то случится!

Старик с усмешкой прислушивался к нашим переговорам и как будто понимал, что с нами происходит.

Прекратив помешивание, он разлил жидкость в три глиняных стаканчика, взял один, показал мне, приподняв в воздухе, и с видимым удовольствием выпил, произнеся следующее:

– Аххх... ммммаааа!

Затем взял второй стаканчик и протянул мне, кивнув – пей, мол!

Я с опаской взял стакан, перекрестился – старик при этом удивленно приподнял брови – и одним махом влил содержимое себе в рот.

Проклятый старик! Меня чуть не вырвало – эта смесь имела сладковатый, как у лакрицы, вкус (а я с детства ненавижу лакричный корень!), пахла какими-то старыми носками и была горькая, как сто корок лимона и десять пачек таблеток от поноса, вместе взятых.

Как я удержал жидкость во рту и сумел ее проглотить – не знаю.

Видимо, при этом я сильно покраснел и вытаращил глаза, потому что Заря, с испугом глядя на меня, спросила:

– Что, так плохо?

– Еще хуже, чем выглядит! Гадость неимоверная!

– Что, не по нраву тебе саликантал? – громыхнул у меня в голове голос, я оглянулся, разыскивая обладателя этого голоса, и через секунду понял, что со мной говорит этот самый «друид».

Злостный дедок начал смеяться, глядя на мой испуг, и добавил:

– Откуда вы такие дикие? Ты что, никогда не видел действия саликантала?

– Это мы-то дикие?! Ты сидишь тут в лесу один-одинешенек, и мы, понимаешь, дикие?! – возмутился я. – Кстати, а как ты со мной разговариваешь? Я говорю на русском, и ты что, меня понимаешь? А чего прикидывался тогда, что не знаешь языка?! А мы тут изощрялись, на ста сорока языках с тобой пытались говорить!

– А я и не знаю языка – посмотри, губы у меня шевелятся? Мы с тобой разговариваем мысленно – вернее, я мысленно, а ты болтаешь языком, только твои слова и мысли повторяются, потому я тебя и слышу. Попробуй, скажи что-то, не открывая рта.

– Сергей, а что происходит? Как ты с ним говоришь? – настороженно спросила Лена.

– Жидкость вот эта мерзкая – после нее я разговариваю с ним мысленно. Выпей, тоже будешь в разговоре.

Лена с отвращением взяла стаканчик и как мерзкое лекарство (каковым жидкость и являлась по сути) залпом вылила в рот, передернувшись и закашляв.

– Нежные вы, как я погляжу, – с усмешкой сказал старик, – ну да ладно, теперь давайте поговорим. Кто вы такие и что тут у меня делаете? И как вы смогли пройти мимо волколака?

– Че-го? Какого волколака? – вздрогнул я, вспомнив зеленые глаза «собаки» во дворе.

– Обычного волколака, какого еще! – с интересом посмотрел на меня старик. – С детства у меня живет, я его еще мальчиком взял. Говорил ему, спи дома, а он все норовит под кустом залечь... Что сказать – волчья кровь зовет. А так парнишка хороший, умный, ученик мой – далеко пойдет, хороший будет лекарь. Всех чужих, кстати, отваживает просто на раз – последний кто хотел залезть ко мне и пошариться у меня по закромам, лежит на заднем дворе. Он у него вначале ногу оторвал, потом слегка объел... сколько раз ему говорил, что нельзя этого делать. Но он, когда в обличье зверя, все забывает. Ну что сказать, зверь есть зверь.

– Вы так здорово по-нашему говорите! – восхитилась Заря. – Как такое может быть? Как действует эта жидкость?

– Саликантал-то? Деэ-эйствует... Последний порошок из черного камня извел на вас, надо будет в

город идти покупать, а лавочник его нечасто завозит, только по заказу. Штука мало востребованная – зачем крестьянам саликантал? Только вот таким отшельникам, как я. Вдруг ко мне в дом занесет двух странных типов в непонятной одежде, хоть поговорить можно будет. А действует он три дня – в течение трех дней выводится из организма через все дырки. Будете почаще теперь в туалет бегать.

– Вот черт! Я так и знала! Говорила тебе, что с этой гадости мы обделаемся – и что? Вот и результат...

– Не о том думай, – туманно посоветовал я подруге, – думай совсем о другом! Уважаемый, а раз мы разговариваем мысленно, это значит, что вы можете подслушать все мысли, которые у меня в голове?

– Точно. Ты откуда-то из лесу вышел, – усмехнулся старик, – саликантал не часто востребован, но вполне даже известен всем, кто хочет быстрее учиться, или тем, кто служил в солдатах. Он усиливает работу мозга, и ты можешь обмениваться мыслями с любым человеком в радиусе десяти метров. Только мысли твои он не подслушает, можно услышать только то, что направлено лично тебе. Я даже твою подругу не слышу, когда она говорит тебе, а если обращается ко мне – слышу. Ты должен захотеть что-то мне передать, вот тогда и будет эффект. Можно до нескольких людей сразу держать в голове во время передачи, и они будут слышать все, что ты говоришь. Что касается того, что я лихо говорю на вашем языке и использую ваши термины, так я не говорю на вашем языке, это ваш мозг преобразует мои мысли, облакает их в слова, пользуясь вашими терминами! А в нашем языке обозначения тех же понятий совсем другое. Теперь понял? Итак, кто вы, откуда и как сумели пройти мимо волколака?

– Мы с другой с Земли, из другого мира, – решил я. – Меня звать Сергей, а это моя жена Лена. Попали сюда через портал, где находимся – не знаем. Не мог бы ты рассказать, где мы и что это такое вокруг?

– Расскажу. Но только если будешь вести себя честно и не станешь увиливать от вопросов. Повторю еще раз: как вы прошли мимо волколака?

– Я ему приказала отойти, внушила доброе отношение к нам, – вмешалась Лена (видимо, старик проецировал разговор сразу и на нее). – Я умею внушать людям то, что хочу.

– Я так и думал, – вздохнул старик. – А ты что умеешь, Сергей?

– Много чего. Например, бросать проклятие. – Я изобразил картинкой, как бросаю «слизняк».

Старик нахмурился еще больше:

– Как это вы тут оказались, гауры? Необученные гауры... вот это да! И что с вами делать? По закону я должен заявить о вас власти, жрецам.

– А кто такие гауры? Мы не знаем такого слова! – спросила Лена, недоуменно глядя на старика. – Мы не хотели ничего нарушать, просто провалились в портал, и все.

– Покажите мне этот портал, картинку дайте!

Я сосредоточенно передал картину горы со сверкающим шаром старику, и тот задумался минут на пять. Мы терпеливо ожидали, понимая, что только он поможет нам разобраться в ситуации. Наконец он опять глубоко вздохнул и сказал с сожалением:

– М-дя... вляпались вы. Дернуло же вас хвататься руками за этот шар! Что, вас родители не учили, что нельзя хвататься за все, что видите? Теперь вы застряли тут, в этом мире, и похоже – навсегда.

– Да что за мир-то? Может, расскажешь нам о нем? – не выдержал я. – А то кидаешь непонятные слова да вздыхаешь! Польза от такого рассказа какая?

– Нетерпеливый ты, – попенял мне старик. – Ладно, слушай. Это Земля, но не та Земля, с которой ты пришел. Согласно легендам, мы оказались тут, пройдя через портал. Откуда этот портал взялся – не

спрашивай, не знаю. Легенды говорят, что в небе сверкнула молния, ударила в гору, и там образовался проход в другой мир, но я этому не верю, и есть причины. Порталов всего два: один ведет сюда, другой – в ваш мир. Пройти через портал может только гаур, то есть человек, обладающий особыми способностями. Но не все гауры способны преодолеть этот проход, только обладающие специальными способностями. Кто из вас коснулся шара?

– Я коснулся. Мы шли за нитями, которые идут от «слизняков», – попутно я мысленно транслировал старику картинку «слизняков», – хотели узнать, что это такое и зачем они, потом провалились сюда.

– «Слизняки»? Хорошее определение этой гадости... Что они такое? Ну представьте себе богатого человека, который хочет быть всегда здоровым и никогда не болеть и готов отдать за это большие деньги. Он приходит к гауру-жрецу и говорит, что хочет сделать пожертвование в обмен за десять лет здоровой жизни, – и р-раз! – богатство у жреца, а здоровье у богача. Вот и все. Через портал в ваш мир отправляется «слизняк», как ты его называешь, он находит жертву, присасывается, и богачей получает здоровье того, кого сосет этот паразит. Через вот эти самые нити и получает жизненную энергию.

– Как это возможно – то, что «слизняк» сосет энергию для чужого человека, а не для того, кто его выпустил? – с недоверием спросил я.

– Учатся этому. Можно перекинуть поводок на любого человека при достаточном умении. Тех, кто умеет пускать «слизняков», немного, и они все работают на жрецов. Как только ребенок начинает выказывать какие-то способности, его забирают у родителей и отправляют к жрецам для обучения. Там они определяют, может он быть гауром или нет, и обучают в нужном направлении. Я тоже гаур – но я лекарь, «слизняков» пускать не умею, и, после того как я отработал свое обучение, меня отпустили жить самостоятельно. Ну вот так. Кстати, меня звать Арданан.

– Скажи, Арданан, почему «слизняков» пускают в наш мир? И неужели есть только два портала? И можно ли вообще эти порталы закрыть? Люди в нашем мире умирают от болезней, потому что «слизняки» высасывают из них жизнь! Ты не считаешь, что это несправедливо?

– Считаю. И всегда был против этого. Это мерзкие вампиры, которые живут за счет других людей. Но они ли первые? Все мы живем за счет каких-то живых существ... Жрецам удобно так править людьми – они могут по своему разумению продлять годы жизни кому-нибудь и уменьшать эти годы. Ты думаешь, только в твоём мире обретаются эти «слизняки»? Не-э-эт... тут тоже хватает. Снимать их могут только жрецы и прицеплять – только они. Никто не может противостоять их воле, иначе закончит жизнь очень плохо и быстро.

– А зачем они к нам-то их отправляют? К нам в мир зачем суют – ну пускали бы на местных, и все!

– А зачем? Кто будет тогда кормить жрецов? Кто будет тут работать? Тут пускают «слизняков» только на преступников, на тех, кто противостоит воле Храма. А ваш мир – он чужой, он ни к чему, можно высасывать жизнь абсолютно безнаказанно. Каждый обученный жрец-гаур может выпустить неограниченное количество «слизняков», а если жертва умерла – перебросить поводок с себя на другого, поскольку каждый гаур обязательно подключен к какой-то жертве. На самого гаура чужие «слизняки» не присасываются, и он может уничтожать чужих «слизняков».

– Ясно... а сколько их, гауров? Ну тех, кто может пускать «слизняков»?

Старик задумался.

– Не знаю, – наконец сказал он. – Несколько десятков. Да, несколько десятков. Они живут много лет, много сотен лет – но рождаются такие редко. В основном такие, как я, – лекари, маги... ментаты, как твоя жена. В нашем мире это обычное явление, поэтому я и удивился, что ты так смотришь на мой светильник.

Каждый, даже слегка обученный гаур может его создать – простое колдовство, ну как лепешку разорвать на части. Неужели у вас люди не умеют это делать?

– Не умеют, – усмехнулся я, – только в сказках. Слушай, ты не мог бы рассказать нам, какова социальная структура этого мира – кто тут живет, откуда тут в мире взялись люди, сколько их, каковы их верования, ну и так далее, все про ваш мир? Кстати сказать, а почему ты вообще так радушно нас встретил? И все вот это рассказываешь мне? Разве у вас доверяют чужим? У нас бы вышли с оружием или не вышли бы вообще, и уж точно бы не пустили в дом. Почему ты такой доверчивый?

– Почему я доверчивый? Да не доверчивый я, если бы ты напал на меня, я бы успел защититься. Как? – Старик лукаво улыбнулся. – Попозже как-нибудь продемонстрирую. Теперь о том, откуда взялись люди. Легенды гласят, что раньше мы жили в другом мире, полном зла, на нас беспрерывно нападали соседи – дикие племена, от которых мы отбивались, как могли, – строили мощные города-укрепления, делали много оружия, воевали. Однажды много лет подряд была страшная засуха, и кочевые племена с востока пришли на земли аров, на наши земли. Мы сопротивлялись что было сил, но жить стало невозможно – травы не было, реки и озера высохли, скот пал, и тогда жрецы, гауры, сказали, что они уведут народ в лучший мир, мир, где сытно и хорошо. Аров привели к portalу, и жрецы днями и ночами переводили людей через портал. Новый мир понравился людям – он был пуст, тут не было других племен, он как будто ждал нас. Это было много, много тысяч лет назад... с тех пор народ аров и живет тут. Воевать особо не с кем, а если ты хорошо себя ведешь и оказываешь услуги Храму, тебе дают здоровье и жизнь, если плохо – отнимают жизнь. А то, что мы превратились в паразитов, высасывающих жизнь из другого мира и друг из друга... да кого это волнует, если ты можешь прожить десятки и сотни лет здоровым, молодым. Как я уже говорил, порталов два – один выбрасывает сюда, другой ведет в твой мир. Жрецы охраняют дверь в твой мир и запрещают туда перемещаться. Я подозреваю, что они просто не умеют это делать... потеряли знание. Да и по поводу двух порталов – я думал над этим и считаю, что это не два портала, это один портал! И его отображение – одно в твоём мире, а другое – в главном храме богов в городе Сантар.

– Ну так все-таки, – не выдержал я, – каково происхождение этого портала? Откуда он взялся?

– Никто не знает. Есть две версии, об одной я тебе уже рассказал – в гору ударила молния, образовался портал. Вторая: кто-то из гауров, экспериментируя с заклинаниями, случайно его открыл, и он до сих пор работает, но, возможно, только односторонне – в наш мир. Выйти из него уже нельзя. Так что, новые друзья мои, застряли вы тут, в нашем мире, навсегда. Спрашиваешь о социальной структуре?

Во главе стоит Храм. Во главе Храма – верховный жрец. Ниже – совет жрецов из семи человек. Жрецы назначают глав селений – те отчитываются перед ними и могут быть смещены, если не выполняют свои обязанности. Каждый человек платит дань в Храм – налоги собирает глава селения, у которого есть помощники. Еще – есть стража Храма, которая улаживает конфликты между селениями и занимается поиском преступников. Несмотря на то что наших врагов, от которых мы бежали, тут нет, селения воюют между собой, и частенько причина – лучшие пастбища, лучшие леса, лучшая вода... человек всегда недоволен тем, что имеет, так что конфликты не редкость. Доходит до откровенной резни.

За те тысячелетия, что мы прожили тут, люди сильно размножились – десять тысяч, по преданиям, ушли сюда, а сейчас в мире насчитывается несколько миллионов человек. Было бы и больше – но рождаемость у нас почему-то не очень высокая, впрочем, это компенсируется продолжительностью жизни тех, кто может позволить себе услуги гауров. Основной город – Аннаон, он находится в пятидесяти километрах отсюда. Вокруг него мелкие поселения. Ну что еще вам рассказать? В общем-то, если не считать того, что нас стало не десять тысяч, а миллионы, для нас ничего не изменилось. Так же используем бронзу, как и раньше, так же живем, как и раньше. Нововведения не приветствуются жрецами. И даже

запрещаются! Начни вводить что-то новое – будут перемены, будут волнения, власть может уйти из рук, зачем это нужно? Жрецы над народом – народ живет, умирает и снова рождается, а жрецы-гауры неизменны в веках. Некоторые из них прожили не менее тысячи лет – я так думаю. Конечно, тело изнашивается даже со «слизнями», но не так быстро, как у обычного человека.

– И что, никто не протестовал против власти жрецов? – поинтересовался я. – Неужели все довольны тем, что прогресс остановлен, что нет нового, что мысль душится в зародыше?

– Ну почему же, бывают бунты, таких было за пять тысяч лет несколько, только они ни к чему не привели – бунтовщиков казнили, их семьи были проданы в рабство.

– Здесь и рабство есть? – не выдержала Лена. – Откуда рабы-то берутся, если нет других народов?

– Ну как откуда – преступники-то все равно есть, да и потомственные рабы есть, впрочем, раб имеет право выкупиться, все зависит от хозяина. Это долго рассказывать, сами увидите. Только вот какие у вас планы? Что вы собираетесь делать? Вы представляете, что будете делать в ближайшем будущем, как будете жить?

– Пока нет, – признался я. – Как следует из твоих слов, я – гаур. Моя жена тоже гаур, по-своему. Как тут быть, как жить, я пока не знаю. Скажи еще – деньги в этом мире есть?

– Есть, конечно. Медные, серебряные, золотые. Иначе как бы собирались подати? Великий глава занимается сбором податей через глав селений. Как я уже говорил – и он и главы селений назначаются жрецами. На деле обычно так: жрецы назначают великого главу, а он уже ставит глав помельче – фактически получается, что жрецы выбирают всех глав. Деньги? Денежная единица называется сикль, шестьдесят сиклей – мина. Шестьдесят медных сиклей – один сикль серебра, шестьдесят сиклей серебряных – сикль золота. Один серебряный сикль стоит овца, десять золотых сиклей – обученный ремесленный раб. Ну и так далее. Поесть в харчевне стоит десять – двадцать медных сиклей, если без особых изысков. Стражник получает два золотых сикля в месяц. Меч стоит от двадцати золотых сиклей. Боевой топор – пять золотых сиклей. Хороший дом в городе стоит двести золотых сиклей, или три мины двадцать сиклей. Такая избушка, как у меня, – двести серебряных сиклей.

– А мир точно исследован? Действительно ли тут нет других людей? Ары путешествуют куда-нибудь или нет?

– Это огромный мир, до конца не исследованный. Все, что за эти тысячи лет могли узнать люди, это то, что на том материке, где они живут, больше людей нет. Есть ли еще где-то люди, есть ли вообще материка – никто не знает. Во время моего обучения в храме я читал в хрониках, записанных на медных табличках, что некогда большая группа людей, тысячи две, ушла в неизвестном направлении – по легендам, в сторону моря, больше их никто не видел... может, они до сих пор где-то живут. Мне об этом неизвестно. Ходили слухи, что они перебрались на какой-то большой остров или материк и там основали колонию, но, возможно, это просто слухи.

– А на чем тут люди передвигаются?

– На лошадях или пешком. Повозки – как и везде, я думаю. А у вас разве не так?

– Не так.

Я кинул старику картинки нашего мира, после чего он несколько минут сидел ошеломленный и молчал. Затем медленно и с расстановкой сказал:

– Вот чего лишили нас наши жрецы! Таких чудес! Прогресс у нас запрещен, мы застыли на том уровне, на котором ушли в портал! Вот негодяи...

– Чудес-то у вас побольше будет, – не согласилась Лена. – То, что вам кажется обычным – жидкость вот эта для мысленного общения, фонарик над головой, – для нас настоящее чудо! Скажите, а все тут так умеют?

– Нет, конечно, – усмехнулся старик. – Дело вот в чем: после того как мы сюда попали, через какое-то время оказалось, что стоит взять определенное вещество, произнести над ним какие-то слова, и происходят некоторые действия – загорается шарик или человек начинает говорить мыслеобразами. Никто не знает, почему это работает, и никто не знает, почему у некоторых это работает, а у остальных людей – нет. В вашем мире это вообще не работало, а тут – работает. За пять тысяч лет исследователи-гауры накопили огромный опыт, создали десятки и сотни заклинаний для всех случаев жизни, так что ничего удивительного. Ну да ладно: а вы зачем вообще смотрели, куда уходят нити? Зачем вам это знание?

Я подумал и решил – не нужно посвящать старика в задумки спецслужб и тому подобное.

– Я заинтересовался – откуда у меня взялись такие способности, что за нити вокруг, ну и решил проследить их направление. Только... ты уверен, что выход в наш мир один? Я видел нити, идущие и в других направлениях, не только к этому portalу!

– Хм... ты меня удивил – я лично знаю только об одном портале. Может, где-то есть еще подобные порталы? Все что я знаю – портал для передачи «слизняков» есть только в главном храме города.

– Скажи, Арданан, есть ли какой-то способ перекрыть портал в наш мир? Чтобы «слизни» не перекачивали жизнь людей через него?

Старик внимательно посмотрел на меня, кивнул, как бы соглашаясь со своими мыслями, и ответил:

– Вот почему вы здесь. Понятно. А костюмы ваши что-то вроде военной защитной формы, да? Не бойся, говори – я сам против этого вампиризма. С удовольствием поотрывал бы этим чертовым жрецам головы – засиделись они в этом мире, опутали его паутиной, как здоровенные мерзкие пауки! Заставили нас засесть в древних веках! Ребята, можете на меня рассчитывать, не думайте, что я вас выдам. Когда я увидел вас, одетых в эту странную одежду, сразу смекнул: это неспроста, откуда свалились эти существа? Вначале я подумал, что вы из того народа, что ушел от нас много тысяч лет назад и исчез, но потом понял, что вы вообще не имеете никакого представления об этом мире. Тогда следующая версия, еще более невероятная – вы прошли через портал, тем более что, по легендам, выход из портала находится где-то тут. Оказалось, так и есть. Завтра покажете, где вы выскочили в наш мир?

– А думаешь, мы помним? – ответил я. – Вылетели в темноте, как из пращи, врезались в деревья... и все. Дотащились до тебя. Потом на нас волк кинулся. Потом тебя увидали. Вот и вся информация, что у нас есть. Одно мне непонятно – куда делись нити от «слизней»? Вот мы сидим разговариваем, и только сейчас я заметил – нитей нет! Где они? Почему мы вылетели тут, а нити пропали?

– В этом нет ничего удивительного, – объяснил старик, – нити выходят из портала в храме и расходятся по всему миру. А вас выкинуло потому, что материальные объекты портал передает только в определенное место. Но не спрашивай меня, как все это настроено! Никто не знает – нынешние жрецы тоже. Я пытался найти информацию в Храмовой библиотеке – не смог. Может, где-нибудь она и прикопана поглубже, где-нибудь в запасниках библиотеки, во всяком случае, я найти ее не сумел. Ладно, ребята. Может, хватит разговоров? Давайте-ка устроимся на ночлег – а то девушка небось с ног падает от усталости, завтра опять поговорим, хорошо? Я рад, что вы свалились на меня, хоть какое-то развлечение кроме гнойников и простуд местных крестьян. Я же зарабатываю лечением местных жителей, с тех пор как ушел из столицы. Занимаюсь исследованиями, люблю природу – много ли мне надо? Крыша над головой есть, еда есть, даже ученик есть – жизнь идет!

– Не решаюсь спросить, но очень уж любопытно, – вмешалась Лена, – ваш ученик, он и правда

оборотень? Как это так может быть? Откуда он взялся?

– Купил его. Он местный житель, из лесного племени. У них свойство есть – могут изменять свое тело, когда охотятся или на войне. Когда мы появились в этом мире, местные попрятались. Вначале-то они хорошо приняли людей, а потом, когда жрецы стали приносить их в жертву, – ушли в леса. Их немного: часть умерли в рабстве, часть погибли от болезней – видимо, заразились от людей, и их выкосило, как косой, остальные ушли в леса, и давно уже ничего от них не слышно. Гарсуг давно у меня, я его еще щенком купил, из хорошей семьи, теперь живет со мной, учится лекарскому делу – хоть и запрещено их обучать человеческим умениям, но мне скучно, да и помощник нужен, а тут все равно никто не видит, далеко от глаз, вот и учу.

– Ты же сказал, что тут не было людей, когда вы прибыли в этот мир? – спросил я настороженно, переглянувшись с Зарей.

– Да, не было. А волколаки и не люди – я же сказал, что людей не было. А они жили в деревнях в лесу, металлами не пользовались, охотились только когтями и клыками – разве это люди? Хотя существуют версии, что волколаки это такие же люди, только измененные природой, но мнения разделились. Одни говорят, что это животные, такие как лошади или овцы, только поумнее, другие склоняются к тому, что это такие же люди, в любом случае, к конкретному выводу так и не пришли. Их обычно держат дома как домашних животных или же как охотничьих и сторожевых псов. Они очень верные, защищают хозяина до последней капли крови. Потому стоят дорого – в неволе они размножаются мало, а поймать щенка теперь нельзя – уже с сотню лет как они исчезли в непроходимых лесах на севере.

– Какая гадость! – сказала Лена, обращаясь ко мне. – Смотри-ка, что делается! Это еще похуже, чем то, что сделали переселенцы с индейцами!

– Ну а что ты хотела, – буркнул я, – у них рабство до сих пор существует. Дед вроде человек и прогрессивный, и не злой, а такое поведение людей кажется ему обычным и нормальным. Бронзовый век, однако! Как мы можем их судить, когда они так и застряли в своих древних веках? Он даже не понимает, что все это выглядит вонько! Арданан, а ты как сам думаешь, они люди или нет? – осторожно спросил я старика. – Ты тоже считаешь, что они животные?

– Хм... вопрос интересный! Нет, я не считаю их животными, но и людьми тоже не считаю – это какой-то отдельный вид, не похожий ни на кого. В нашем народе принято считать, что они не люди, как овцы или собаки, и с этим ничего не поделать, как ни жаль. Меня многое не устраивает в нашей жизни, потому я и удалился в эти места, построил себе дом и живу как хочу, без оглядки на власть и на социальные запреты и суеверия, хочу – и обучу волколака заниматься знахарством, и никто мне не укажет, могу я это делать или нет!

– Значит, ты вроде как бунтарь, – улыбнулся я. – А если жрецы узнают о твоих проделках? Что будет?

– А ничего, – усмехнулся старик. – Я и раньше слыл человеком немного с придурью, а к старости совсем спятил – ну как может нормальный отказаться от хорошего дома в городе, от сладкой жизни жреца-гаура и уйти в лес? Иногда они присылают ко мне гонцов, предлагают вернуться – я же преподавал в школе гауров, заведовал преподаванием лекарского дела, – но я всегда отказываюсь. Лечу крестьян – они приносят мне продукты, есть у меня еще кое-какие сбережения, на жизнь хватает, зато никто не нависает над плечом и не заглядывает в мои записи. Я занимаюсь тем, что хочу делать, я свободен! А они пусть там грызутся в долине! Ну что, пошли спать? Или вы что-нибудь поесть хотите? Попить?

– У нас есть с собой еда, и попить есть что, не голодные, – отказался я. – Кстати, хотите попробовать питье из другого мира? Интересно, как вы на него отреагируете...

– Ты чего делаешь? – всполошилась Лена. – А если его с колы кондратий хватанет? Они же на

натуральных продуктах тут вскормлены!

– Да ладно! Мы же пьем, и ничего с нами не делается, не отравится дед! А отравится – он же лекарь, в конце концов, вылечится.

Я достал из рюкзака литровые бутылки с кока-колой – взял с собой, зная, по какой иссушающей жаре придется идти, – поставил перед сгорающим от любопытства стариком и сказал:

– Попробуй! Это прохладительный напиток, кола называется. Гадость, конечно, но в нашем мире все его пьют, и не только его. Наливай, не стесняйся!

Старик осторожно взял в руки бутылку, впился глазами в красную этикетку и стал вращать бутылку, рассматривая ее со всех сторон, потом попытался открыть крышечку – не смог, хотя и пытался минуты три.

– Не могу вскрыть этот сосуд! Как он открывается?

Я взял бутылку, демонстративно свернул пробку, сломав контрольную полоску, выждал, стравив газы, чтобы кола не залила весь стол, и, открыв бутылку, поставил ее на стол.

Старик взял в руки пробку, бутылку, попробовал, как пробка пристраивается к бутылке, закрутил-открутил пробку, еще раз закрутил-открутил, еще, еще... потом с явным сожалением отложил пробку и налил темную жидкость в глиняный стаканчик. Отпил, поморщился и сказал:

– Станный вкус... и сладкий и кислый... рот дерет, как старый квас. Много пить не буду, непривычен к таким вещам, но конструкция вашей пробки, самой бутылки – потрясающая! Бутылка как стеклянная, а такая прочная, тонкая и гнется! Это чудо!

– Дарю, – великодушно сказал я, – на память. Потом добавил для Лены: – Наш мир мы загадили, теперь и в этом бутылки накидали...

Она тихо хихикнула:

– Точно. Эти бутылки вездесущи. А старик-то и правда рад подарку, глянь, как глаза горят! Создать плазменный светильник для него не чудо, а вот бутылка ПВХ – чудо офигенное! Чудны дела твои, Господи... кстати, о религии он так нам и не рассказал. И еще – очень хотелось бы узнать положение женщин в их обществе...

– Арданан, расскажи мне о вашей религии – что за божки там у тебя стоят в углу? Ты веришь в богов?

– Как могу не верить, когда в каждом доме обязаны быть статуэтки богов, освященные Храмом? – делано удивился он. – Если таких статуэток нет, на владельца дома налагается штраф в десять золотых сиклей. И никого не волнует, есть у тебя деньги на статуи или нет.

Итак, религия: мир создал Ормазда, Светлый. Ему противостоит Ахриман, который стремится разрушить все светлое, что создал Ормазда. Чтобы Ормазда имел силу, надо возносить ему молитвы, приносить жертвы в храм, а жрецы уже молятся за нас – их, жрецов, Ормазда почему-то слышит лучше, особенно если к молитве прикладывается золотой сикль. Те, кто в этом мире хорошо себя вел, отправятся после смерти в гораздо лучший мир, где больше не будут трудиться и болеть, будут иметь все блага, он так и называется – Лучший мир. Жрецы туда не очень торопятся, как я вам рассказывал, похоже, им и тут неплохо, их лучший мир тут. Есть и плохой мир – туда отправятся все преступники, плохие люди, особенно те, кто не почитает жрецов и не платит налоги. Вот эта большая статуэтка и есть Ормазда, а статуэтки поменьше – его адепты, отвечающие за лес, воду, землю, скот. Кстати сказать, те две тысячи, которые ушли в неизвестном направлении, отделившись от основной массы людей, проповедовали ересь. Наши жрецы утверждают, что Ормазда и Ахриман – это противоположности, враги, чуждые друг другу боги, а еретики считают, что Ормазда и Ахриман суть один и тот же бог, только наполовину белый, наполовину черный.

Поэтому чуть не дошло до смертоубийственной войны – вовремя они ушли. Я все это прочитал на медных пластинках в библиотеке Храма, когда разыскивал упоминания о древних лекарственных препаратах. Углубляться в теологию не хочу, суть вы поняли, надеюсь.

– Поняли, – кивнул я. – А вот такой вопрос: каково положение женщин в вашем обществе?

– Очень интересный вопрос и очень даже актуальный, – улыбнулся старик. – Если бы твоя жена появилась в таком наряде в городе, ее схватили бы и, как приверженку Ахримана, предали очистительному огню! Предназначение женщины – рожать детей и удовлетворять мужчину. Однако она несет и функцию по сохранению знаний. Так что тут сложное переплетение противоречий – с одной стороны, женщина не может владеть имуществом, кроме того, что надето на ней, с другой стороны – она родоначальница, производящая мужчине наследников. Некоторые женщины вообще держат мужчин под сандалией, несмотря на свою хрупкость и кажущуюся бесправность. У них есть свой храм, где они тоже служат Ормазде, этот храм подчиняется главному храму. В женском храме собираются все гауры-женщины, проходят обучение, затем, как и мужчины-гауры, занимаются тем, чему их обучили.

А так – ну женщины и женщины, замуж выходят, рожают. Можно купить женщину-рабыню. Можно купить жену. Дети хозяина считаются его детьми – свободными, даже если их родила рабыня, официальными наследниками. Женщина не может открыть свою лавку или какое-то ремесленное дело – обязательно должен быть мужчина, владелец этого дела. Если формальности соблюдены, всем все равно, мужчина пек ту лепешку, что они купили, или женщина, лишь бы было вкусно и дешево. Ну вот вроде и все. Я ответил на ваш вопрос? Самое главное в нашем мире – знать, за что могут поджарить в медном быке, а то, пожалуй, и оглянуться не успеете, как превратитесь в жаркое.

– Последний вопрос: какие металлы используют в вашем мире?

– Хм... медь, серебро, олово, золото – обычные металлы, какие были всегда.

– А железо?

– Железо плохой металл – портится, рассыпается от воды, мы его не используем, да и жрецы не поощряют эти исследования, как я уже говорил. Нет ничего лучше бронзы! Бронзовые мечи рубят мечи из железа! Черная бронза – лучший металл! Недаром меч стоит так дорого – в него добавляют драгоценные камни, найденные в горах на севере.

– Бериллиевая бронза, скорее всего, – прокомментировала, обращаясь ко мне, Лена. – У них нет технологии изготовления стали, а железные мечи из плохого металла против бериллиевой бронзы, конечно, не катят. А может, еще и магии как-то добавляют – черт их знает, тут же все с ног на голову поставлено... Кто бы мог подумать, что столкнемся с настоящими волшебниками!

А старик продолжал рассказывать:

– На вооружении нашей стражи мощные луки с бронзовыми наконечниками, мечи, копья, боевые топоры, ножи, палицы – в общем, все как обычно. Стражники обучаются владеть всем перечисленным оружием, когда приходят на службу, заключая контракт на пять лет.

– А что тут с преступностью? Есть воры, убийцы, грабители?

– Ну как не быть, конечно, есть. С ними борются, их казнят – но, сколько на кол ни сажай, на костре ни поджаривай, всегда найдутся те, кто хочет пожить за чужой счет, так что в городе держите руку на кошельке с деньгами, иначе быстро его лишитесь. Города кишат воришками, а ночью ходить по улицам довольно опасно, могут ограбить, убить или взять в рабство – продадут куда-нибудь на побережье, и доказывай потом, что ты свободный гражданин! Конечно, стража вроде как борется, но им не до тебя, надо с лавочника мзду поиметь, с проезжего торговца, а от обычных граждан одна суета и никакого

прибытка.

Ну все, ребята, еще поговорим – пошли, будем на ночлег устраиваться. Кроватей у меня две, но обе узкие и для семейных не предназначены. Мы сейчас так сделаем: я постелю вам матрасы на полу, в этой комнате, а утром уже разберемся, где вы будете спать в будущем. Наверное, вы догадываетесь, что явиться в город в таком виде, не зная языка, в этой одежде – самоубийство? Притом жить на что будете в городе? Нужно найти себе какое-нибудь дело для пропитания, подумать, где жить. У вас же даже медного сикля нет, так ведь? Так что жить вам здесь столько времени, сколько я сочту необходимым для того, чтобы спокойно выпустить вас в мир. Да и заодно порасспрашиваю... хе-хе-хе... все веселее мне тут будет! Хорошо, что вас вынесло ко мне, я очень, очень рад! Если бы вы попали в деревню крестьян, вас бы могли принять за разбойников, вот тогда бы вам не поздоровилось, это точно! Повезло вам.

Старик достал откуда-то скрученные в толстые колбасы подстилки, гордо именуемые матрасами, расстелил в углу, поодаль от статуэток Ормазды и его замов, и кинул на подстилки два одеяла.

– Ну все, отправляйтесь спать, а я еще посижу немного, запишу кое-что, вы так меня разволновали – много информации, боюсь что-то забыть! – Он опустил занавесь между комнатами, и мы с Леной остались в темноте.

– Ну что, ложимся? – предложил я. – Выспимся, потом будем думать, как и что.

– Ты веришь этому старику? Не прибьет нас ночью? – нервно усмехнулась Лена.

– Почему-то верю, приличный старик. Да и вряд ли можно разговаривать мысленно и соврать... слова врут, мысли – нет.

Мы не стали раздеваться, только сняли с себя армейские ботинки да расстегнули пуговицы. Недолгое время молча лежали рядом, потом Лена стала тихо, равномерно сопеть, повернулась ко мне и обняла меня рукой. Она уже крепко спала.

Позавидовал ее крепкой нервной организации – я-то никак не мог уснуть, столько навалилось впечатлений, столько информации... сейчас бы хряпнуть сто грамм, как говорят англичане, «ночной колпак» – стопку бренди, да заснуть...

Но сон все не шел и не шел, в глазах проплывали картинки событий сегодняшнего дня, впечатления, мысли... Как мы тут будем существовать? Вернемся ли в наш мир? Должны вернуться, решил я, хотя бы на время. Раздать всем сестрам по серьгам – это ли не благородная задача? Наградить за заслуги куратора, выдать Нобелевскую премию в челюсть профессору, ну и кого достану... а там и видно будет, как жить. По крайней мере, тут они надо мной власти не имеют. Впрочем, тут свои кураторы и профессора – как с ними дело пойдет? Посмотрим...

Через час я все-таки начал засыпать и скоро уже чутко спал, прислушиваясь сквозь сон к шагам лекаря и к крику ночных птиц за окном.

Глава 8

– Вставай, народ иноземный! Нас ждут важные дела! – Голос старика загромыхал в голове и заставил меня вскинуться с лежбища, как атакованного касаткой тюленя.

Еще не поняв, в чем дело, я уж был готов разить неизвестного врага направо и налево, но, открыв глаза, увидел перед собой седого статного мужчину с длинной бородой и вспомнил все.

Неожиданно для самого себя выпалил:

– Слушай, Арданан, а для чего ты отрастил такую бороду? Она же все колючки и репы собирает!

– Ну не так уж и собирает, – ухмыльнулся старик, – зато сколько важности! Крестьяне с почтением смотрят – на тебя вот кто посмотрит с почтением? Голая физиономия, как уличный воришка, никакого уважения, а вот я! – Он огладил свою бороду. – Гляди, какое богатство!

– А я думал, ты с помощью бороды колдуешь – может, волоски из нее дергаешь при ворожбе или еще чего... Не дергаешь?

– Не дергаю! – рассмеялся лекарь. – Отстань от моей бороды! Жена проснулась? Идите умывайтесь, туалет на заднем дворе, умывание в речке – вперед, и побыстрее! Сейчас будем завтракать да учить вас языку. Чтобы через полчаса были в доме!

– Вот черт, – почесывая ногу, сказала Лена, когда мы вышли из дома и направлялись к «удобствам», – из одной учебки в другую попали! Везет нам, как утопленникам!

Вода в речке оказалась прохладной, прозрачной, мы с удовольствием поплескались и поплавали в ней, я было нацелился прижать Лену за кустиком, чисто по привычке, она отбилась:

– Успеем еще! Там дедок сейчас будет взбухать – сказал через полчаса чтобы были, а мы тут уже минут сорок барахтаемся! А если еще ты и займешься своим любимым делом, так плюс двадцать минут, не меньше!

– Как будто это и не твое любимое дело, – усмехнулся я и ловко ущипнул ее за сосок.

Лена ойкнула и врезала мне рукой по задку так, что остался красный отпечаток пятерни.

– Не балуй, хулиган противный! Одевайся давай, а то в грех вводишь...

Мы еще посмеялись, потискались, но и правда нужно было идти, успеем еще намиловаться, главное – дело.

Арданан сидел за столом, ехидно щурясь, и постукивал пальцами по столу.

– Что, никак не могли намиловаться, что ли? Ваш визг аж здесь слышно было! Давайте быстренько ешьте, поговорим.

На столе в деревянных мисках лежали нарезанные куски лепешки, жесткий соленый сыр, куски копченого мяса и зелень – вроде как лук или черемша.

Лена достала из рюкзака бутерброды – все равно пропадут, куда их девать? Старик с интересом их разглядывал, пробовал, а мы больше налегали на местные продукты, оказавшиеся вполне приличными на вкус – уж тут-то нет генно-модифицированных гадостей и химикатов.

Запили завтрак квасом и уже заканчивали трапезу, когда скрипнула дверь и в образовавшийся проем просунулась обросшая бородой физиономия. Человек был ростом с Лену, довольно крепок в кости, кряжист, а его зеленые глаза смотрели весело и шаловливо.

– О! И наш Гарсуг появился! Набегался за ночь, волчара эдакий!

Арданан произнес несколько фраз на местном языке, Гарсуг сказал что-то, обращаясь к нам, видно, поздоровался, Арданан ему снова что-то сказал – вероятно, объяснил, что мы ничего не понимаем. Гарсуг кивнул и уселся за стол.

Есть он не стал, только налил себе квасу в большую кружку и выдул ее медленными глотками, наслаждаясь питием.

– Всю ночь, похоже, бегал! – прокомментировал Арданан. – Вон как распалился, не напьется... И есть не хочет – пообедал, видать, в ночном лесу. Ну да ладно, еще успеете с ним познакомиться, теперь к делу! Программа такова: чтобы выжить, вам нужно выглядеть как местные жители, говорить как местные жители, иметь источник дохода и знать законы, по которым живут наши люди. Начнем с первого пункта. Смотрите, как я одет! – Старик встал и вышел на середину комнаты. – Обычная одежда не богатого и не бедного мужчины – штаны из плотной ткани, рубаха навывпуск, с ремешком, куртка, тут варианты, может быть кожаная, может суконная. Под штанами исподнее – тонкие полотняные штаны. На ногах – кожаные мягкие короткие сапоги, с полотняными тонкими портянками. Показать наряд женщины я не могу – его у меня нет. Впрочем, как и лишней мужской одежды – придется идти в селение, покупать в лавке. Итак, одежда женщины состоит из: юбка до щиколотки, под ней короткая юбка из тонкой ткани, рубаха, заправленная в юбку, тонкий пояс, поверх куртка с рукавами до локтя. Кстати сказать – а чего у тебя такие волосы короткие? После болезни, что ли? Тут очень опасаются эпидемий, поэтому будут на тебя коситься. Надо волосы как-то спрятать – значит, нужна шапка. А так – наши женщины накидывают на волосы тонкую плетеную сетку, носят браслеты и серьги, височные украшения. Теперь второй пункт: сейчас засядем за учебу и будем изучать язык – и устно и письменно! Вы не можете жить в городе и не знать грамоты, будучи притом гаурами! Неграмотный гаур – это подозрительно и странно. Ну а об остальном потом поговорим, уже в процессе. Не забывайте, действие саликантала продлится еще два дня, потом надо перерыв три дня, чтобы организм оправился, потом опять можно применять. За два дня вам нужно научиться говорить на нашем языке, усвоить основы письменности, так что не будем мешкать, прямо сейчас и приступим. Готовы? Отлично. Начинаем! Итак, слово «мать» звучит так «мадарам», отец – «бадар»...

Несколько часов подряд мы твердили за Ардананом слова местного языка. Я поразился – на самом деле под воздействием напитка мы не только могли обмениваться мыслями со стариком и друг с другом, но еще и запоминали все, что он нам преподавал, молниеносно, достаточно было один раз услышать – и навсегда.

Через три часа мой словарный запас расширился до нескольких десятков тысяч слов – старик диктовал их быстро, не останавливаясь, как автомат. Конечно, тут еще немалое значение имело то, что наш мозг уже был подготовлен к восприятию нового языка, – тренировки в учебке не прошли даром.

Учеба прерывалась один раз скромным обедом всухомятку – чтобы не терять времени, – а также регулярными походами в туалет. Как и предупреждал лекарь, организм бурно реагировал на «умное» снадобье.

Лена ругалась, что все у нас происходит через одно место – если в мозг что-то заходит, то обязательно что-то из нас должно выходить, и это ее сильно раздражало.

Часам к шести вечера мы уже свободно изъяснялись на местном «фарси», знали алфавит и могли читать тексты, но были вымотаны до предела и измучены головной болью.

Наш наставник тоже выглядел не слишком бодрым, так что объявил:

– На сегодня хватит, а то еще с ума сойдете! Отдых! Завтра продолжим. Идите на речку, искупайтесь, поваляйтесь в травке, а мы с Гарсугом пока займемся домашними делами. Гарсуг, я сказал, ты остаешься, –

тихо добавил он, думая, что мы его не слышим. – Ты, животное этокое, невоспитанное, нечего подглядывать за голой женщиной! Я же знаю, что ты утром в кустах лежал и подглядывал! Так бы и треснул тебя! Иди растолки мне в ступке...

Мы с Леной как раз выходили из дома и сумели уловить его последние слова. Она захихикала:

– Вот видишь! А ты хотел утром заняться сексом на глазах у оборотня! А вдруг он в самый этот момент возбудился бы и напал на нас!

– И чего? Думаешь, мне бы помешал какой-то оборотень?! Да я бы, даже не слезая с тебя, его отлупил!

– Хвастун! – рассмеялась Лена. – Пошли, докажешь свои способности.

Речка уже привычно приняла нас в свои объятия, мы кувыркались в воде, пока не замерзли, а потом согрелись интенсивными движениями на расстеленной одежде.

Чуть позже, лежа на моей груди, Лена задумчиво сказала:

– Слушай, как хорошо, а? Я не знаю, что будет дальше, но сейчас мне так здорово, так спокойно – я бы даже не стала возвращаться назад, в наш мир! Знаю, это глупо, и нельзя судить по тому, как мы прожили первый день тут, но мне здесь нравится. – Помолчав, она нерешительно сказала: – Я хочу тебе признаться...

– В чем? В том, что ты приставлена ко мне куратором для наблюдения? И что специально направляла меня на исследование нитей и выявление моих сородичей? И что могла бы быть моим палачом? Так я это давно знаю, практически с самого начала.

– Как ты догадался? – напряглась Заря. – Ты после этого будешь меня ненавидеть, да?

– Глупенькая... как я тебя могу ненавидеть? Нет, конечно. Куда ты могла деться... а то, что догадался, – так ясно было с самого начала. Они не могли выпустить меня из-под контроля и приставили ко мне лучшего агента. А кто лучший из женщин в группе? Ты да Ласка. С Лаской мы разошлись, остаешься ты – у меня с тобой всегда были очень хорошие отношения, дружеские, кто еще мог лучше тебя залезть мне в душу? Ну вот так как-то...

– И ты знал и молчал? – Заря приподнялась на локте и внимательно посмотрела мне в глаза. – И что теперь?

– А ничего! Отымею тебя, как злостного шпиона, и тем косвенно надругаюсь над куратором и его заданием!

– Надругайся над его заданием, пожалуйста... только помедленнее, ладно? Не как атакующий кролик!

И мы надругались. И не один раз.

Возвращались мы в дом усталые, но довольные – старик хотел что-то сказать, но, глядя на наши довольные физиономии, ухмыльнулся и покачал головой.

– Эх, молодость, молодость! Помнится, я тоже когда-то... хм... ну да ладно, неинтересно. В общем, так, друзья мои: с этого момента говорите только на языке аров, даже между собой – нужно, чтобы вы как можно полнее изучили язык.

– У нас в мире этот метод называется «погружение», – усмехнувшись, прокомментировала Лена. – Мы в курсе, сделаем. А что насчет одежды для меня и Сергея? И кстати, может, нам имена как-то подогнать под местные, чтобы было похоже? Или другие взять?

– В этом есть смысл. Итак, подумаем... ага – Сергей будет... хм... Сергатар, а ты... Лилин! Так зовут прародительницу всех женщин аров – Лилин! Сергатар и Лилин – замечательно!

– Надо отработать версию нашего происхождения, – вмешался я. – Первый же попавшийся стражник или жрец спросит – откуда взялась эта парочка, и что мы скажем? Прибыли из другого мира, чтобы раздолбать ваши порталы? Как там у вас казнят? Медный бык. И поджаривают, да? Не хочу в быка! Давайте решать, откуда мы пришли, как получили умение гауров, что да как. Например, как у вас фиксируют рождение ребенка, где это отмечают?

– Как только рождается ребенок, его несут в местный храм, где и записывают на медных табличках, хранимых вечно в библиотеке Храма.

– А если этому самому жрецу дать денег, чтобы он подменил табличку с записью? Пойдет жрец на это?

– Пойти-то пойдет, но проверки такое деяние не выдержит никакой, притом что он запомнит вашу внешность и может или шантажировать, или передать сведения кому-то, сделав вид, что выполнил ваши требования. Опять же – его могут заставить вспомнить ментаты, таких хватает у жрецов, серьезной проверки он не выдержит.

– Стоп! А вы забыли про меня? – вмешалась Лена. – Я же сама ментат, и я могу заставить его сделать все, что он должен сделать!

– Уверена? – не согласился Арданан. – А если у него блок против ментатов – а жрецы нередко ставят блоки против ментального воздействия, их учат этому, – он поймет, что ты на него воздействуешь, и тогда держись, это не просто скандалом пахнет, это святотатство! С тебя с живой сдерут кожу! Нет, только договариваться...

– Ну а если попробовать? Я очень сильный ментат, заверяю вас, редко кто может мне сопротивляться. Хотите попробовать?

– Ну попробуй! – скептически улыбнулся Арданан, и видно было, как он напрягся и приготовился отразить атаку Зари.

Через минуту улыбка слетела с его лица, и он бегал возле стола на четвереньках и блеял как овца под хихиканье девушки.

– М-дя... – отдуваясь и отряхивая запылившуюся бороду, сказал Арданан по окончании эксперимента, – сильна, ничего не скажешь. Я и минуты не продержался! Что же, есть шанс, что получится! Надо пробовать. Сделаем так: отправимся в селение Рунгурок, это в двадцати верстах отсюда вниз по реке, там есть храм, в котором записывают всех младенцев, родившихся в округе. Мы попросим жреца найти сведения о младенцах, родившихся двадцать лет назад, за вознаграждение, мол, хотим точно установить возраст кого-то из вас. А ты, Сергатар, вроде как мой племянник, хочу вот точнее установить, когда твой день рождения. Конечно, ему неохота искать всю эту хрень, придется дать ему золотой сикль – должны будете, проходимцы! Я бедный лекарь! – Старик ухмыльнулся. – Кстати, там можно будет и позаниматься лечением, подзаработать. Вот и повод посетить Рунгурок. А пока что совершенствуйтесь в языке – поедem туда через неделю. Надо будет еще одежду вам купить! Ох и загоните вы меня в расходы, чую! – Он весело подмигнул и добавил: – Честно скажу, нравитесь вы мне, Ахримановы прихвостни! Молодые, здоровые, любите друг друга, я же вижу, любите! Аж завидно! А самое главное – внесли разнообразие в мою жизнь – я тут в избушке уже мхом порос, скучота! Даже подумывал снова в город податься – а тут вы! Вовремя! Ага... вовремя. – Старик задумался, и через его лоб пролегла жесткая складка...

– Слушай, Арданан, – не выдержал я, – заметил такую вещь: ты не очень-то религиозен и скептически относишься к вашей религии, нет? Разве это не преступление у вас?

– Преступление! – весело согласился Арданан. – Но я и не кричу на каждом перекрестке, что не верю

в Ормазду!

– А ты не веришь в Ормазду?

– Как тебе сказать... я верю, что кто-то нас создал, но в том, что это был именно Ормазда, у меня есть сомнения. И чем больше жрецы пытаются меня уверить, что надо усерднее молиться и приносить жертву Ормазде, тем меньше мне это хочется делать. А у вас, в вашем мире разве не так?

– Все так, – вздохнул я с сожалением, – но вера все равно нужна, не будет веры в светлого бога, пустоту заполнит вера в каких-то изуверских богов, а так будет еще хуже. Проверено. Ну да ладно, оставим эти теологические-еретические дискуссии. Когда ты собираешься в ближайшее селение за одеждой?

– Завтра утром. Вы сидите тут, а мы с Гарсугом туда отправимся. Вернемся где-то к вечеру. Будьте осторожнее с чужими, не все такие, как я или вы, тут хватает охотников до чужого добра. Присматривайте за домом, далеко не отходите.

– Арданан, покажи нам местные деньги, а? Хоть увидеть, как они выглядят! А то говорим-говорим о них, а ни разу не видали.

Старик кивнул, ушел в другую комнату и вернулся оттуда с маленьким мешочком, содержимое которого высыпал на стол. Перед нами лежала небольшая кучка кругляшков – коричневые, серебристые и один золотой. Я взял их в руки – ничего экстраординарного, монеты как монеты, прикинул – граммов восемь или десять каждый.

– Вот это медный сикль, это серебряный, это золотой. Вот и все.

– А что тут выбито на монетах?

– Храм. И надпись – читай сам, ты же теперь умеешь!

Я с трудом разобрал потертую надпись на кругляшке и прочитал:

– «О велик Ормазда в веках, и храм его стоит вечно!» Ну ясно, Ормазда всех круче. А вот такой вопрос: каков уровень заработной платы? Сколько вообще платят? Если поесть в харчевне стоит десять – двадцать сиклей, то сколько тогда должен зарабатывать человек, чтобы как-то прожить в этом мире?

– Вот слушай, – задумался старик, – как бы это тебе точнее рассказать... ну к примеру, погонщик быка получает за год шестьдесят серебряных сиклей. Это по пять серебряных сиклей в месяц, то есть – триста медных сиклей. В общем, особенно не разгуляешься. Но ведь он и не будет постоянно есть в харчевне! Притом я назвал тебе цены в хорошей, дорогой харчевне, а он, скорее всего, отправится в дешевую, где можно поесть на два-три медяка. Одежда стоит от одного до тридцати сиклей – поношенную можно купить дешево у старьевщика, хорошая одежда уже стоит серебряный сикль и больше, но ведь можно и самому сшить, если взять штуку ткани, будет гораздо дешевле. Стражник получает два – пять золотых сиклей в месяц – старый, обученный, с выслугой лет: каждую неделю по сиклю и один – в конце месяца на обмундирование и питание. Итого шестьдесят золотых сиклей в год. Кроме того, он имеет с тех, чьи дела улаживает, – с торговцев, с воришек, которых поймал, с потерпевших, которым вернул кошелек, отобранный у воришки. Сколько имеют жрецы? Не знаю. Я, когда преподавал в школе гауров, получал десять золотых сиклей в месяц. Меня ценили в школе, – Арданан усмехнулся и подмигнул, – только я все равно ушел. Надоели их рожи. Да и мешали они мне заниматься исследованиями. Лезли все время, нос совали... Теперь я получаю мало, в основном продуктами, кто что может дать, фактически живу на сбережения. Часть сбережений храню у известного менялы в Аннаоне, часть дома... да много ли мне надо? Нам с Гарсугом еды да снадобий для опытов, посуду еще – если побьется в результате исследований. Вот так вот... в общем-то лекарское дело довольно выгодное, да, но, чтобы заниматься им на самом высшем уровне, пускай, как ты называешь их, «слизняков» – на самом деле они называются «амгуры», – требуется

умение, которого у меня нет. А так-то выбросить амгура и набросить поводок на того, кто желает быть здоровым, стоит от ста золотых сиклей! Выгодное дело! Только заниматься этим без ведома Храма нельзя. Слышал я, что вроде бы есть подпольные гауры-амгурщики, но, возможно, это только слухи, так как такая деятельность строго отслеживается и карается. Учтите это – никому не говорите, что Сергатар умеет пускать амгуров!

– Как получить доступ к Храмовой библиотеке? – озвучил я вопрос, который вертелся у меня на языке с самого начала разговора. – Можно ли прийти и сказать: хочу полазить в вашей библиотеке? Если я не узнаю природу порталов – не узнаю, как их уничтожить. И вообще, я бы хотел знать, что такое амгуры, что такое нити, ведущие от них, хотел бы научиться вашим умениям. Тот же фонарик, что ты создал, – как мне научиться его делать? Могу ли я научиться готовить какие-нибудь снадобья? Ты можешь мне преподать какой-нибудь курс по умениям гауров, ну хоть минимальный?

Арданан положил руки на стол, забарабанил пальцами по тяжелой крышке и задумчиво сказал:

– Ты хоть понимаешь, какой объем информации тебе придется вместить в голову? Я не смогу это сделать без саликантала, а его частое применение не очень-то полезно для организма. Как я уже говорил, между приемами снадобья должно пройти не менее трех дней, то есть принял – три дня он работает. Потом три дня организм отдыхает, и снова прием. Так до десяти раз. После этого перерыв минимум месяц. Побочные явления – головные боли, понос, увеличение аппетита... хм... повышенная сексуальная активность. Насчет последнего – я за тебя не волнуюсь, но вот остальное...

– Кстати сказать, а чего это про меня-то забыли?! – напомнила о себе моя подруга. – Я тоже хочу пройти курс обучения! Вы так говорите, как будто мне все это не интересно и меня тут нет! Я тоже хочу получить знания! Серега, ты чего молчишь-то?

– Да я че, да я ниче, – усмехнулся я. – Вообще-то я и тебя имел в виду, не только себя! Как там сказано? Муж и жена – один Ахриман?

– Где это так сказано?! – поразился старик. – Хм... что-то в этом есть! Некоторые жены точно адепты Ахримана... впрочем, и мужья не мед. Ладно, мне все равно, одного обучать или двоих, загвоздка в том, что я могу обучить вас в полной мере только тому, чем занимаюсь сам и что является моим умением как гаура, – лечению.

– Не дает покоя любопытство. Арданан, ты мне сказал, когда мы только пришли, что ты не беззащитен. Я так и не понял, как бы ты смог защититься от агрессоров – ну не считая волколака... кстати, а куда он подевался? За нашими разговорами и учебой я и не заметил, как он исчез.

– Я его на охоту отправил, пусть нам косулю поймает, ему в этом равных нет. Хочу мяса жареного, надоело сыр есть, давно за продуктами в селение не ходили, подъели запасы. Ладно, пошли, посмотришь! – Старик легко поднялся и, неслышно ступая, плавными шагами вышел из комнаты.

– Ну где вы там? Давайте сюда, быстрее! – послышался с крыльца его голос.

Мы с Леной, переглянувшись, вышли из дома и встали за спиной старика.

– Смотрите сюда. Помните ночной «фонарик»? Смотрите!

Арданан негромко произнес какую-то напевную фразу (я постарался запомнить произношение звуков), делая правой рукой сложный жест, и над его головой загорелась белая сфера. Она вертелась и переливалась в свете солнца (или это было не солнце?! – я пока так и не понял этого...). Смотреть на сферу было трудно – такая яркая она была, даже на фоне дневного светила не терялась. Кроме того, в этом шаре происходили какие-то процессы – сфера переливалась. В ней то возникали мутные пленки, то вдруг она становилась зеркальной, и тогда в сфере отражалась моя искаженная фигура и фигура стоящей рядом

Лены с расширенными от любопытства и удивления глазами.

– Ну как, интересно, да? – Старик хитро подмигнул. – Это еще не интересно, интересно будет дальше. Видите вон тот пень? Да-да, за поленицей, тот, что с побегами. Глядите на него!

Старик махнул рукой, как бы направляя, выкрикнул странную, модулируемую голосом короткое Слово, и вдруг шарик с его головы метнулся вперед, как ударенный ракеткой чемпиона, и указанный Ардананом пень разлетелся с грохотом и вспышкой пламени. Зацадили куски разбросанного дерева, возле поленицы занялся сухой куст бурьяна, и старик, заполошно ойкнув, кинулся затапывать разгорающееся пламя.

Откуда-то взялся неслышно подошедший Гарсуг и ехидно сказал:

– Хозяин опять развлекался с заклинаниями! Когда-нибудь он разнесет и дом и окрестности!

– А для чего я в глушь забрался? – парировал Арданан. – Тут все равно никого нет! Видали, ребята? Мое изобретение! Этого заклинания никто не знает! Хотите попробовать? Кстати, вот и пойдем – можете вы колдовать как следует или нет! Итак, смотрите: зажигаем фонарь – это практически все гауры умеют. Слушайте и следите за рукой! Это называется Знак огня!

Он нараспев произнес Слово и одновременно повел рукой, изобразив в воздухе что-то вроде скрипичного ключа. Зажегся фонарик и снова засиял над его головой.

– Теперь вы пробуйте по очереди, чтобы не помешать друг другу. Вначале Сергатар. Ну не бойся, давай! Ты же сейчас под саликанталом, должен запомнить все, что видел, с первого раза! Начали!

Я сосредоточился, и передо мной встала яркая картинка: Арданан, совершающий колдовство. Нараспев произнес заклинание, сделал Знак огня – упс! – поднял глаза... надо мной висела и вращалась сфера размером с детскую голову.

– Молодец! Только слишком большую сделал, большие сферы недостаточно устойчивы, долго не держатся. Самый лучший размер тот, который был у моей сферы. Теперь попробуй ее метнуть – вон в пятидесяти шагах сосна, попробуй метнуть в нее!

Опять сосредоточившись и вспоминая, я резко вытянул руку в направлении сосны, как бы указывая на цель, и выкрикнул фразу-Слово, которую слышал от старика. Вспышка, грохот – сосна сломалась пополам! Я оглянулся – в ушах звенело, Лена что-то говорила мне, но доходило как сквозь толстую подушку. Потом звук стал проявляться, и я услышал, что говорят окружающие. Лена ругалась матом, Гарсуг ржал, приговаривая: «Славно, славно бабахнуло!», а Арданан что-то говорил мне о том, что модуляцию голосом надо было делать пониже, потому как... ну и так далее.

Наконец эхо взрыва исчезло, все успокоилось, и пришел черед Лены создать свой светящийся шар. Она сказала Слово, начертала Знак... и ничего не случилось. Еще попробовала – и ничего. Она расстроилась до слез и чуть не плакала. Старик развел руками:

– Ну что же, не все сразу! У гауров-женщин свое колдовство, их учат по-своему, может, я что-то и упустил...

– Знаете что, – вмешался я, – ты говорил про модуляцию, так вот: голос-то у нее выше, чем у нас! Лена, попробуй произнести заклинание с тем тембром, с каким произносили его мы, давай! Мужским, в общем, голосом!

Она безнадежно пожала плечами. Уже ни на что не надеясь, сказала Слово, стараясь снизить тембр голоса, секунда, и над ее головой повис шарик с ноготь большого пальца мужчины, махонький, но все-таки повис! Счастливая Лена любовно посмотрела на свой сияющий шарик и ласково сказала:

– Какой он красивый! Кстати, а как его убрать, если не надо его метнуть в какую-нибудь цель?

– Смотрите сюда: это Знак замыкания. Он отменяет те заклинания, что вы сделали за последнее время. В радиусе пяти метров исчезнут все созданные вами магические объекты. Но только вами. Все объекты настроены на ауру своего владельца, и вы не можете на них воздействовать этим Знаком, чтобы развеять чужие воплощения. Нужен другой Знак, Знак развоплощения. Смотрите. – Старик повел в воздухе рукой, сказал какое-то Слово, и в воздухе как будто запахло озоном, а шарик над головой Лены исчез.

– Видели? Ее шар исчез. Но хочу предупредить: это заклинание сработает, только если ваш соперник, или как бы это лучше его назвать... в общем, объект вашего нападения ниже вас по уровню магии. Как определить, выше или ниже по уровню магии ваш противник? А никак! Пока не вяжетесь – не узнаете. Потому гауры очень осторожно относятся к магическим поединкам и крайне редко в них вступают – а вдруг противник сильнее, а вдруг он знает какое-то тайное заклинание, а вдруг он сумеет отбить удар неизвестным щитом, вдруг... в общем, пожить еще хочется, не лучше ли просто договориться? Так что на честные магические поединки с гаурами и рассчитывать нечего – пальнут из-за куста, и все. Конечно, такого мощного заклинания у них пока нет, я не давал им, но вот такое у них есть, это была основа для моих исследований. – Старик создал фонарь над головой и сказал: – Запоминайте!

Затем он выпалил Слово, и сфера, сорвавшись со своего места у него над головой, с шипением ударила в ствол сосны в двадцати метрах от нас, проделав в ней черную выжженную дырку – что-то вроде небольшого дупла.

– У этого заклинания есть один большой недостаток – если человек ловкий и обученный боевым искусствам, он запросто может уклониться от не очень быстро летящего шара, и тот улетит в заданном направлении, мимо цели. Мое заклинание дает другой эффект – как бы объект ни уклонялся, шар разрывается вблизи него и разрушается все, что оказывается в поле действия взрыва. Если он не попал в объект, конечно, разрушения чуть меньше, но эффект все равно потрясающий. Теперь понимаете, что для испытания этого заклинания я должен был находиться в безлюдном месте? Впрочем, были и другие причины...

– Понимаем, – хмыкнул я. – Одно не понимаем – зачем это лекарю? Вместо того чтобы лечить людей, вы придумываете заклинания, которые их убивают! Зачем?

– Хм... интересный вопрос! – Старик задумался и смущенно сознался: – Может, от скуки? Не удовлетворит такое объяснение? А может, от бунтарства? Вот захочу и сделаю такую штуку, что весь мир перекорежит! Честно говоря, меня интересовал только сам принцип – могу я изменить или нет. Оказалось – могу! Надо лишь добавить две буквы и сделать голосом определенную модуляцию... и в Знак добавить одно лишнее движение, и вместо обычного выстрела – разрушительное заклинание взрыва! Нет, вы не думайте, я тут не только этим занимался! Я нашел два заклинания сращивания костей, они в два раза быстрее их сращивают, чем обычное лекарское заклинание, составил мазь из пяти трав – обработанная специальным заклинанием, она обеззараживает раны и залечивает их за минуты вместо дней и недель, я тут хорошо поработал! И Гарсуг мне помогал – он молодец, вынюхивает в лесу травы и приносит мне. А еще охотник замечательный! Кстати, Гарсуг, ты там косулю-то не сожрал? Что-то у тебя морда лоснится, да в крови весь!

– Нет, – ухмыльнулся Гарсуг, – я только выпотрошил и съел печень и сердце, пока теплые! Вкусные!

Я невольно отвел глаза от морды... хм... лица волколака. Оно заросло шерстью, только не так, как у людей бородой, нет, оно заросло именно шерстью, мягкой и плотной, как у собак или волков, однако при этом парень выглядел вполне по-человечески, лишь был немного меньше ростом, чем взрослый мужчина – с Леной примерно, но раза в два шире ее, с огромными мощными руками, с узловатыми ногами,

оканчивающимися острыми когтями, врезавшимися в землю, что-то вроде медвежьей лапы. Одежду ему заменяло подобие набедренной повязки, закрывающей тело от пояса до колен и не скрывающей мощных витых, как веревки, мышц по всему телу. Видно было, что волколак очень, очень силен.

Подумалось – а смог бы я с ним справиться тогда ночью? Голыми руками? При взгляде на его волосатый мускулистый торс меня все больше мучили сомнения – худо бы мне пришлось, если бы не умение Зари...

– Тащи тушу к воде и разделай как следует, – приказал Арданан. – Сейчас жареного мяса поедем, а то на постной пище скоро ноги таскать не будем. Пошли, ребята, в дом, он сам справится – никто лучше него с мясом управляться не может. А мы пока поговорим о дальнейшем...

Мы сели за стол в горнице, старик уселся во главе стола и начал:

– Итак, какие у вас планы, что вы собираетесь делать в этом мире? Ведь вы сидеть сложа руки не будете, уверен, а я не хочу попасть с вами в неприятности – хоть и не так много мне осталось жить, но все-таки моя жизнь мне дорога. Сергатар, рассказывай, как хочешь втравить меня в неприятности? Только без утайки, ладно? Кто вы и что вы?

– Хорошо, – кивнул я, – не могу тебя обманывать. Ты нас принял как родных, мы тебе обязаны информацией, помощью и не вправе навлекать на тебя беду. Итак: да, мы агенты специальной службы, что-то вроде тайной стражи, нас готовили для специальных заданий, основное из которых убивать людей, совершивших преступление – с точки зрения наших руководителей. Мы не добровольно согласились на это дело, нас заставили разными способами, самый действенный из них – что мы всегда на контроле, у нас в спине находится... хм, как бы это назвать... магический предмет, и, если наши хозяева увидели бы, что мы выходим из-под контроля, нас бы сразу убили, активировав эту штуку. Фактически мы были рабами, да, рабами, которым давали много благ, но не позволяли отклониться от воли хозяина ни на пядь. Наша задача: вначале выжить, изъять из спины эту гадость, приспособиться к местной жизни, получить знания об этом мире, попробовать вернуться, чтобы отомстить своим бывшим хозяевам, а в дальнейшем, как особая задача, попробовать остановить засылку «слизняков» в наш мир. У меня есть основания полагать, что мой отец умер вот из-за такого «слизняка». Если ты еще поможешь нам, больше чем ты уже помог, мы скажем тебе огромное спасибо и будем благодарны до конца жизни, если не поможешь – спокойно уйдем, так же благодарные за ту помощь, что ты нам уже оказал. В общем-то и все.

– А твоя подруга и правда тебе жена? – вдруг спросил старик.

– Нет, конечно. Мы вместе обучались в школе убийц, она такая же убийца, как и я. Нас в паре послали искать подобных мне – видимо, тайная стража решила прибрать к рукам таких, как я, а мы воспользовались случаем, чтобы удрать. По документам нас сделали мужем и женой, а мы и не возражали...

Лена усмехнулась и добавила:

– Совсем не возражали. Хотя меня к нему прикрепили, чтобы я за ним следила и в случае чего продублировала безопасность. Вдруг начнет бунтовать – убить его. Только мне тоже эти самые хозяева ненавистны, поэтому мы и вместе. Ну и... мы правда полюбили друг друга.

– Какая трогательная история! – прокомментировал Арданан. – Вот только если кто-то узнает, что я вас подготовил, мне конец. Я обязан сдать вас тайной страже – думаете, только у вас тайная стража? Ну вряд ли вы такие наивняки... И вряд ли вы поверили, что я забрался в глушь, чтобы заниматься личными исследованиями. Простите, ребята, но я был вынужден так поступить...

– Как поступить?! – не понял я и напрягся, готовясь к худшему. – Лена, внимание! Опасность!

Дверь в избу с грохотом распахнулась, и в комнату влетели несколько воинов, закованных в начищенную, сияющую золотом броню. Они рассыпались вдоль стены, встав блестящей шеренгой, и вперед вышел высокий человек без шлема, с копной черных волос, заплетенный в тугую косу.

– Сдавайтесь, пришельцы! Шансов у вас нет! Снаружи еще стражники, куда вы денетесь?! Лучше сдайтесь, мы отвезем вас в город, а жрецы Храма решат, что с вами делать. Не делайте резких движений и медленно закиньте руки за голову, ну же! – Командир стражников нетерпеливо переступил ногами и почесал правое ухо. – Спасибо, господин Арданан! Верховный жрец приказал передать, что Храм учтет вашу лояльность и примет решение о снятии опалы!

– Арданан, как ты мог? – Лена с укором посмотрела на старика, но тот спрятал глаза, уткнув их в крышку стола. – Мы тебе поверили...

– А что делать? Каждый сам за себя! – огрызнулся старик. – Я и так вам помог, чем мог, – и языку научил, и заклинаниям кое-каким! Предупреждаю: если шар разорвется тут, в избе, вы погибнете вместе со всеми! Сдавайтесь, может, Храм оставит вам жизнь, кто знает! А мне нужно было возвращаться в город, я опрометчиво поднял бунт против жрецов и был изгнан. Ваше появление дало мне шанс вернуться в хороший дом, снова зажить в достатке, богатстве! Храм ценит тех, кто ему служит! Смиритесь и не вздумайте сопротивляться – это специально обученные, лучшие солдаты! Кроме того, снаружи их еще столько же, не меньше! Я предупредил, что вы опасные существа! Сдавайтесь!

Я огляделся, осмотрел напряженных солдат, стоящих наготове – мечи их пока что были в ножнах, интереснее же взять пришельцев живыми, порубить на куски никогда не поздно! Значит, у нас есть шанс.

Я стал говорить короткими фразами по-русски:

– «Слизняка» на командира. Ты внушаешь одному, чтобы он рубил других, валим всех, кого достанем, старика глуши с ходу, а то поджарит, командира в заложники, и выходим. По команде на счет три... Три! Поехали!

В комнате как бомба взорвалась: первое, что сделал я, – выпустил здорового черного «слизняк» в командира стражников – почему-то Арданан не сказал им, что я умею это делать... или они не придали этому значения, не знаю.

«Слизняк» еще только вцепился в голову ойкнувшему стражнику, когда я бросился к блестящей шеренге и врезал локтем по закрытому шлему одного из стоящих. Конечно, надеяться пробить шлем было глупо, но вот башку сотрясти как следует – запросто.

Сорвав у него с пояса прямой кинжал, я начал бить всех остальных в места сочленений, в ноги, в шею, комната вся была забрызгана и залита кровью, как скотобойня.

Лена тоже не сидела сложа руки и первым делом врезала старику по шее так, что мне послышался хруст позвонков... а может, показалось – в любом случае он свалился со скамьи и затих на полу. Затем она переключилась на стражников, и тут же один из блокировавших выход из дома с шелестом достал меч и врубился в ряды своих товарищей, поэтому часть из них отвлеклась от попыток как следует пошинковать меня и схватилась с ним.

Надо сказать, что они довольно быстро опомнились после того, как я на них напал, и, достав кинжалы – мечами махать тут было не очень удобно, – попытались проткнуть меня своими бронзовыми клинками.

Я уворачивался как мог, но несколько ударов все же достигли цели – мне пробили плечо, вонзили кинжал в бок и сильно подрезали бедро, так что я чуть не упал.

Впрочем, все эти повреждения получил в общем-то и не я, а несчастный начальник стражи –

«слизняк» тут же компенсировал мне травмы, высосав из него жизнь, от чего стражника застрясло, как в лихорадке, и он стал более извести.

Лена взяла контроль над еще одним стражником, тот тоже набросился на товарищей с намерением их убить, потом еще над одним – и вот уже в куча-мала не было понятно, кто кого рубит. Наконец последние два стражника порубили друг друга и упали, дергаясь в предсмертных судорогах. В это время их начальник стоял в углу ошеломленный, с выпученными глазами и не мог сделать ни шагу – Лена припилила его к полу внушением.

– Ну что, будем выходить? – задыхаясь от пережитого стресса и физического напряжения, спросил я. – Сколько их там, интересно?

– Столько, сколько и здесь, как старый подлец сказал! – Лена пренебрежительно кивнула на лежащего на полу то ли мертвого, то ли оглушенного старика. – Тут десять человек, включая командира. Там, значит, тоже десять. Только куда пойдем после всего случившегося?

– Давай потом об этом, ага? – Я кивнул на торчащего в углу стражника. – Сейчас выходим, прикрываясь им, осматриваемся. Если что – держи волколака, мы его без оружия, а может, и с оружием не осилим. Видела его мышцы?

– Видела! – кивнула Лена и предложила: – Я держу стражника под контролем, а ты пока собери у этих придурков деньги, пошарь по карманам. Ценности какие-нибудь, колечки, перстни, кулоны – все сгодится. Не забудь, нам еще тут как-то надо выжить, когда уйдем.

– Точно, а ведь было хотел кинуться наружу, – с раскаянием сказал я. – Вот что значит проклятое воспитание! Обыскать труп как-то и в голову не пришло.

Лена хмыкнула:

– Ну да, ты же никогда не шарился по карманам пьяных гостей своей мамы, пока они валялись в отрубе, вот тебе в голову и не пришло. Давай скорее, не теряй времени! Сейчас они там очухаются и полезут проверять, чего тут происходит. Нам нужно первыми отсюда выйти!

Я стал обшаривать трупы – минут через пять на столе уже лежала небольшая горка замшевых мешочков, служащих, видимо, кошельками, перстней из разных металлов, витых цепочек.

Немного подумав, пошарил по карманам Арданана, достал деньги и у него – нам они теперь нужнее. Обыскивать его комнату не стал – некогда. Все трофеи сложил в рюкзачок, закинул его за спину – готов! Взял со стола приготовленные четыре длинных кинжала – мечами биться мы не умели, но что касается ножевого боя, тут уж держитесь!

Подумал и, приняв решение, сказал:

– Лена! Ты держишь этого стражника на контроле и пока не выходишь. Я пойду один, крикну тебе, когда можно выходить, – боюсь, что они держат вход под прицелом, не забывай, что тут и луки есть, на их месте я бы так и сделал. А командир их нужен живым – это моя жизнь. Не выпускай его и береги, пусть болтается вне схватки. Все поняла?

– Да. Серега, будь осторожнее, ладно? Мне не хочется остаться тут одной... – Лена порывисто схватила меня одной рукой за шею и поцеловала в губы. – Выживи!

Я кивнул и решительно шагнул за порог, держа оба кинжала в боевой готовности, прошел через сенцы – вот и выход.

Как будто ныряя в прорубь, я кинулся из двери наружу, одновременно уклоняясь от удара мечом и протыкая живот стоящего у входа стражника. Свистнула стрела и вонзилась мне в грудь, из горла ударила

было тяжелая соленая струя и тут же иссякла, удушенная моим «слизняком», а я заметил двух стрелков у пленницы – они были одеты в легкую броню, что-то вроде кольчуги, и не были так хорошо защищены, как проникшие в избу солдаты, и это облегчило мне задачу.

Рванувшись вперед, я погрузил лезвия кинжалов им в животы по самые рукояти, пробив кольчуги, как бумажные. Рядом стояли еще двое стражников – они умерли за три секунды: один с распоротой шеей, второй повис на пленнице с кинжалом в глазу. Я неплохо метал ножи, правильно говорил Мастер, есть у меня такой талант.

Громко крикнул:

– Лена, давай! – и заметил волколака, уже перекинувшегося в зверя и мощными рывками летевшего на меня из-за дома.

Счет шел на секунды, я подхватил валявшийся рядом лук, со скрежетом вырвал у себя из груди стрелу, наложил ее на тетиву, и она, загудев в воздухе, вонзилась в летящего на меня волколака.

Зверь упал, сбитый стрелой, секунды две, ошеломленный, лежал на месте, а очухавшись, вновь бросился на меня.

Я огляделся – где взять еще стрелы? – не увидел, бросил лук, подобрал кинжал, готовясь к смертному бою, и тут волколак затормозил, как автомобиль, замотал башкой и бросился не на меня, а на оставшихся в живых солдат, с которыми в этот момент билась Лена.

Девушка страшно материлась, подпрыгивая, вертясь между сверкающими полосами бронзы, и разила, разила, разила... Двое уже лежали на земле рядом с ней, слегка подергиваясь в последних судорогах, а волколак доделал остальное – он всей массой сбил одного, уцепился за шлем и оторвал его вместе с головой, из обрубка шеи забил фонтан крови, и тело задергалось, как в пляске святого Витта. Второй застыл, потрясенный, и был тут же убит светловолосой фурией.

Волколак замер в шаге от Зари, дрожа и заглядывая ей в глаза, а она внимательно смотрела и смотрела на него. Наконец он, повизгивая, лег на брюхо, подполз илизал ей ботинок, затем стал медленно трансформироваться в подобие человека. Моя стрела торчала у него из плеча, и, когда он снова стал человеком, Лена решительно выдернула ее, осмотрев рану. Покачав головой, сказала:

– Нормально. Жить будешь. Гарсуг, теперь я твоя хозяйка. И он, Сергатар! И ты умрешь, защищая нас. И будешь выполнять все наши приказы. Ты понял?

– Понял, хозяйка! Я все сделаю! А прежний хозяин жив? Он ко мне хорошо относился, жалко его.

– Не знаю. Мне это не интересно. Он нас предал и не заслуживает жалости. Иди в дом и сделай себе перевязку, чтобы не загноилась рана, потом собери знахарских снадобий – хозяин же тебя обучал лѣкарству?

– Обучал. Ему скучно было, он обучал.

– Ну так вот, собери все, что нужно в дорогу – снадобий, еды – и возвращайся. Мы скоро уходим.

– Хорошо, хозяйка!

Я подошел к подруге и спросил:

– Внушила ему?

– Ага. Он легковнушаемый – видимо, мозг послабее, или это просто такая их особенность. С обычным человеком пришлось бы повозиться... Давай-ка и этих обшарим, лишние деньги не помешают. А волколак нам очень, очень поможет. Теперь можно рассчитывать только на себя. Надеюсь, ты его не сильно помял?

– Хе-хе... кто кого помял-то! Если бы не стрела, сейчас бы мне, может, кирдык был. Кстати, чего там с их командиром? Нить от «слизняк» к нему все еще идет, значит, живой.

– Живой, но на издыхании. Давай я пошарюсь по трупам, а ты посмотри, что там с ним.

Я отправился в дом – командир стражников лежал в углу, бледный как полотно, на его голове пульсировал мой «слизняк», а лицо и шея были покрыты какими-то нарывами и опухольями. Видно было, что его изнутри убивает какая-то болезнь, что-то вроде раковой опухоли, молниеносно пустившей метастазы во все стороны. За двадцать минут цветущий, здоровый человек превратился почти что в труп.

Меня передернуло от отвращения, но я пересилил себя и спросил:

– Можешь говорить?

Человек с трудом открыл рот:

– Могу. Добей меня! Хочу чистой смерти, а не от этой гадости!

– Хорошо. Только ответь мне на несколько вопросов, и я тебе дарую чистую смерть. Это Арданан вызвал вас?

– Да. Как только вы появились, он послал своего волколака в город, в Храм. Мы сразу вышли на захват.

– Зачем вы решили нас захватить? Что мы вам сделали?

Человек с трудом вздохнул, закашлялся, вытер кровавые слюны рукой и ответил:

– Вы возмутители спокойствия. Вы не первые пришельцы с той стороны. Вас надо уничтожать, чтобы не было смуты.

– А старику-то какой смысл был нас сдавать? Зачем он это сделал?

– Награда. И возвращение в академию. Его поймали на совращении мальчика, обучающегося на гаура, и выгнали с позором – мальчик оказался сыном крупной шишки, замять скандал не удалось. А это был шанс вернуться.

– А он мне тут врал про его бунтарство... про исследования.

– Хе-хе... – Человек засмеялся, и кровь опять выступила на его губах. – Какой он бунтарь? Он лебезил перед верховным жрецом, ползал на коленях, просил, чтобы его оставили. Ему пообещали, что, если он усовершенствует военное заклинание, его вернут. Какой там бунтарь!

– Что обычно делали с прибывшими с той стороны?

– А что с ними делать – в цепи или же в жертву быку, поджарить бунтовщиков. Как обычно.

– Много таких было?

– Не знаю. Знаю, что были.

– Где находится портал, ведущий на ту сторону?

– В главном храме богов в городе Сантар.

– Ну хоть в этом старая скотина не соврал, – пробормотал я себе под нос. – Из него можно перейти на ту сторону?

– Можно, да. Только запрещено верой и законом – та сторона принадлежит Ахриману, и каждый, кто туда переходит, становится его адептом. Как и все те, кто оттуда приходит! Вы слуги Ахримана, и вас надо уничтожать, как крыс! От вас все зло, бунты и безобразия! Смерть вам!

– Пока что смерть тебе. – Я сильно ударил кинжалом в подмышечную впадину стражника, достав до его сердца, он дернулся и затих.

«Слизень» с легким хлопком исчез в сером вихре, в голове у меня больно кольнуло, я вздохнул и встал на ноги.

Будущее было туманно и совсем неясно. Ясно было одно – теоретически я все-таки мог выбраться отсюда на Землю, но путь назад обещал быть очень и очень непростым... если вообще возможным.

Глава 9

Наша тройка шла по лесу, напряженно оглядываясь по сторонам – все время казалось, что где-то прячется засада. Гарсуг знал своим острым чутьем и слухом, что никакой засады нет, но наша нервозность передалась и ему, и он тоже зыркал вокруг зелеными звериными глазами.

Я решил идти сразу в столицу, или, как они говорили, главный город – Аннаон. Портал находился в другом городе, в главном храме, но нам нужно было время, чтобы ассимилироваться в этом мире, насколько возможно, ну а уж потом можно думать и о перемещении назад, на Землю... Впрочем, если я и хотел туда вернуться, то только затем, чтобы отомстить, а так... какая мне разница, где жить? Кроме покойной матери, у меня уже не оставалось никого, о ком бы я мог сожалеть на Земле. Дальние родственники? Да я с ними никогда особо и не общался... Друзья? Да не было настоящих друзей – так, приятели... А что такое вообще друзья? Мне всегда было интересно, когда я слышал из уст каких-нибудь парней – «друг», «друзья»: кто такой друг? Люди редко задумываются над этим словом и вкладывают в него совсем не то значение, которым оно, это слово, насыщено. Понятие дружбы совершенно профанировалось – в моем понимании, друг это тот, кто не думая бросит все дела и прилетит к тебе на помощь, кто будет защищать тебя ценой своей жизни, кто... ну да понятно. А у нас выпили бутылку пива возле дома на скамеечке – друг! Поболтал по телефону о том о сем – друг! Съездили на шашлыки вместе – друг! Нет, не друзья это... так, хорошие знакомые, приятели.

Так что, если и был у меня друг на свете, это моя напарница, которую ко мне приставили, чтобы она убила меня, если я заартачусь, вот такой странный поворот моей судьбы.

Повороты вообще у меня странные: от мастера по ремонту телевизоров – к убийце, от убийцы – к магу параллельного мира... «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе».

Я посмотрел на свою спутницу – на ее красивое, совершенное лицо (и уродятся же такие в заводском районе?! Откуда черты аристократки у замарашки, дочери алкашки, отдававшей за литр водки?! Как говорил Шарик: «Я – красавец! Очень возможно, что бабушка моя согрешила с водолазом!») – и думал: чем закончится наше приключение? Нет, не то, что мы провалились в параллельный мир, а наше с ней приключение... или это и правда любовь и судьба? Кто знает...

– Слушай, Серега, – неожиданно сказала Лена, поправив лямку нагруженного рюкзака на плече, – вот Арданан, ведь казался таким хорошим человеком, почему он так с нами поступил?

Я помолчал, подумал и сказал:

– Да он и был вполне неплохим, наверное, но только своя рубашка ближе к телу – так он рассудил. Если человек прошел через достаток, богатство и вдруг сверзился с горы вниз, кто знает, на что он пойдет, чтобы взобраться назад?

– Ну не все же так, в самом деле! Впрочем, ты прав, я всякого насмотрелась... Только вот одно непонятно – а зачем он учил нас, зачем показывал нам заклинания? Особенно то, боевое? Зачем он это делал?

– Чужая душа потемки... Может, хотел нас удержать подольше, заинтересовать, время потянуть, может – похвастаться достижениями, может, проверить, на что мы способны, чтобы доложить Храму... Кто знает? Теперь у него не спросишь... Язык и грамота? Ну а как храмовникам с нами общаться? Что-то спрашивать, выспрашивать – тут-то все понятно. Гарсуг, он когда тебя послал в Храм, сразу, как мы появились, или на следующий день?

– На следующий день. Когда я на охоту бегал. Велел, чтобы я к верховному жрецу пришел и передал,

что он задерживает двух демонов с другой стороны мира. Меня тогда сразу пропустили, и я рассказал, что Арданан хочет оказать услугу Храму. Потом я ушел.

– Видишь, Лен, возможно, он еще и колебался – сдавать нас или нет, может, рассчитывал на нашу помощь или же планировал как-то привлечь нас к своей работе, а потом передумал. Что поделаться, человек существо непредсказуемое. Честно говоря, мне жаль, что так вышло и он оказался негодяем... я как-то проникся к нему душой.

Моя подруга согласно кивнула, и ее ноги в чужих сапожках слегка ускорили ход, нагоняя меня, – она чуть-чуть отстала, все-таки рост поменьше.

– Противно как в чужом барахле идти! – Ее лицо скривилось в брезгливой гримасе. – Все время кажется, что по мне насекомые ползают! Они тут, интересно, за гигиеной-то следят? Я читала, что в Средние века все вшивые были! Брр... Может, не надо было в их одежду рядиться?

– А если кто встретится? Скажи спасибо, что хоть башмаки подобрали тебе по ноге... В городе тебе женскую одежду найдем, а пока будешь красивеньким юношей. Гарсуг, тут нет каких-нибудь законов, запрещающих женщинам переодеваться в мужчин?

Оборотень взрыкнул – видимо, это означало смехок:

– Нет таких законов. Но женщины и не будут надевать мужское – зачем?

– И правда, зачем? – проворчала Лена. – И мужчинам в женское тоже незачем рядиться, не правда ли, о мой муж?

– Правда, правда твоя, – хмыкнул я, – не буду рядиться в женское, успокойся!

– Ну слава богу! У меня даже от души отлегло... – Девушка хихикнула и уже серьезно сказала: – Слушай, я вот чего не пойму... если выход из портала тут, а вход в портал за десятки километров отсюда, как жрецы переводили людей через порталы и возвращались назад?

– Вопрос, конечно, интересный... но он только в том, сколько людей за раз могут перенестись через портал, соприкоснувшись полем с жрецом, умеющим через портал проходить? И еще – а кто сказал, что портал был один?

– Ты что, считаешь, что порталов было несколько? – удивилась Лена.

– Я считаю, что их и сейчас несколько! Вернее, так – может быть несколько! Ведь нити уходят не только в портал в Аркаиме. Значит, может быть несколько дыр в пространстве. Впрочем, мы можем только гадать.

– Сергей, тебя не беспокоит мысль о том, как мы устроимся в городе? Я что-то смутно представляю, как мы будем зарабатывать на жизнь... очень смутно. – Лена повернула ко мне озабоченное лицо. – Того, что рассказал нам старик, совершенно недостаточно для внедрения в среду местных жителей. Есть мысли по этому поводу?

– Есть. Что нам еще остается, кроме как идти в город? Сидеть в лесу? Зачем? Да и туда могут добраться агенты Храма. Затеряться можно только в большом городе – вряд ли там очень уж жесткий контроль за людьми, город есть город. Гарсуг, сколько населения в Аннаоне?

– Много. Очень много. Миллион. Может, больше.

– Ух ты! – удивилась Лена. – Я почему-то думала, что несколько десятков тысяч, может, сотня, но чтобы миллион!

– Арданан говорил, что населения сейчас несколько миллионов, может, и не соврал... Вполне может

быть – если ушло больше десяти тысяч, вот и размножились. Раньше люди имели по десять детей, а если уж попали в благоприятные, сытные условия – чего им не размножаться? Хотя старик говорил, что с рождаемостью у них не очень... ну не знаю. Сами увидим. Что касается заработка – вряд ли мы сумеем официально зарабатывать, только если какой-то подпольный бизнес организовать. Только какой? Лечить мы не умеем, только убивать... В армию пойти? Меня возьмут, тебя нет. И то – я мечом махать не умею, прежде меня учить надо. Что остается? Что-то подпольное, что-то такое, что идет вразрез с законом.

– Ты намекаешь на преступность? – с интересом посмотрела на меня Лена. – Как ты себе это представляешь? Мы будем ходить по городу и грабить жителей? Или найдем преступную организацию и внедримся в нее? Какие еще варианты?

– Скорее всего, второе, хотя, если приспичит, и первое. А у тебя есть другие предложения?

– Пока нет. Только я плохо представляю, как мы занимаемся гоп-стопом на улицах города. Тебе не кажется, что наши кудри примелькаются и мы закончим плохо?

– Кажется. Но тогда есть третий путь – может, о нем подумаем? Тот, о котором говорили со стариком, вспомни! Пойти в храм, сделать там запись, потом попытаться легализоваться. Только одно не забывай – после исчезновения отряда стражников, посланных за нами, сюда обязательно отправят еще отряд, обнаружат, что они убиты. Их действия?

– Ну какие их действия – вернутся и доложат начальству, а информацию о поиске подозрительной парочки передадут кому только можно. Ну так что тогда делать? Я уже голову сломала, прикидывая...

– Заляжем на дно, потом будем пробиваться в храм, к portalу.

– Так храм не в этом же городе? Старик говорил, что храм с порталом в городе Сантаре! Зачем тогда мы в Аннаон идем?

– Гарсуг, Сантар далеко от Аннаона?

– Нет, совсем рядом – пять верст. Это закрытый город – там живут только стражники, жрецы храма и гауры. Ну и их слуги. Туда пускают только по специальным пропускам. Я, когда бегал за стражниками, подходил к дежурному стражнику на воротах и передавал ему информацию, меня туда не пускали.

– А что, Сантар окружен стенами?

– Да, стена. В четыре роста высотой, а по ней ходят стражники.

– Четыре роста... значит, это метров пять-шесть...

– И ров с водой вокруг. Через него мост, который поднимают на ночь.

– Стражники чем вооружены? Не видал?

– Не знаю. Как обычно, наверное. Не знаю.

– Скажи, Гарсуг, а в городе есть какие-то организации бандитов? Ну чтобы такие вот – главный бандит, подчиненные, чтобы организованно занимались сбором дани? Ну с членов сообщества и с купцов каких-то?

– Говорили, что есть. Только я не видал. В городе всегда грабят кого-то, без этого никак. А где они живут и кто такие, я не знаю.

– Ясно... а где останавливаются приезжие? Есть какие-то гостиницы, постоялые дворы?

– Есть, конечно. Много есть. Все-таки это главный город, сюда много приезжают. Купцы всякие, торговцы...

– Как думаешь – сколько у нас есть времени, прежде чем Храм всполошится о пропаже своего отряда, Серега? – Лена сосредоточенно посмотрела вперед и мягко отвела ветку, висящую над тропой. – Есть у нас дня два, как ты думаешь?

– Дня три, мне кажется. Сама представь, как будет рассуждать тот, кто их послал? Вот они пришли, нас захватили, потом заночевали, потом пошли назад – заночевали где-нибудь в соседнем селении... не забудь, они же идут пешком, с ценными пленниками... потом уже из селения ушли в Аннаон. Нет, все-таки дня два, как мы придем, не больше. Значит, нам нужно спешить.

– Полсотни верст мы за день сделаем, конечно, и не тому нас учили, но придется напрячься...

– А куда деваться. Первые день-два проживем в гостинице, потом куда-нибудь переместимся, найдем пристанище – может, угол снимем. В трущобах каких-нибудь...

– В заводском районе, – усмехнулась Лена. – Ну-ну, знакомое дело...

– Ладно, по месту определимся! – вздохнул я. – Нам еще шагать и шагать.

До Аннаона мы добрались уже вечером, усталые, с гудящими ногами – отдыхать почти не пришлось, была остановка минут на двадцать, чтобы перекусить, больше мы себе позволить не смогли. Последние километры пятнадцать мы шли по большому тракту – Гарсуг пояснил, что эта дорога соединяет Рунгурок с Аннаоном и остальными селениями.

Дорога меня немного удивила. Что мы ожидаем, когда представляем средневековые дороги? Если современные российские дороги частенько совершенно непролазны, так что ожидать от дорог потомков зороастрийцев? Грязь, пыль, рытвины, заполненные дерьмом и мусором!

А вот и нет. Дорога была вымощена крупными плитами, скорее блоками, заполненными по стыкам чем-то вроде щебня. Хотя стыки кое-где были такие узкие, что плиты смыкались вплотную и между ними не было зазора.

Уже на подходе к городу я увидел, как это делается. Толпа обожженных солнцем людей в лохмотьях под присмотром нескольких солдат в боевом вооружении, обливающихся потом под лучами не такого уж и жаркого солнца, молча и упрямо тащила эти блоки и укладывала в приготовленные гнезда – похоже, вели куда-то новую ветку дороги. Вид этих людей, напрягающих свои мышцы так, что они свивались жгутами, навел вопрос: кто они такие? На наших дорожных рабочих-алкашей точно не похожи.

Гарсуг пояснил, что это пойманные преступники разных мастей – в основном мелкие воришки да должники, те, кто не смог заплатить подати. Они отработывают свое на каторжных работах, но их могут выкупить, заплатив долг или штраф, ну и могут уйти, отбыв срок.

Что-то подобное я и предполагал – ни одно государство не может без репрессивного аппарата, и наказания всегда были похожи – или временное рабство, или вечное, до смерти.

Город особенно ничем не удивил – такие же мощеные улицы, по ним движутся экипажи, всадники, тележки продавцов, пешеходы.

Зато опять удивила чистота и порядок. Видел – лошадь одного из всадников испражнилась, тут же откуда-то выскочил человек в фартуке с совочком и убрал кучу. Я обратил на это внимание Лены, она хмыкнула и сказала:

– М-да... может, в этой власти жрецов что-то есть? Их бы к нам в город... они бы половину в быке изжарили, а вторая жила бы как люди.

Гостиницу мы выбрали подальше от центра – и незаметна, и стоит подешевле. Она называлась

«Черная овца», и на вывеске она и была нарисована, впрочем, овца с вывески больше напоминала какого-то дракона – ее пасть, оскаленная в улыбке, казалось, сейчас перекусит тебя пополам.

Лена предположила, что это родственница атакующих кроликов – не дай бог встретиться с такой овцой в темном лесу поздним вечером.

Несмотря на дурацкую вывеску, внутри гостиницы оказалось тихо, уютно, пахло пирогами и пролитым пивом (я сразу сглотнул слюну, предвкушая сытный обед). Под потолком гостиницы висели два светящихся шарика, сразу напомнивших мне о том, что я совсем не где-то в земной заштатной стране, а в мире, где магия в порядке вещей – как у нас вилка или нож. Я тихонько кивнул подруге:

– Гляди! Значит, они не только над головой умеют развешивать фонари!

– Значит, так и есть... мы же ни черта не знаем из того, что должен знать порядочный волшебник. Неплохо было бы, если бы кто-то нас этому поучил.

Из-за стойки вышел трактирщик, полноватый человек с собранными сзади в хвостик волосами, и, вытирая руки тряпкой, спросил:

– Что желают господа? Поужинать? Или хотите номер снять? Только у нас волколакам нельзя! Для волколаков отдельное помещение, рядом с конюшней!

– А обедать им в общем зале у вас можно?

– Обедать можно. Но только не сырым мясом... Я понимаю, может, вы привязаны к своему зверю, но наши посетители обижаются, если встречаются в коридоре с волколаком или он за соседним столом раздирает сырое мясо, не сердитесь.

– Да я ничего, переночую со всеми волколаками, хозяева! – не обиделся Гарсуг. – И пообедать там могу. Как понадобится – скажете ему, он пришлет за мной мальчика.

Волколак вышел за дверь и исчез из виду. Мне было очень неприятно, что пришлось волколака отправить куда-то на конюшню, и я даже стал раздумывать, стоит ли оставаться в этой гостинице, но потом голод пересилил, и было решено – остаемся! Все равно недолго будем тут обитать...

Трактирщик внимательно смотрел на Лену в мужской одежде, но спросить так и не решился, уж очень не похожа на парня она была, если посмотреть в лицо – само собой, напрашивались вопросы... Но нормальный трактирщик не будет лезть не в свое дело, мало ли зачем девушка скрывается в мужской одежде, может, с любовником убежала и боится, что родители разыщут, может, от мужа сбежала – какая разница? Деньги платят, да и ладно.

Номер был на втором этаже – с двуспальной кроватью (трактирщик опять с интересом поглядел на мою подругу), как ни странно, имелся туалет и даже душ, правда, водопроводной воды не было, бак душа наполнялся вручную, по требованию клиента. Унитаз был вполне приличный, но смыв тоже вручную. Этакое соединение Средневековья и современности... Постель чистая. На больших окнах, собранных из мозаичных кусочков стекла, тяжелые портьеры – вполне приличный номер, надо сказать.

Стоил номер серебряный сикль за сутки – в общем-то не так и дорого для нас.

Оставив вещи и прихватив на всякий случай только часть денег и украшений, мы спустились вниз, где на стол уже выставили заказанное нами – пироги, какие-то паштеты, суп, дымящийся в медной кастрюльке... Я сказал трактирщику, чтобы он выставил все, что считает удавшимся сегодня на кухне, – что не доедим, возьмем в номер. Он так и сделал.

Часть заказа мы отослали в помещения для волколаков, для Гарсуга, добавив ему кувшин пива – мне показалось, он будет рад выпивке.

Через час мы уже были сыты, слегка пьяны и довольны жизнью. Пиршество нам обошлось в сорок медных сиклей, а съели мы только хорошо если половину.

Как говорила моя бабушка – глаза едят, а живот уже не вмещает.

Нам все это собрали в корзинку, добавив глиняную бутылку местного вина, и отправили корзинку в номер – после этого трактирщик точно уверился в том, что мы распутная парочка, уединившаяся от мира для своих развлечений в окраинной гостинице. Ну и к лучшему – очень не хотелось отвечать на скользкие вопросы.

В номере мы немного попрепирались о том, кто первый пойдет в душ мыться, победила, конечно, Лена и минут пятнадцать плескалась там, довольно фыркая и напевая. Я последовал ее примеру – после того как она закончила свое омовение, и вскоре мы лежали в постели – голые, чистые и сытые... как Адам и Ева в раю.

– Ну что, муж мой, жизнь налаживается? – довольным голосом сказала Лена и с явными намерениями стала поглаживать меня по животу.

– Так-с! Не трогать сокровенное! – сбросил я ее шаловливую руку. – Я сейчас тресну, как арбуз, если сдамся тебе, – живот аж лопается, так я наелся. У этого чертова деда пожрать-то как следует было нечего. Давай пока полежим и подумаем, что и как нам делать дальше!

– Ну предлагай, – лениво отозвалась Лена, и ее рука опять стала красться по моему животу, вызывая щекотку и прилив крови...

– Нет, ну я так не могу! Ты меня отвлекаешь! Убери свою злостную руку! Я не могу сосредоточиться!

– А я так не думаю... у тебя уже кое-что сосредоточилось, я это прекрасно вижу... – коварно заявила она. – Ладно-ладно, попросишь еще меня. Ладно, к делу: что предлагаешь?

– Все мысли у меня сбила... в общем, так: предлагаю выйти на охоту. Сейчас отлежимся, дождемся, пока совсем не стемнеет, и пойдем куда-нибудь, где на нас могут напасть... ну вспомни наше задание. Только вот что – убивать всех нам невыгодно, надо захватить и допросить.

– А если не будет говорить?

– А нас что, не учили развязывать языки? И кроме того, есть еще твое внушение, есть мои способности... справимся.

– Чего спрашивать-то у них будем?

– Как связаться с каким-нибудь преступным сообществом. Где еще мы можем отсидеться...

– А ты не думаешь, что мы оттуда ноги не унесем? За каким чертом им сдались залетные фраера, кроме как отобрать у этих лохов-фраеров бабки и спустить самих в канализацию?

– Думаю. Я обо всем думаю. И ты думай. Две головы лучше, чем одна. Кстати, как мы лихо прокололись со стариком-то, а? Ну я-то домашний пацан, а ты, тертая-перетертая девка! Как ты-то могла повестись на его доброту и якобы отзывчивость? Даже странно – почему мы так легко повелись, ведь не дети...

– Знаешь, тут что было? Мы провалились в другой мир и ожидали увидеть тут сказку. А в сказке кто – добрые волшебники, они же не могут быть старыми извращенцами, преподами-гомиками, изгнанными из вуза? Видимо, стресс от перехода в другой мир был силен, и мы не успели перестроить свой мозг... другого объяснения у меня нет.

– Да, думаю, так и есть. Сказочная страна, пряничные домики, добрые волшебники... а тут такие же

люди, как и мы. В общем, главное – добраться до руководства этих здешних банд, или же триад – черт их знает, как они тут называются. Способ только один – выйти в ночь и ждать, когда они сами нас найдут. Согласна?

– Согласна. Ты закончил? Ужин улежался? Тогда иди сюда и не уваливай!

Гладкие руки обвили меня, и все проблемы сразу ушли на второй план. «Все-таки в супружеской жизни очень много хорошего», – подумал я перед тем, как раствориться в объятиях подружки...

На «охоту» мы собрались через два часа. Время было около двенадцати ночи, по моим ощущениям, за окном стояла темень, самое время для всякого бандитского отребья – расходятся по домам подвыпившие гуляки, темно, в общем, все располагает к разбою.

В обеденном зале гостиницы было довольно шумно, несмотря на позднее время, пиликал какой-то инструмент наподобие скрипки, брэнчало что-то вроде мандолины, и под это треньканье и бреньканье группа мужиков распевала песни нестройными пьяными голосами, будучи уже совершенно на взводе.

Хозяин метался между ними и стойкой, как и подавальщицы, так что нашего ухода никто не заметил, и мы легко выскользнули в ночную тьму.

После довольно яркого света гостиницы на улице было, как говорится, хоть глаз выколи – темень необычайная. Впрочем, минут через пятнадцать мы уже спокойно ориентировались – в свете луны, проглядывавшей сквозь облака. («Интересно, – подумал я, – это та луна или нет?») Кроме того, кое-где светились окна, что добавляло света на улицы.

Непонятно только, почему они не освещают улицы, мелькнула в голове мысль и тут же исчезла – ну не освещают и не освещают, нечего забивать голову глупыми сторонними мыслями.

Наши шаги глухо звучали в тишине, и эхо их терялось в придорожных кустах... людей на улицах было мало, практически не видно – в такое позднее время и в российских городах, в не очень благополучных районах, людей особенно-то и не увидишь, ну а тут, скорее всего, ложились рано, вставали тоже рано – телевизора нет, чего сидеть весь вечер в потемках? Только запоздавшие гуляки да случайные прохожие оживляли тишину ночного города.

– Лен, иди вперед, в пределах видимости, я страхую сзади. Все как обычно. Только не убиваем, не забудь, надо дойти до верхушки.

– Поняла. Сам посматривай сзади. А то по башке дадут, и поминай как звали...

Мы разделились и пошли порознь – Заря впереди, метрах в ста от меня, я сзади, прячась в тени домов, крадась мимо заборов и окон. Около получаса ничего не происходило – пока мы не свернули на какую-то боковую улицу.

На минуту Лена исчезла из виду, а когда я тоже завернул за угол и поймал ее взглядом, события были в разгаре: группа из четырех мужчин зажала ее у стены дома, окружив полукругом, и я подоспел как раз в тот момент, когда один из них на удивление чистым и звонким голосом спрашивал:

– Ну что, паренек, так отдашь кошелек или вместе с жизнью? Чего молчишь-то?

– А он немой, – с насмешкой сказал я, появляясь сзади. – Эй, парень, отстань от нее, поговорить надо!

– От нее? – удивился бандит. – О Ахриман! И правда, это же девка! О-о-о! Интересно! Может, ее в бордель продать, а, парни? Слышь, ты, придурок, отвали отсюда, пока кишки не выпустили! Это не твое дело!

– Это моя жена, болван! И если ты сейчас не отпустишь ее и не выслушаешь меня, ты умрешь. Еще

раз – если у тебя есть что-то в голове, подожди со своим грабежом, выслушай! Мне нужен твой главарь, поговорить с ним, я не хочу причинить тебе неприятностей!

– Всем нужен главарь, – усмехнулся бандит. – Парни, валите его!

– Стой, как там тебя! – Я сделал шаг назад и изготвился к драке. – Я не хочу никому причинить зла! У меня к вашему главарю выгодное предложение, остановись!

– Карзан, может, он и правда что-то имеет к Старику? Выслушаем его?

– Чего вы рассуждаете! Я сказал, валите его, и все тут! – Бандит достал нож и бросился на меня.

Пропустив удар мимо себя и кулаком отшвырнув нападавшего к стене дома, я набросил на него «слизняк» и отступил в сторону.

– Повторяю: парни, остановитесь! Не слушайте его! Я имею дело к вашему Старику! – Я произнес Слово и двинул пальцами, сделав Знак огня, – над головой загорелся яркий фонарь-сфера, и бандиты в страхе отступили.

– Гаур! Гаур! Карзан, надо его к Старику, пусть поговорит!

Скрючившийся предводитель с наброшенным «слизняком» разогнулся, отдышался после моего удара и с неудовольствием сказал:

– Хорошо! Только глаза завяжу, чтобы не видели, куда веду!

– Ничего подобного! – решительно возразил я. – Раньше надо было! А теперь на тебе сидит амгур, и если ты, придурок, не отведешь меня к своему главарю, сгниешь живо, червь тупой! Никогда тебе не быть главарем банды, потому что ты тупая скотина, не понимающая, когда надо выслушать, а когда достать свой дебильный ножик! Веди давай, тупица! Да, я гаур, и жена моя гаур, и мы не будем больше ждать!

– Пошли, – угрюмо буркнул посрамленный на глазах своих товарищей бандит.

Подумалось – вот так и наживают себе врагов. Ну а что было делать? Кто виноват, что эта дубина отказалась выслушать?

Бандит шел впереди, мы с Леной за ним, а остальные бандиты, перешептываясь и поглядывая по сторонам, сопровождали нас. Сферу над головой я уже уничтожил, так что ориентировались теперь только в свете луны.

Шли мы около получаса, заходя все глубже и глубже в какие-то тущобы, еще минут через пять мы оказались у стертых каменных ступеней, которые вели в полуподвальное помещение. Бандит остановился и, глядя на нас, напряженно сказал:

– Вы понимаете, что, если сейчас вы сюда войдете и не договоритесь со Стариком, больше отсюда не выйдете? Есть еще время расстаться – вы снимаете с меня амгура, а я забываю о вашем существовании. Да, было глупо нападать на вас, но кто знал, что вы гауры? Может, примете мои извинения, и мы расстанемся?

– Примем, – усмехнулся я, – после того как поговорим с твоим главарем. Веди, не трать время.

– Ну хорошо, ждите здесь. Я должен объявиться ему, иначе никого не впустят.

Бандит спустился по лестнице и исчез, а мы замерли в тревожном ожидании – Лена прижалась ко мне сбоку, встав вполоборота, готовая к любым неожиданностям, как и я. Наконец бандит появился, махнул рукой:

– Пошли! Вас приглашают!

Мы сошли по крутой лестнице вниз, ниже уровня земли – здесь было прохладно и немного пахло

землей и почему-то вином. Подумалось – может, где-то рядом винный погребок? Впрочем, скоро я выбросил эти мысли из головы – не о том надо думать.

Тихо сказал Лене:

– Если что, сразу бери главаря под контроль. В разговор пока не вмешивайся, никаких действий не предпринимай. Меня сейчас трудно убить – я «слизняк» прицепил.

– Поняла. Сделаю, не беспокойся. Это я на Карзана надавила, а то бы долго пришлось дожидаться, когда он нас ответит...

Длинный коридор, сложенный из обожженного красного кирпича, привел нас к двери, окованной бронзовыми пластинами, провожатый ударил в нее кулаком, в определенном ритме, и массивная деревянная створка без скрипа открылась, как бы приглашая нас внутрь.

Бандит-провожатый сделал приглашающий жест рукой, предлагая войти, я в ответ махнул ему, чтобы он шел первым, – мало ли что там за дверью?

Он пожал плечами и вошел, мы за ним. За дверью оказался еще коридор, метров десяти длиной, заканчивающийся тремя дверями – направо, налево и прямо.

Я усмехнулся. Налево пойдешь – коня потеряешь. Прямо пойдешь – чего-то там еще потеряешь... В общем, везде чего-то потеряешь.

Терять нам было особо нечего, так что я решительно шагнул в правую дверь, куда, постучав, нырнул наш провожатый.

Большая комната площадью метров сорок, можно сказать, зал. В центре длинный стол темного полированного дерева, вокруг стола такие же массивные деревянные стулья. На стенах светильники – обычные, масляные, и выше по деревянной же стене следы копоти. В торце стола трое людей – двое сидят к нам боком и разглядывают нас вполоборота, один в тени, лицом к нам, низко наклонив голову и как будто рассматривая узоры на столешнице.

– Вот они, гауры! – объявил наш провожатый. – Говорят, есть предложение к Старику!

Сделав свое заявление, он отошел в сторонку и прислонился плечом к стене, подпирая ее так, будто боялся, что она упадет.

– Карзан, можешь идти, ты свое дело сделал. Я учту твою услугу! – Низкий голос сидящего с опущенной головой мужчины рассек наступившую тишину.

Карзан скривился, но молча вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

– Кто вы такие? – Низкий голос был сух и холоден. – Зачем искали встречи со мной? У меня нет дел с гаурами Храма! Вы понимаете, что теперь уйти отсюда для вас будет проблематично? Заинтересуйте меня, если хотите жить!

Мужчина поднял глаза от стола, и я увидел, что он наполовину слеп – левый его глаз закрывало бельмо, мутным белым пятном затянувшее зрачок и все остальное – видимо, результат ранения, так как через его бровь проходил огромный шрам, теряющийся за ухом. Здоровый глаз смотрел безжалостно, как в прицел снайперской винтовки, чуть прищурившись, и было видно, что этот человек действительно облечен властью и знает, что говорит. На вид ему было около пятидесяти – пятидесяти пяти лет, он был коротко стрижен, а на голове виднелись проплешины от шрамов. «Крепко ему досталось когда-то, сразу видать! – подумал я. – Может, вояка бывший?» В любом случае, это человек облеченный властью, что мне и было нужно.

– Меня звать Сергатар, а это моя жена Лилин. Нам нужна помощь, и мы готовы ее оплатить. Мы

гауры.

– Хм... о том, что вы гауры, мне сказали, только что делают гауры здесь, в подземелье, вместо того чтобы лежать на своих мягких перинах где-нибудь в Сантаре? Зачем вы пришли сюда?

– Я уже сказал – за помощью! Я что, недостаточно четко выразил свои мысли?

– Не кажется ли тебе, что для человека, просящего помощи, ты нагловат?

– А я не просто человек. И не попрошайка – я готов оплатить помощь своими услугами! Вы же, вместо того чтобы спокойно поговорить, начинаете угрожать. Это как? Мне сказали, что вы влиятельный человек... – Соврал! Никто ни черта мне не говорил, но подсластить стоило. – А ведете себя, как Карзан! Я удивлен.

– Ну каков наглец! – усмехнулся одноглазый. – Да ты шагу не успеешь сделать, как тебя наспигуют стрелами! Видишь вон отдушины? Там стоят стрелки наготове. Как только ты сделаешь резкое движение или создашь какое-то колдовство, ты умрешь. Впрочем, частично ты прав – все-таки ты же не обычный человек, а гаур, я выслушаю тебя. Присаживайся к столу со своей женой, выкладывай, что у тебя ко мне. Подальше, подальше садись, вон на тот конец стола напротив – мне как-то спокойнее будет. И еще раз: не делай резких движений и не сокращай дистанцию.

Мы с Леной прошли за стол и сели напротив Старика. Он еще раз внимательно осмотрел нас своим единственным глазом и сказал:

– Ну так я слушаю!

– Скажите, а почему вам не вылечили глаз? – неожиданно спросила Лена.

Старик удивленно моргнул, его приближенные приподняли брови в удивлении, а я замер, приготовившись к самому худшему, – вот женщины, умеют же задать вопросец!

– Вылечить его возможно, только если подключить меня к амгуру, так мне сказали лекари. Однако у нас нет гауров, которые могут пускать амгуров, а обращаться в Храм мне нельзя, я в розыске, и если меня поймут – казнят. Все гауры, умеющие делать амгуров, на учете у Храма, и они ни за какие деньги без разрешения верховного жреца это не сделают, под страхом смерти. Я удовлетворил ваше любопытство или еще что-то хотите услышать, дама в мужской одежде? Может, вам рассказать еще, где я храню деньги? Или как предпочитаю спать со своими женщинами, в какой позе?

Старик неожиданно рассмеялся, гулко бухая, как в бочку, ему вторили остальные бандиты, и с минуту не было слышно ничего, кроме их смеха и скрипа ножек стульев по полу.

– Я неспроста спросила – мой муж умеет пускать амгуров, и он не состоит на учете у Храма. Более того, мы в розыске, как и вы, и если нас поймут – мы погибнем. Мы просим убежища, а за это готовы помочь вам всем, чем можем. Мы не до конца обученные гауры, но можем многое, недоступное обычному человеку. Кстати сказать, может, мы поговорим наедине? Попросим этих господ удалиться?

– Господ тут нет, – усмехнулся Старик, – это мои... хм... компаньоны, они в курсе моих дел, пусть сидят. Вы действительно умеете выпускать амгуров?

– Я – нет. Мой муж может. Но только не умеет передать нить от амгура другому человеку. Нас не обучали этому, он самоучка.

– Как такое может быть? Всех умеющих это делать с младенческого возраста прибирают к рукам жрецы! Как он мог остаться незамеченным Храмом? Что-то мне не верится в это... вы лжете. Спрашивается – зачем? Чтобы втереться в доверие, обмануть меня? Говорите, зачем вы лжете?

Голос Старика стал резким, угрожающим, и в воздухе отчетливо запахло грозой. Подумав, я встал с

места и быстро шагнул к Старику, как будто пытаюсь на него напасть.

Тренькнула тетива, Лена ойкнула, и у меня из груди словно выросли три оперенные стрелы.

Больно не было, только как будто ожог, да еще такое впечатление, точно кто-то врезал мне палкой поперек грудной клетки.

Я сморщился, вырвал одну стрелу, потом вторую, третья застряла и никак не хотела вылезать – руки скользили по гладкому, смазанному моей кровью дереву. Наконец и она сдалась.

Сплюнул кровью на пол, затем скинул куртку, содрал с себя рубаху и сказал:

– Смотрите сюда! Видите шрамы? Они уже затягиваются, исчезают. А там за дверью, скорее всего, валяется ваш Карзан и умирает. Вы вынудили меня доказать мои слова действием – что ж, я доказал. Прежде чем идти к вам, я накинул амгура на Карзана, и теперь он сосет из него жизнь. Это достаточное доказательство того, что мы не обманываем вас?

Старик ошеломленно смотрел на мой голый торс, измазанный кровью, с почти незаметными следами ран, потом взял в себя в руки, выдохнул и расслабился в кресле.

– Это меняет дело. Очень даже меняет... нам надо подумать, обсудить. Оденься и пройди вместе с женой в комнату направо. Мисквал, проводи их и скорее возвращайся – тема интересная, надо обсудить. Стой, гаур. Скажи, а ты что-то еще умеешь, кроме как выпускать амгуров? Какими еще умениями обладаешь? Жена твоя что умеет?

– Жена – ментат. Может внушать. Я могу видеть картинки, коснувшись человека, правда – нерегулярно и часто не по своему желанию. Мы же сказали, нас никто не учил.

– Хорошо. Идите, мы вас позовем. Не бойтесь, вас никто не тронет.

Я натянул на себя испачканную кровью и дырявую одежду и следом за одним из мужчин, ранее сидевших рядом с главой бандитов, вышел в коридор.

У дверей в комнату сидел, прислонившись к стене, Карзан, он был на последнем издыхании – три стрелы, которые должны были убить меня, убили его.

Я коснулся моего «слизня» и снял его с Карзана. Тот ничего не почувствовал, бело-синий и покрытый язвами полутруп.

Честно говоря, мне не было его жалко. Одним моральным уродом на улицах станет меньше, тем более что он был наглым идиотом и чуть не убил меня... вернее – хотел убить. Наш провожатый покосился на умирающего и буркнул:

– Он всегда был болваном... но я бы никому не хотел такой смерти. Сюда заходите!

Мы переступили порог. Это было что-то вроде комнаты отдыха – гостиная, за арочным проемом виднелась большая кровать. В центре гостиной – стол, уставленный закусками и бутылками с вином. В стеклянном графине синего цвета была налита какая-то жидкость – может, спиртное, может, вода. Впрочем, подобных графинов на столе было несколько, разного цвета и разной формы – вполне себе красивое зрелище.

Я сразу почувствовал, как у меня пересохло в горле, и очень захотелось пить – видимо, организм хотел восстановиться после нанесенных ему ранений.

Провожатый кивнул:

– Присаживайтесь. Ешьте, пейте что хотите, мы вас вызовем.

Он повернулся и распахнул дверь, а я успел кинуть ему вслед «слизня», вцепившегося прямо в

затылок. Мужчина вздрогнул, видимо почувствовав что-то, приостановился было, но передумал и прикрыл дверь.

– Серега, ну ты и придурок! – сказала по-русски Лена и врезала мне ногой по голени – довольно больно, у меня аж искры из глаз посыпались. – Ты чего творишь?! А если бы они в голову тебе целили? А если бы этот придурок сдох раньше, чем ты успел бы восстановиться? Ты представляешь, что бы тут было?

– Ну а ты на что? – усмехнулся я, потирая ушибленную ногу. – Взяла бы их под контроль, и все!

– Хочу тебя расстроить – пробовала, не пробиваю. Похоже, у них стоят какие-то ментальные блоки против внушения. Вот так-то! Фактически я осталась бы одна, беззащитная девушка в чужом вражеском гнезде! Изверг!

– Это ты-то беззащитная? – не удержался я и заржал в голос. – Да ты бы их поубивала за пять секунд голыми руками! Я что, забыл, как ты гопников мочила? Лен, ну хорошо играть овечку! Ты волчица та еще, а не овечка!

– Все равно дурак! Можно было как-то более разумно это сделать – попросить кого-то тебя порезать или ткнуть чем-то, но не вызывать же огонь трех лучников на себя! Ты сумасшедший!

– Есть немного, – признался я. – Хотелось эффектнее все продемонстрировать, вот и увлекся. Извини, и правда глупо вышло. Надеюсь, не напугал тебя?

– Ну конечно – не напугал! Я чуть в штаны не наделала, думала, тебя завалили! Вот все-таки ты черт! Давай вон пей, ешь, пока время есть. Восстанавливай силы!

– Да, налей, пожалуйста, чего-нибудь попить – только не вина, не хочу быть пьяным. Кстати, интересно, а «слизняк» убирает действие вина? Он же может воспринимать алкоголь как отравление!

– Не знаю. Ты что, успел кинуть «слизня» на того мужика? Ну ты даешь... а если узнают?

– А он и узнал – я видел, как он хотел что-то сказать, да передумал. Не думаю, что они тут дураки, а мне нужна страховка на тот случай, если они чего-то задумают, чего-то нехорошее – тогда лишатся одного из своих командиров.

– Так-то оно так... да одно дело «слизня» на обычного уличного бандита, и другое – на местного авторитета... Я даже не знаю, чем это закончится!

– Да ничем! – отмахнулся я, прожевав дольку какого-то местного фрукта. – Возьми вот эту штуку – чем-то напоминает персик, но вкус другой. Сочный очень – вкуснота! Ничем не кончится, они же не идиоты, чтобы возбухать из-за этого, сниму потом «слизня», и все. Давай ешь, а то сиськи не вырастут!

– Тьфу на тебя! – оскорбилась Лена. – У меня что, сиськи плохие?! Не надо мне больше! А не нравятся – ищи себе корову с выменем!

– Это я так, пошутил типа, фонтан искрометного юмора! Очень даже классные у тебя сиськи, не переживай. Жуй, жуй, глотай, это волшебное слово – халява!

Так, перебрасываясь ничего не значащими фразами и шутками, мы просидели минут двадцать, пока снова не открылась дверь и знакомый мужик не предложил нам снова пойти в зал к Старику. Мы поднялись и не мешкая пошли за ним.

– Ну что, мы приняли предварительное решение, но должны разъяснить еще пару вопросов, которые так и остались без ответа: кто вы и почему Храм вас разыскивает? Мы как-то это не выяснили сразу, вот теперь развеим туман. Ну так что?

Я помолчал, потом набрал воздуха в грудь и решился:

– Мы не с этой Земли. Мы из другого мира, из-за портала. Попали сюда случайно. Храм узнал об этом от одного доносчика, некоего Арданана, и выслал за нами стражу. Мы сбежали. Вот теперь у вас.

Неожиданно Старик рассмеялся:

– Хе-хе-хе, слуги Ахримана! Храм все время нам талдычит, что на той стороне живут только слуги Ахримана, демоны! Вот теперь понятно, как это вы тут оказались такие гауры, но не совсем гауры. Первый раз вижу людей оттуда! Впрочем, возможно, и храмовники тоже их давненько не видели. Говорят, раз лет в пятьдесят – сто сюда выбрасывает кого-нибудь из портала, но они быстро с ним разбираются. Слухи ходили – последнего поджарили в быке, когда он пытался организовать крестьян и поднять какой-то бунт по свержению Храма... надеюсь, у вас нет таких дурацких мыслей? Нет? Это хорошо. А Арданана вашего я знаю, вернее, слышал о нем – мы ему поставляли молоденьких мальчиков, а он, болван, попался на том, что спал с сыном одного из жрецов Храма, да еще и не последних – приближенного верховного жреца Аргунака. Гнилой старикан был, но денег нам хорошо приносил. Вот ведь надоумил его Ахриман соблазнить жреческого пацана! Столько денег пропало! Идиот... надеюсь, вы отправили его грязную душу к Ахриману.

Выслушав эту длинную тираду, я подумал: «Интересно, кто грязнее и кто больше служит Ахриману – Арданан, любитель мальчиков, или вы, поставляющие их Арданану? Противно. Только и деваться некуда – я что, ожидал, тут сидят матери Терезы? Знал, на что иду... а все равно противно!»

Старик продолжал:

– В общем, так: мы согласны взять вас под защиту. За это вы обучитесь умению гауров, насколько сможете, и поможете нам – мне лично – вылечиться, поможете нам в нашей нелегкой работе, за это будете получать жалованье, а также жилье. Кроме того, будут премиальные – по результатам работы.

– Какой работы-то? – не выдержала Лена. – На улице пьяных по башке бить? Давайте уточним наши обязанности!

– Узнаю женскую руку, – искренне рассмеялся Старик, – вот и моя жена вредная, как Ахриман! Ну ничего не может сказать без того, чтобы не укусить! Нет, ваша работа – волшебство. Но прежде тебя, парень, надо научить перевязывать амгуров с себя на другого хозяина. Как научить? Мы подумали и другого пути, как учиться по записям, не увидели. То есть мы предоставим вам таблички, написанные учеными, там есть все об амгурах, о том, как их пускать и снимать, как перекидывать их с себя на другого человека. А как научишься это делать – вылечишь меня. И того, кого я скажу. Согласен? Сразу добавлю – ты будешь иметь тридцать процентов того, что я возьму с человека за лечение амгуром.

– Пятьдесят, – невозмутимо сказал я. – Пятьдесят.

– Сорок, и по рукам! Не забывай, что мы еще предоставим тебе защиту, клиентов, а про обучение забыл? Думаешь, так просто добыть скрижали из Храмовой библиотеки? За одно это могут в быке поджарить!

– Ладно, сорок так сорок. Только вот еще что... мы не собираемся сидеть все время в подвале, нам как-то надо легализоваться, например, лавку какую-то открыть, или знахарями заделаться, или то и другое вместе. Для этого нужен официальный статус, а мы нигде не записаны, ни в каких храмовых регистрационных табличках.

– Само собой, сделаем. И табличку, удостоверяющую личность, с печатью Храма вам добудем! Можно лавку по торговле снадобьями открыть. Вот и будет повод, чтобы к вам приходили клиенты! Завтра же подберем нужную лавку – их нередко продают, и вы там поселитесь. И кстати, снимите-ка амгура с моего приятеля Мисквала – он не любит, когда из него сосут жизнь. – Старик подмигнул, а Мисквал

враждебно посмотрел на меня и подошел ближе.

Коснувшись, я уничтожил «слизня», и Мисквал облегченно вздохнул, сказав:

– Отвратительно! Такое ощущение было, будто в меня врезалась карета! Как будто побывал под колесами – аж трясется все. Еще кинешь на меня амгура – удавлю!

– А успеешь? – хмыкнул я. – Лучше не грози...

Мисквал опасливо взглянул на меня – видимо, вспомнил покрытого язвами умирающего Карзана – и сел на свое место за столом.

Старик слегка усмехнулся, расшифровав испуг подчиненного, и сказал:

– Вы где сейчас остановились, чтобы вас найти завтра? «Черная овца»? Знаю такое место – хозяин заведения наш человек, у нас под охраной. Идите в гостиницу, отдыхайте, вечером снова увидимся, к тому времени, думаю, мы все решим. Кстати сказать, вам не дать ли охрану до гостиницы? Мало ли что по дороге случится! И еще – я поставлю охрану у этой харчевни, пусть ребята поглядывают за обстановкой вокруг, если что тревожное заметят – вас предупредят.

– Спасибо, но мы сами доберемся, – ответил я Старику. – Ну а если кто и нападет, пусть пеняет на себя, мы не овцы, и даже не черные. В общем, мы пошли отдыхать, надеюсь, что мы обо все договорились.

– Да, договорились. Я рад, что вы пришли ко мне. Я человек жесткий, но справедливый – если будете вести себя так, как мы с вами договорились, будете есть и пить на золоте, и никто вас в этом городе не тронет. Прощайте, до вечера. Проводи их до выхода, Мисквал.

В гостинице мы оказались через час и вполне без приключений – тихо и мирно погуляли по улицам, дыша свежим ночным воздухом, очистившись от дневной пыли, дошли до гостиницы – дверь была уже заперта, время было часа три ночи, не меньше, – и постучали.

Открыл нам сам трактирщик, заспанный и очень удивленный.

– Разве вы не в своей комнате? А я думал, вы там! Когда же вы успели уйти?! Проходите скорее, а то сейчас комары налетят на свет! Ужинать будете? Нет? А! Я и забыл, вы там в номер всякой всячины набрали. Ну спокойной ночи вам, господа, а я спать... – Трактирщик зашлепал босыми ногами по полу и удалился, почесываясь.

Мы переглянулись и, не удержавшись, приснули со смеху – мужик выглядел так забавно в своей длинной ночной рубахе и колпаке на голове – ну просто персонаж из диснеевских сказок, гном-переросток.

Все еще продолжая смеяться, взбежали на второй этаж, отперли бронзовым ключом какой-то сложный замок, сыгравший при открытии что-то вроде мелодии, и ввалились в номер – сегодняшняя очень важная задача была решена, пора расслабиться и отдохнуть...

После того как мы как следует повалились и покувыркались на постели, Лена, положив голову мне на плечо, спросила:

– Как думаешь, почему они так легко пошли на сотрудничество? Ведь и они могли прельститься наградой Храма! Почему они не сдали нас?

– Ну, о том, что они не сдали, еще говорить рано – будем настороже, не забывай Арданана. А то, что они легко пошли на сотрудничество... так деньги же! Вспомни, что говорил Арданан. Двести золотых сиклей за накидывание амгура – это ли не достойная плата! Кстати сказать, мы будем иметь сорок процентов от этого, неплохо, да?

– Если забыть, что ты ведь на кого-то будешь накидывать этого амгура, не думал над этим? Ты же

всегда относился с отвращением к этим «слизнякам», забирающим жизнь у людей, а теперь сам будешь этим заниматься?

– Слушай, я и правда как-то не подумал об этом, для меня было главным наше выживание, я готов был обещать что угодно... Давай так сделаем: я поставлю им условия, ограничивающие использование амгуров, например, только на того человека, который на это согласится, и только на время, пока больной не вылечится, а потом снимать «слизня»! Как-то так вот... И еще – тянуть обучение как можно дольше. Узнаю о природе амгуров, узнаю, как их отправляют, снимают, как отправляют в портал – а там можно думать уже, как свалить из этого мира.

– Да, это дельно... – задумчиво протянула Лена. – Ты у меня не такой дурак, как мне показалось сегодня ночью в кабинете Старика! – Она хихикнула и чмокнула меня в губы.

Через полчаса мы уже крепко спали, усталые и удовлетворенные.

Глава 10

Утром мы решили пойти на рынок и одеться – сбросить наконец чужие обноски с дырками и следами крови, да и Лене надо было купить женскую одежду, не ходить же ей все время в мужской.

Я обратился к трактирщику, неизменно стоящему на своем месте у стойки и совершавшему ритуал всех барменов во всех мирах – круговыми движениями замороженно протиравшему кружки и стаканы, – и попросил послать за Гарсугом, поскольку с его помощью проще найти в городе нужное место.

Через минут десять Гарсуг уже стоял перед нами, как всегда невозмутимый, зыркающий зелеными глазами исподлобья.

– Гарсуг, ты знаешь, где тут рынок? Или лавки с одеждой? Отведи нас туда.

– Хорошо. Идемте за мной.

Гарсуг выскользнул из гостиницы и зашагал по улице в сторону центра, мы постарались не отставать от него – волколак шагал быстро, легко, будто скользя над мостовой, как настоящий волк.

– Гарсуг, а что там за помещение, где живут волколаки при гостинице?

– Обычное помещение, – пожал плечами он, – комнаты на пять волколаков, лежанки, стол, стулья. Крыша над головой.

– А где они кормятся, те волколаки, что живут в этой комнате?

– Хозяйева присылают еды, трактир выдает мяса. Нормально, жить можно.

– Ничего, скоро мы в своем доме будем жить, заберем тебя к себе.

– Да я в общем-то не переживаю, что волколаков не селят с людьми, – неожиданно пронизательно сказал Гарсуг, – я привык уже, с детства. Так что не расстраивайтесь.

– А ты не думал уйти от людей, Гарсуг? – спросила Лена. – Зачем тебе работать на них? Не думал вернуться к своим?

Гарсуг усмехнулся, обнажив крупные белые клыки:

– А куда к своим? У меня тут все свои. Я ничего не знаю об их жизни, привык к другой – что я буду делать в лесу, среди волколаков? Да и ушли они от людей... с людьми всегда было так: или подчиняешься, или тебя убивают. Много волколаков погибло, пока они не поняли этого.

– Далеко идти до рынка? – Я решил сменить неприятную тему. – Уже минут сорок тащимся, и все никак не дойдем!

– Еще столько же, – пожал плечами волколак. – А может, лучше нанять экипаж?

– Конечно, нанять! – с жаром сказала Лена. – Только где тут они, эти Ахримановы возчики?!

– Сейчас найду, – усмехнулся Гарсуг и, как лошадь, галопом понесся за угол, поднимая пыль и оставляя на пыльных плитах дороги царапины от мощных когтей.

– Скорость видала? То-то он успел добежать до города и вернуться за один день. Как это они людям поддались, непонятно! Это же совершеннейшая убойная машина!

– Люди всегда хитрее и коварнее, чем любое другое существо. Потому, наверное, и выжили в процессе эволюции... Ну слава богу, вроде поймал извозчика. Ноги уже отваливаются в этих башмаках! Они на два размера больше, чем мне нужно!

Три минуты торга с ушлым извозчиком – и мы уже сидели на скамейке в экипаже и наслаждались отдыхом. Гарсуг пристроился на облучке, рядом с водилой.

Справа и слева медленно проплывали дома, люди, идущие по своим делам, крытые и открытые экипажи, мало чем отличающиеся от того, что я видел на картинках в книгах про Средние века или дореволюционное время.

Архитектура города была специфической, преобладали дома с плоской, слегка покатой крышей, они стояли в каком-то определенном порядке – я заметил, что улицы города изгибаются, и понял: все дома расположены концентрическими кругами. Но не все улицы изгибались, часть были радиальными и пересекали эти круги – прямые как стрела. Подумал: «Вот результат консерватизма в строительстве – предки этих людей строили круглые, как Аркаим, города-государства, вот и потомки не отказались от такой практики». Кстати, для обороны это довольно удобно – если враг войдет в город, то по плоским крышам легче перемещаться и осыпать агрессоров смертоносными стрелами. Было бы еще удобнее, если бы улицы закручивались как-нибудь по спирали, но как тогда передвигаться людям? Вот и появились радиальные улицы, рассекающие кварталы, как ножом.

Народ на улицах, если их одеть в земные одежды и убрать конные экипажи, ничем не отличался от земных людей – ни поведением, ни внешностью. Длинноносые, с вытянутым черепом, довольно высокие, с белой или смуглой кожей, они спешили куда-то по своим делам, разговаривали, смеялись, ругались и обнимались – все как обычно.

В толпе резко выделялись редкие жрецы Храма, одетые в красные, алые с золотом одежды, с лысыми, как коленка, головами. Они важно шествовали по улице, и люди благоговейно перед ними расступались, как льды перед атомными ледоколами. Сразу было видно, кто хозяева здешней жизни.

Кое-где виднелись патрули – стражники прохаживались по тротуарам и важно оглядывали прохожих, всем видом показывая: если вас еще не разоблачили, это просто наша недоработка, гуляйте, пока дают!

Базар открылся как-то неожиданно – это была огромная круглая площадь, центр которой был свободен и, похоже, использовался для каких-то обрядов или массовых гуляний. Впрочем, я сразу заметил, какие там гулянья и обряды совершались. Посреди площади стоял огромный медный бык с закоптелым брюхом, под ним были сложены дрова, как напоминание всем жителям этого государства: вот ваше будущее, если вы... ну и так далее. Тут же стоял помост, видимо, с него выступали экзекуторы или кто там еще, на нем, возможно, и публично казнили – никто ничего нового не придумал с тех пор, как зародился человек и вышел из пещер. Власть и ее кары всегда следуют друг за другом через тысячелетия.

Мои мысли прервала Лена, легонько ткнувшая меня в бок:

– Ты в курсе, что за нами следят? Ведут от самой гостиницы...

– В курсе. Трое якобы празднующихся парней – когда мы взяли пролетку, они заметались и отстали, потом нагнали. Видимо, соглядатаи Старика. Пусть себе следят, наплевать. Ты лучше присматривайся, как тут женщины одеты, что тебе лучше купить! Не хочу, чтобы моя жена выглядела как замарашка!

– А ты смотри, как мужчины одеты, не хочу, чтобы мой муж выглядел как гопник, – со смехом парировала Лена. – Гарсуг, ты в курсе, где тут самые лучшие лавки с одеждой? Гулять так гулять!

– Мы сойдем на базаре, там всяких лавок много, можно что угодно найти, не переживайте, – осклабился в улыбке волколак. – Только карманы берегите – вмиг срежут кошелек, народ тут шустрый!

Над базаром стоял чад – дымили жаровни с углями, на которых поджаривали колбаски, куски мяса, рыбу, и мне сразу захотелось что-нибудь съесть, как сказал один персонаж из фильма: «Иногда так и

хочется съесть какую-нибудь гадость! Чебурек, сосиску в тесте, а вот еще – беляш, промаааасленный такой!» Вот и мне сразу захотелось съесть кусок непонятного мяса, истекающий каплями сока на решетке жаровни, и лишь увещевания Лены да замечание Гарсуга, что пахнет от этого мяса совсем не олениной, заставили меня отказаться от злостного намерения.

Глотая слюни и конвоируемый своей подругой, отвернувшись от соблазнительных угощений уличных торговцев, я последовал за волколаком к ближайшей лавке, торгующей одеждой.

Как оказалось, все одежные лавки были разделены на мужские и женские. Ну это и понятно – мужчинам стремно толкаться среди женских нижних юбок, выбирая себе штаны, ну а женщинам – копаться в мужском барахле, так что пришлось вначале зайти в мужскую лавку.

Через полчаса примерки, торга, причитаний владельца лавки, как всегда заламывающего руки и кричащего, что он все отдал даром и совершенно разорен, мы приобрели для меня три комплекта одежды – белье, рубахи, штаны ну и так далее, что положено настоящему мужчине, купили две приличные замшевые куртки. Обуви в этой лавке не было, так что пришлось идти в следующую лавку.

Тюк с вещами тащил Гарсуг – мы заранее купили здоровенный выучный мешок, куда и сложили свои покупки.

Волколак сам вызывался тащить мешок – для него, при его силе, это не было затруднительно... если только морально? Впрочем, он никогда не выказывал своего недовольства положением раба, относясь к этому философски – ну да, вот так, такая жизнь, что поделаешь? Скорее, мы с Леной больше комплексовали по поводу его рабства, чем он сам.

Быть рабовладельцами оказалось не очень приятно для современного человека. Чтобы не заморачиваться мыслями о подобном, я запретил себе думать об этом и решил воспринимать волколака просто как сотрудника, подчиненного, стоящего чуть ниже на социальной или карьерной лестнице.

Следующей по пути была лавка с женской одеждой. Поиски и торг заняли тут гораздо больше времени – остановить Лену я смог только тогда, когда сказал, что потом мы купим ей гораздо лучшие шмотки, пусть пока просто наберет самого необходимого, и все, хватит!

Необходимым оказался огромный тюк шмотья, под которым еле видно было волколака.

При посещении лавки с обувью пришлось Гарсуга оставить на улице – с таким тюком протиснуться в дверь было проблематично.

Выбрав за какие-то полчаса три пары обуви себе, я все-таки сумел оттащить Лену от примерки различных туфель, башмаков, мокасин и черт знает чего – от сандалий до сапог, расплатился с хозяином и вышел из лавки, сопровождаемый бормочущей какие-то туманные угрозы и проклятия подругой, оторванной от самого важного в жизни дела – примерки нового барахла.

Не обращая внимания на ее выступления, я потянулся, и тут же какой-то случайный прохожий врезался в меня так, что я чуть не потерял равновесие. Я выругался, автоматически потер грудь, где под рубахой висел на веревочке кошель с монетами и некоторыми драгоценностями, что мы собирались продать ювелиру, и обнаружил наличие отсутствия – кожаная веревочка кошелька была перерезана острым лезвием так ловко, что я даже этого не заметил и не ощутил.

Бросив тючок с обувью Лене, я приказал:

– Жди здесь! Нас обнесли! – и бросился за мелькающей в толпе спиной человека, толкнувшего меня у дверей лавки.

Через минуту я почти нагнал его, ловко лавирующего между рядами, когда он заметил опасность и со

всех ног бросился бежать, опрокидывая по дороге тележки и прилавки, чтобы затруднить мне погоню.

Люди вокруг кричали, стояли ругань и визг, а воришка бежал настолько быстро, что я никак не мог его поймать, несмотря на то что прилагал для этого все усилия.

Скоро базар остался позади, и я выскочил за преследуемым в боковую улочку, или скорее переулок, заставленный здоровенными повозками, груженными мешками, которые носили обнаженные по пояс грузчики с мускулистыми торсами.

Воришка ловко проскочил между ними, бросился бежать дальше, завернул за угол серого дома с ободранными ставнями, я за ним... и чуть не врезался в группу парней, человек семь, полукругом прикрывавших тяжело дышащего вора, прижавшегося к стене. Вор указал пальцем на меня и противным, гнусавым голосом запричитал:

– Парни, он ко мне пристаёт! Гонится за мной от самого базара! Ненормальный какой-то!

– Слышь, ты, придурок! – угрожающе наклонив голову, шагнул ко мне один из парней. – Вали отсюда, пока башку не оторвали! Чего к пареньку пристал, извращенец? Что, на сладенькое потянуло, козел безрогий?!

– Слышь, ты, урод, как ты смеешь незнакомого человека оскорблять, а? – с полуоборота завелся я. – Пусть твой козленыш вернет мне кошелек, и разойдемся по-мирному, иначе будет плохо!

– Ты еще и выступаешь, дерьмо ты эдакое! Ну ты сам виноват! – Рука бандита метнулась за отворот куртки, и в ней оказался небольшой темный нож с узким лезвием.

Ситуация была, конечно, не та, чтобы раздумывать над посторонними вещами, но я автоматически отметил: «Лезвие темное – неужели железо? А как же запреты жрецов? Или это черная бронза?»

Впрочем, скоро эти мысли вылетели из головы.

Все, что я успел сделать, – набросил амгура на воришку на всякий случай и тут же парировал выпад руки с ножом.

Нож, звеня, покатился по мостовой, а парень упал с перебитой гортанью, дергаясь и хрипя на земле, – в этот раз мне не было нужды сохранять им жизнь.

Оставшиеся шестеро секунду ошеломленно смотрели на результат нападения их вожака на залетного лоха, потом как по команде выхватили кто чего – ножи, кастеты, один даже размахивал кистенем, вращающимся на небольшой цепочке, – и набросились на меня.

Я бил от души, наповал, как будто мстя за все волнения и неприятности последних дней. Первым упал тот, что с кистенем, когда попытался врезать мне по макушке, потерял равновесие во время моего уклона и поплатился сломанной ударом шеей, затем пал второй – убитый его же ножом.

Подхватив валяющийся нож предводителя и вырвав нож другого бандита из его же тела, я превратился во что-то вроде сенокосилки, добросовестно срезающей острыми, отточенными лезвиями кусты чертополоха.

Через минуту все было конечно. Все, кроме сжавшегося от ужаса воришки, закрывшего руками голову и причитающего: «Не надо! Только не надо! Я все отдам!», – лежали на земле в лужах крови и только слегка подергивались в последних судорогах.

В воздухе пахло кровью, нечистотами – видимо, перед смертью желудки бандитов освободились от съеденного, а также почему-то сеном и селедкой – видимо, от больших фур, стоявших за углом.

Осмотрев себя, остался удовлетворен – целехонек, ни царапины, хорошо сработал. Были опасения,

что я от своей безнаказанности, пуская амгуров, перестал заботиться о своей безопасности, обнаглел, как заявила мне Лена, поэтому сейчас я и был доволен проделанной работой, тем, что не допустил своего ранения.

Воришка все повизгивал и вздрогнул, когда я к нему подошел.

– Где кошель? Давай его сюда.

– Вот, возьми, только не убивай! – Парень дрожащими руками протянул мне мой кошелек с обрезанным шнурком. – Вот еще возьми кошелек, и еще!

Вор протянул мне два кошелька, похожие на мой и слегка позвякивающие в руке, я хмыкнул, пожал плечами и забрал добычу, потом схлопнул амгура и ушел, не оглядываясь на лежащих на земле мертвецов.

Обшаривать их я не стал, хотя и стоило – рупь за сто, у них были еще ценности. Но – то ли стало противно, то ли хотелось скорее вернуться к своим, однако после недолгого колебания я бросил мертвецов не обшаренными, пусть воришка этим займется, мне хватит двух чужих кошельков да двух ножей, которые я спрятал в карманы куртки.

Пройдя мимо грузчиков, совершенно не интересовавшихся тем, что происходит за углом (может, даже излишне демонстративно не интересовавшихся), я вернулся на базар и после десятиминутного блуждания между рядами торговцев наконец вышел к своим спутникам.

Уже издалека я увидел, что Лена нервно притоптывает ногой, что-то горячо говоря волколаку, тот кивает и отставляет к стене лавки тюк с вещами. И только он собрался уйти – как я понял, по моему следу, – как увидел меня и показал в мою сторону пальцем.

Лена обернулась и облегченно вздохнула.

– Догнал?

– Догнал, – усмехнулся я. – Вот, даже трофеи есть. Потом посмотрим, что там лежит. Пошли домой? Хм... то есть в гостиницу.

– Давай еще заскочим в лавку с косметикой – я видела тут такую, а то хожу ненакрашенная, как мужик... Что, нарвался там?

– Само собой... не без этого.

– Группа прикрытия? Сколько их было?

– Без воришки – семеро.

– Воришку прибил?

– Нет. Отчего-то пожалел. Жалкий, убогий... а этих положил. Смотри, нож какой интересный! – Я достал черный нож и показал его Лене.

Волколак тоже посмотрел на предмет и сказал:

– Дорогая вещь. Это черная бронза – очень ценная вещь, по заказу делается, на вес золота – сколько весит, столько и золота за него дают. Бывший хозяин говорил, что, когда его делают, толкут драгоценные камни и сыплют в расплав, а еще какие-то заклинания при этом произносят для укрепления – он острый, как стекло! И не тупится.

– Хм... смотри-ка! – удивилась Лена. – Слушай, Серега, а бродить по базару, оказывается, выгодное дело – видишь, какие ты трофеи добыл! Надо только вовремя подставить свой кошелек, как лох, и потом все трофеи твои будут!

Я внимательно посмотрел на нарочито серьезную подругу, покачал головой и сказал:

– Хватит издеваться! Иди в свою дурацкую лавку за дурацкими румянами! Я жрать хочу, а вы мне не дали съесть гадость с базара! Мечтаю добраться до гостиницы и навернуть пирогов с супом.

Лена отправилась в лавку с косметикой, а я с волколаком остался стоять на месте, раздумывая: интересно, а куда делись наши провожатые-соглядатаи, когда я побежал за воров? Нагорит им от шефа или нет? Ведь фактически они допустили, чтобы охраняемый объект подвергся опасности, могли пострадать планы и вложения их начальников. Представляю, что будет, если Старик об этом узнает...

В гостиницу мы возвращались торжественно, нагруженные тюками с одеждой и обувью так, что еле протиснулись в дверь своего номера.

Волколак сразу исчез, убежав в свою комнату, я распорядился, чтобы ему выдали самого свежего мяса и вообще – чего пожелает, а нам заказал роскошный обед, в ожидании которого мы приняли душ и переоделись в новую одежду.

Я не стал себе брать что-то вызывающее – простые добротные брюки, рубаха, ну и так далее. Лена же разошлась – в белом платье с золотыми узорами, с височными украшениями и густой сеткой на голове, украшенной небольшими блестящими камешками, она смотрелось не то что великолепно, сногшибательно! Мне даже подумалось: какого черта она так вырядилась, теперь все будут помнить парочку, в которой женщина так красива, что глаз не отвести. Типа Царевна Лебедь.

На мои укоры она смущенно ответила:

– Слушай, ну хоть немного побыть красоткой, а?! Не все же мне быть убийцей в бесформенной одежде с чужого плеча! Можно же хоть немного побыть принцессой?! Что мы, денег не нагнали, что ли?

Кстати о нагробленном: в отнятых у вора кошельках оказалась приличная сумма – штук двадцать золотых сиклей, серебряных штук тридцать, кучка медяков... Вполне хватит на приличную жизнь в ближайшее время.

Драгоценности убитых стражников мы пока сдавать не стали – оставили про запас.

После плотного обеда поднялись в номер, где предались счастливому ничегонеделанию – или, скорее, деланию. Нам не так часто в последнее время удавалось побыть наедине и без одежды, так что мы не преминули воспользоваться случаем.

Гонец от Старика прибыл под вечер – в дверь номера постучали, я накинул на себя полотенце и приоткрыл дверь так, чтобы не было видно голой, разметавшейся по постели спящей Лены.

Гонец – молодой парень лет семнадцати – с любопытством старался заглянуть в номер через образовавшуюся щель, чтобы рассмотреть, откуда же растет эта длинная обнаженная женская нога, я пресек любопытство, вышел в коридор и спросил:

– Чего хотел-то?

– Ну я сказал уже, меня Старик прислал, зовет вас к себе. Сказал – собирайте вещи, в гостиницу возвращаться не надо.

– Ясно. Жди нас внизу, скажи трактирщику, чтобы позвал нашего волколака, как придет – пришли его сюда. Все понял?

– Ага! Все понял! – Парнишка важно удалился вниз по лестнице, а я вошел в номер и легонько потербил подругу за теплое гладкое бедро.

– Вставай, Лен! Гонец от Старика прибыл!

Она потянулась, выгнувшись как кошка, и сонно спросила:

– Душ хоть принять успею? А то вдруг там и помыться-то негде...

– Иди мойся, только быстрее. И оденься попроще – хватит принцессой ходить, внимание привлекаешь.

– Злой ты, – усмехнулась Лена и легко вскочила с постели, сверкнув крепкими смуглыми ягодицами. – Собирайся, я скоро!

Через минут пять в дверь уже стучал Гарсуг, и вскоре мы, как караван верблюдов, шли вниз по лестнице, нагруженные барахлом. У дверей гостиницы стоял экипаж, возница которого, завидев нас, сразу заявил:

– Я от Старика, грузитесь ко мне, я вас отвезу куда надо.

Уладив денежные расчеты с хозяином гостиницы, я запрыгнул в пролетку следом за своими спутниками, и вот уже мы снова неслись по улицам города.

Возница попался лихой, все время нахлестывал лошадь, и я боялся, что он вывалит нас где-нибудь на повороте, объезжая медлительную телегу крестьянина, везущего на рынок урожай овощей, или тележку зеленщика, на свою беду попавшуюся нам на дороге.

Впрочем, все закончилось благополучно, и после двадцати минут сумасшедшей скачки мы оказались у двухэтажного дома с выцветшей вывеской, изображающей какие-то скобяные товары, над выходящей на улицу витриной.

– Заходите, Старик ждет вас! – Возница указал на дом, дождался, когда мы заберем свой скарб, и с гиканьем унесся под неодобрительным взглядом Лены, пробормотавшей ему вслед какое-то ругательство, – всю дорогу она сидела, вцепившись в борт коляски, и ругала возчика, вознамерившегося во что бы то ни стало вывалить ее на мостовую.

В доме суетились люди – подметали, мыли, красили, затаскивали мебель, посуду...

Нас встретил уже знакомый подручный Старика и проводил вверх – там было все прибрано и чисто, а в гостиной стоял накрытый закусками и напитками стол. За ним сидели Старик и двое его подручных, что-то с жаром обсуждающие и почти не обратившие внимания на нас.

Наконец Старик соблаговолил нас заметить, встал и радушным жестом предложил присаживаться:

– К столу, к столу, дорогие партнеры! Волколак пока пусть посидит внизу... Это не тот ли волколак, что был у Арданана? Вот видите, все знаю. И знаю, как некий человек покрошил группу больших и сильных мужчин на рынке! Нет-нет, не беспокойтесь – это были не наши люди. Это были люди Мизара – есть у нас такой конкурент. Так что косвенно вы оказали нам услугу. Вообще, удивлен – без магических средств, практически голыми руками семь человек убрать... Молодец! – Старик демонстративно три раза хлопнул в ладоши и снова сел во главе стола. – Итак: теперь это ваш дом. Внизу лавка,верху ваше жилище. Чуть позже привезут новую вывеску – на ней будет значиться: «Лечебные снадобья». Также доставят и различные травы, потом сами разберетесь, куда их поместить и что с ними делать. Ваша основная задача сейчас – научиться работать с амгурами. Скрижали доставят завтра к обеду. Никому их не показывать, никому не говорить, что они у вас есть. Как только закончите с ними работать – сообщите мне, я их заберу. Кухарка и слуга – наши люди, сообщаете им, что желаете со мной связаться, говорите, что надо, мы все сделаем. За вами, конечно, будут присматривать – ну чтобы не обидел кто. Ну и чтобы не сбежали, да! – Старик усмехнулся уголком рта, заметив насмешливый взгляд Лены. – Мы в вас вкладываемся финансами, усилиями, конечно, хотим, чтобы вы отработали вложенные в вас средства. Твоя задача, Сергатар, повторяю, – научиться как следует работать с амгурами. Ну что же, теперь мы вас оставим одних, завтра

ждите скрижали – руководства, научные трактаты. Чуть не забыл: вот ваши удостоверения личности. – Старик толкнул по столу две медные пластинки, покрытые лаком, они скользнули вдоль края стола, не задев графины и блюда с фруктами, и остановились возле нас – руководитель бандитов, даром что одноглазый, был очень ловким и умелым человеком, отметил я.

Подняв пластинки, на одной прочитал: Сергатар, сын Авгартуна из Менгора, на другой – Лилин, дочь Артада из Менгора. Ниже выбита печать с силуэтом главного храма и надписью «Во имя Ормазды Великого и Всемогущего!».

– Есть какие-то вопросы? Пожелания? – Старик внимательно осмотрел нас с Леной и только собрался выйти из-за стола, когда я заявил ему:

– Есть. Кроме скрижалей, описывающих работу с амгурами, мне нужны научные трактаты по работе со сферой – ну светильником, вот этим. – Я сделал Знак огня, произнес Слово, и тут же над моей головой вспыхнул яркий свет. Потом сделал Знак развоплощения, и свет исчез. – Еще заклинания по лечению и приготовлению снадобий. Раз уж мы тут собираемся сделать лавку снадобий, то мне нужно знать, как они готовятся. Это возможно – добыть эти трактаты?

Старик задумался и через минуту сказал:

– Возможно, да. Только я опасаюсь, как бы ты не увлекся научными трудами и не забросил изучение работы с амгурами. Ты должен понимать, что это основное, а остальное второстепенно. Я в этом жизненно заинтересован... – Он потер больной глаз и внимательно посмотрел на меня – понял ли я.

Я кивнул:

– Не беспокойтесь, я выполню обещание. Как только научусь, тут же вам сообщу.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал Старик, – только не пытайся меня обмануть, сбежать, например! Ты парень шустрый, как я погляжу, днем и ночью возле дома будут находиться наши наблюдатели – и для вашей безопасности, и для нашей уверенности. Если попытаешься обмануть – и сам погибнешь, и твоя жена, она в первую очередь. И не пытайтесь воздействовать на меня или моих людей внушением – и я, и мои люди специально подготовлены сильным ментатом против такого воздействия, это вам не уличного грабителя охмурять. Все ясно? А если ясно – располагайтесь, отдыхайте. Кладовые заполнены продуктами, кухарка выполнит любой ваш заказ на ужин, слуга сходит и купит все, что вам нужно, – удачи, демоны! – И Старик в сопровождении своих помощников не оглядываясь вышел из комнаты.

Мы с Леной остались вдвоем, некоторое время молчали, потом она сказала мне по-русски:

– И что думаешь по этому поводу? Тебе не кажется, что мы лезем из огня да в полымя? Из-под одного контроля удрали, теперь под другой контроль попали, в золотую клетку, это тебе как?

– Никак! Ты знаешь лучший способ выжить? Я – нет. Главное – мы сейчас получим знания, а как этими знаниями распорядиться – мы позже решим.

Я постучал пальцами по полированной крышке стола, налил себе немного вина из высокого узкого кувшина, отхлебнул, налил еще стакан и отдал его подруге:

– На вот, выпей и успокойся. Давай лучше подумаем, как нам достать из себя бомбы. У тебя есть предложения по этому поводу?

– Есть, – усмехнулась Лена. – Мое предложение – достать бомбы!

– Хм... а как? Кто будет резать? Я тебя, а ты меня? Тебе не кажется это опрометчивым? Мы не умеем это делать. Убить человека – одно, а достать из него предмет, не задев никаких органов, – совсем другое, согласись. Но и доставать эти штуки надо как можно быстрее – нам нужно возвращаться на Землю, однако

я не хочу больше зависеть от этих негодяев, хватит уже рабства!

– А тебе не приходило в голову, что эти штуки вообще неизвлекаемы? Что, возможно, при попытке удалить их они взрываются? По крайней мере, мне так говорили!

– Врут. Уверен – если они и взрываются, то только дистанционно. То есть они слышат, что с бомбой что-то происходит, слышат все наши действия и подрывают бомбу. И то я думаю – они подрывают ее только в экстренном случае. В нас столько вложено средств и сил – по стоимости мы сравнимы с военным истребителем, зачем им нас сразу губить? А если бы бомба могла самопроизвольно взорваться – это было бы опасно, вдруг какое-то изменение химического состава в теле, а она, к примеру, на это настроена... или настроена на температуру тела – р-раз! и вместо ценного агента – труп. В общем, так: примерное место, где находится эта гадость, мы знаем, разрезать мы сможем, невелика хитрость, надо только найти обезболивающее да антисептик, и вперед. Пока суд да дело – наши раны заживут, а там... там видно будет.

– А почему ты спросил про трактаты о сфере? С какой целью спросил? Я же знаю, что ты это неспроста сделал.

– Понимаешь, какая штука... как бы тебе это сказать... есть у меня странное ощущение... Ну вспомни, как выглядел портал?

– Ух ты! Это ты на что намекаешь? На то, что сфера суть... хм... ну ты даешь! Не может быть!

– А чего не может-то? Что мы знаем о сфере? Что знаем о портале? Возможно, портал и есть измененная сфера, только большего диаметра, большей мощности, и если научиться создавать портал... или научиться закрывать его... Кстати, по поводу закрытия пришло в голову – а ведь мы умеем закрывать портал! Или, вернее, так – предположительно знаем, как это сделать!

– Имеешь в виду заклинание развоплощения? Помнишь, что Арданан говорил? Надо, чтобы сила развоплощающего была больше, чем сила того, кто сделал магический объект. Иначе ничего не выйдет.

– А ты уверена? Может, он врал? Я ничего не могу сказать, пока сам не прочитаю где-нибудь в трактатах.

– Как ты думаешь, сколько времени у нас может занять изучение научных трудов?

– Да кто знает! Ну как можно точно отсчитать время – как будем готовы, так и будем готовы. Тянем пока что – тебя что, что-то напрягает? не устраивает? Пока все хорошо – дом, достаток, никто не беспокоит... Чего еще надо? А как будем готовы, отправимся на Землю...

– Серег, а зачем мы отправимся на Землю? – Лена внимательно посмотрела мне в глаза. – Так ли ты хочешь отомстить своим обидчикам, чтобы поставить под угрозу жизнь свою и нашу совместную судьбу? Мне лично плевать на них, живут эти уроды и живут – не они, так другие будут... конечно, очень хочется прибить этого профессора, да и куратор не вызывает приязни, но если выбирать между их гибелью и своей судьбой – я выберу свою судьбу и твою, конечно, я не разделяю свою судьбу и твою. Зачем тебе рисковать? Ради чего?

Я налил еще стаканчик вина, выпил, пожевал дольку какого-то фрукта, отдаленно напоминающего яблоко, и ответил:

– Я бы хотел посетить могилу моей матери или хотя бы узнать, где она находится. Вряд ли они похоронили ее открыто. Узнать, где находится ее могила, я могу только у куратора. Конечно, после того как я с ним встречусь, он будет мертв. Тут еще вопрос вот в чем – ты что, согласна всю жизнь жить в месте, контролируемом людьми, которые жарят оппонентов в медном быке? Тебе не кажется, что это перебор? Я все-таки предпочитаю хоть какую-то видимость гуманности, опять же комфорт – автомобили-самолеты, телевизор-телефон, честно говоря, я тут без потока информации чувствую себя как-то... хм... неуютно.

Неужели не хочется вернуться назад, пожить по-человечески в привычном мире?

– Наверное, ты прав. – Лена вздохнула и откинулась на спинку стула. – Я как-то упустила из виду и жрецов, и это отсутствие прогресса, дефицит информации – и правда как будто чего-то не хватает. Будто в ушах зудит, как в деревне после городского шума и суеты... первое время наслаждаешься тишиной, покоем, а потом словно в голове кто-то толкает – поезжай в город, включи телевизор, залезь в Интернет! Мы все люди технической цивилизации, отравлены ею и уже не можем без привычного образа жизни. Да и в быка как-то не хочется... и быть под контролем местных бандформирований тоже неохота. В общем, ты точно прав – как ни крути, возвращаться нам надо. Давай учись, будем решать проблемы. По поводу хирургической операции есть у меня одна мысль...

Лена встала с места, подошла к дверному проему, ведущему на лестницу, и громко покричала:

– Гарсуг! Гарсуг, иди сюда!

Волколак тут же взбежал по лестнице и через минуту стоял перед нами.

– Слушаю, хозяйка!

– Присядь за стол. Хочешь чего-нибудь съесть? Фрукты? Может, вина выпьешь?

– Хозяйка, я не ем фрукты, – весело сощурился волколак и обнажил громадные клыки, – это же трава, а мы не люди и не овцы, чтобы траву есть! Вина выпью, только немного – оно сильно в голову ударяет. Лучше пива, если есть.

– Наливай чего хочешь, – махнула рукой Лена. – Ты посмотрел, что там делают? Замечания какие-то по устройству лавки есть?

– Замечания? А почему, хозяйка, ты меня об этом спрашиваешь? Я же только волколак, и ничего больше! – Глаза Гарсуга удивленно расширились, и яркий зеленый свет в них притух. – Разве мое мнение имеет значение?

– Имеет, конечно. Гарсуг, для нас ты не раб, а партнер по бизнесу. Так получилось, что твой бывший хозяин попытался нанести нам вред, за это он поплатился, я внушила тебе верность нам – но это не означает, что мы считаем тебя рабом или животным. Я хочу, чтобы ты это знал! Мы хотим с тобой поговорить – нам нужна твоя помощь. Скажи, ты действительно обучался лекарскому делу у Арданана?

– Да, обучался. И составлению снадобий тоже. У меня хорошая память, и иногда хозяин... бывший хозяин пользовался моей памятью, чтобы записать состав какого-то из снадобий. Я все помню. Только я не могу творить заклинания, а так я хорошо разбираюсь в снадобьях. Могу лечить – если без магии. Кости вправить, рану зашить...

– Отлично, – торжествующе сказала Лена, – то, что надо! Скажи, а есть тут специальные приспособления, чтобы делать операции? Например – вытаскивать наконечники стрел из раны? Есть ли какие-то обезболивающие средства, чтобы человек не чувствовал, что его режут?

– Само собой, есть, – недоумевал Гарсуг. – Их можно купить в городе – и хирургические ножи и снадобья. Вы хотите кому-то сделать операцию? Я ассистировал бывшему хозяину, видел, как это делается. Сегодня лавки уже закрыты, а завтра с утра можем сходить купить все необходимое. Знаю несколько лавок, торгующих нужными снадобьями, и там же бывают хирургические наборы – ножи, иглы, ну и остальное.

– Замечательно, утром и пойдем покупать! Ты осмотрел дом? Решил, где будешь жить? Здесь есть комнаты для слуг?

– Да, хозяйка, но кухарка сказала, чтобы я шел спать во двор, на конюшню... Я не знаю, как мне быть.

– Сейчас мы с кухаркой этой разберемся, – холодно сказала Лена. – Серег, пойдешь с нами? Я сейчас кое-кого поставлю на место, чтобы знали, кто в доме хозяин, да надо Гарсуга пристроить, комнату ему найти.

– Идите, я пока погуляю по дому, посмотрю, что и как. Только это... не покалечь ее там – нам еще ужин надо получить. И к слову пришлось – скажи, чтобы ужин приготовила... хм... как бы не плюнула в кастрюлю, с этих людей станется... понежнее там с ней!

– Тьфу, гадость какая, – поморщилась Лена. – Ладно, буду понежнее, а то и правда в кастрюлю нагадит. Брр...

Лена с Гарсугом ушли, а я прошелся по гостиной, осматривая помещение. Сквозь стеклышки, по принципу мозаики вставленные в большую оконную раму, пробивались лучи вечернего солнца, освещая натертый воском деревянный пол, стены, оклеенные тканевыми обоями – рисунок смотрелся довольно симпатично, хотя ткань и выцвела слегка.

Пройдя в следующую комнату, увидел спальню с огромной деревянной кроватью, монументальной, даже с небольшим балдахином, – смотрелось довольно забавно и уютно.

Чуть поодаль от кровати небольшая дверь, заглянув в которую я увидел вполне приличную ванну на позеленевших бронзовых ножках, ванна была медная и тоже позеленела – видимо, ею давно не пользовались. Решил – надо заставить прислугу надраить ванну как следует.

Рядом была еще дверь – просторный туалет, с унитазом, большим баком, со смывом – все как положено.

Еще раз зашел в ванную, открыл кран душа – оттуда потекла вода с запахом тухлятины, я тут же отдернул руку, но немного этой вони попало на меня, и теперь я благоухал как помойка.

Развернувшись, я спустился по лестнице в нижнюю часть дома и застал отголоски бури, бушевавшей там, как ураган на побережье Флориды, – Лена яростно трепала за толстую косу кухарку, возя ее по полу. Похоже, та осмелилась надерзнуть так, что моя спутница жизни этого не перенесла и сразу забыла о плевках в суп – она таскала кухарку за волосы деловито и мстительно, приговаривая:

– Будешь хамить мне, будешь?

Потом выпустила всхлипывающую молодую женщину с подбитым глазом, построжела лицом и не мигая уставилась на нее.

Я понял, что происходит, и не стал смотреть продолжение спектакля, а нашел глазами слугу – высокого мужика лет сорока пяти – и спросил его:

– Тебя как звать?

– Гурант, господин.

– Так вот, Гурант, ты сейчас работаешь на нас, а не на Старика, и, если будешь себя вести так, как вот эта баба, будет еще хуже, ты сильно пострадаешь. Кстати, а чего она такого сделала, что хозяйка так взбеленилась?

Мужчина усмехнулся:

– Хозяйка ей – волколак будет спать в свободной комнате для слуг. Антуша давай вопить, что где это видано, чтобы со зверями в одном доме жить, и ей никакие хозяева не указ! Плевала она на них! Вот и получила... Я все понимаю, хозяин, не беспокойтесь – я работаю на совесть и не собираюсь вам пакостить, тем более я вижу, чем это кончается. Антуша всегда была с придурью, ей надо было немного мозги вправить, я ее давно знаю. Еще прежний муж бивал ее не раз за склочность и придурь, но кухарка она

отличная, не сомневайтесь. Что касается работы на Старика, да, он меня сюда поставил, я ему обязан – он моего сына как-то выручил от стражи, но и вам я не собираюсь вредить, ведь и жалованье-то я от вас получаю, а не от Старика. Так что обращайтесь, как что понадобится, я сильный, расторопный, все сделаю.

– Как раз в тему – займись, пожалуйста, ванной и туалетом. Похоже, ими долго не пользовались – вода в баке душа протухла, воняет дохлятиной, ванна вся зеленью заросла, надо все как следует отчистить и отмыть, набрать свежей воды, лучше теплой. Сделаешь?

– Конечно! Только надо мочалок, мыла едкого для оттирания, пемзы для чистки – в лавку надо сходить. Выдайте мне денег, я схожу и все сделаю.

– Сколько надо? Пары серебряных сиклей хватит?

– Хватит. Сдачу я принесу, если что. Вам купить еще палочек для чистки зубов?

– Хм... да, конечно. На меня и на хозяйку!

После слов слуги я почувствовал, что зубы у меня не чищены почти неделю... Тут чистили зубы специальными размахренными на конце одноразовыми палочками, которые привозили откуда-то с юга – видел на базаре, как их продавали, но забыл купить.

Зажав в руке монеты, слуга убежал в лавку, а я остался в кухне, наблюдая окончание эпической битвы хозяйки с хамкой-кухаркой – Гарсуг хихикал где-то в углу, а Лена, как микровалькирия, нависала над здоровенной, чуть не на голову выше ее ростом и толще в два с половиной раза, кухаркой.

Антуша уже перестала всхлипывать, встала с пола и, преданно заглядывая в глаза хозяйке, выслушивала ее указания по поводу ужина. Похоже, она уже прошла через процедуру промывания мозгов, и плевок в суп, как и яд, нам не грозил...

Кухарка унеслась к плите, где загремела кастрюлями и сковородами, а мы с Леной ушли наверх и снова уселись за стол.

– Отошла, что ли? – усмехнулся я. – Что, мозги ей промыла?

– Ну а куда деваться? Обнаглевшая курва, дисциплины никакой – я ей слово, она мне два, я ей два – она мне четыре, вот и не выдержала. Зато теперь она точно работает на нас, а не на Старика – они почему-то не догадались поставить ей ментальный блок... или не посчитали нужным. А может, слабоват он против меня оказался, в ярости-то. Ну что, муж мой, какие планы на сегодняшний вечер?

– А какие планы? Сейчас слуга почистит нам ванну и наберет воды, брякнемся в постель, сообразим чего-нибудь в партере, занявшись вольной борьбой, выспимся, а утром пойдем в лавку покупать хирургические инструменты. Есть еще предложения?

– Есть. Дождаться, когда кухарка приготовит нам жаркое из телятины под острым соусом, потом нажраться вина и предаться разнузданному разврату... или лечь спать. – Лена хихикнула. – Я за первый вариант.

– И я за него. Ждем-с...

Мы дождались... после вкусного ужина приняли ванну, потом легли в постель... и все было хорошо. Даже очень хорошо...

Утром в дверь постучали, и я услышал хриплый голос волколака:

– Хозяева! Пора в лавку идти! Вы не забыли, за снадобьями и инструментами?

– Серег, может, ты один сходишь, а? – Лена отвернулась от меня, почмокав припухшими от сна и

поцелуев губами. – Спать хочу как из ружья. Ну ее к черту, эту лавку!

– Лежи, – сжалился я, – чего нам толпой бегать. Еще набегаемся...

Я тихо оделся, поглядывая на смуглую красавицу, лежащую в моей постели, посапывающую носом и разбросавшую руки и ноги по постели, как морская звезда, и подумал: «Все-таки я везучий человек – такую красотку отхватил, ну не счастье ли? Как уберечь это счастье... так все хрупко, зыбко – я уже не могу думать о ней как о полноценном партнере в бою, хочется прикрыть ее спиной... как бы это в один момент нам боком не вышло... я уже и правда воспринимаю ее как свою законную жену! И как так получилось, сам не знаю...»

Одевшись, выскользнул в коридор, пред зеленые очи волколака, поприветствовавшего меня тихим шепотом:

– Доброе утро, хозяин!

– А чего шепчешь?

– Хозяйка-то спит!

– А! Как спалось на новом месте? Матрас, белье – все есть?

– Спасибо, хозяин, все есть. Кухарка такая добрая стала... – Волколак фыркнул и тихо добавил: – Ну что, пойдем за инструментами? Только учти, они дорогие, инструменты эти, из черной бронзы, так что денег с нас могут потребовать много.

– Ты меня расстраиваешь, – озабочился я, – этак мне может и не хватить денег... Слушай, а они нам вообще нужны, инструменты, набором-то? Фактически нам нужно вот что: очень острый нож, снадобья для обезболивания, хирургические нитки, игла и... вот что – приспособа для вытаскивания наконечников обязательно нужна или щипцы какие-нибудь.

– Найдем. А деньги будут – купим хороший набор, если понадобится. У тебя же, хозяин, есть хороший нож, тот, что у бандитов отобрал, вот его можно использовать для операции, ну а снадобий и остальное сейчас купим.

Мы спустились по лестнице, и через два часа я был обладателем пахучей сумки, содержащей все, что нам было нужно. Сверх того в лавке мы прикупили бутылку саликантала – чтобы обучение проходило как можно быстрее.

Жидкость оказалась довольно дорогой – удивительно, что Арданан истратил на нас столько денег. Может, ему просто было скучно? Пол-литровая бутылка снадобья обошлась в три золотых. Впрочем, старик же сам его делал, саликантал этот, наверняка он обходился ему в несколько раз дешевле. Решил для себя: обязательно научусь делать такую штуку – выясню, какие ингредиенты и заклинания для этого нужны.

Обедали мы в гостиной – Лена давно уже встала и хлопотала по дому, приводя в порядок вполне чистые, на мой взгляд, комнаты.

Я продемонстрировал ей набор инструментов, она наморщила нос и сказала:

– Кустарщина! Все равно как топором вскрываться! Может, кого-то нанять для этого дела, хирурга какого-нибудь?

– Нет. Сами сделаем. Не нужно привлекать к себе лишнего внимания.

– А когда собираешься начать? Когда будем вскрываться? Если честно, мне жутковато немного... или скорее – много. Капсула где-то в районе сердца... одно неловкое движение... а вдруг она прорвется, проломится, когда будем доставать?

– Могу только одно предложить: договориться со Стариком, чтобы он прислал кого-то из крепких, здоровых парней, которых можно использовать для опытов перекидывания «поводка». Мы же не до смерти их ухайдакаем, вытерпят час-другой со «слизняком», обойдется даже без последствий, а если что – они будут нашей страховкой: вдруг что-то сорвется, «слизняк» не даст нам умереть, а парня как-нибудь потом спасем.

– Как-то мерзко это выглядит...

– Сам знаю... а что делать? И как можно научиться работать с амгурами, не насылая «слизняка» и не перекидывая поводок на другого человека? Отвечу: никак. В общем, с волками жить – по-волчьи выть. Нам нужно двух парней для опытов. Сегодня дам заявку Старiku.

К обеду в дверь постучали, слуга открыл, и вошел парень, держа в руках коробку, от тяжести которой его чуть не шатало.

– Гурант, помоги отнести коробку наверх, поставьте ее возле стола, – приказал я, – а когда отнесете, пусть парень подойдет ко мне, я кое-что передам Старiku.

Через минут десять тяжело дышащий рыжий парень стоял передо мной, по его веснушчатому лицу катились капли пота, и воняло от него рыбой и спиртным.

– Ты запомнишь, что я тебе скажу? Сможешь запомнить? – Я с подозрением посмотрел на глуповатую физиономию парня – может, он вообще идиот?

– Обижаете, господин! Я вполне даже соображаю! Все передам хозяину, как скажете!

– Ну так вот, передай ему, что мне нужны два крепких, здоровых парня для помощи в работе над проектом. Они должны быть совершенно здоровы и знать, на что идут, чтобы не возникало лишних вопросов. Парни должны быть у меня сегодня или завтра, и они будут находиться при мне, пока я их не отпущу. Запомнил?

– А чего тут сложного? Двух парней вам нужно, здоровых, для работы, пока не отпустите.

– Добавь обязательно – что для той работы, которую я для него делаю! Не забудь!

– Все понял!

Парень убежал, а я стоял опустошенный и грустный. Ну что, спрашивал я себя, докатился до опытов над людьми? И что дальше будет?

Ответа я не находил, а на душе было грустно и пусто, как в пустыне...

Глава 11

– Ну что, пошли посмотреть, что нам прислал Старик? – предложил я и отправился наверх.

Лена последовала за мной, легко взбегая по скрипучим ступенькам лестницы.

Я поморщился – надо что-то сделать, чтобы чертовы ступени не скрипели... интересно, когда тут последний раз жили люди? И вообще, откуда взялся этот дом у Старика? Потом решил – какого черта мне заморачиваться с чьими-то проблемами, своих хватает. Вряд ли биография этого дома совершенно чистая и благостная...

Коробка с трактатами стояла возле стола, я попытался ее приподнять и аж закричал – не зря парнишка шатался под ее тяжестью, весит килограммов семьдесят, если не больше.

В этом мире вместо бумаги использовались тонкие медные пластинки, практически фольга – если водить по ним специальным острым инструментом, то есть, собственно, писать, пластичная, но прочная медь продавливается и на ней остаются легко читаемые следы.

Вначале мне это показалось глупым – почему не на бумаге? Почему медь? Потом прикинул – а почему и нет? Медные пластины не горят, написанное на них невозможно смыть, они могут даже просто лежать в луже сколь угодно долго и ничего им не сделается! Конечно, немного преувеличил насчет ничего не сделается – за тысячи лет что угодно разложится, но сравнения с бумагой все-таки никакого, медь есть медь.

Фольга-трактаты сворачивались в тяжелые рулончики, намотанные на деревянные ручки-катушки, некоторые же листы просто лежали пачками, как обычная бумага.

Да, недостаток у них был только один – тяжесть. Металл, что вы хотите...

Развернув первый рулон, весивший килограммов пять – семь, не меньше, я положил его на стол и воззрился на него с легким испугом: объем, как у Большой советской энциклопедии, – сколько же времени займет его изучение? А таких в коробке было пять! Плюс огромная стопа листов, каждый шириной сантиметров тридцать и длиной сантиметров семьдесят. Жуть...

– Видала, подруга дней моих суровых? Теперь тоже спросишь, когда мы все закончим? – усмехнулся я, глядя на лицо Лены, отразившее ее смятение и благоговение перед огромными медными фолиантами. – Кстати, очень старые трактаты, глянь, как зеленью все покрыто, давненько лежат... в благородной патине все.

– Мне кажется, это не все про амгунов, ты же просил еще и про сферы – может, уже и притащили?

– Пока не почитаем, не узнаем... Давай-ка вот что сделаем: ты читаешь один рулон, я другой, для ускорения, если что-то интересное находишь – зовешь меня, и мы вместе читаем, хорошо?

– Без проблем. Может, на кровать ляжем? Терпеть не могу сидя читать!

– Всю кровать вывозим в грязи – глянь, на руках уже малахитовая зелень. Давай-ка лучше тут будем просвещаться, за столом.

– Да... – с неохотой согласилась Лена, – грязища с них... тут так тут!

Она подхватила тяжеленный свиток из коробки и тоже водрузила на стол.

Мы уселись рядом и стали осторожно, чтобы не обрезать об острый край, разворачивать свитки.

Медные листы были покрыты рядами мелких значков, похожих одновременно и на арабскую вязь, и

чем-то на шумерскую клинопись – хорошо, что старик вдолбил нам в голову алфавит и научил читать, писать мы практически не умели, но читали тексты прекрасно.

Мне повезло – первый же свиток, который я уцепил, был именно об амгурах, о том, как они появились и откуда. Автором трактата был некий Гараннаон, как я понял – один из ученых-жрецов.

Через полтора часа я уже в принципе знал, что такое амгуры и с чем их едят, и поспешил поделиться знанием с подругой:

– Смотри, Лен, что он пишет: ««Амгур – суть зло, которое таится в каждом человеке. Слово сказанное есть материальная субстанция, и человек должен опасаться говорить злые слова в адрес кого-либо». То есть если мы обкладываем кого-то и желаем ему смерти – в общем-то это сродни заклинанию, и оно может сработать. Помнишь? «Бойтесь своих желаний, они ведь могут и сбыться!» Забыл, кто сказал... Ладно, дальше, вот тут... – Я перемотал тяжелый свиток и нашел нужное место. – «Как выяснилось, некоторые люди могут осознанно высылать из своей души сгусток зла. После многочисленных исследований я установил, что этот сгусток может быть направлен на определенный объект, человека, а может быть выпущен в мир с пожеланием найти подходящую жертву. Найдя ее, амгур присасывается к жертве, вытягивая из нее жизненную энергию и доставляя своему носителю неисчислимые муки и повреждения тела. Хозяин амгура через поводок получает украденную у жертвы энергию, становясь здоровым, и даже более здоровым, чем был до того. Также путем многолетних наблюдений установлено, что амгуры добавляют своему хозяину долголетие, на сколько лет – узнать не представляется возможным». Слыхала?

– Ну слыхала, и что? Мы и без него все это знали... лучше ищи, где написано, как отправлять нескольких амгуров, перекидывая поводок с прежнего хозяина на нового.

– Это понятно все, но нельзя понять, как сделать что-то, не зная сути вещей.

– Да ты время тратишь на то, что нам уже известно! Ищи дальше!

– А вот это тебе неизвестно! «Эти люди пришли с востока, говоря, что упали со звездой и потеряли свой небесный дом. Они умели многое и учили народы, ранее темные и неумелые. Они дали нам Веру и дали Понимание. От них пошли те, кто теперь встал во главе народа и привел его к миру. Потомки этих людей стали обладать умениями, недоступными ранее ни звездным людям, ни народу аров...» Видала?! Ты понимаешь, что это значит? Звездолет разбился, и экипаж ассимилировался с землянами! Результат – проявление различных паранормальных способностей у их потомков, мутации! Вот откуда взялись жрецы, вот откуда бывают проявления паранормальных способностей, всплывающих у людей время от времени, – кровь пришельцев растворилась в крови людей, и иногда, как катализатор, дает себя знать при определенных условиях! Я подозревал что-то подобное!

– Опять! – поморщилась Лена. – Все это хорошо, но ищи ты про амгуров, как перекидывать поводок! Они ведь умеют это делать, и мы должны... вернее – ты!

– Ищу, ищу! Неромантичная ты, однако, и злая!

– Серег, нам не до романтики... нехорошие у меня какие-то предчувствия, давай-ка ускоряться с обучением. Ищи что-нибудь дельное, пролистывай ты эту беллетристику, не увлекайся!

– Ну хорошо, хорошо... ищем.

Поиски нужного текста затянулись далеко за полночь.

У меня уже слипались глаза, и мне хотелось бросить всю эту бодягу, когда неожиданно в третьем свитке я нашел рекомендации к управлению амгурами. Все оказалось просто – и одновременно сложно...

В трактате говорилось так: «Если гаур желает передать своего амгура другому человеку, он должен коснуться его – любой части тела, не прикрытой одеждой, а затем гаур мысленно передает поводок амгура тому человеку, которому он захотел его передать...» И дальше уже бла-бла-бла про энергию, про сущности, про веру и неверие... в общем, вот такая оказалась штука.

Лена уже смывала с себя в ванной дневные заботы, я же задержался, ожидая, пока она выйдет, и вот результат – нашел! Так просто! Кто сказал – все гениальное просто? Вот только просто ли?

Я устало поднялся из-за стола – просидел несколько часов в поисках решения проблемы и теперь «с чувством глубокого удовлетворения», как говорили наши советские руководители, отправился в спальню.

Бухнувшись на постель и дожидаясь, когда освободится ванная, я расслабился и незаметно для себя уснул.

Проснулся я только от того, что кто-то стаскивал с меня штаны и все остальное... сквозь сон слышал голос Лены, она на что-то там мне пеняла, отмахнулся и заснул снова...

Утром мы проснулись от стука в дверь – стучал слуга.

– Господа! Тут к вам прислали двух человек! Будете с ними разговаривать?

– Пусть сидят внизу – покорми их, если хотят, и пусть ждут! – крикнул я и потянулся. Вроде как выспался, пора и вставать.

Повернул голову и уткнулся взглядом в сердитые глаза Лены.

– Выдрыхся? Это надо же так спать, что даже разбудить не смогла! Даже меня не надо было! Ну ты даешь... Как это называется?

– Типа – богатырский сон! – Я притянул к себе Лену и чмокнул ее в нос. – Ну что, встаем? Похоже, Старик прислал двух испытуемых для экспериментов. Я все-таки нашел способ перекидывать поводок амгуров, сегодня опробуем.

– Только после того, как ты приведешь себя в порядок и позавтракаешь!

Через минут сорок мы спустились вниз, Лена пошла на кухню командовать кухаркой, а я позвал двух визитеров, которых прислал к нам авторитет.

Это были двое здоровенных, со спокойными, немного туповатыми лицами парней лет двадцати с небольшим, одетые просто, недорого, как грузчики или возчики, кем они, скорее всего, и являлись.

Парни смотрели на меня с легким испугом – видимо, им что-то напели о злых гаурах, и я решил их успокоить:

– Все нормально, парни, чего вы переживаете? Вам как, сказали вообще-то, для чего прислали?

Рыжий парень с веснушками на широком носу помялся и, переступая с ноги на ногу, нерешительно сказал:

– Вроде как заклинания на нас будете кидать, а нам сказали терпеть. За это нам по золотому сиклю дадут. А кормежка тут будет или мы за свой счет будем харчеваться?

– Вас покормили? Ага, хорошо. Так и в дальнейшем будет, пока вы у нас будете работать, – кормежка за наш счет. А когда будете уходить отсюда, я еще вам денег добавлю. Так что не переживайте. И еще – да, придется потерпеть, но ничего такого особо злого мы вам не сделаем. У вас проблем со здоровьем нет никаких? Ничего не болит?

– Да все нормально, – вступил в разговор второй парень, – не жаловались никогда.

– Замечательно. Тогда ждите где-нибудь тут, никуда не уходите. Слуга вам покажет, где можно сидеть, как понадобится – я вас позову.

Мы с Леной отправились наверх, где нам уже накрыли завтрак, быстро перекусили, запив пирожки с мясом компотом, и стали готовиться к тому, чего собирались добиться.

Слуга убрал посуду со стола, и я вслед ему крикнул:

– Гурант, позови парней! Только пусть не натопчут здесь, проследи.

– Хорошо, господин!

Слуга ушел, а я стал дожидаться своих «собачек Павлова», немного волнуясь и переживая, как все пройдет.

Через минуты три парни появились в проеме двери и нерешительно подошли к столу, за которым сидели мы с Леной.

– Берите по стулу, присаживайтесь вон туда, к стене. Не бойтесь, все будет нормально! Сейчас один из вас почувствует укол в голову, а потом ничего не будет чувствовать... хм... в смысле – никакой боли. Никаких неприятных ощущений. Давайте-давайте, шевелитесь, – поторопил я медлительных парней, – время дорого!

Парни сели к стене, я сосредоточился и выпустил «слизняк» на веснушчатого – он ойкнул и схватился за голову, потом успокоился и откинулся на спинку стула, а я обратился к Лене:

– Ну что, пробуем?! Давай мне руку.

Она протянула мне свою руку, я взял ее, сжал и мысленно стал пытаться переложить поводок амгура на нее. Нет, не вышло. Еще раз – сосредоточившись, как бы напрягая все умственные мышцы... Не-а! Ничего! Может, дело в ней? Может, на нее поводок не цепляется?

– Никак не получается. Эй ты, ага, ты! – указал я на черноволосого парня. – Иди сюда. Бери меня за руку... нет, просто стой и держи меня за руку!

Я снова сосредоточился – нет, не получается! Поводок как шел, так и идет ко мне, ничего ему не делается, в общем – пшик.

– Все, пока закончили. Рыжий, иди сюда! – подозвал я первого парня и снял с него амгура. – Идите вниз, если понадобится – позову!

Парни, облегченно вздохнув, ссыпались вниз по лестнице, а я уселся за стол, положив голову на кулаки упертых в столешницу рук. Настроение было ниже плинтуса.

– Не переживай, получится! – стала успокаивать меня Лена. – Было бы странно, если бы сразу все и получилось! Может, что-то пропустил – полистай еще, почитай, может, найдешь, где ошибся?

– Пойми, все описано правильно, все вроде как верно – а не получается! Ну что такое?! Давай читать, что еще можно тут сделать...

Мы снова углубились в «фолианты», или точнее сказать – свитки.

Около часа прошло в молчании и сопении, потом Лена хлопнула по столу рукой так, что я вздрогнул.

– Нашла! Я нашла! Слушай: бла-бла-бла... вот! «И гаур должен понимать, что для того, чтобы его амгур был связан с другим человеком, недостаточно просто этого захотеть, надо уметь объединить свою ауру с аурой того человека, как будто он передает ему часть себя, и тогда...» Бла-бла-бла, в общем, вот! Ты понял что-нибудь из этого?

– Да хрень какая-то! Часть себя... ауру... я ауру-то не умею видеть, какую на хрен ауру объединять, если я ее не умею видеть? Вечная история с этими чертовыми древними письменами – так замутят, так тиной затянут, катрены-матрены всякие, Нострадамусы хреновы! Давай читай дальше! И я почитаю – может, где-то и отловим истину...

Читали мы два часа... потом пообедали, угрюмо глядя в тарелки с вкуснейшим бульоном с грибами, травами и кусочками мяса, – я даже не чувствовал вкуса, в голове все время вертелась дурацкая расхожая фраза: истина где-то рядом!

Есть такая штука – ноу-хау, то есть «знаю как». Вроде вот все знаешь, а прибор не можешь открыть! Почему? А у него вот такая хитрая защелка, что надо сдвинуть чуть в сторону и влево, и панель снимется! И не надо было выламывать крепления здоровенной отверткой... надо только знать – как! Всего-навсего... вот только узнать бы – как? Ведь чувствую, чувствую, что должно быть просто и легко! Открыл «защелку» – и вот тебе амгур, моя дорогая подруга!

Пообедав, снова уселись за «литературу», и за чтением трактатов прошло еще два часа... вернее не прошло, а пролетело!

Я упрямо перематывал и перематывал звонкие листы и искал истину... Мелькали какие-то теологические обоснования сущности амгуров, обоснования величия Ормазды и падения Ахримана, какое отношение амгуры имеют к божественной сущности Ахримана и как они в свете величия Ормазды разрушаются от прикосновения истинно верующего слуги Ормазды – вся эта хрень меня только раздражала.

Я вскочил, заходил по комнате, бормоча под нос все ругательства, какие знал, не обращая внимания на насмешливый и укоризненный взгляд Лены, потом еще больше разозлился, подбежал к деревянной коробке с листами трактатов и перевернул ее, рассыпав их по полу.

– Вот вам! Тварюги! Не могли написать нормальный учебник «Пособие начинающему гауру» или «Руководство по управлению амгурами»! Понаписали какую-то хрень, туманные намеки и дебилские теологические выкладки! Ну кому они нужны?!

– Им и нужны, – тихо засмеялась Лена. – Ну чего ты взбеленился? Ты же знал, что это не будет так просто! Хотел за минуту научиться?

– Хотел! А почему нет?! А эта дрянь, – я пнул ногой стопу драгоценных скрижалей, ушибив палец о тяжелые листы, – тормозит меня! Ну почему надо писать, как средневековые алхимики? Почему надо все полунамеками и обиняками? Ну почему нельзя написать: сделать вот эдак и вот так – и получите результат!

– А кастовость? Зачем тогда учителя, если можно научиться просто по книге? Не забывай, каста жрецов только и держится на том, что их знания не общедоступны. Вот смотри, выкрали мы записи – и что поняли в них без учителя? Мало чего.

– Это да, – грустно кивнул я и пошевелил ногой лежащие на полу медные пластинки. Мне даже стало стыдно за свою вспышку, и я начал потихоньку складывать листы в коробку.

Листы были острые, я неловко взял один из них, он повернулся у меня в руке и порезал мне большой палец, на котором сразу выступила кровь и закапала на лист меди.

Я выругался, сунул палец в рот, раздумывая – сколько лет этим чертовым листам? Не хватало еще подцепить какую-нибудь экзотическую местную заразу через порез.

Сплюнул на пол окрашенную красным слюну, вытер кровь с порезавшего меня листа и бросил в коробку... Посидел, посасывая палец – если зараза попала, может, я ее высосу из раны, как яд! – и вдруг в голову стукнуло: я ведь только что прочитал на листе что-то странное, пока держал его у глаз, ну-ка, ну-ка...

Достал лист из ящика, посмотрел на него... ага! Вот в чем дело – он резко отличался от остальных листов тем, что текст был написан не ровным, каллиграфическим почерком переписчика или же маститого ученого, автора трактата, а нетвердой рукой, отчего буквы были разного размера и неравномерно продавлены.

Прочитав несколько абзацев, я с восторгом понял: вот оно!

Я радостно завопил, вызвав переполох в доме – даже Лена вскочила и стала с испугом спрашивать, что со мной случилось, прибежал Гарсуг, тараща зеленые глаза, и из-за его плеча выглянул Гурант, тоже обеспокоенный переполохом.

Я покачал головой:

– Нет, нормально все! Это я тренируюсь в работе! Я позову вас, если что!

Головы моих слуг исчезли из дверного проема, а Лена с волнением спросила:

– Неужто нашел?

– Похоже, да! Читай! Вот отсюда...

Лена взяла в руки лист, слегка погнутый моим пинком, и начала читать вслух:

– «Поводок амгура не перейдет на другого человека, пока ауры того, на кого перекидывают, и перекидывающего не сольются... на это надо не менее ста ударов сердца...» Сто ударов сердца! Это что, больше минуты ждать надо было? А ты ведь пробовал с ходу перекинуть?! Вот так так...

– Ага! – ликовал я. – Я-то торопился, а надо просто ждать! Читай дальше! Похоже, это то ли листок из дневника учащегося, то ли типа рабочие записи, в любом случае – это то, что нам нужно!

– «Для лучшего слияния аур надо представлять, что сливаешься с тем, на кого переносишь поводок амгура, как будто проникаешь в него, становишься им. Со временем скорость переноса поводка увеличивается, и период, в течение которого поводок переходит на другого человека, уменьшается...» Здорово! Серега, у тебя гениальная нога! Это надо же так пнуть ящик с библиотечными книгами, чтобы из него выпала та, которая тебе нужна!

– Цепочка случайностей, – усмехнулся я. – Впрочем, какая случайность? Мы все равно бы добрались до этого трактата, только много позже – он лежал в самом низу. Случай помог ускорить, и все... Зови парней, они там от безделья небось измучились, теперь мы их мучить будем.

Парни снова заняли место у стены, теперь они были гораздо спокойнее, не было в глазах ужаса ожидания неизбежной катастрофы – уже пробовали, ничего страшного не случилось. Боюсь, придется их разочаровать...

«Слизняк» метнулся вперед серой молнией и прилип к голове рыжего парня. Он вздрогнул, схватился за голову, к нему протянулась серая нить, пульсирующая, как живая.

У меня сразу зажил порезанный палец, пропала усталость и исчезла боль в ушибленном пальце ноги – хорошенько я все-таки врезал по ящику... а он ведь тяжелый...

Я взял руку Лены в свою, закрыл глаза и стал медитировать, соединяясь с ней всей своей душой. Мне это было сделать довольно легко – я и так был с ней всей душой.

Не знаю, сколько я просидел, пытаюсь слиться с ней аурой и передать поводок, только я услышал, как Лена ойкнула, открыл глаза и увидел, что у нее из головы торчит мой поводок, теряясь в «слизняке» на рыжем парне. Получилось!

– Кольнуло чего-то в голову, как иголкой, – озабоченно сообщила Лена. – Что, получилось?

– Получилось, – подтвердил я. – Разве ты не почувствовала прилив сил?

– Да... слушай, убери его, а? Парень вон как-то не очень себя чувствует, мне кажется... хватит, а то навредим ему.

– Конечно. Иди сюда! – позвал я парня, он встал и подошел ко мне. – Как ты себя чувствуешь?

– Не очень хорошо... что-то голова сильно болит... наверное, вчера лишнего выпил в харчевне.

– Сейчас станет лучше.

Поведя рукой над его головой, я схлопнул амгура, и парень облегченно вздохнул:

– Да, лучше стало!

– Иди садись на место. Пробуем еще.

В этот раз я набросил амгура на его товарища, «слизняк» снова уселся на голову, но в этот раз я решил перевести поводок не на Лену, а на рыжего парня. Подозвав его, взял за руку и начал перемещать нить с себя на него, уже не закрывая глаза – чтобы видеть, что происходит.

Момент перехода поводка я не сумел запомнить, просто – вот он был на мне, и уже на нем.

Бац! – и в дамки.

Рыжий сразу расцвел, видно было, как его распирает энергия, высосанная у своего товарища, и я быстренько остановил этот отсос, ликвидировав пакость на его напарнике.

– Ну что, Лен, в общем-то мы добились чего хотели, осталось только узнать нюансы этого дела и как-то сделать так, чтобы мои «слизняки» жили не дольше, чем это необходимо для дела. Допустим, полечил кого-то, взял у донора немного жизни, зато вылечил безнадежно больного человека – от рака, например. От здорового человека немного убыло, но он восстановится, зато больной поднимется! Ведь можно распределить ущерб по нескольким людям, лечить как бы сеансами: полечил – нового донора взял, потом еще одного... в запущенных случаях. И безопасно, и совесть чиста, да и лечение какое классное, смотри, что получается – мы зло пускаем работать на добро! Это же меняет дело!

– Да, ясно, что тебя мучило все это время, – усмехнулась Лена. – Согласна, это меняет дело. Вот только поймут ли это наши «работодатели» – Старик, например?

– А куда он денется? Поставим условие – лечим кого приведут, но человека со «слизняком» не отпускаем! Лечим тут, ставим «слизняков» тут, снимаем тут! Иначе я не согласен. Куда он денется? Мы можем лечить абсолютно безнадежные болезни – главное, не переборщить с высасыванием жизни у доноров, и все!

– А не хочешь попробовать бросить «слизняка» в пространство, чтобы он присосался сам к кому-нибудь? Ну как жрецы это делают!

– Честно? Неохота. Но давай попробуем... шлепну его безадресно, что будет – увидим...

Создав «слизня», я не направил его ни на кого, а послал в пространство и с отвращением увидел, как тот застыл посреди комнаты, будто принохиваясь, потом заструился в сторону парней, замер и вдруг, как живой, метнулся к черноволосому и прилип к его спине. Тот ойкнул и замер.

Я подозвал парня, схлопнул «слизня», отправил подопытного на место и сказал Лене:

– Запросто. Вот только делать это я не буду...

– Не зарекайся, – проницательно сказала подруга и спросила: – Ну что, будем сообщать Старикуну?

– Нет, подожди – завтра скажем. После того как сделаем то, что должны.

– Имеешь в виду бомбы? Ох, страшновато...

– Теперь нет. Теперь я наброшу на тебя поводок, «слизня» на парня, и, случись что, ты выживешь.

– А он?

– И он. Чего ему сделается? Небольшой разрез на спине, уйдет часть энергии жизни – неделя, и будет здоровее, чем прежде. Парни кровь с молоком, для того я их и вызвал сюда. В общем, на сегодня все, завтра займемся своими проблемами, ну а после операций уже подумаем, как и что сообщить Старику.

– А мне придется тебя резать, да? Кошмар... кстати, сразу-то нельзя будет набрасывать «слизня», ты не забыл? Вначале разрезать, достать, а потом уже «слизень»... иначе он просто схлопнет рану и не даст достать бомбу. Ты же знаешь, как быстро затягивается рана, если использовать «слизня». Сумеешь накинуть на меня поводок, когда я буду лежать с разрезанной спиной? И еще хуже – сам-то сможешь накинуть поводок, будучи исполосованным?

– Должен смочь, другого ничего и не остается, – нарочито уверенным голосом сказал я. На самом деле я не был так уверен, но в любом случае, ведь у нас еще были и обычные лекарства, не все же уперлось в амгуров. – Ну что, парней отпускаем до завтра? Пусть приходят с утра и ждут. Эй, парни, на сегодня свободны, завтра приходите с утра и ждете, пока не позволим! Все, шагайте!

Мы с Леной собрали разбросанные листы меди – сегодня уже не хотелось ничего изучать, ничего искать... будет еще время. Наверное.

Закончив, отправились в спальню и бухнулись на постель, где некоторое время лежали, глядя в потолок и предаваясь восхитительному ничегонеделанию.

Лена задумчиво сказала:

– Слушай, а ведь теперь ты можешь лечить практически любые болезни... представляешь, какие деньги ты можешь зарабатывать на Земле? Помнишь, как умер Фредди Меркьюри – оставил после себя шестьсот миллионов долларов, достались государству, у него даже родственников не было. Такой богач отдаст любые деньги, чтобы вылечиться... Можно и благотворительностью заниматься – я же знаю, что ты не утратишь и будешь лечить всяких убогих и обиженных, – но и деньги можно иметь огромные!

– А ты не думаешь, что после этого на нас опять выйдут наши «друзья» – куратор и иже с ним?

– Да, это точно... засветимся, и могут выйти... ну так надо сделать все, чтобы не вышли! Теперь я с тобой согласна – завалить их к чертовой матери, и все. Нет человека – нет проблемы!

Я усмехнулся:

– Забавно, в тебе уживаются и кровожадность и жалость... Придумаем чего-нибудь. Только нам еще вернуться надо – не забывай, портал где-то в главном храме богов, попасть на Землю мы можем только через него! Надо прочитать все остальные документы. С амгурами вроде как мы разобрались, а со сферой? Уверен, где-то есть информация о порталах. Обязательно должна быть...

– Слушай, Серег, давай куда-нибудь сходим? – неожиданно сменила тему Лена. – Ну что мы сидим дома как прикованные! Где-нибудь музыку послушать, посидеть, а? Есть тут какие-то заведения, где можно послушать певцов, или как тут у них называется – менестрелей, что ли?

– Менестрелей, темнота! – рассмеялся я. – И вообще, менестрели в средневековой рыцарской Европе! А тут откуда им взяться?

– Да какая, к черту, разница – барды, акыны, кто там у них? Пошли сходим куда-нибудь! Скучно мне до смерти... так надоели эти «слизняки», рожа кухарки да постный слуга! Ну своди меня куда-нибудь, а?! Чтобы пели, плясали!

– Хм... ну пошли... сейчас узнаю у слуг, где, в каком заведении можно как следует посидеть, да сходим. Собирайся. Можешь надеть самые лучшие принцесские одежды!

Лена взвизгнула, поцеловала меня в губы и кинулась к шкафам отыскивать свои шмотки, а я побрел вниз, обреченно думая о том, что всегда терпеть не мог эти самые злчные заведения... но чего не сделаешь ради своей подруги?

На кухне за столом сидели слуга, кухарка и, как ни странно, волколак. Похоже, Лена внушила женщине не только преданность хозяевам, но привязанность к Гарсугу – кухарка прямо-таки таяла, глядя на него.

Я кашлянул, привлекая к себе внимание, и спросил:

– Подскажите мне, где в городе есть приличное заведение, в котором выступают певцы, какие-нибудь артисты... где можно выпить, потанцевать, послушать музыку? Или нет такого?

Слуги привстали со своих мест, увидев меня, я остановил их рукой, а Гурант после небольшого раздумья сказал:

– Есть заведение, туда обычно ходят отпрыски благородных, богатенькие дети купцов и промышленников – даже сын и дочь главы города, ну и остальные. Там выступают певцы, акробаты, жонглеры, кудесники всякие, в общем. Дорого только там, как я слышал, а так – заведение чистое и приличное. Это в центре, пешком часа два. На извозчике – с полчаса. Называется – «Золотое дерево». Платите за вход, ну и там можно купить что надо. Любому извозчику скажете – хочу в «Золотое дерево», он вас отвезет за пять сиклей. Или за десять. Как договоритесь. Вас проводить туда?

– Я провожу, – вызвался Гарсуг, – все лучше, чем дома сидеть, воздухом подышу. Я знаю, где это.

– Хорошо, иди ищи извозчика. А мы с госпожой Лилин сейчас спустимся.

Я поднялся наверх – Лена была еще не одета и бегала по спальне в нижней короткой юбке, по пояс голая, колыхая упругой торчащей грудью так, что у меня сразу возникло желание завалить ее на постель... и никуда не тащиться, ни в какие местные ночные клубы.

Но нет – она тут же вырвалась, едва не ободрав меня, и заявила, что покувыркаться мы всегда успеем, а вот посмотреть на местные кафешантаны, возможно, доведется не скоро.

Ну что же... слегка разочарованный, я оделся, выбрав из обновок то, что получше, повесил на шею пресловутый кошелек, уже однажды срезанный у меня ловким вором, достал новые башмаки и вышел из комнаты со словами:

– Если через пять минут ты не спустишься, я уеду один и найду себе там смазливую бабенку, которая уж точно не будет против, чтобы я ее потискал, в отличие от тебя!

В ответ Лена запустила в меня башмаком, который я поймал и поставил рядом с дверью – а то потом искать придется.

Не через пять, но через пятнадцать минут мы уже сидели в коляске, громяющей по каменной мостовой.

Ехать было достаточно далеко, так что было время обдумать наши дела, несмотря на то что Лена болтала без умолку, обсуждая местные фасоны шмотья и обуви, до которых мне было столько же дела, сколько до добычи рыбы в Сомали.

За мыслями о сущем и болтовней Лены дорога прошла незаметно, и вскоре мы подъехали к заведению, у которого скопилась куча колясок, карет и всякой такой братии, ругающейся, орущей и плюющейся как извозчики.

Посмотрев на эту мешанину повозок, я пожал плечами и предложил:

– Лен, давай пешком дойдем эти сто метров? Похоже, у них считается престижным подъехать вплотную к дверям, но мы же не гордые, чтобы торчать в пробке из повозок, лишь бы не идти своими ногами? Не гордые, ага. Пошли! Только не запыли свое платье...

Лена нарядилось в то самое длинное белое платье с золотыми узорами, на волосах сеточка, височные украшения с камешками, браслеты на руки, глаза слегка подвела и чуть нарумянила щеки, как она объяснила – по местной моде. По мне, так она выглядела обворожительно! Секси!

Вход в заведение стоил аж пять серебряных сиклей – с носа. Это было довольно много, но я, чертыхнувшись про себя, заплатил. Здоровенный вышибала осклабился в улыбке, пропуская нас, и точно оглянулся вслед моей подруге.

Зал меня ничем не удивил – столики, стулья, сцена с подсветкой, только вместо фонарей-осветителей – магические сферы (опять вспомнил и подосадовал, что так и не научился навешивать сферу куда угодно, как обученные гауры).

Распорядитель усадил нас за один из столиков и спросил, что мы будем заказывать.

Я по уже отработанной схеме предложил ему принести бутылку хорошего вина, закуски получше и чего-нибудь просто попить – он согласно кивнул и убежал.

Зал постепенно заполнялся. Осматривая публику, я заметил одну штуку: на многих из этих хорошо одетых людей висело сразу по несколько нитей – поводков к амгурам.

Задумался... вот теперь ясно, откуда в нашем мире так много «слизней»! Ведь что получается – если жертва амгура умирает, то нить рвется, и надо заново совершать обряд привязки, проходит время, а ведь за это время можно заболеть или, попав в неприятности, и вовсе лишиться жизни. Но когда ты подстрахован множеством амгуров – у некоторых я насчитал до десятка поводков, – то и из жертв не сильно отсасывают жизнь, они живут десятки лет, и не надо так часто обращаться к гаурам за помощью.

Делаю вывод: гаур может навешивать несколько поводков зараз. Почему же я не могу навешивать сразу несколько «слизняков»? Хм... глупый вопрос. А я пробовал? Да мне это даже в голову не приходило! Вот черт... Итак, к примеру, миллион богатых людей навешивает амгуров на десять миллионов человек – вот откуда столько больных, проклятых людей у нас в стране. А почему у нас в стране? Почему не в других странах? А я видел в других? Может, там то же самое? Я же не выезжал за пределы России... И еще: а кто сказал, что «проклятых» десять процентов? Вполне вероятно, мне показалось – просто я был в таких местах, где существовала их наибольшая концентрация – больницы, например, или моя квартира, – куда они сходились толпами. Я же не считал, сколько их, тем более что это был город – может, в городе их больше? Опять – откуда я знаю, сколько людей тут могут себе позволить нести поводок амгура и сколько вообще живет в этом мире?

Старик говорил – несколько миллионов человек. А сколько именно – десять? двадцать? сто? У меня сложилось впечатление, что о переписи населения тут не имеют никакого представления. Если кто-то и знает о примерном количестве людей, населяющих этот мир, так это только канцелярия Храма, занимающаяся сбором налогов.

Вообще, если посчитать грубо, сколько потомства дали десять тысяч людей за пять тысяч лет? Ой, голову сломал... сто лет – это в среднем пять поколений, в каждом в среднем по пять детей... да-а-а... точно будут миллионы. Кстати, надо отдать должное жрецам: умудриться сдерживать прогресс на протяжении пяти тысяч лет – надо быть гениями.

Тут должна быть сильная тайная служба, очень сильная, иначе как они могут отслеживать настроения

в народе и гасить опасные веяния в зародыше? А тогда – какого черта мы поперлись сюда, когда вот-вот нас начнут разыскивать ищейки Храма? Нам забиться в нору и сидеть безвылазно, пока все не успокоится!

А с другой стороны – вряд ли нас будут искать в таком людном месте. Ведь они кого ищут? Станных людей в непонятных нарядах, которые не знают языка и обычаев и скитаются по селениям, не зная, куда деться. Неужели чужеземцы попрутся в кафешантан, как мы? Да и время еще не вышло – сколько прошло после того, как мы ушли из дома Арданана, пара дней? Нет, они еще не могли за нас взяться как следует, можно без опасений насладиться отдыхом – мы это заслужили, право слово. Но вот потом... потом надо будет залечь на дно и дней десять не высовываться.

Свои рассуждения вкратце довел до Лены, она согласно кивнула и сказала:

– Серег, я же не дура. Ты прекрасно знаешь, что обучена я совсем неплохо, и учили меня так же, как и тебя, и я не капризная дурища – все просчитала, опасности нет. Искать тут нас вряд ли будут, ну а от случайностей никто не застрахован. Не сидеть же нам в четырех стенах. Что касается амгуров – после того как ликвидируем наши бомбы, потренируешься. Пока что наслаждаемся и смотрим – вон вроде как спектакль начинается... или представление, черт знает как его назвать.

На сцене появились две девушки в довольно легкомысленных нарядах, они крутились колесом, подкидывали друг друга – акробатки. Их тела просвечивали сквозь полупрозрачную ткань, что очень нравилось окружающим – мужик за соседним столиком чуть не облизываясь до колен, аж привставая с места и вытягивая шею.

Потом настал черед жонглеров показать свое мастерство и стати – симпатичные молодые парни привели в экстаз дамочек за сорок, таких в зале было пруд пруди... впрочем, и некоторых мужиков тоже.

Номер следовал за номером, я откровенно скучал и подливал себе вина, кстати, очень, очень хорошего, даже на мой неискушенный вкус.

Лена с интересом смотрела на сцену, иногда комментируя действие, особенно когда вышли метатели ножей – к мишени встала девушка с почти что обнаженной грудью, на ней было что-то вроде топики, с трудом удерживающегося на сосках, а мужик метал в нее различные предметы, от кривых ножей и серпов до топоров. Зрелище было и правда душеспасительное.

Лена спросила меня:

– А ты бы так смог? Вот так, топором между ног? Брр...

– Между ног-то? Смог бы... но не топором, – меланхолично ответил я, очищая себе местный аналог апельсина.

– Охальник! Вечно ты опошлишь! – хихикнула Лена и снова переключила внимание на сцену – вышли вроде как барды с инструментами, похожими на мандолины.

Зал оживился, а молодые певцы с нарумяненными лицами и подведенными глазами, подыгрывая себе на своих балалайках, запели сладкими голосами что-то вроде любовной баллады.

Из их велеречивого повествования я понял – парень и девушка покувыркались, а этого никто из их родни не одобрил, заклевали несчастных, и они свалили в тайгу, где и жили-поживали, добра наживали, пока парня не сожрал тигр. Откуда в тайге тигр – хрен их знает, впрочем, может, типа амурского? Но, в общем, сожрал. Она собрала выводок завшивленных от недомытия детишек и приперлась к папаше с мамашей, они их приняли, помыли и накормили – добрые люди!

Хеппи-энд, если забыть, что тигр нормально пропустил через свой организм несчастного молодого отца. Зал плакал в умилении – как же, оптимистическая трагедия, папа и мама приняли блудную дочь и

выводок внуков! Рыдали дамы и их кавалеры – это надо было видеть! Реально, у людей слезы текли из глаз!

А я уткнулся в ладони и хихикал над этой балладохренью. Вот бы им показать какой-нибудь из наших тупых сериалов! Что с ними было бы?

Раздражали голоса певцов – сладкие-сладкие, тонкие-тонкие, потом понял и чуть не сплюнул: кастраты, елы-палы! Я же читал о таком деле! Тьфу!

Кастраты исполнили еще балладу о девушке и ягненке, потом о герое, спасшем селение от злых врагов, затем выступил хор девушек в фривольных нарядах, лихо отплясывающих под куплеты и барабанный бой за сценой. Это уже было как-то попримичнее, хотя половина девиц были целлюлитные и с толстыми лодыжками – этих я хоть с интересом рассматривал, на что Лена сказала, что кобель и есть кобель, и нечего заглядывать им под юбки, у них нет ничего такого, чего нет у нее.

Попрепивавшись немного, мы сошлись на том, что парни были отстой, а девки еще хуже, и примирились.

Наконец все эти номера, достойные провинциального цирка шапито, закончились, сцену оккупировала толпа музыкантов и заиграла нечто напоминающее и вальс, и лезгинку, и чечетку – с четким ритмом, явно предназначенное для танцев.

На свободное место между сценой и столиками вышли первые пары и начали танцевать. Что именно – я не знаю, пары расходились, кружились, притопывали, хватали друг друга за талию, выглядело в общем-то вполне симпатично и сексуально.

Дамы были наряжены по-разному – в основном преобладали легкие юбки до пят, разных цветов, украшенные узорами и камешками. Часто через верхнюю юбку проглядывали очертания ног чуть не до самой талии, из чего я сделал вывод – или нижней юбки там не было вообще, или же она такая прозрачная, что не скрывает почти ничего.

Лена внимательно наблюдала за движениями пар, потом пробормотала:

– Вроде ничего сложного – взял за талию... шаг, взяли за руки, отошли... взял за талию – крунулись, за руки – отошли, прижал к себе – отошли, за руки... крунулись... Серега, пошли потанцуем, а? Пошли? Сможем же! Помнишь, как нас учили на Базе? Да мы всех за пояс заткнем! Ну пошли, а?

– Ну пошли... делов-то...

Мы отправились на танцпол, пристроившись с краю, у стены, и после нескольких неловких попыток приспособились, вошли в ритм и с удовольствием закружились в здешнем «вальсе». Я понятия не имею, как назывался танец, что мы танцевали, но он мне нравился – это правда был танец, а не тупое дергание под кислотную музыку.

Мы танцевали минут пятнадцать, когда я услышал сбоку хихиканье, и чей-то глумливый молодой голос произнес:

– Глянь на эту парочку – парень просто осел, двигается как мерин какой-то! А девка-то ничего... я бы ей... хорошенько, чтобы визжала!

До меня не сразу дошло, что это говорят о нас, потом понял, оглянулся – у стены стояла группка молодых хлыщей с подрумяненными щеками, и один из них, довольно крупный парень с хищным орлиным носом упражнялся в остроумии, презрительно глядя на нашу пару.

Лена вцепилась в мою руку, сжав так, что я почувствовал боль.

– Серега, не надо! Нам нельзя светиться! Не трогай урода! Давай уйдем отсюда! Похоже, это здешняя

золотая молодежь, не связывайся.

Я кивнул, взял ее под локоток, и мы, не обращая внимания на придурков, пошли к выходу. Я сжал зубы и старался не смотреть в сторону мажоров, надеясь, что этим все закончится и они от нас отстанут. Не тут-то было – когда мы проходили мимо них, тот же горбоносый мажор громко сказал:

– Девка настоящая шлюха – папан мне дал денег, я таких шлюх три штуки снял вчера, еще получше этой были! Эй, урод, продай нам свою шлюху!

Я остановился, медленно повернулся и в упор посмотрел на говорившего, не обращая внимания на побледневшую, повисшую на моей руке Лену.

– Чего уставился, деревенщина? Живых людей не видал, что ли? – Горбоносый заржал, а его окружение – пятеро парней примерно такого же возраста – радостно поддержало жоака.

– Людей видал, а вот говорящего осла – первый раз. Может, еще что-то прокричишь своим задом, осел кастрированный?

Прихлебатели замерли, а у горбоносого перекосило физиономию.

– Да ты знаешь, с кем говоришь, осел деревенский, неумытый?!

– Знаю. С говорящей задницей. Ослиной задницей. И если тебе, задница, больше нечего сказать, то мы пошли.

Я развернулся и пошел прочь, придерживая за руку бледную Лену.

Шагов через семь она сказала:

– Аккуратно, не убивай – летит!

Я кивнул, чуть отступил в сторону, выставив ногу, и горбоносый пролетел мимо, буквально пролетел – по воздуху, споткнувшись о мою ногу и проехав по полу метра полтора. Пол был хорошо натерт, так что, если бы не столики, пару которых он снес своей головой, парень доехал бы до самой двери.

Перешагнув через агрессора, мы направились к выходу, у которого стоял вышибала, угрюмо взиравший на происходящее. Когда мы проходили мимо, он шепнул, видимо проникшись к нам – а может, эти уроды его достали:

– Осторожнее! Это сын главы города, известный дуэлянт! Уходите быстрее!

Мы прибавили шаг, а Лена грустно сказала:

– Умеем же мы вляпаться в неприятности... давай быстрее смываться, рупь за сто, сейчас толпа уродов вывалит за нами!

– Я сказал возчику, чтобы ждал нас на углу. А Гарсуга, слава богу, отпустил – не хватало еще и его в это дело втравить.

Мы припустились бегом, надеясь, что нас не успеют догнать, – Лена задрала подол и неслась как чайный клипер под всеми парусами, я тоже надавал по полной, и вот он, угол улиц... Огляделся – чертова возчика не было! Видать, решил, что не дождется нас, и свалил.

Делать было нечего – мы зашагали в сторону дома, надеясь поймать извозчика по дороге. Рядом с заведением стояли извозчики, но возвращаться туда, само собой, смысла не было – опасно.

Через двадцать минут ходьбы у меня немного отлегло от души, и я решил, что мы оторвались от хулиганов, – увы, преждевременно решил.

Сзади слышался грохот колес, он приближался, приближался, и вот из-за поворота вылетели две

пролетки, полные молодняка, подобного горбоносому.

Я остановился и огляделся по сторонам, оценивая ситуацию – а она была полностью дерьмовой!

– Лена, у них у каждого по десятку поводков, понимаешь? Сейчас я накину поводок на тебя, брошу амгура на кого-нибудь из них, и придется их валить! Похоже, добром тут не кончится! Смотри внимательно, без моей команды никого не трогай, хорошо?

– Хорошо. Я готова!

«Ну ничего, ничего не меняется ни в одном мире! – подумал я. – Теперь не промахнуться с амгуром...»

Пролетки подкатили к нам – это явно были семейные экипажи, украшенные узорами и с какими-то вензелями на боках. На мостовую выпрыгнули несколько парней, и я тут же накинул амгура на одного из них – он вздрогнул, но, похоже, ничего не понял.

За несколько секунд я передал поводок Лене и накинул еще одного амгура на другого парня. Теперь я был наготове.

Горбоносый раздвинул своих дружков и вышел вперед.

– Чего ты там рычал, скотина безрогая? Как ты посмел вообще тявкать мне что-то? Я тебя сейчас проткну, как свинью! – В его руках появился меч, похожий на прямую саблю, типа палаш, только короче, сантиметров семидесяти длиной. Поигрывая им, он подошел ко мне на расстояние трех шагов и спросил: – Что, страшно, деревенщина? Жить хочешь? Давай нам свою шлюху и будешь жить!

У меня возникло ощущение дежавю, такое яркое и сочное, что я даже засмеялся. Черт, это фарс какой-то!

Горбоносый с недоумением посмотрел на меня:

– Чего смеешься, осел? Что смешного услышал?

– Ты смешной – подходишь к безоружному с мечом, а боишься его, как последний трус! Только трус, такой как ты, может нападать на невооруженного человека. Парни, как вы можете уважать этого трусливого осла?

– Я трусливый? – Горбоносого опять перекосило так, что его лицо задергалось в судороге и в уголках рта показалась пена. – Дайте ему меч, я буду с ним драться! До смерти! И никто не скажет, что я убил безоружного, ни один человек в городе! Этот осел должен умереть!

– Осторожно, – почти не шевеля губами, сказала Лена, – он, похоже, берсерк! Пену видишь?

Да, я видел пену на его губах – парень явно был ненормальный, да и все его поведение на то указывало, не только пена. Подумалось – а если долбануть их сферой? Куда только их мечи полетят...

Горбоносый взял поданный ему кем-то меч и бросил к моим ногам.

– Защищайся, деревенщина! Ты будешь убит по всем правилам!

– А какие правила?

– А нет правил, придурок. Или ты умрешь, или я – но скорее всего ты! – Горбоносый усмехнулся и оскалил зубы.

Кто-то из его дружков отчетливо шепнул:

– Валикас, может, не надо? Твой папаша будет опять орать – ты уже пятого за этот месяц убиваешь! Давай попинаем их, и пусть валят!

– Иди к Ахриману! Сказал – убью этого осла, значит, убью! Эй ты, придурок, к бою!

Я поднял меч, взвесил его в руке – он отличался от тех сабель, на которых учил нас драться Мастер. Сабли были длиннее, у них была другая центровка, а этот меч был бронзовым, более толстым и коротким – видимо, такова была технология изготовления этого оружия. Рукоять шероховатая, цельнолитая, видел такие на картинках со скифскими акинаками – их потомок?

Только вот рассуждать уже было некогда – Горбоносый приготовился к бою. В правой руке он держал меч, а в левой... в левой откуда-то появился кинжал сантиметров двадцати длиной.

– Начнем, деревенщина?

Глава 12

Звон! Удар! Скрежет ножа по мечу, укол!

Горбоносый отскочил и озадаченно посмотрел на меня, потом его лицо задергалось, на губах выступила пена, и он, не разбирая дороги и не думая о последствиях, бросился вперед.

Удар – мой меч проткнул ему руку, она тут же, на глазах зажила. Еще удар, круговое движение – кисть его руки, отрубленная, отлетела на землю, и меч зазвенел по мостовой.

Горбоносый отскочил и с ужасом посмотрел на землю, на свою руку и дико завыл:

– А-а-а! Он покалечил меня! Убейте его!

Его свита похватила свои мечи, кинжалы, висевшие на поясе, и двинулась на нас – я в который раз с раскаянием подумал: «Ну на хрена мы выбрались из норы? Ну кто, кто нас тянул в это заведение?»

Лена с сожалением шепнула:

– У них у всех ментальные блоки! Серега, я ничего не могу сделать! Вали их боевым заклинанием, иначе тут поляжем!

Я отступил назад, прикрывая ее своей спиной, и, бросив меч, сотворил заклинание сферы – она засияла над головой как прожектор, и парни отступили назад.

– Он гаур! Это гаур! Парни, это опасно!

– Что вы на него смотрите?! – крикнул горбоносый, зажав обрубок руки, который уже перестал фонтанировать кровью и затягивался свежей кожей. – Амгуры из кого-то вытянули жизнь – убейте его! Он не сможет всех сразу завалить! Кто струсит, я того сам убью!

Видимо, угроза найти смерть от рук этого мажора была вполне реальна, так как толпа парней снова двинулась на нас.

– Ну что же, вы этого хотели! – Я сотворил заклинание, как учил Арданан, сфера сорвалась с места над моей головой и с треском ударила в камни мостовой, разорвавшись, как артиллерийский снаряд.

Парней разбросало в стороны, они попадали будто кегли и слегка шевелились, как раки на раскаленном асфальте набережной.

– Бежим! – крикнул я. – Скорее, уходим отсюда!

– Стоять всем, не двигаться!

Неожиданно пространство вокруг заполнили люди в броне и без брони, с оружием в руках, и самое главное – с десятков лучников направили на нас стрелы.

– Всем оставаться на местах, никому не двигаться! Стража Храма!

Стена из стражников сомкнулась перед нами, и я с отчаянием подумал: «Приплыли! Попались, черт нас возьми!»

Говорят, в такие минуты, минуты гибели и отчаяния, вся жизнь проходит перед глазами, да? Хренушки! Мат! Мат стоит, и ярость в голове, и готовность сделать что угодно – драться, умирать, убивать, только бы избавиться от чувства беспомощности, страха, от подгибающего коленки черного ужаса!

Я не знаю, что бы сотворил в этот момент, но Лена тронула меня за плечо и твердокаменным голосом сказала:

– Серега! Пока мы живы – надемся! Не надо!

Я осмотрелся – вокруг стояло человек сорок, часть я положу, но нас наспигуют стрелами, и, скорее всего, после этого мы не выживем... Что же, альтернативы нет.

– Сдаемся! – крикнул я. – Не стреляйте, сдаемся!

– Так-то лучше. – Вперед вышел человек в свободной, жемчужно-серой одежде и спросил: – Не будет никаких безобразий, заклинаний и тому подобных пакостей? Не хотелось бы вас глушить дубинкой... обещаете, что будете держать себя в руках? – Он усмехнулся. – Впрочем, сейчас вы пообещаете что угодно. – Он обернулся к своим людям и негромко приказал: – Зачистите место! Никто не должен остаться в живых!

Я с ужасом смотрел, как стражники добивают раненых и оглушенных парней, втыкая им мечи в грудь, отсекая головы... Кто-то из возчиков, находящихся при господах, попытался скрыться, но упал с облучка со стрелой в спине. Всех, кто находился рядом, перебили.

Человек в сером подошел к нам с Леной и сказал:

– Вот видите, что вы наделали? Сидели бы в своем особнячке, тихо делали бы свое дело, так нет же, вам понадобилось искать развлечений. Развлеклись? Теперь вы убийцы, вне закона и подлежите казни. Быстро влезайте в фургон, и без глупостей! – Его голос сделался ледяным, опасным, не оставляющим сомнения, что, если кто-то не выполнит его распоряжение, будет очень плохо.

Подкатил серый фургон с закрытым занавеской окном, дверь распахнулась перед нами, и мы шагнули к своему неизвестному будущему.

Внутри фургона пахло кожей, слегка – затхлостью, было темно и мрачно, как у меня в душе. Мы молчали. Говорить было не о чем – информации слишком мало, чтобы сделать хоть какие-то выводы о ситуации.

Все дорогу я поглядывал на четырех мордovorотов справа и слева от нас и прикидывал, смогу ли их положить. Выходило – нет. А может, да. А может, там лучники – и тут же три стрелы в глаз, и никакие амгуры не спасут. А может, нет лучников. А может... Да сколько еще этих «может»?!

– Не будем суетиться! – сжала мне руку Лена. – Посмотрим, что и как, не из таких ситуаций выкручивались, не отчаивайся!

– Я и не отчаиваюсь... я думаю, как им бошки открутить и свалить отсюда.

– А куда свалить? Ты слышал, что он сказал про особнячок? Он знает о нашем убежище, бежать-то некуда! Подождем, чем закончится.

– Не разговаривать! – рявкнул один из мордovorотов, и мы затихли, лихорадочно обдумывая ситуацию и решая, как из нее выбраться.

Меня сильно занимало – какого черта стражники положили кучу мажоров? Зачем? Это же были дети высокопоставленных родителей! Скандал будет дичайший, для чего это все? Мне казалось – скоро мы все узнаем...

Дорога заняла около двух часов – довольно много, учитывая местные расстояния. Повозка остановилась, дверь распахнулась, и конвоир приказал:

– На выход! И без глупостей! Оглянуться не успеете, как вас начнут стрелами, мы не шутим!

Я пожал плечами. Как-то и не было видно, что эти люди склонны к искрометному юмору – рожи у них были не того формата. Если одеть их в камуфляж или же в форму сотрудников СИЗО, они ничем бы не

отличались от земных вертухав.

Выйдя из фургона, мы оказались перед высоким трехэтажным особняком, как две капли воды похожим на богатые здания в городе, ну за исключением большого количества охраны и стрелков с луками везде, куда только падал взгляд.

Подумалось – крепко они взялись за дело... куда же это мы попали, в конце концов? Ответ напрашивался сам собой, вот только верить в это как-то не хотелось...

Нас провели в дом через высокие, мощные, окованные бронзой двери, и вскоре мы оказались в довольно просторной комнате с креслами, скамьями и большим письменным столом, стоящим возле окна. Кресла были обиты темно-красной тканью, похожей на бархат, стен не было видно из-за узорчатой, с рисунками зверей и птиц ткани – интерьер оставлял впечатление дорогой, но неэлегантной безвкусицы.

В комнате мы просидели около получаса, расслабившись и приготовившись к худшему. Перебросившись парой фраз, решили, если что, драться до последнего – быть поджаренными в быке или сесть на кол не входило в наши планы, лучше погибнуть в бою.

Скрипнула дверца, и откуда-то из угла появился человек в сером, который руководил операцией по нашему захвату.

Я внимательно всмотрелся: горбоносый, около сорока – сорока пяти лет, ничем не примечательный, невыразительный настолько, что пройдешь мимо и не заметишь. Мышь серая! Вот точное определение – мышь серая! Я улыбнулся своим мыслям, человек это заметил и спросил удивленно:

– Неужели у вас остается сила духа, чтобы еще и улыбаться в таком положении? Вы знаете, что, попадая сюда, некоторые преступники обдывались со страха? Реально обдывались – приходилось менять обшивку кресел! А вы улыбаетесь... интересно, интересно... Вы поняли, куда попали? И кто я?

– Ну имени я вашего не знаю, но вы явно имеете отношение к тайной страже, – пожал плечами я. – А то, что не дергаемся... хотели бы – давно бы убили. Значит, чего-то от нас надо, значит, будем разговаривать, торговаться, может, и договоримся. Что нам, биться в истерику и плакать? Глупо бы выглядело.

– Да, вы интересные существа... Как вас мне называть? Демоны? Или ангелы? – Человек многозначительно подмигнул, сел в кресло за письменным столом и продолжил уже серьезно: – Да, я знаю, кто вы такие. Как только вы проявились, вышли на контакт со Стариком – мне тут же доложили. С тех пор мы ведем за вами наблюдение. И то, что вы вылезли в свет, тоже неплохо.

– А зачем вы этих придурков положили? Неужели была необходимость всех убивать?

– Зачем? А мы их и не убивали – это вы сделали, злые демоны. Честно говоря, тут сразу два удобных момента. Во-первых, этих придурков прибрать, они слишком уж распоясались, люди возмущались, а сделать ничего нельзя – папаши и мамыши влиятельные тут же бежали к жрецам и просили защиты. Во-вторых, теперь вы злодеи, убившие хороших, добрых парней. Их родители пойдут к нам искать защиты и управы, понесут подношения, дадут денег на службу – так что вы очень удобно вывели всех в укромное место... и убили. Если кто-нибудь скажет, что это мы сделали, – чушь! Это сделали злые демоны – и вот они, негодяи! Учтите это. Теперь вы полностью в нашей власти. В моей власти. – Человек побарабанил пальцами по крышке стола и добавил: – Неужто вы думали, что группировки типа банды Старика работают сами по себе, а мы ничего о них не знаем? И что у нас не было наблюдателей в лесу, когда вы поубивали отряд стражников? Да мы вели вас от самого дома Арданана и следили, как развиваются события! Вы что думаете, удостоверения личности появились у вас просто так, Старик в канаве нашел? И что свитки Храма так просто добыть какому-то предводителю банды? У вас в демонском мире, возможно, и так, но у нас

совсем другое дело...

– А кто вы-то? Может, представитесь? А то вы нас знаете, а мы вас нет...

– Да-да, невежливо как-то... – Человек усмехнулся, давая понять, что ему глубоко плевать на вежливость, на нас и вообще на все, что не касается его выгоды. – Глава тайной стражи Лакраннон.

– Очень приятно, господин Лакраннон. Только вот неясно, зачем мы вам нужны? – вмешалась Лена. – Может, объясните? К чему такие сложности с захватом, разговорами, уничтожением этих придурков – пристрелили бы на месте или отдали жрецам для расправы. Чего вы от нас хотите-то?

– Хм... резонный вопрос, – улыбнулся Лакраннон. – Я все ждал, спросите или нет, или же вы настолько беспечны и глупы, как тогда, когда потащились в «Золотое дерево»!

Лена, услышав это, слегка покраснела и поджала губы.

– Вы мне нужны, да, – продолжал Лакраннон. – Дело в том, что между жречеством и прогрессивными людьми этого мира уже давно пролегла пропасть – нам надоело жить по законам пятитысячелетней давности, когда власть находится в руках жрецов, подавляющих все новое, все мало-мальски отличающееся от тех догм, которые они преподносят народу. Группа людей, влиятельных людей из числа военных и промышленников, решила изменить положение дел, и для этого мы используем все силы и средства, какие только можем. Вплоть до демонов из потустороннего мира. В отличие от жрецов, мы лишены магических способностей, зато мы обладаем умом, здравым смыслом и желанием изменить мир. Жрецы уже изжили себя, власть должны получить военные! Теперь вам понятно?

– Теперь понятно... – Что-то мне это все напоминает... Снова дежавю? Ну да ладно. – Вот только неясна наша роль в вашем заговоре – мы тут при чем?

– Очень даже при чем! Вы поделитесь с нами знаниями вашего демонского мира, а также будете участвовать в заговоре на нашей стороне, как гауры – вы же сильные гауры, как я знаю, вас надо лишь обучить, и вы будете работать на нас, вы будете наши гауры, будете противостоять гаурам-жрецам. Хотя мы не маги, но у нас на службе достаточное количество преданных нам гауров, разделяющих наши взгляды, вот и вы теперь будете служить нашему делу.

– Думаете, мы сможем это делать? – пожал плечами я и добавил: – Во-первых, мы темные, необученные, во-вторых – а если мы не захотим ввязываться в вашу драку? На кой Ахриман нам ваши разборки?

– А куда вы денетесь? Откажетесь – я сдам вас жрецам, и вы закончите жизнь в медном быке. А перед этим хорошенько обработаем вас – превратим в куски мяса, мычащие и бестолковые, чтобы никому ничего не рассказали. Да и не поверит вам никто: глава тайной стражи, устраивающий заговоры, вместо того чтобы искоренять заговорщиков, – глупости, правда же?

– Действительно глупости! А вы не думали над тем, что могут вас или кого-нибудь из ваших людей исследовать с помощью ментатов? И вы выдадите ваши мысли?

– И кто это осмелится подвергнуть главу тайной стражи ментальному контролю? Ну не смешите меня. Кроме того, вам, демонам, и неизвестно, что все ментаты находятся у меня в подчинении. – Лакраннон весело рассмеялся и снова подмигнул. – Здорово, да?

– М-да-а-а... вот вы обставились... и не подступиться!

– А вы думали! Ладно. Вы, вероятно, гадаете – зачем он все это нам вывалил, да? – пронизательно посмотрел мне в глаза глава тайной стражи. – Затем, чтобы вы осознанно мне помогали, чтобы были не просто на крючке у меня, как пойманная рыба, а чтобы сами, добровольно и осмысленно работали в

системе! Теперь, после того как я вас поугубил, рассказал, что с вами будет, скажу о вкусностях и наградах: вы останетесь на свободе – видимой, конечно, вы будете жить в своем доме, что вам предоставил я. Я, я, никакой не Старик! Он вообще у меня на побегушках, чтобы вы знали! Вы будете получать жалование, будете обеспечены питанием, от вас – информация. Что именно мне нужно, я вам скажу после того, как побеседую со своими советниками. Вкратце – новые типы вооружений, способы обработки металла. Вы будете обучаться – я пришлю к вам в дом опытного гаура, который подскажет вам, какие заклинания и где применять, как делать нужные снаряды, ну и так далее, все, что нужно знать настоящему гауру. И ментату. Да, я и это знаю, красавица! И знаю, что при всем твоим милым, ангельским личиком ты не ангел, а зверюга страшнее взвода стражи. Не делай удивленное лицо, видели, как ты валишь стражников. Вот так ты со своим демоном и уложила несчастных детей уважаемых граждан города! Бедные дети... – Лакраннон хихикнул и закашлялся. – Сейчас вас отвезут домой, и вы будете обсуждать негодяя-стражника, потом полюбите друг друга и решите, что все не так и плохо и посмотрим, что будет дальше. Я вам скажу, что будет дальше: мы возьмем власть в свои руки, и на месте верховного жреца будет умный и прогрессивный человек, под руководством которого этот мир пойдет в будущее семимильными шагами! А те, кто ему помогал, будут возвеличены и займут важные посты. Ну не славно ли?

– Славно. А умный и прогрессивный, это, вероятно, вы? – с ехидной улыбкой спросила Лена.

– Ну не твоя же кухарка, из которой ты сделала комнатную собачку? Грубо работаешь, красотка! Учить тебя надо! Но сила впечатляет. Ты очень пригодишься моей службе. Кстати, парень, а что там за разговоры о картинках? Ну ты Старик говорил, что видишь какие-то картинки. Что за дела? Какие картинки? Давай-давай, не тани, рассказывай! Я же чувствую, что тут что-то нечисто...

Я помолчал, пожал плечами – раз уж ляпнул, так что теперь...

– Если я коснусь человека, то могу иногда видеть то, что он видел, картины из его жизни. Это умение не стабильно и проявляется редко, по своему какому-то разумению. Так что в общем-то оно бесполезно.

– Как это бесполезно? Ничего не бесполезно! – воодушевился Лакраннон. – Надо развивать это умение, надо тренировать... ты хоть понимаешь, насколько оно ценно? Можно выявить предателя, можно определить преступника – да тебе цены нет! В общем, учиться тебе надо, вот что я скажу. Пришлю к вам гаура-заклинателя и гаура-ментата – учиться будете. Каждый день. До обеда пишете все, что знаете о вашем мире, вспоминаете все знания – кстати, мы вам в этом поможем, – а после обеда учитесь. Выходные будут, один выходной в неделю – что хотите делайте, хоть снова по злым заведениям бродите... попозже, пусть уляжется шум, который поднялся после убийства вами компании молодых аристократов. Вами, вами – нечего морщить лбы! Не пошли бы в «Золотое дерево», может, они и живы были бы. А так – все равно как вы сами их убили. Честно говоря, вы попали в точку – мне надо было почистить город от этих подонков, я уже говорил вам, жалоб пошло на них реки полноводные, а тут и вы, как по заказу! Ну как было не воспользоваться? Хе-хе... – Лакраннон хохотнул и встал с места, дернув веревку в углу кабинета, потом обернулся и сказал: – Что, подруга, не выходит, да? Твоя девица попыталась взять меня под контроль! Еще раз такое сделаешь – просидишь неделю в темнице на хлебе и воде, не посмотрю, что ты такая красотка, на меня ни бабские чары, ни усилия ментатов не действуют, я подготовлен защищаться от этого, мало того, я чувствую, когда кто-то лезет в мой мозг. Поняла, торопыга?

– Поняла, – смущенно ответила покрасневшая Лена. – Но попытаться же нужно было?! Вы бы не поняли, если бы я не попыталась!

– Ну вот и попыталась, я же тебя за это в темницу не запер? Только пытаются со мной один раз, учти это! – Лакраннон построжел, и его глаза стали холодными, как льдинки. – Если мне для дела понадобится вас посадить на кол, я это сделаю ни минуты не раздумывая, учтите! Все, беседа окончена, сейчас вас проводят к повозке. Какие-то пожелания у вас есть?

– Есть, – ответил я, помня о том, что нам предстоит. – Мне нужен набор хирургических инструментов, самый лучший, материалы для обезболивания и перевязки, а еще – максимальное количество саликантала, для обучения.

– Завтра утром доставят.

Лакраннон, не прощаясь, вышел из комнаты через потайную дверь, а парадную открыл один из мордovorотов, доставивших нас сюда. Он жестом предложил нам покинуть помещение.

Дома мы были уже глубокой ночью – какого черта надо было тащить нас так далеко, мне невдомек. Вероятно, хозяин секретной службы хотел нас слегка протрясти, выбить спесь из гауров-демонов – наверное, так. Зачем же еще было тащить нас в Сантар? А в том, что мы были в Сантаре, нет никакого сомнения, это был именно он, город жрецов, город портала.

Лена всю дорогу дремала у меня на плече, а я не мог успокоиться и завидовал ее способности спать где угодно и как угодно – все-таки у женщин, ученые давно это определили, гораздо более устойчивая нервная система. Может, из-за недостатка воображения? Если мы, мужики, накручиваем себе варианты ужасов, варианты бед, то женщина живет одним днем, мало задумываясь о будущем. Потому, по статистике, они и живут дольше мужчин...

В доме не спали – ждали нас.

После нашего стука дверь тут же распахнулась. На пороге стоял Гарсуг, сверкая зелеными глазами.

– Хозяева, наконец-то! Мы тут волновались – говорят, в городе была какая-то резня, много людей поубивали! Хорошо, что вы не попали в это дело!

– Хорошо... не попали, – усмехнулся я и, обнимая за талию сонную Лену, повел ее наверх, в спальню.

Там я ее раздел, безвольно поднимающую руки и причитающую: «Я сама, давай я сама!..» – и уложил в кровать.

Подруга сразу уснула, а я вышел в зал и стал рассказывать в неверном свете масляного фонаря, зажженного прислужгой.

В общем-то все закончилось хорошо, если забыть, что теперь мы под полнейшим контролем главы тайной стражи. Впрочем – а разве мы не были под контролем? Только мы не знали, что это глава стражи, а считали, что с нами имеют дело бандиты... Но сложилось вполне неплохо: нас будут обучать, а потом у нас будет доступ в город, где находится портал, – не этого ли мы хотели? Главное, чтобы заговор Лакраннона не раскрыли – уж очень не хочется попасть меж двух огней! Это не наша война, не наша разборка, надо сделать так, чтобы мы получили от них все что можно, но не были втянуты в их дразги. Как это сделать? Война план покажет.

Я сбросил с себя одежду и улегся рядом с посапывающей подругой. Утро вечера мудренее, успел подумать я перед тем, как отдался в объятия Морфея... задрых, в общем...

Утром в дверь постучал Гарсуг и на мои ласковые слова: «Какого Ахримана все поспать не даете! Поубивал бы вражин!» – ответил:

– Хозяин, тут принесли коробку с инструментами и всем что нужно, куда девать?

– Наверх поставь... и вот еще что, подготовь инструменты, простерилизуй... ну то есть положи в кипящую воду и подержи подольше, слышишь? Приготовь обеззараживающие снадобья. Мы немного поспим еще, скажи, чтобы нас не беспокоили!

– Правильно! – сквозь сон заявила Лена. – Убей их всех, чтобы эти сволочи спать не мешали!

Она обняла меня рукой и засопела у груди, выводя рулады красивым носиком.

Я погладил ее по голой спине... раз, два... три... чего-то как-то, хм... захотелось... в общем, минут через пятнадцать мы оглашали окрестности стонами, криками и скрипом кровати. Поспали, называется! Отыгрались за вчерашний день, за ночь... и вообще за те дни, когда нам мешали наслаждаться друг другом.

Мокрая от любовного пота Лена потянулась, согнув свои потрясающие ноги в коленях, и сказала:

– Я бы еще спала и спала!

– А я уже выспался по полной! – заявил я и ретировался в ванную – эдак заедит до смерти...

Мы медленно и с расстановкой оделись, настроение было хорошее – все-таки мы обрели какой-то социальный статус и определенность в этом мире, можно строить некие планы на ближайшие месяцы, а то и годы, разве это плохо? Вот бомбы вынем, и будет совсем хорошо...

Позавтракали мы плотно, впрочем, было непонятно, то ли это поздний завтрак, то ли ранний обед – время было уже около полудня. Закончив трапезу, я спросил подругу:

– Ну что, займемся операциями? Как ты? Начнем с тебя или с меня?

– Давай с меня. Так надежнее...

Со стола убрали посуду, я спустился вниз. Оба парня-«собачки» сидели на кухне, а Гарсуг разглагольствовал о правильной охоте на кабана и о том, как вкуснее приготовить его мясо – из его слов следовало, что вкуснее всего мясо почти не жареное, а печень и сердце теплые, только что из дичи.

Я набросил амгура на рыжего парня и приказал ему сидеть тут, а кухарке дать ему обильного питья и еды – могут понадобиться, когда ему станет хуже.

Мои слова насчет «станет хуже» расстроили парня, пришлось его успокоить, что он ухудшения почти и не заметит, что это так, к слову было сказано. Впрочем, сам я был в этом не очень уверен, но что делать?

Прихватив Гарсуга, отправился наверх, готовить место для операции.

Посоветовавшись, решили – на столе, где же еще? Стол протерли крепкой водкой, для чего пришлось сбегать в соседнюю лавку, застелили чистой простыней, рядом положили прокипяченные волколаком инструменты, снадобье для обезболивания – все было готово.

Лена выпила микстуру из стакана, разделась по пояс и легла ничком на стол, закрыв глаза и сжав кулаки так, что побелели пальцы.

Через несколько минут кисти ее рук расслабились, напряженные плечи опустились, и она застыла в полусне-полуобмороке.

– Слушай, Гарсуг, какого Ахримана там намешано, в этой микстуре? – озабоченно спросил я своего подручного. – Ты уверен, что все нормально?

– Нормально, хозяин, – усмехнулся волколак, – там разные травы, применяют, когда дергают зубы или лечат раны, опять же – когда делают операции, вот как сейчас, не бойся! Через два часа будет как всегда, только надо поторопиться, действует недолго.

– Ты руки водкой вымыл?

– Обижаешь, хозяин! Я все-таки учился у лекаря! Конечно, вымыл.

– Хорошо. Поддай мне самый острый хирургический нож! Полей ей на спину вот в это место и протри тут все хорошенько.

Я принял инструмент, дождался, когда Гарсуг обработает место разреза, мысленно перекрестился на

всякий случай и нацелил скальпель туда, где предположительно должна находиться капсула-бомба – накануне Лена показала, куда ей загнали снаряд.

Немного поколебался, коснулся гладкой кожи Лены лезвием, слегка нажал, потянул... кожа разошлась, как кожура банана, обнажив мышцы, сразу начавшие кровоточить. Если бы не подготовка на Базе, наверное, я бы упал в обморок – резать свою подругу, да еще видеть разверстую, обильно кровоточащую рану было очень тяжело.

Еще движение скальпелем, глубже, и вот лезвие чиркнуло по чему-то металлическому – есть! Вот она, гадина!

– Гарсуг, пинцет или что-то вроде щипцов мне дай! Надо извлечь эту пакость!

Гарсуг подал мне нечто среднее между пинцетом и щипцами, загнутую крючком штуку – ага, то, что нужно!

Я стал пытаться вырвать из тела девушки бомбу, та соскальзывала, не давалась – как будто закорилась в теле, а может, и правда закорилась? Я уцепил ее покрепче, потянул, потянул, потянул ее... выше, выше... вот блестящее донышко показалось из раны... вдруг БАХ!

Взрыв! Осколки бомбы посекали стекла в окне, резанули меня по лицу, и тут же закапала кровь. Рану Лены разворотило так, что показались кости позвоночника, а сама плоть стала чернеть, как будто загнивать. В голове мелькнуло – вот он, яд! Это яд! А-а-а-а!

Лена начала подергиваться, глаза ее закатились, губы и пальцы моментально стали синими – похоже, жить ей оставалось несколько минут, если не секунд.

Я возложил на нее руки и стал передавать ей поводок, от волнения у меня плохо получалось сосредоточиться, я никак не мог войти в транс – какой там транс, когда любимая девушка умирает у меня на глазах! Потом все-таки сумел настроить себя – подготовка Базы дала себя знать – и стал передавать: «Бери! Бери поводок! Бери! Бери!»

Мое отчаяние было велико, но я справился и с облегчением увидел, как из головы Лены торчит серая нить. Мелькнуло – не убить бы парня-донора! Надо еще амгура кинуть, на второго!

Бегом кинулся вниз, влетел в кухню, окровавленный, как был, и кинул амгура на черноволосого, метнулся снова вверх, глянул – Лена порозовела и дышала уже легче, а страшная, вонючая рана на спине потихоньку затягивалась.

Я положил Лену на бок, промыл рану и вычистил из нее осколки капсулы, постаравшись найти все кусочки, обработал участки, подвергшиеся действию яда, – подруга не пошевелилась, видимо, снадобье все-таки неплохо ее отключило, перекинул на нее еще один поводок – как ни странно, это удалось довольно легко. Теперь заживление еще ускорилось, а я опустошенно сел около стола и смотрел, как дыра в ее спине затягивается, оставляя на месте страшных разрушений только гладкую розовую кожу.

Через полчаса место, где раньше была бомба, отличалось от остальной поверхности спины только пятном розовой, нетронутой загаром кожи да небольшой вмятиной – часть мышц вырвало взрывом, их придется восстанавливать тренировками, увы...

Лицо Лены было безмятежным, она посапывала, не зная, что смерть только что пронеслась над ней, задев крылом...

Гарсуг стоял у окна ошеломленный, с вытаращенными глазами и молчал, потом осторожно спросил:

– Хозяин, что за гадкое колдовство это было? Хозяйка едва не умерла. Я не верил, что ты ее спасешь! У нее мясо стало обугливаться, как от гангрены!

– Яд это был, Гарсуг... плохие люди вставили его в спину хозяйке. Вот поэтому мы и делали операцию.

– А у тебя, хозяин... тоже?

– Да, Гарсуг. И что делать – я не знаю. Вроде все делал правильно, почему она взорвалась?

– Хозяин... может, сделали так, чтобы она цеплялась за края раны, когда будет вылезать? Ну как у наконечника – острые края, он и вытаскивается только с кусками мяса, может, и тут так?

– Хм... а что? Если, к примеру, капсула цепляется за края раны, закорена, а когда тянешь ее, включается механизм саморазрушения... типа растяжки у гранаты – зацепил струну, выдернул чеку, она и бабахнула...

Я поглядел на Гарсуга, он явно недоумевал: какие растяжки? Какие гранаты?

Махнув рукой, я не стал объяснять ему эти термины, а пошел вниз, в кухню, посмотреть, что там делается с парнями.

Рыжий был бледен, на его лбу выступили капли пота, черноволосый был пободрее – на первого пришелся основной удар, когда «слизняк» вначале снял с меня последствия взрыва бомбы, а потом начал восстанавливать Лену за счет его энергии.

Я освободил их от «наездников», впрочем, они уже не особо это и ощутили – Лена была практически здорова, и «слизни» почти не брали у них энергию.

Посмотрел – черноволосого еще можно использовать, но рыжий... рыжего лучше не трогать. Недели две.

Пошел вверх, обтер сладко спящую Лену полотенцем, намоченным в воде и водке, чтобы смыть кровь, осторожно взял на руки и отнес в спальню, на кровать.

– Гарсуг, скажи, чтобы прибрали тут и вытерли... и возьми инструменты, отмой и снова прокипяти – скоро моя очередь. Сколько, говоришь, она будет в забытьи?

– Часа два... нет, уже меньше. С час, наверное. Сейчас, хозяин, я все снова подготовлю, отдыхай!

Гарсуг собрал инструментарий, тряпки и помчался вниз, где вскоре загремел посудой.

Я ушел в спальню, лег рядом со спящей девушкой и закрыл глаза. От нервного напряжения меня слегка трясло, и только сейчас я стал немного отходить от пережитого. Подумал: «Может, вина выпить?» А правда, почему и нет?

Крикнул слугу, через десять минут тот принес большую глиняную бутылку и стакан, я налил красного густого вина, пахнущего виноградом и свежестью, и выпил до дна, даже не замечая вкуса, как воду.

Налил еще, потом еще... остановился, только когда в бутылки почти ничего не осталось.

Лег опять на постель – некоторое время меня не брало, а потом ка-а-ак... накрыло! Врезало как мягкой здоровенной подушкой, я закрыл глаза и утонул в темных бархатных волнах опьянения.

Сквозь сон я слышал, что кто-то меня тормозит, будит, и очнулся лишь тогда, когда мне на лицо полилась холодная струйка.

– Вставай! Ты чего нажрался-то, Серега? Что с тобой? Ну вставай же! Время не ждет!

Кряхтя и скрипя суставами, я сел на постели и постарался сфокусировать глаза на Лене.

– Слава богу... живая... я так за тебя боялся!

– Серег, ты чего напоролся-то? – озабоченно спросила Лена, заглядывая мне в лицо и морщась от запаха перегара. – Ф-фу... дух какой! Гарсуг мне сказал, что тут чего-то бабахнуло? Что это было?

– Бомба в тебе взорвалась, ты еле выжила, – с трудом шевеля распухшим языком, сказал я. – Несколько секунд, и тебя не было бы в живых. Эти сволочи поставили неизвлекаемую бомбу, понимаешь? Тот, кто цепляет ее щипцами и тянет вверх, неминуемо подрывает механизм, и наступает смерть, без вариантов!

– Ни черта себе! – всплеснула руками Лена и села на край кровати. – И что же теперь делать? Как вынуть эту пакость?

– Да так же и вынуть. Будешь резать, а если бабахнет – придется откачивать жизнь у кого-то еще. Я хочу повесить амгуров на черноволосого парня и на слугу, так им будет легче, если она взорвется. А вообще я думаю вот что: у бомбы где-то там якорь. То ли в кость ввернули, то ли просто растянули его под мышцами... Надо найти его, вырезать и ни в коем случае тупо не тянуть бомбу вверх – тогда она точно взорвется. Вот и все. Я выпил слегка... переволновался за тебя. А так-то я готов к операции!

– А «слизняков» кинуть сумеешь? Спьяну-то?

– А п-почему нет... с-сумею! – Я поднялся и, пошатываясь, будто находился на попавшем в шторм корабле, пошел в зал. – Зови сюда слугу и чернявого, сейчас все спроворим!

– Ты же говорил, что нельзя сразу кидать амгуров, рана затягивается слишком быстро.

– Ну а что делать – успевай, кромсай как можешь... я-то буду валяться невменяемый!

Перед глазами у меня плыло, я собрался и постарался выкинуть из головы алкогольный туман.

Появились слуга и темноволосый парень, я с ходу кинул на них амгуров и махнул рукой:

– Идите в кухню, идите, не мешайте!

Они исчезли с глаз, а я схватил поданный мне стакан со снадобьем, залпом выпил, сбросил рубаху и улегся на стол, вернее, не улегся, а плюхнулся, как кусок мяса... Накатила волна тумана, я стал тонуть, тонуть... тонуть... и вырубился.

Пробуждение было отвратительным – хоть голова и не болела, но во рту было гадко... посмотрел вокруг – я на постели, раздетый. Пошевелил плечами – спина не болит. Интересно, удалось Лене сделать операцию или нет?

– Лен, ты где там?

– Очнулся? На вот тебе подарочек! – Она бросила на постель рядом со мной тяжелую блестящую штуку с чем-то вроде тонкой проволоочки на конце. – Видишь проволочку? Вот он, спусковой крючок! Он же, видимо, антенна – был ввинчен в кость, и весь костяк работал как одна гигантская антенна, передавая все наши разговоры на спутник. Вот такая штука... пришлось распахать тебя, как на мясокомбинате, чтобы достать. Иди снимай амгуров, а то парни там сдохнут.

Я подхватился с постели, натянул штаны, рубаху и побежал вниз. Вбежав в кухню, ожидал увидеть двух моих доноров на последнем издыхании – однако нет, вполне здоровые и веселые, сидят пьют чего-то из чашек и болтают с кухаркой.

Ну слава богу, просто от души отлегло! Снял амгуров и потащился наверх, наказав кухарке приготовить чего-нибудь плотное, сытное, типа бараньего бока, – хотелось много мяса, набить брюхо. Видимо, организм требовал восстановления сил, крови и плоти.

Остаток этого дня мы посвятили ничегонеделанию – ели, пили, спали...

Я еще немножко выпил на пару с Леной – ну надо же как-то отпраздновать освобождение от этой пакости в спине?

Опять остро не хватало телевизора или Интернета – надо же сунуть нос и узнать, что там в нашем мире происходит? Или тут, в этом мире происходит... прочитайте: «Какие-то маньяки возле увеселительного заведения зверски расправились с группой молодых студентов... хм... порядочных молодых людей, вышедших подышать свежим ночным воздухом. Родители убитых негодуют и требуют призвать преступников к ответу! Расследование взял под свой контроль лично министр МВД... хм... глава тайной стражи!»

Все равно я не мог понять, зачем ему понадобилось уничтожать столько молодняка – пакостного, да, но не пакостнее, чем обычно, золотая молодежь, однако... Представляю, что сейчас вытворяют их родители... они рвут и мечут! Хм... может, я чего-то не знаю? Его разговоры о том, что родители понесут подношения, меня как-то не убедили... может, среди этих придурков был кто-то, кого ему надо было убрать и замаскировать все под бойню? Возможно, я этого никогда не узнаю. Да и зачем это мне? Своих проблем хватает. Глава стражи ясно дал мне понять: если что, убийства навесят на нас, и тогда спасения не будет – разгневанные родители разыщут нас и на краю земли... а вдруг и правда это было целью массового убийства? Ну не может быть, чтобы ради такой мелкой цели, как мы, уничтожили полтора десятка людей, и не просто людей, а детей высокопоставленных родителей! Впрочем, а кто сказал, что мы мелкая цель? Два человека из другого мира, обладающие знаниями, которые могут перевернуть весь этот мир, взорвать его, как хлопушку! В этом что-то есть...

В любом случае – сегодня отдых.

Мы пораньше легли спать... хм... в смысле – легли. В смысле – иногда лежали, иногда стояли... в общем, оторвались по полной.

Теперь мы здоровы, свободны от бомб, некому проследить за нашими передвижениями – пора бы и домой? Если бы еще знать как...

Утро началось с суматохи – мы еще спали, утомленные вчерашними событиями, ночными обсуждениями и объятиями, когда в дверь забарабанили и появился гонец с письмом, никем не подписанным, но адресованным Сергатару лично. Письмо доставил в голову парнишка лет двадцати с небольшим, который и прочитал его важно, нараспев:

– Господину Сергатару находиться дома и ожидать посещения учителей в полдень сего дня. Кроме того, ему следует получить письменные принадлежности в количестве пяти ящиков.

– А где принадлежности-то? – перебил я гонца.

– В повозке. Сами заберете или мне занести в дом?

Парнишка явно надеялся, что я скажу: «Конечно, сами заберем! Не беспокойся!», потому я мстительно сказал:

– Тащи в дом и не надорвись. – Потом пожалел пацана – он-то ни при чем в наших неприятностях – и крикнул: – Гарсуг, Гурант, помогите ему затащить ящики!

Скоро ящики были в доме, один сразу подняли вверх и распаковали. Конечно, там оказались листы блестящей медной фольги, уложенные ровными стопами, а рядом приспособления для письма, что-то вроде острых авторучек-шильцев, нажимаешь – остается след. Я попробовал писать – если честно, получалось просто ужасно. Но что делать? Написать-то о чудесах нашей цивилизации для местного Пиночета надо, мы же обещали!

В общем, позавтракав, я уселся за стол и начал корябать все, что приходило в голову. А пришло вот что: будем рассуждать – что в первую очередь интересует главу тайной стражи? Наверное, оружие? С чего

начинается оружие? С металла... и пороха. Наверное, важнее порох – начнем с пороха, итак: «Порох есть производное от селитры, угля и серы, на 75 долей селитры нужно 10 долей серы и 15 угля. Измельчаете как можно тщательнее. Далее просто смешиваете».

Перечитал, вздохнул – это сколько же нам писать? А получилось ужасно – кривые строки, местами прорвал острым концом «авторучки» металл листа... гадость, а не письмо! Недаром учатся писать годами, с самого детства. А если долго не пишешь – умение слегка атрофируется, надо специально постоянно тренировать руку. А если ее вообще не тренировал? Я ведь никогда не писал на этом языке – читаю отлично, говорю прекрасно, а писать-то как следует и не умею! Плюнул – оставил эту идею.

Спустился вниз:

– Гурант! Сообщи куда надо – мне нужен писец, который будет записывать все, что я буду говорить. Иначе я не смогу ничего сделать – пишу я плохо и очень медленно, это непродуктивно. Запомнил?

– Да, господин, запомнил.

– Хорошо. Как придут учителя – предупредишь меня, а я пошел отдыхать. Все.

В спальне я завалился на постель и лениво наблюдал за манипуляциями Лены. Она перебирала и рассматривала свои шмотки, зачем-то переставляла мебель в комнате – стулья туда, столик сюда... видать, известный женский зуд расставить все по своим местам, только им известным. Она пыталась припахать к этому делу и меня, но я с негодованием отверг такое гнусное предложение, заявив, что ей чего – двигай стулья и двигай, а мне нужно подумать, как жить дальше!

Думы мои закончились дремотой, перешедшей в здоровый и счастливый сон – во сне я был в деревне, купался в речке, ел бабушкины пироги с вишней, запивая молоком, и не было никаких бед и волнений. Увы, из-за стола с пирогами меня вырвал голос Лены:

– Вставай, тут пришли!

Я понял – время безделья закончилось, так толком и не начавшись.

Пришедшие оказались ничем не примечательными мужчинами лет пятидесяти – мимо таких пройдешь и не заметишь. Один представился Магараном, второй Кератоном, Магаран, как старший, объяснил:

– Нас прислал господин Лакраннон, мы обязаны обучить вас всему, что мы знаем, и в кратчайшие сроки, то есть – вчера. Я гаур-волшебник, с умением пускать амгуров, мой коллега – ментат, специалист по воздействию на разум. Мы будем вас обучать всему, в пределах нашего багажа знаний. Где мы можем расположиться?

– Сейчас пойдем наверх. Хотите пообедать?

– В другой раз. Давайте начнем сразу с дела. Мы будем заниматься с вами до заката – нам приказано подготовить вас в кратчайшие сроки. Чтобы эффект был выше, мы принесли с собой саликантал самого высшего качества – одного приема хватает на десять дней, он выводится многократно медленнее, чем обычный.

– А что с вредностью снадобья? – подозрительно спросила Лена. – Мы что, с горшка слезать не будем из-за вашего саликантала?

– Нет, – усмехнулся Магаран. – Тут в составе есть вещество, задерживающее процессы выведения вещества, иначе оно сразу бы вышло. Не беспокойтесь, никто вас не отравит. Ну что, вы готовы к обучению?

– Готовы... пойдемте.

Выпив по стаканчику снадобья, мы прошли наверх – я с Магараном устроился за столом, Лена же ушла в дальний угол комнаты, где они с Кератоном уселись на стулья друг против друга, и понеслось... Голова после зелья стала ясной-ясной и пустой, как звенящий шар. Все мысли были четкими, как будто мне расчистили мозги и уложили все знания на полки.

Магаран начал с общей лекции по амгурам и их сути – что-то подобное я уже читал сам, но останавливать его не стал, надеясь, что получу какие-то новые знания. Однако ничего нового я не услышал до тех пор, пока мы не дошли до переноса поводков. Вот тут уже было интересно – многое из того, что мне сообщал гаур, я не знал и не подозревал, до этого можно было дойти только путем опытов, многочисленных многолетних испытаний. Например?

Никакие заклинания развоплощения на амгуров не действуют – эти сущности не магические существа, это производное от деятельности мозга человека, и совсем даже не всех людей, только особых, типа мутантов.

Туманно было утверждение о том, как человек, который может пускать амгуров, может их уничтожать: как я понял из гладких фраз моего учителя, они сами не знали, как это происходит, и принимали факт как данность – вот происходит, и все тут! Замазывали все это фразами о борьбе Ормазада и Ахримана, какими-то теологическими бреднями, не выдерживающими никакой критики.

Новым оказалось то, что мне не нужно было идти к амгуру, чтобы его уничтожить, – можно было прервать нить, ведущую к нему, и если амгур уничтожался легко при прикосновении, то нить к нему можно было порвать только специальным образом. Магаран долго объяснял мне это, строя сложные умозаключения, меня же интересовал лишь технический аспект – что сделать, чтобы нить порвалась?

Вот это оказалось довольно сложно. Во-первых, надо было встать на пути нити, чтобы она в тебя вошла, а потом попытаться перетащить нить на себя, как только она перешла – остановить амгура, процесс подобный его выпуску, только наоборот – как бы втянуть его в себя! Теоретически все было просто, но вот практически... практически пока что я этого не пробовал. Оказалось, что один человек не может нести на себе более десяти поводков. Чем это ограничено, никто не знал, похоже, что особенностями самого организма – ну не может, например, человек поднять тяжесть больше определенного веса, вот и все. Опять же – это было выяснено за тысячи лет наблюдений.

Совершенно новым было вот что – амгур, являясь средством восполнения жизненной энергии, мог быть и подслушивающим устройством! При соответствующей настройке, оказывается, можно было слышать все, что происходит рядом с тем человеком, на котором сидел этот «слизень», его ушами и даже видеть его глазами – все картинки передавались в голову владельца амгура. Но! Это касалось только гаура – простой человек, на которого передали поводок, не мог таким образом настраиваться на подслушку.

Магаран еще долго рассказывал мне теоретические выкладки по амгурам, сообщив, что к практике мы перейдем тогда, когда он расскажет мне все, что о них знает. И я слушал...

Благодаря саликанталу каждое слово впитывалось моим мозгом и оседало там на веки вечные – если, конечно, я проживу эти веки вечные.

В общем-то курс по амгурам занял всего пару часов – вначале я удивился, а потом понял: а ведь ни черта они по ним не знают! Вот есть такое явление – из человека вылетает сущность и присасывается, вот можно управлять им вот так и эдак – и все! А что это, откуда взялось – никто ничего не знает.

Когда наступил черед заклинаний, мне стало по-настоящему интересно. Вначале Магаран выступил с неким вступительным словом, которое меня реально позабавило:

– Я не буду пытаться обмануть тебя, облакая слова в какие-то красивые фразы, придавая им значение, которое им не присуще. Скажу тебе только одно: никто не знает, почему заклинания действуют. Смешно, да? Тысячи лет ученые мужи пытались понять суть вещей, в том числе – как и почему действуют заклинания, и никто до сих пор не знает, почему, если сделать определенный знак и сказать некоторые слова, случаются какие-то действия! Никто не знает! Если кто-то тебе станет рассказывать, что он знает, как все это получается, – плюнь ему в глаза!

Не знаем. И, однако, это не мешает нам пользоваться тем, что мы не знаем. Главное, не задумываться...

В распоряжении мага-гаура имеется около четырех тысяч заклинаний и около трехсот Знаков. Все заклинания можно подразделить на классы. Лечебные заклинания – поддерживающие силы и помогающие работать лекарственным снадобьям. Убивающие заклинания, можно сказать, боевые – тут и отравляющие, и сжигающие, и много чего еще убийственного. Бытовые – например, надо уменьшить вес каменного блока для того, чтобы рабочие могли его нести, делаешь Знаки, говоришь заклинание – все, двое рабочих подняли многотонный блок и понесли! Надо сделать так, чтобы клинок не тупился и не ломался – есть такое заклинание! Ну и так далее...

Конечно, все эти заклинания могут быть применены в разных ситуациях, в том числе и для нанесения ущерба врагу, это понятно, но изначально они подразделяются именно так, и я постараюсь заложить тебе в память все, что я знаю.

Это не означает, что ты тут же сумеешь их применить – каждое заклинание нужно обкатывать индивидуально, тренироваться с различным тембром голоса и амплитудой движений при создании Знака. Каждый гаур уникален – одни легко делают некоторые заклинания, а другие у них выходят жалкие и слабые, у других склонность именно к тем заклинаниям, которые не могу сделать первые, все очень индивидуально.

Вначале мы просто зложим всю информацию в твою голову, а уж потом будем тренироваться в создании заклинаний и их комплексов – некоторые заклинания действуют лучше после того, как было совершено предыдущее заклинание, как бы усиливают его. Почему? Опять же – да кто знает! Кто первый открыл свойства Знаков и заклинаний? Никто не знает. Ходят легенды, что это были первогауры, те, кто привел наш народ в этот мир. Что бы ни говорили простолюдины – их нет в живых, этих первогауров, уже давно. Никто не может жить тысячи лет, даже с умением цеплять амгуров.

Ну что, давай начнем?

Итак, первый Знак, Знак огня, он выглядит вот так, смотри!

Глава 13

Вбивание информации продолжалось дотемна – с перерывом на ужин, когда я категорически отказался внимать на пустой желудок, только после этого мы уселись есть.

За столом все молчали – у меня и у Лены болела голова, она мне сказала это при мысленном общении под саликанталом, а учителя просто хранили молчание, возможно не желая завязывать каких-то близких контактов с учениками.

Впрочем, нам на это было наплевать. Ну не хотят и не хотят... правда, меня так и подмывало спросить, как они оказались в подчинении главы стражи и почему работают так каторжно, истово? Умом я понимал, что вряд ли услышу ответы на свои вопросы, но все-таки...

Когда учителя ушли, у нас осталось сил только доползти до спальни и плюхнуться в кровать, какие уж там сексуальные игрища – кто говорит, что учиться легче, чем копать канаву?

Голова раскалывалась от боли – за этот день я умудрился запомнить несколько сотен Знаков и заклинаний. Одно только их перечисление заняло бы много времени, а я запоминал положение рук, пальцев, тембр голоса. Кроме того, у каждого заклинания имелись варианты с использованием то левой, то правой руки – вдруг одна рука повреждена или ее совсем нет? Куда крутить спираль большим пальцем и вертеть указательным?

Очень странно было видеть, когда некоторые Знаки оставляли различимые следы в воздухе – тающие на глазах красные, синие или белые полосы, будто прозрачные неоновые трубочки.

Также я ощущал и следствие произнесенных вслух Слов: то холодало, то слегка темнело, то появлялся странный запах – пахло то огурцами и малиной, то смердело, как из помойки.

Учитель магии утверждал, что эти запахи штука чисто субъективная, каждый гаур обоняет разные запахи, это лишь отголосок каких-то процессов, идущих в голове колдующего. Возможно. Я потом спрашивал Лену – она не чувствовала никаких запахов.

Учиться было интересно – хотя Магаран и не позволял мне применять заклинания, то есть компоновать их со Знаками, все равно я чувствовал, когда произносил Слова, что в природе сдвигаются какие-то силы, что-то неосязаемое, но мощное движется рядом со мной, стоит лишь правильно распределить усилия – и можно свернуть горы!

Ощущение потоков каких-то сил все время волновало и будоражило кровь, заставляло верить в свое могущество, в свою неограниченную власть над силами природы.

Интересно – место технического прогресса, искусственно сдерживаемого, занял прогресс магический, тысячи лет развивалось искусство заклинания тайных сил и достигло совершенства. Зачем придумывать фонари, когда можно повесить экологически чистые магические светильники? Зачем искать способ изготовления легированной стали, когда можно всыпать в расплав немного растолченных камней, сказать несколько слов, сделать движения рукой и на выходе получить бронзу такой крепости и стойкости, что и стали не снилось?

Вот только у всего этого был один значительный недостаток – пользоваться благами магической цивилизации могла лишь небольшая группа, элита – те же маги-гауры и их приближенные. Услуги гауров были настолько дороги, что народ не мог воспользоваться их достижениями.

Я сделал вывод из всего услышанного – назрела революционная ситуация, верхи не могли жить по-старому, а низы не хотели. Или наоборот? В общем, все не хотели, и все не могли.

Скорость, с которой нас обучали, навела меня на мысль, что переворот не за горами, вот-вот начнется бунт... не для того ли и были уничтожены парни из богатых семейств? Может, для того чтобы посеять смуту, недовольство, возложить ответственность на Храм? Ответа у меня не было.

Следующим утром нас уже ждал стенограф – мужчина лет тридцати с приятным умным лицом и длинными тонкими пальцами настоящего ботана. Он застенчиво сообщил, что его прислали для записи того, что мы скажем, и, если мы готовы, он рад начать в любое время.

Лена сразу отбилась от этого дела, сказав, что пока что отдохнет, тем более что особых знаний по техническому прогрессу у нее нет, а вот мне и карты в руки – вещай, просвещай. Ну я и начал просвещать...

До обеда я диктовал стенографу все, что приходило в голову, – рецепты пороха, изготовление стали из чугуна, идеи ружей и пушек – все-все, что я мог вспомнить, все, что всплывало у меня в голове, вываливал своему внимательному слушателю. Иногда меня удивляло, как это я могу так хорошо вспоминать все те сведения, которые получил когда-то из научно-популярной литературы, из журналов и книг, из Интернета и телевизионных передач, – все всплывало, да так четко и осмысленно, что это не могло быть случайным. Скорее всего, сказывалось действие саликантала, который принесли мне мои учителя, его состав действительно отличался от того снадобья, что мы пробовали у Арданана, – спектр его действия был более широким.

После обеда продолжилось обучение, такое же, как и вчера, – ряды заклинаний, Знаки, снова Знаки, еще Знаки, варианты Знаков, способы написания Знаков... Вначале я думал, что это будет просто, – ну сколько там этих Знаков, сотня, две, три? Ан нет – если взять их модификации и вариации, счет шел уже на тысячи, не зря обучение гауров, как мне сказал учитель, занимает годы. И мы должны были все это вместить в считанные дни и недели? Тогда почему те же гауры не обучаются с помощью саликантала, почему не используют это снадобье для ускоренного обучения?

Ответ меня не удивил – традиции и забота о здоровье. Не все выдерживают длительное обучение под этим препаратом, можно и с ума сойти. Усмехнулся – а о нас как-то и не думают, что мы можем спятить, пусть себе демоны трудятся в поте лица...

Так шли день за днем. Время от времени мы менялись – ментат обучал меня работать с мозговыми излучениями, а Лена напоминала заклинания – в общем-то она была таким же гауром, как и я, правда, не такой силы, само собой разумеется. Как объяснил мне Магаран, у нее было гораздо меньше предков, обладающих силой гауров, разжижилась типа кровь. Тут я вспомнил свою прабабку, по рассказам моей бабушки, колдунью – вот кто был бы настоящим гауром!

После недели обучения я уже мог воспроизвести сотни Знаков и заклинаний, мог мысленно заставить слугу или Гарсуга подняться с места и выполнить какое-то простое действие – на большее у меня не хватало силы, все-таки ментальные способности были у меня не очень развиты, в отличие от Лены.

Вот она – да! Она могла вытворять такие вещи, о которых мы и не подозревали. Например – создавать ментальные иллюзии такой мощи, что только подготовленный гаур мог распознать, что перед ним иллюзия, а не живой объект, и то надо было для этого применить специальное заклинание развеивания – тогда пелена спадала с глаз.

Вот интересно, если все вокруг видят не Лену, а Гарсуга вместо нее, – что увидит наблюдатель через специальные средства, телекамеры, например? Окружающие четко видели вместо стройной девушки волколака с зелеными глазами – забавно было смотреть, как два Гарсуга стоят рядом и улыбаются своей жутковатой улыбкой. Кухарка чуть не поседела от таких выкрутасов...

Похоже, вокруг Лены создавалось некое ментальное поле, очень стойкое – она могла внушать всем

находящимся в радиусе метров десяти, если не больше, все, что она захочет.

Как-то я был свидетелем красивейшей картины – разошедшаяся Лена устроила буквально цирковое представление: пол вдруг покрылся густой травой и цветами, по комнате порхали огромные бабочки, почему-то с головой Лены, и тоненько кричали: «Привет! Привет! Привет!»

Только усилием воли я тогда сумел сбросить морок, и комната снова стала прежней.

Под внимательным руководством мастера моя подруга стала очень, очень сильным ментатом, и было обещано, что ее способности разовьются и дальше – после частого использования и тренировок.

Особое внимание уделялось моей способности видеть картинки из жизни тех, кого я коснулся.

Как я ни старался, так и не смог заставить свои способности просыпаться по заказу. Ментат успокаивал меня, говоря, что эта способность сродни упражнениям с мечом или луком – чем больше ты тренируешься, тем лучше у тебя получатся, надо развивать это, и никто не может мне помочь, кроме меня самого. Нужно при каждой возможности пытаться проникнуть в сознание человека. Коснулся – пытайся смотреть! Взял за руку – попытайся увидеть! И только так.

Десять дней пролетели как один – напряженная учеба напоминала мне учебу на Базе, только вместо жесткого прессинга и направленности на убийство тут была вполне рабочая обстановка, с уважительным отношением учителей к своим ученикам.

Как сказали два наших учителя, они сумели вбить нам в голову практически все, что знали сами, – естественно, по технической, теоретической стороне дела. Теперь – только практика, только она могла помочь нам как следует научиться владеть нашими способностями.

Вот только где применять эти знания? Не в этом же доме! Некоторые заклинания были очень опасны – взять хотя бы то же заклинание, которое изобрел Арданан... кстати сказать, я никому не сообщил о нем... а зачем? Пусть хоть что-то будет нашей тайной.

На одиннадцатый день нас неожиданно навестил Лакраннон – во второй половине дня, когда мы с учителями обсуждали проблему, как нам перейти к практическим занятиям по магии, снизу прибежал слуга с вытаращенными глазами:

– Там господин Лакраннон! Сейчас поднимется сюда!

Я пожал плечами:

– Ну поднимется и поднимется, чего так орать-то? Собери на стол – сейчас будем с ним обедать.

– Некогда обедать, – угрюмо сказал глава стражи, почти что вбегая в комнату, – собирайтесь! Вы мне нужны. В дороге объясню, в чем дело.

– Оба?

– Оба, оба, все равно же второму скучно будет сидеть одному, хотя нужен, в общем и целом, только ты. Сегодня учеба отменяется, завтра продолжите. Господа преподаватели, можете быть свободны сегодня. Господа Сергатар и Лилин, быстро со мной! У входа стоит карета, я жду вас там, не задерживайтесь!

Он сбежал вниз по лестнице, а мы с Леной, обменявшись взглядами, пошли в спальню, моментально переоделись – одежду выбрали приличную, но не парадную, – и тоже поспешили вниз.

Лакраннон в крытом экипаже нетерпеливо постукивал ногой и, как только мы сели на обитые серым бархатом скамьи, приказал вознице трогать. Карета понеслась по улице с грохотом курьерского поезда, распугивая случайных прохожих и наводя почтительный страх на встречных стражников – они

приветствовали карету салютом, видимо, она была хорошо известна всей страже.

Лакраннон внимательно посмотрел на нас и усмехнулся:

– Терпите? Не спрашиваете, куда мы так быстро несемся? Ну-ну... читал я твои воспоминания о демонском мире, Сергатар, впечатлен, весьма впечатлен. Дал указание моим ученым мужам, чтобы они занялись расшифровкой и подготовкой переданных нам знаний – ты уже фактически отработал вложенные в тебя средства. Но этого недостаточно, пришло время, когда понадобились и твои магические способности. Жаль, что времени для подготовки было так мало, очень жаль... – Лакраннон нахмурился и продолжил: – Ситуация накаляется – среди моих людей появился предатель, и я не знаю, кто это. Мне доложили, что на стол верховному жрецу легло донесение о заговоре. Я сумел его вовремя подменить на нужное мне, но не знаю, кто предал. Есть предположения, что это кто-то из моих близких соратников. Твоя задача узнать кто. Да-да, я помню, – Лакраннон сделал нетерпеливый жест рукой, – ты не всегда можешь узнать, кто это, не всегда картинки проявляются, но мне сказали, что ты стал более уверенно работать со своими умениями, так что шансы на то, что сработает, велики.

– А почему вы не хотите использовать своих ментатов? Неужели у вас нет подобных специалистов? – насторожился я. – Зачем меня-то использовать? Чужого, неизвестного вам человека?

– Ну не так уж и чужой теперь, – возразил глава тайной стражи, – а вообще-то должен признаться: у нас нет специалиста твоего уровня. Наши могут только проламываться через защиту, через ментальные блоки, и при этом можно человека превратить в овощ – слишком все хрупко и взаимосвязано. Я же не могу свести с ума всех своих соратников, да и выказывать им явное недоверие тоже неправильно. Нужно все сделать тихо и мирно...

– А как это будет выглядеть «тихо и мирно»? – угрюмо спросил я, предвидя проблемы и неприятности. – Я буду хватать их за руку?

– Будешь. Я представлю тебя как моего советника по техническим вопросам, и ты будешь здороваться с каждым за руку, соответственно стараясь проникнуть в мысли каждого из них. Понятно?

– Сколько их?

– Семь человек. Два моих заместителя и пятеро – крупные промышленники и скотоводы, финансирующие нашу деятельность. Стоит сразу сказать: все, что ты увидишь, должно остаться строго между нами. Впрочем, это и так понятно...

– Где все это будет происходить?

– В моем доме. Повод – день рождения моей супруги. Все приглашенные тоже будут с супругами.

– Ай! Ну что же вы не сказали?! – всполошилась Лена. – Я одета как нищенка! Я бы оделась соответственно, ну какого черта вы промолчали?!

Лакраннон внимательно осмотрел мою подругу, приподнял бровь и сказал с усмешкой:

– Знаешь, госпожа Лилин, большинство дам, что там будут, удавили бы весь мир, чтобы в этой одежде выглядеть так, как выглядишь ты. Впрочем, если хочешь, сейчас остановимся у первой же лавки с одеждой, и ты купишь все, что тебе приглянется. Я оплачу.

– Конечно! – с жаром согласилась Лена. – Обязательно! Неужели вам самому не будет стыдно, если жена вашего советника будет одета как нищенка? И ему что-нибудь поприличнее надо! Впрочем, ему и так хорошо, – прищурила глаз Лена, – нечего шикарно одеваться, мужчинам это не к лицу.

Лакраннон усмехнулся:

– Никто твоего мужа не соблазнит, хотя попытки и будут. Но кто от такой женщины убежит? Сейчас я

скажу своим людям, чтобы остановились где надо.

Он постучал набалдашником трости по стене кареты, она остановилась, Лакраннон приоткрыл дверцу и отдал распоряжения, после чего карета снова, раскачиваясь как корабль, понеслась по улицам города.

Остановились мы через минут сорок – возница открыл дверцу и сообщил:

– Лавка, как вы просили, господин!

Лена тут же выпорхнула из экипажа и побежала в заведение, украшенное вывеской с жеманными дамами и кавалером у их ног. Надо было понимать, что как только дамы купят и наденут шмотки из этого магазинчика, то все без исключения мужики тут же падут перед ними на колени и бросят к их ногам груды сокровищ.

Я не пошел в лавку за Леной и Лакранноном, решил воспользоваться случаем и оглядеться. Судя по всему, мы уже были не в Аннаоне, а в городе-спутнике, городе жрецов и знати – Сантаре.

Этот город отличался от столицы – более дорогие дома, чистые мостовые, без шкурок фруктов и прочего мусора, вдалеке, под лучами вечернего солнца сиял купол храма – похоже, золота не пожалели.

У меня замерло сердце – вон он где, портал! Только вот как туда добраться?! Вдоль дороги шли патрули стражи – по два человека в начищенных до блеска доспехах. Я насчитал четыре патруля на протяжении квартала – то ли они скапливались вблизи храма, то ли случайно так оказалось, но мне это не понравилось. Складывалось впечатление, будто что-то готовилось, казалось, в воздухе разлилось напряжение, как перед грозой. Впрочем, возможно, что мне и почудилось.

Через двадцать минут – рекордное время! – из лавки вышла улыбающаяся Лена.

– Готова? Выбрала чего надо? – осведомился я, оглядывая здоровенный тюк с барахлом, который тащила моя «половинка».

– Ну не все, но выбрала. – Она покосилась на сопровождавшего ее Лакраннона, видимо, была недовольна тем, что он выудил ее оттуда, не дав как следует порыться в шмотье.

– Ей дай волю, она, как моя жена, будет весь день копать в этом барахле, – хмыкнул тот и запрыгнул в карету. – Давайте быстрее! Скоро уже гости съедутся, а вы все не готовы!

Я перехватил тюк с вещами, Лена вспорхнула внутрь, у меня получилось не так изящно – объемистый тюк цеплялся за вензеля на дверце, за углы, – однако все закончилось благополучно, и вскоре мы снова двигались к цели.

Окна кареты были занавешены, но я отодвинул занавеску, чтобы посмотреть на храм, когда мы будем проезжать мимо него. Это было величественное, монументальное сооружение, больше похожее на окаменевший звездолет, чем на постройки бронзового века. Его стены были сложены из громадных белых камней, каждый из которых весил не менее десятка тонн, а может, и больше.

Подумалось: вот оно, свидетельство мощи и величия волшебства – ясно, что каждый камень доставили и установили на место с помощью специальных заклинаний.

Дом главы тайной стражи, как ни странно, не был особо выдающимся – по крайней мере снаружи, сарай сараем, ничего примечательного, но внутри... внутри это действительно был дворец!

Роскошные полированные, натертые до блеска полы, на стенах обои с золотыми узорами и фантастическими зверями, – с удивлением увидел рисунок грифона и оленей в полете, традиционный стиль скифов – может, они как-то соприкасались культурами несколько тысяч лет назад? На сияющих позолоченных (а может, золотых) люстрах неоновым светом горели осветительные сферы, отражаясь в цветных мозаичных стеклах окон. Вдоль стен стояли инкрустированные золотом и серебром столы и стулья

– глава явно не бедствовал, и однако же ему было мало, хотелось власти, и власти не ограниченной ничем.

Удивительно, что человеку всегда мало того, чем он владеет, будь это простой крестьянин, или ларечник, торгующий сникерсами, или же крупный чиновник, или олигарх. Вроде уже и нахатают, и потратить не смогут никогда в жизни ни они, ни их родня, и все мало, мало, мало... увы, в могилу все равно это не забрать, а на том свете человеку ничего уже не надо – я как-то не особо верил в загробный мир...

Нас отвели в какую-то комнату, где предложили привести себя в порядок и, как только будем готовы, дернуть за вот этот шнур, и за нами придут. Так объяснил нам слуга, больше похожий не на слугу, а на пэра в этом парадном облачении с позументами.

В комнате было довольно большое, почти в рост человека зеркало – как я знал, редкость необычайная и очень дорогая штука в этом мире. Чтобы сделать такое зеркало, при их технологиях, нужно было затратить очень много времени и денег.

Лена тут же принялась переодеваться. Через несколько минут я оценил, да, выглядела она сногшибательно: белое платье, золотые узоры – в общем-то уже стандартно, но платье было полупрозрачным и обрисовывало ее фигуру, снизу были сделаны разрезы, в которых виднелись стройные ноги в сандалиях со шнуровкой до колена. Смотрелось очень, очень сексуально!

Я посмотрел на себя в зеркало – да ну, сойдет! Белая рубашка, хорошие штаны, кожаные сапожки – нормальный мужик, без изысков и метросексуальности, удобная повседневно-выходная одежда, чего уж там...

– Ты готова? – спросил я Лену, надевающую украшения, браслеты и цепочки на запястья. – Куда ты так нагрузилась? Интересно, на сколько ты раскрутила главу стражи! В скромности тебя не упрекнешь, – усмехнулся я и дернул шнурок «сигнализации».

Через пару минут дверь открылась, и уже знакомый слуга пригласил нас на выход.

Следом за слугой мы прошли через анфиладу комнат и оказались в большом зале, ярко освещенном, уставленном теми же драгоценными стульями и столиками, – почему-то я думал, что здесь будут стоять столы с угощениями, типа пир, но ничего такого не увидел. Группы людей, дорого и вычурно одетых, украшенных сверкающими в свете люстр самоцветами, стояли возле столиков – дамы отдельно, мужчины отдельно, беседовали, улыбались, в общем, тусовка шла своим чередом.

Слуга откланялся, и мы с Леной остались стоять посреди зала, до поры до времени не замечаемые никем из гостей.

Мне тут было откровенно неуютно – такую потрясающую роскошь я видел только в кино или по телевизору, хотя, как вести себя в подобном обществе, я знал, все-таки нас готовили к любым обстоятельствам, которые только можно придумать.

Выцепив взглядом Лакраннона, я направился к нему, слегка подтолкнув под локоть нерешительно застывшую, порозовевшую Лену – видимо, ее тоже смутила эта дикая азиатская роскошь дворца, наш домик на фоне этого богатства был просто жалкой конуркой...

– Господа! Это мой советник, господин Сергатар, со своей супругой! – Лакраннон сделал вид, что только что заметил нас, хотя я видел, что он давно косится в нашу сторону, еще с тех пор, как мы вошли в зал. – Господин Сергатар, позвольте представить вам господина Атнугна, знатного землевладельца...

Я протянул благообразному господину руку и сосредоточился. Бац! – картинка! Бац! Бац! Бац! Вспышки событий, пережитого, самые главные волнения в его жизни, разговоры о прогрессе, молодые любовницы и тайные страсти – например, он любил ползать по полу в ошейнике и чтобы любовница его хлестала плеткой. Бац! Бац! Нет, картинки предательства нет – он искренне хочет перемен, считая, что это

даст ему больше власти. Отбой!

Картинки промелькнули вереницей, как в ускоренном кино, за то время, что я держал в руке его вялую ладонь. Видимо, я сжал ее слишком сильно, забыв, что моя рука тренирована бесчисленными упражнениями, и землевладелец скривился от боли.

Опомнившись, я отпустил его руку и мысленно чертыхнулся – надо контролировать эмоции, не увлекаться.

– Это господин Наргулод, промышленник, наш друг, много сделавший для нашего дела!

Интересно, мелькнуло в голове, пока я протягивал руку очередному испытуемому, что они думают по поводу того, что глава тайной стражи представляет их какому-то странному молодому человеку, как будто он важная личность?

Бац! Бац! Бац! Вихрь картинок, но ничего нужного, опять тайные страсти – а парень-то дерьмо, любитель измываться над рабами, над крестьянами, но измены нет, он не составлял этот донос.

Следующий... следующий... Я сегодня был в ударе – возможно, повлияла напряженная обстановка, в которой мы оказались, когда мозг активизировался до предела, а может, это были остаточные явления после приема мощного саликантала. В любом случае, пока что у меня проходило все как надо, без осечек, вот только изменника среди представленных мне людей не было... Может, я не смог его найти? Нет, исключено – я «смотрел» их сознание очень, очень внимательно! Не мог проскочить такой факт, как написание доноса, мимо моего внимания – человек при этом испытывал сильное душевное волнение, а значит, этот факт должен был врезаться ему в память и оставить в душе следы сильного потрясения.

Лакраннон поговорил еще о том о сем, потом подхватил нас с Леной под руки:

– Пойдемте, я представлю вас имениннице!

Он подвел нас к женщине, довольно симпатичной, хотя, на мой взгляд, слегка вульгарной, та оглядела мою подругу с головы до ног и прикусила пухлую губку – видимо, позавидовала молодости и красоте Лены.

Жене Лакраннона было около тридцати пяти лет, она еще очень неплохо выглядела, но заметно было, что сдерживать натиск времени ей трудно – немного лишнего веса, немного тесноватое платье... многовато драгоценностей, видимо, должных замаскировать увядающую красоту. В молодости, похоже, она была очень красива...

– Дорогая, это мой советник, господин Сергатар, а это его супруга, госпожа Лилин. Займи ее разговором, пока мы с Сергатаром побеседуем о делах, хорошо? Пойдемте, советник, поговорим!

– Секунду, господин Лакраннон! Я же должен поздравить вашу супругу с днем рождения! Поздравляю, госпожа! Вам исполнилось, вероятно, лет двадцать? Вы прекрасно выглядите! Очень обворожительны! Извините, я вынужден отойти с вашим супругом – важные дела! – Я раскланялся и отошел туда, где меня возле небольшого столика темного дерева дожидался глава стражи.

– Поздравил? Дамский угодник! – проворчал Лакраннон. – Бесится моя жена от скуки, уже не знает, что придумать для развлечения... бал ей подавай. Но не о ней сейчас. Что узнал? Что-то получилось с картинками?

– С картинками-то получилось... но вынужден разочаровать – среди ваших людей предателя нет. Впрочем, разочаровать ли? Это же хорошо, что в вашем окружении нет предателя, так ведь? – Я пристально посмотрел на Лакраннона.

– С одной стороны, так, а с другой... он ведь существует! Если не они – то кто? М-да... добавил ты мне

проблем. Лучше бы это был кто-нибудь из них... Ну ладно, иди веселись и посматривай – вдруг что-то заметишь свежим взглядом, что-то, что покажется странным. Супруга уже тебя заждалась, вон как ищет взглядом. Моя благоверная умеет мозг проесть... в больших дозах ее никто не может выносить. После танцев будет ужин, после него и подумаем, что делать. Может, слуг проверить?

– А вы их допускаете к информации? Они могут подслушать?

– Исключено. При них мы не разговариваем. В общем, после решим. Танцуй, отдыхай...

Я пошел к Лене, которая явно мечтала свалить от хозяйки дома куда-нибудь подальше, ее щеки покраснелись, а глаза метали молнии, хотя она и улыбалась ласково, как ребенок.

Подхватив ее под локоть, извинился перед хозяйкой дома и отвел Лену в сторонку.

Убедившись, что нас никто не услышит, я спросил:

– Ты чего такая злющая? О чем вы там так мило ворковали, что я испугался, что ты сейчас эту бабу прибьешь?

– Она жаловалась на мужа, что он пренебрегает супружеским долгом, и пыталась обсуждать стати присутствующих мужчин! В том числе и твои! Пыталась выяснить, сколько раз в день мы занимаемся сексом и в каких позах! Я отшучивалась, отшучивалась, в конце концов мне это надоело, и я ее чуть не прибила!

– Она такая озабоченная? – хмыкнул я. – Неужели тут вся знать такая?

– А что, у нас другая, что ли? – пожала плечами Лена. – Во все времена такая была. Просто странно – вываливает интимные подробности первому попавшемуся человеку... у нее с головой, интересно, все в порядке? На мой взгляд, она на всю голову ушибленная, повернутая на сексе!

– Да наплевать на нее, пойдем потанцуем, пока есть возможность, потом будет пир – Лакраннон сказал.

– А ты с ним решил вопрос? Нашел предателя?

– Да ни черта! И картинки видел, практически без сбоев, но никаких предателей не обнаружил. Может, это все ему привиделось? Да бог с ним, пошли танцевать, это его проблемы, с предателями, а я сделал все, что мог...

Мы вышли в центр зала – пары кружились в танце, знакомом нам по визиту в «Золотое дерево». Похоже, это был самый модный танец в этом мире... а может, единственный? Вряд ли, конечно...

Мы танцевали минут десять, потом мажордом объявил:

– Кавалеры меняют дам!

К Лене тут же прицепился один из замов Лакраннона, а меня захватила хозяйка дома, прижимаясь ко мне полным бюстом. Конечно, она не шла ни в какое сравнение с Леной, но, если бы у меня не было женщины, подумал я, дама вполне пикантная!

Я взял ее за руки в танце, и неожиданно меня пробило. Бац! – картинка! Бац! – еще одна! Ошеломленный, я на секунду остановился, потом слегка отстранился и сказал:

– Извините, госпожа, мне что-то нехорошо стало. Пойду посижу, вы не против? Видимо, укачало в поездке.

– Что-то молодежь слабовата стала, – усмехнулась она. – А может, я вас отведу в комнату для отдыха? Полежите там? Массаж шеи вам сделаю? – Ее язык красным червячком облизнул пухлые губки и скрылся в глубине рта – мадам учащенно дышала и явно уже предвкушала надругательство над моим молодым

телом...

Но нет – я тут же откланялся и зашагал к столику, где уселся, глядя в полированные узоры паркета.

Я увидел. Увидел все, и мне надо было подумать, как быть дальше.

Поймав взглядом Лену, я смотрел на нее до тех пор, пока она не почувствовала мой призыв и не направилась ко мне, отстранив разочарованного партнера.

– Что случилось?

– Я знаю, кто предатель. И знаю – почему. Только не знаю, как нам вести себя дальше... Ты не могла бы позвать Лакраннона? Вон он, разговаривает с землевладельцем... пусть подойдет сюда, ладно? Скажи – дело важное и конфиденциальное.

Лена внимательно посмотрела на меня и кивнула. Она медленно, чтобы не вызвать ненужных подозрений, подошла к Лакраннону, что-то ему сказала, и они вместе зашагали ко мне.

Подойдя, глава тайной стражи присел за столик и спросил:

– Что случилось? Что вы узнали?

– Вы ведь убили парней не просто так, да? У этого, с которым я дрался, была связь с вашей женой, так? И еще у двух из той компании... вы узнали, что они встречаются с ней и устраивают оргии, и решили убрать всех одним махом! И подвязать к этому делу нас, повесив на нас убийство... так ведь, господин Лакраннон?

– А если и так? – Глаза стражника опасно блеснули. – Какое это имеет значение для вас?

– Для нас – никакого. А вот ваша жена узнала каким-то образом, что это вы порешили ее любовников, и очень, очень расстроилась. А она, несмотря на ее кажущуюся глупость, знает очень много о вас, заговорщиках, и о ваших планах. И решила отомстить злему мужу, а заодно освободиться от него – благо на примете есть еще кандидат в мужья, сын верховного жреца. Ей было обещано, что после свадьбы статус супруги никак не отразится на милом ее сердцу образе жизни, что она будет делать все что захочет... надо только под каким-нибудь предлогом собрать в одном месте всех руководителей заговора – на балу, например. И когда все расслабятся...

– Короче. Хватит баллад! – жестко прервал меня глава тайной стражи. – Когда ожидается нападение?

– После ужина. К дворцу стягивается верная охрана жреца, дворец отрезают от мира, по периметру становятся боевые гауры, нас всех уничтожают. Есть варианты, как уйти?

– Есть. – Лакраннон побледнел, но был решителен. – Тут полно потайных ходов, надо уходить. Ну, тварь похотливая! Я тебе покажу любовников, я тебе покажу сына жреца! Ждите здесь. Я сейчас все организую.

Он поднялся, подошел к одному из своих подчиненных, сказал ему несколько слов, тот кивнул, обошел по очереди остальных заговорщиков, и те заторопились к своим женам. Откуда-то появились слуги, несколько стражников, и в зале вдруг стало многолюдно и шумно – музыканты продолжали играть, но на них никто не обращал внимания, и вскоре они растерянно опустили инструменты.

Жена Лакраннона удивленно наблюдала за происходящим, затем, видимо, догадалась – побледнела и с каменным выражением лица села у стены.

Гости исчезли за одной из дверей зала, а Лакраннон подошел к жене и наотмашь хлестнул ее по лицу.

– Тварь! Развлекалась потихоньку – ну ладно, многие бабы имеют любовников, но тебе было все мало? Тебе надо было устраивать собачьи свадьбы, позорить меня? Гадина! Неужели ты думаешь, что

жрец выполнил бы обещание и тебе позволили бы владеть моим имуществом? Идиотка! Он бы просто забрал все, а тебя в бордель, в рабыни! Я тебя сам в бордель сдам, тварь... когда все закончится. Смерть для тебя слишком мягкое наказание! – Глава стражи развернулся и быстро подошел к нам. – Скорее, за мной! Я что-то подобное происходящему просчитал, поэтому мы практически готовы – не хватило пары дней. Но ничего, большинство стражи за нас, кроме личной охраны верховного жреца и его прихвостней – приближенных гауров. Многие из гауров, недовольных происходящим в стране, тоже за нас. Сейчас мы покинем дворец – здесь скоро будет очень жарко. От меня не отходить, если вздумаете сбежать – пеняйте на себя, убью. Все ясно?

– Кроме одного – а почему нам не убить вас? – вырвалось у меня совершенно легко и непроизвольно.

– А зачем? – невозмутимо парировал Лакраннон. – Если я одержу победу, вы будете рядом со мной, богатые и успешные, стоит ли убивать благодетеля? Тем более что, убив меня, вы проживете очень недолго – вас тут же прикончат, несмотря на то что вы гауры, на то мои соратники получили особые распоряжения. Все, хватит болтовни, бежим!

Он бросился к двери, через которую чуть раньше покинули зал гости, – за ней была небольшая комната и открывался проход, из него несло холодом и сыростью.

Проход вывел нас в выложенный обожженным кирпичом коридор, идти по которому было легко даже в полный рост. Гулко стучали шаги, их эхо терялось в длинном коридоре, освещаемом редкими факелами, вставленными в зажимы. Факелы чадили, трещали, распространяя запах паленой шерсти и горящего масла.

Отметил для себя – никаких гаурских фонарей не было, все только натуральное. Впереди мелькали спины Лакраннона и стражников, сзади тоже топали стражники – подозреваю, что им даны указания следить, чтобы мы не сквозанули куда-нибудь в сторону, оно и понятно, сам бы так сделал. Вот только – как нам вести себя в этой ситуации? «Куды хрестьянину податься?» Подаваться нам надо в одно место – в свой мир, дверь в него находится в главном храме – значит, нам надо в главный храм!

Лена молча бежала рядом, задрав подол выше колен и звеня височными золотыми украшениями – бежать в ее наряде было непросто, она закусил губу и пыхла как паровоз. По ее лицу было заметно, что моя подруга очень не одобряет пробежки в темном сыром подвале.

Я осмотрелся – на нас никто не обращал внимания – и тихо сказал по-русски:

– Нам нужно в главный храм к portalу, держись меня и никуда не теряйся – будем уходить по мере возможности.

Она кивнула, продолжая сосредоточенно бежать и стараясь не отставать от всех.

Коридор вывел в большое помещение, заваленное какими-то ящиками и корзинами, отбросив которые мы оказались у выхода из этого склада – видимо, это был склад при главном храме, потому что перед нами оказался именно он, высокий, красивый и опасный...

Вокруг храма шел бой – бойцы главы стражи окружили здание, которое было заключено в кольцо войск, верных верховному жрецу, – они носили красные повязки, у стражников Лакраннона повязки были белые.

В этом месиве было трудно понять, кто есть кто, все рубили всех, белые с красными, красные с белыми перемешались, как в каком-то винегрете, время от времени с шипением пролетали белые шары сфер, выбирая себе жертву из числа сторонников мятежного министра. Впрочем, заметил – белые шары летели и в сторону храма, выбивая его защитников. Гауры были и на стороне мятежников.

Я инстинктивно старался держаться ближе к Лакраннону, справедливо полагая, что он-то знает, что

делать и куда бежать, раз затеял всю эту бодягу. Как оказалось, расчет мой был как верным, так и опасным – заметив главного мятежника в рядах нападающих, защитники храма сосредоточили огонь на нем, стараясь накрыть его мощными залпами сфер, а также выстрелами лучников.

Щитоносцы с трудом закрывали своего вождя, ну а те, кто был рядом и не был прикрыт десятками щитов, неминуемо попадали под случайный удар сферы или выстрел лучника.

В общем, нам с Леной досталось: мы бегали как зайцы, меняя направление движения, прячась за чьими-то спинами от стрел и уворачиваясь от летящих сфер. Одна из сфер чуть меня не спалила, пройдя рядом с головой, – в воздухе противно запахло палеными волосами. Я пришел в бешенство. Гаура, метнувшего в меня сферу, засек сразу, создал сферу и метнул ее боевым заклинанием Арданана, которое тот не успел передать в Храм, – кстати, туго бы тогда пришлось мятежникам!

Сфера разорвалась среди защитников – она была большой, с футбольный мяч, так что эффект был как от разрыва снаряда, не менее семи-восьми гауров полегли за баррикадой у храма. Ко мне присоединилась Лена – ее сферы были маленькими, но и маленькая граната очень плохо отражается на здоровье того, в кого ее метнули...

Вся эта катавасия продолжалась около часа. Совместными усилиями лучников, гауров и двух «демонов» защитники храма были перебиты – по крайней мере, с нашей стороны храма, – и атакующие группы вооруженных мечами и кинжалами бойцов ринулись на территорию, прилегающую к зданию, благо что ограждающий ее забор был разбит магическими выстрелами.

Мы тоже рванули за нападавшими, вовлеченные в поток стражников и следуя своей цели – мы все ближе и ближе были к portalу...

Весь двор храма был усеян трупами, обломками оружия, кусками забора и облицовки здания, а в воздухе носились стрелы и огненные шары – защитники храма отчаянно сопротивлялись, похоже не надеясь на пощаду.

Пропустив вперед атакующие бригады, пригибаясь к земле, мы медленно двигались к зданию храма, внимательно следя, чтобы шальной огненный шар или стрела не угодили в нас.

Через полчаса ожесточенной схватки бой переместился внутрь храма, откуда слышались стоны, проклятия и вопли, звон оружия.

– Давай внутрь, ищем портал! – крикнул я, и мы с Леной со всех ног бросились в храм, залитый кровью и обожженный огнем.

Внутри было полутемно, хотя и горели осветительные сферы наверху, – тлеющие тяжелые портьеры и дерево выделяли массу дыма, не позволяющего рассмотреть что-либо как следует.

Впрочем, даже то небольшое, что я увидел, впечатляло – росписи по куполу, по стенам, лепные золотые узоры, какие-то скамьи или стулья – все сверкало и сияло, показывая, что именно тут находится средоточие могущества и роскоши этой империи. По стенам – лики богов, заглядывающие в душу. Росписи чем-то напоминали древнерусские, хотя тут не было главного символа христианства – креста. Оно и понятно – здешняя религия возникла за тысячи лет до рождения Христа.

Молельный зал был огромен – мне показалось, как футбольное поле. Люди, которые дрались уже на дальних подступах к внутренним, рабочим и жилым помещениям храма, казались маленькими, будто игрушечными, – сказывалось расстояние.

Я быстро прикинул, где может находиться портал, – скорее всего, во внутренних помещениях, вряд ли в него открытый доступ.

Взяв Лену за руку, помчался туда, где шел бой, – в том направлении, на мой взгляд, должен находиться портал.

Подбежав ближе, мы увидели голову Лакраннона, мечущегося в рядах атакующих, – он что-то кричал, командовал, я разобрал только: «Найти верховного жреца! Живого или мертвого! Убейте всех! Не щадить никого!»

Подумалось – интересно, а как он будет править, когда убьет верховного жреца? Скорее всего, сам станет верховным жрецом и тогда уже направит страну в нужное русло.

Впрочем, думать об этом было некогда – волны атакующих вливались во внутренние помещения, сломив сопротивление немногочисленных защитников, и с криками и шумом расплескивались по храму. Я осмотрелся: никакого портала не видно, и признаков его – тоже. Где он?

Мы начали методично проверять все помещения – их было много, десятки, а может быть, и сотни.

Шум битвы постепенно затих, и теперь начался методичный грабеж. Солдаты тащили все что можно – отрывали куски золотой лепнины, выламывали инкрустацию, – похоже, на это никто не обращал внимания, все начальство было занято поисками верховного жреца, которого так и не могли найти.

К нам подошел Лакраннон – он был возбужден, глаза блестели, волосы всклокочены.

– Все, мы захватили главный храм! Теперь я верховный жрец! Те жрецы, что остались в живых, меня поддержат, а тем, кто в провинциальных городах, все равно, кто будет ими править! Вот теперь будет прогресс, мы перестроим страну так, как нам надо. И вы мне в этом поможете! Бывшего верховного жреца не сумели найти – где-то строит козни, наверное...

– Господин Лакраннон, а где тут находится портал? Вам не кажется, что жрец мог уйти в портал?

– Хм... точно. За мной! Солдаты, за мной! – Лакраннон бросился вперед, за ним мы, за нами человек двадцать стражников, забрызганных кровью врага и возбужденных победой. Их карманы оттопыривались, но никому не было дела до какого-то там мелкого грабежа или воровства.

Через череду маленьких комнат и больших залов мы вышли к неприметной двери. Честно говоря, никогда бы не подумал, что эта дверь ведет к святой святых – portalу.

Лакраннон распахнул дверь, и мы увидели сияние в центре зала – там висела уже знакомая большая сфера, заливающая светом все вокруг. Возле нее суетились люди в жреческих одеяниях, что-то громко обсуждающих и размахивающих руками. Среди них выделялся человек в красной одежде, проглядывающей из-под золотых украшений. Я с уважением прикинул – на нем, должно быть, не менее пятнадцати килограммов золота, попробуй потаскай такую кольчугу!

Жрец и его окружение заметили вбежавших, закричали и начали с разгону бросаться в портал – их было человек десять. Нападавшие тоже стали вопить и осыпали исчезающих в портале людей тучей стрел – двое жрецов упали, но человек семь-восемь исчезли в сиянии сферы.

Мы с Леной бросились вперед и почти добежали до портала, когда Лакраннон заметил наши потуги достигнуть вожаемой цели и закричал:

– Не пускайте их к portalу! Никого не подпускать к portalу!

До сферы оставалось метров десять, но перед нами встали несколько человек, загородивших дорогу. Совершенно автоматически я создал магический шар и метнул его в стену бойцов – они разлетелись в стороны. Потом создал амгура и метнул его в толпу оставшихся в живых – тот присосался к кому-то из бойцов, а я побежал дальше, толкая перед собой Лену и прикрывая ее спиной, каждым ее сантиметром ощущая, что вот-вот острый бронзовый наконечник прорвет мою плоть.

Так и случилось – две стрелы воткнулись мне в спину аккуратно рядом с позвоночником и вошли в легкое, от чего я закашлялся кровью – если бы не вовремя брошенный амгур, мне бы хана. Но портал был уже близко, я вцепился в руку Лены, бросок... вспышка света, кружение, светлячки в бархатной темноте... удар о землю... ночь.

Я лежал на боку на твердой земле и осматривался вокруг – было очень темно, безлунно, и я долго не мог понять, где нахожусь. Потом оглянулся – сзади мерцало, как будто включен фонарь. Вспомнил – портал! Это портал! Рядом лежала Лена – я нащупал ее руку, сжал, Лена слабо пошевелилась, потом села и спросила:

– Ты как?

– Только не спрашивай, как американские полицейские у трупов – с вами все о'кей? У меня в спине торчат две стрелы – как мне может быть? Хреново мне. Давай-ка выдерни стрелы из меня... скорее! А то на той стороне носитель загнется, тогда совсем худо будет!

Я лег на живот, расслабился и приготовился к боли... я считал, что приготовился.

У бронзовых наконечников, применяемых в том мире, была одна особенность: как и у скифо-сарматских, на наконечнике имелся крючок, отходящий в сторону, – чтобы вынуть наконечник из раны было очень непросто.

В общем, лез наконечник из меня с кусками легкого, с мясом и фонтанчиками крови. Слава богу, я тут же потерял сознание, и дальнейшие манипуляции Лена производила с моим бесчувственным телом, иначе я бы не выдержал.

Очнулся от тряски – чья-то рука зажала мне рот, напрягся – последнее воспоминание было о дикой боли в спине, потом расслабился – вспомнил события, узнал подругу и, взяв ее руку, отвел от себя.

– Что случилось? – тихо спросил я. – Стрелы выдернула?

– Да! Тсс... похоже, тут кто-то бродит, разговаривает на языке аров!

– Жрецы? – вспомнил я.

– Да, они.

– Пусть валят, не мешай! Я хочу попробовать закрыть портал, чтобы сюда не лезли больше всякие пакостники. Ну и туда не проваливались.

– А с чего ты взял, что тут будут работать заклинания того мира? Чем вообще ты собрался закрыть портал?

– Заклинанием развоплощения, конечно! Я же тебе говорил, что сфера портала похожа на сферу освещения, – вот и способ закрыть доступ в наш мир всякой пакости типа амгуров! Лена, быстро отползаем! Они сюда идут!

Мы уползли в темноту, как две огромные ящерицы, я при этом со смешком подумал: «Ленино бедное платье, такое белое и нарядное! Полный кирдык этому платью...»

Несколько человек – я узнал верховного жреца и его приближенных – подошли к portalу, обменялись короткими фразами и по очереди нырнули в портал. Все затихло...

Мы поднялись на ноги, осмотрелись – из-за тучки вышла луна и подсветила окрестности того места, где мы находились. Гора Шаманка! Мы вернулись в ту точку, из которой начали свое путешествие!

– Отлично! Мы дома! – сдерживая радость, сказал я. – Ну что же, будем пробовать, надо уничтожить эту дыру – и с ней этот вот трубопровод несчастий. – Я показал на торчащий из сферы витой «трос» из

поводков к амгурам. – Дай мне Бог силы... поехали!

Я сделал рукой Знак и стал произносить заклинание развоплощения, уничтожающего все магические создания в радиусе десяти метров, отчаянно надеясь, что оно подействует.

Некоторое время ничего не происходило, потом сфера начала мигать – то ярче, то тусклее, то ярче, то тусклее, как будто сопротивлялась действию заклинания. Затем стала гаснуть, гаснуть, га-а-а-асну-у-уть... есть! Вместо сферы на вершине горы было пустое место, ничем не отличающееся от каменистой, выжженной земли вокруг.

Я завопил:

– Получилось! Ленка, получилось! Сам не знаю почему – но вышло! Ура!

Подхватив подругу на руки, я закружил ее, и мы повалились на землю, плюхнувшись рядом и соприкоснувшись лбами.

– Есть, Ленка, я сделал это! Сделал! Представляешь, сколько людей по всему миру сейчас вдруг почувствовали облегчение от болезни, сколько сейчас спаслось? Получилось!

Мы смотрели в глаза друг другу, и я почувствовал настоящее желание поцеловать подругу, что и сделал – прямо в смеющиеся глаза и припухшие губы.

Это продолжалось бы и закончилось понятно чем, но Лена решительно отстранилась и заявила, что заниматься

этим в грязи на вершине дурацкой горы, на жестких камнях могут только свиньи, а нам надо найти лучшее место, и вообще – место, где можно привести себя в порядок, переодеться и так далее.

Мы поднялись с камней, отряхнулись, насколько могли, определились с направлением и отправились туда, где предположительно находилась турбаза, на которой мы оставили свой джип и все свои вещи – и документы. Прошло больше двух недель с тех пор, как мы отправились на эту гору, – что сейчас творится в родном мире? Нужно быть очень осторожными...

Глава 14

Над головой сияли звезды, мерцая и впиваясь иглами лучей в черное бархатное небо. Луна освещала степь как призрачный прожектор, под которым было видно очертания холмов, камешки на дороге, темные трещины в сожженной солнцем земле и кусты полыни, редко-редко торчащие у натопанной дороги.

Было очень холодно – несмотря на то что еще торжествовало лето, ночью в уральской степи уже праздновал победу осенний холод, резко континентальный климат, что поделаешь...

До базы было около пяти километров – довольно дальняя дорога, если учесть, что мы были одеты совсем не для походов по ночной степи, – Лена в изодранном полупрозрачном платье, а я в рубашке, куртке и полотняных штанах. Впрочем, куртка быстро переключалась на дрожащую подругу, несмотря на ее протесты, так что мне в своей щегольской рубашке приходилось греться движением.

Я старался не обращать внимания на холод и интенсивное движение, голова непрерывно работала, просчитывая ситуацию: что нам делать после того, как мы появимся на турбазе в таком вот виде? Мы отсутствовали больше двух недель, вагончик наш оплачен на три дня, еще день они могли выждать, а потом? Что бы я сделал на их месте? Вызвал бы мента... тьфу, полицейского – никак не могу привыкнуть к этим дурацким переименованиям, для меня как был мент, так ментом и останется, даже если его назовут «менеджер правопорядка».

Итак: вызвали мента, создали комиссию, вещички сдали в ментовку (в коповку? Забавно звучит!). Куда джип? Сдается – джип они пока что не тронут, ключей нет, а разбивать стекла, ломать замок зажигания себе дороже. Будет торчать на стоянке базы, пока не сделают запрос о поиске родственников... а вот тут уже интереснее – родственники могут вскорости объявиться. Кто? Ну конечно, не тетка моя – это будут посланцы куратора, само собой, с поддельными, как и у нас, документами, доказывающими, что у них есть доверенность на этот джип. И она будет у них, эта доверенность... само собой.

Теперь так рассудить: вот два агента – Колдун и Заря, направлены в определенное место, и вдруг – они исчезают! Нет на экране слежки, их не слышно – что нужно сделать? Послать туда группу наблюдения, конечно. Они засядут на этой базе и будут ждать нашего появления – на всякий случай засунув в джип прослушку и маячок. Впрочем, это глупо – маячок и прослушка изначально в джипе уже были, или я не знаю нашего заклятого друга куратора. Мало того что в нас сидело по бомбе-передатчику, так обязательно это будет продублировано для страховки... нас так учили, и так будет, инструкция – дело святое.

Вводная – как уйти от наблюдения, используя транспорт, находящийся под наблюдением? Ответ: никак. Значит, что? Нам нужно прихватить все, что мы сочтем необходимым, из джипа и валить отсюда на перекладных. Теперь рассудим так – наши кураторы знают, как мы рассудим, они сами нас этому учили, а значит – что? Как только мы откроем джип, на нас нападут. В лагере турбазы засада, это рупь за сто. Надо предупредить Лену, причем, скорее всего, она сама уже догадалась.

– Лен, готовься – на турбазе нас атакуют.

– Я знаю. – Лена отбивала дробь зубами от холода, температура снизилась практически до заморозка. – Хоть погреемся, а то я замерзла как ледышка! Даже бег не спасает – еще этот чертов ночной ветерок!

– Готовься их бить своим внушением – иначе не одолеем. Как думаешь, кого за нами пришлют?

– Кого-кого, наверное, подружку твою, Ласку, мать ее за ногу, кого же еще... кто знает тебя лучше всех? Я да Ласка... вот ее и пришлют. Да еще кого-нибудь для верности – думаю, две пары будет. А может,

и три, все-таки мы с тобой на хорошем счету были... – Лена усмехнулась и озабоченно подхватила измочаленный камнями подол платья. – Я вот что думаю – может, нам вообще не стоит там появляться? Как-нибудь по-другому выкрутимся?

– А как ты выкрутишься? До Магнитогорска полторы сотни километров – как мы их пройдем? По раскаленной степи, без денег, документов, без нормальной одежды? Это нереально. Нам так и так надо на турбазу – даже если джип угнали и ничего не осталось, у нас есть твои украшения, продадим, это уже будет неплохая сумма, нам пока что хватит... а там видно будет. С нашими способностями – не пропадем. Далеко пойдем... если не убьют.

– Если не убьют... – как эхо вторила мне подруга, шмыгнув носом. – Холодрыга ужасная! У меня сопли текут, как из водопровода!

– Ничего, осталось немного – видишь, фонари горят? Еще полчаса, и мы на месте, даже раньше.

Так и вышло – через двадцать минут мы подходили к рядам вагончиков за проволочным забором.

Я сразу бросил взгляд на стоянку и вздохнул облегченно – джип был на месте. В свете прожектора он стоял как чучело динозавра, покрытый степной пылью и монументальный как скала.

В вагончике охраны у шлагбаума было темно – поздняя ночь, охрана, как ей и положено, сладко спит и видит сны. Мы не стали будить рьяного охранника, вырывать его из объятий пьяных снов и тихонько пролезли под шлагбаумом, не нарушая ничьего покоя.

Я отправил Лену к стоянке машин, а сам прокрался к вагончику, где мы жили перед тем, как отправились в свое путешествие в иные миры, аккуратно забрался на крыльцо, сунул руку под крышу, и – о счастье! – ключи от джипа были на месте.

Взял ключи и, прячась в тени от вагончиков, пошел к стоянке.

Лена была уже у джипа. Я нажал кнопку сигнализации – оглушительно в ночной тишине дважды щелкнул сигнал, мигнули фары, – джип был открыт.

Мы забрались в машину, с наслаждением прячась от ночного пронизывающего холода и от забирающегося под одежду ледящего степного ветерка.

В машине было уютно, через пять секунд мы уже ворошили наши баулы с вещами и натягивали на себя рубахи, комбезы, ботинки на шнуровке – дрожь в теле отступала, и мы слегка расслабились.

Порывшись в сумках, нашел наши паспорта, водительские удостоверения, документы на машину – все было цело.

Облегченно вздохнул – теперь живем! Впрочем, пользоваться ими можно только временно – само собой, документы, выданные Базой, легко отследить, так что нужны новые документы. И банковские карты эти использовать нельзя, когда будем замечать следы, иначе сразу засекут.

– Ну что, ночуем в джипе или будем сразу прорываться на выход? – Лена вопросительно посмотрела на меня. – Я бы заночевала, днем все-таки виднее, что к чему. Заночуем и определимся, как и куда идти.

– Да, ночуем здесь! – понимающе кивнул я и показал жестами: слушают, ничего лишнего!

Вставив в замок зажигания ключ, я с замершим сердцем тихонько повернул его – загорелись огоньки на панели, еще движение – мощный движок с полоборота завелся, заурчал, как будто и не стоял больше двух недель без работы.

Посмотрел на указатель топлива – больше половины бака, перед тем как ехать на турбазу, я заправил машину под самую горловину на заправке у трассы.

Включив скорость, тихо подал машину вперед, она легко, как будто была не громадным джипом, а маленькой спортивной букашкой, скользнула к воротам и встала возле шлагбаума, почти касаясь его капотом.

Лена вышла из машины, попробовала поднять шлагбаум – он сопротивлялся, видимо, мешал привод электромотора, – наконец полосатая перекладина сдалась и поднялась на вытянутых руках девушки.

Я выехал за пределы базы, Лена бросила шлагбаум, скользнувший вниз и раскачивающийся, как ветвь странного дерева, и села на свое место справа от меня.

Так же тихо, поддав газу в шелестящий на малых оборотах движок, двинул машину по дороге и только хотел сказать – как мы здорово ускользнули с базы! – как включился прожектор на домике охраны, из вагончика выскочил заспанный охранник, появились какие-то люди в темных костюмах и начали вопить, показывая нам вслед.

– Ну держись теперь, – озабочился я и предложил: – Лен, пристегнись. Похоже, сейчас будем наш джип испытывать на прочность. Ну-ка, чудо техники, наддай!

Я включил все фары – теперь уже скрываться в темноте нужды не было, все равно засекли, нажал газ до предела, и трехтонная машина, взревев движком, буквально прыгнула вперед, унося нас от преследования.

Огни базы удалялись, таяли, а вскоре показались фары преследователей – несмотря на нашу скорость, уйти в отрыв мы так и не смогли, преследователи держались уверенно и ровно в пределах видимости.

Быстро выскочили на асфальтированную дорогу, и я разогнал дредноут по полной – на спидометре было под двести, но оторваться не получалось по-прежнему, все-таки это была не суперскоростная машина, а специально подготовленный офроудный автомобиль, не рассчитанный на движение с такой скоростью.

Я немного снизил скорость – побоялся, что не выдержат мосты, нельзя долго гнать джип на пределе, так можно и вообще остаться без колес, а пока мы движемся, есть надежда.

Лена полезла назад, достала все оружие, что у нас было – «макаровы» и ПСС, перекинула их на переднее сиденье, перелезла сама, выщелкнула обоймы и замерла:

– Серега, мы безоружны! Патронов нет! Этими стволами мы можем только тараканов бить! Ножей тоже нет... они хорошо расстарались, обезоружили нас.

– Кто бы мог подумать, – грустно съязвил я. – Что будем делать? Постепенно настигают ведь!

Неожиданно откуда-то в машине раздался негромкий, но ясный голос куратора:

– Колдун, Заря, сдавайтесь! У вас нет шансов! Вы будете убиты при попытке сопротивления!

– А мы и так будем убиты, в любом случае, – спокойно ответила Лена. – Вы, уроды, обязательно нас подставите, я вас знаю.

– Сдавайтесь, вам сохранят жизнь в обмен на информацию – я же знаю, что вы перешли куда-то в другое измерение, за вами все время следили. Расскажите все, что знаете, и гуляйте! Кто вас неволит – будем считать, что вы выполнили последнее задание. Делайте что хотите – после того как расскажете нам все!

– Серега, он врёт! – ожесточенно сказала Лена на языке аров. – Они никогда нас не выпустят. Ты сумеешь их завалить магией?

– Не знаю. Заклинание развоплощения сработало, вдруг и остальная магия работает? Проверять некогда – у нас только один шанс, гоним, пока есть горячее и есть силы, может, успеем до города добраться, вряд ли они осмелятся устроить полномасштабную резню в черте города. Впрочем, от них всего можно ожидать. В любом случае дожидаться преследователей я не намерен.

Мы не стали отвечать куратору и после того, как получили подтверждение, что джип наспигован подслушивающей аппаратурой, разговаривали только на арском языке.

Прошло еще с полчаса – небо уже стало светлеть, вокруг вполне можно было различить степи, холмы, автобусные остановки с потеками ржавчины и сломанными скамейками – они стояли возле ответвлений дорог, идущих в небольшие деревни вдоль трассы.

Вдруг мне в голову пришла мысль:

– Лен, они нас гонят к городу, как дичь! Нам надо уходить в степь, где внедорожник даст преимущество! Давай на всякий случай разложим по карманам деньги – те, что взяли у кидал, и те, что успели снять с карточек, только проверь, чтобы там не было маячков. Уходим на бездорожье – направление движения в город мы знаем, будем колесить по степи. Включи навигатор – тут полно степных речушек, как бы нам не напороться на овраг, если прижмут, не уйдем.

Я свернул на первую попавшуюся дорогу в сторону деревеньки, видневшейся километрах в двух от трассы, и джип заскакал по жутким ухабам, почему-то в России именуемым дорогой.

Через два километра мы вылетели на деревенскую улицу, распугивая очумелых кур и чуть не передавив выводок наглых гусей, которые, вытянув шеи, высказали вслед нам все, что думают о таких, как мы, подонках.

Деревенская улица выводила в степь, нам нужно было держать направление на Магнитогорск – я был уверен, что в городе больше шансов скрыться, чем в ровной как стол, горячей степи.

Уже совсем рассвело, и было видно, что преследователи на трех машинах – тоже джипах – находятся в полукилометре от нас.

Я с досадой выругался – не уйдем! Как в подтверждение, двигатель джипа вдруг замолчал, будто убитый выстрелом, и машина, прокатившись метров двадцать, встала как вкопанная – никакие прокрутки стартером не давали ни малейшего эффекта.

– Они нам двигатель вырубили дистанционно! – понимающе кивнула Лена. – Теперь расчет только на свои силы. Ну что, Серега, дадим им прикурить?

– Попробуем, – угрюмо кивнул я, – а что еще остается? Сдаться и получить бомбу в спину? Хватит уже. «Наверх, вы, товарищи, все по местам!» Не сдадимся, Лен? Может, зря мы удрали из страны аров, а? Жили бы сейчас не тужили... Нигде нам нет места... Ну что, пошли?

– Пошли.

Мы вышли из джипа, прислонились к его пыльному борту и стали дожидаться приближения преследователей.

Они не спешили, обкладывая нас со всех сторон, как стая волков заходит к стаду баранов. Бараны – это мы. Сидели бы себе в Арии и сидели... дождались бы, когда тут все утихнет, и свалили обратно на Землю! Вот какого черта мы поторопились? Поздно теперь сетовать... теперь только драться.

– Как думаешь, они Теней прислали? Или это кто-то еще?

– Думаю, все-таки не Тени. Тени – убийцы, а им нужно нас захватить, тем более что они думают – мы безоружны.

– А у нас есть оружие? Пока что не уверена. Впрочем, у меня есть шансы их достать – если подойдут метров на десять... и если не оглушат чем-нибудь. Оп-па! Глянь-ка! Мы внушаем им почтение, не находишь?

– Вижу. Похоже, денег на нас не жалеют. Почему, интересно, раньше не выслали?

– Темно – чего увидят? Гробанется с высоты-то... куда только пропеллер полетит. Впрочем, с приборами ночного видения – какая разница, ночь или день, даже для вертолета. Ну, Серега, вся надежда на тебя...

– Ждем. Пусть покажут намерения!

Как будто отвечая мне, от одной из машин через ГУ раздался громкий металлический голос:

– Сдавайтесь, и вам будет сохранена жизнь! В противном случае будет открыт огонь на поражение!

В подтверждение этих слов с висящего над головами вертолета ударила пулеметная очередь, взрыхлившая почву перед нами и осыпавшая нас кусочками земли и камней.

– Хотим пять минут подумать! Дайте пять минут! – крикнул я, изо всех сил изображая испуг.

Забавно, подумалось мне, поверят или нет? Куратор бы точно не поверил – нас готовили к такой пакости, обстреливая целыми днями вплотную к телу, чтобы приучить к пулям, лежащим рядом, – это обычный человек бы трусил, но не Тени.

У автомашин противника затихли, видимо советуясь с начальством, наконец тот же голос проревел:

– Три минуты на раздумья, потом открываем огонь!

Время, пока они советовались, и отпущенные на размышление минуты я потратил с пользой – создавал и бросал амгуров, черными шарами, как перекати-поле, несшихся к нашим врагам.

Я навесил на Лену поводки трех амгуров, три на себя, когда терпение у бойцов иссякло – борт джипа покрылся строчками от пуль, две из которых попали в меня, а две в Лену. Нас отбросило под колеса машины, и я выдавил сквозь боль:

– Не двигайся, пусть расслабятся!

Огонь прекратился, и стало слышно, как из пробитого колеса машины с шипением выходит воздух.

Честно говоря, мне стало ужасно жалко работягу-джипа – если бы просто взять и махнуть на нем куда-нибудь в Карелию, в тверские или смоленские леса, на рыбалку, на охоту... а он теперь умирает тут, в выжженной степи, как какой-нибудь «Беларусь», разбитый пьяным трактористом.

Эта мысль привела меня в ярость, я выскочил из-под машины и с ходу сотворил Знак, выкрикнул заклинание и пустил образовавшуюся сферу в вертолет с пулеметчиком. До винтокрыла было далеко, и пилот заметил летящий к нему светящийся клубок – не понимая, что это, он все-таки решил уклониться, качнул машину, но не успел завершить маневр, шар врезался в бок вертолета и с грохотом разнес его на множество объятых пламенем частей.

Следом настала очередь джипов, за которыми прятались преследователи, – мои снаряды разрывались среди них, сея смерть и разрушения.

Преследователи были ребятами крепкими, их замешательство после гибели вертолета не продлилось и двух секунд – вскоре они палили по мне из всех видов оружия. Пули били в меня, как в мишень, пробивая насквозь – двух амгуров уже как не бывало, видимо, их хозяева погибли от моих ударов.

Я создал еще амгуров, запустил их – теперь стало полегче, в смысле мне стало полегче, те же, к кому они присосались, начали умирать, соответственно тем разрушениям, которые нанесли моему организму

выпущенные ими пули.

– Не вставай! – крикнул я Лене. – Сейчас добью их и скажу тебе, когда будет можно!

Я зашагал вперед, как Терминатор, вздрагивая от попадавших в меня пуль и непрерывно отправляя убийственные шары в сторону агрессоров.

Их машины уже горели ярким пламенем, разбрасывая по сторонам жирные клубы черного дыма, когда автоматный огонь прекратился – еще два амгура пропали, последние из нападавших отдали богу душу... или черту?

Один амгур еще висел на поводке, похоже, его носитель был жив.

Обойдя чадающие черным жирным дымом останки джипа, я осмотрел позиции врага – да, один из бойцов еще дышал, сморщенный, как выжатый лимон. «А не надо было долбить в меня из своего «кедра»! И не было бы печали!» – подумал я и направился к уцелевшему в расчете допросить его.

Увы, допрашивать его теперь будет Господь Бог. Или Сатана, которому он служил... Мой последний амгур с тихим хлопком исчез – боец был мертв.

– Лен, иди сюда! Будем решать, что делать!

Подруга выбралась из-под машины, ее волосы, отросшие за время наших приключений и путешествий, сейчас торчали во все стороны, как у горгоны Медузы, – слипшиеся от пота, крови и грязи в колтуны. Я тоже выглядел не лучше – комбез весь в дырках от пуль, в крови, гари и копоти. В приличное общество в таких лапсердаках не пустят. Забавно все-таки получается – если вовремя пустить амгуров, то чем больше противник по тебе долбает, тем больше наносит вреда себе самому! Это не то что великолепно, это просто потрясающе! Главное – чтобы было чему восстанавливаться... тело чтобы было, а то как долбанут снарядом, мало не покажется – куда поводки полетят, куда кишки, куда амгуры, поминай как звали.

Подошла Лена, ошеломленная боем:

– Ну ты даешь, Серега! Я чуть не описалась! Ну разве можно переть на автоматы, как Терминатор! А если бы не хватило жизни амгуров?

– Ну хватило же... – флегматично ответил я. – Давай-ка решать, что делать! И быстрее, пока к нам не выслали вторую порцию групп захвата. Следующие уже и впрямь могут быть Тени, тех так просто не положим – мы даже до конца не знаем их способностей. Предлагаю джип с маячком спалить, взяв оттуда необходимые вещи, и тащиться в деревню искать транспорт до города. Предложения, возражения есть? Возражений нет. Пошли выгребем все, что можем.

Мы умылись, переоделись в запасное барахло вместо простреленного пулями – Лена с неудовольствием заметила, что ей даже трусы прострелили в двух местах, какие-то пули прошли навылет, а какие-то так и сидят теперь в теле, мы теперь контроль в аэропорту не пройдем, все звенеть будет, надо их удалять, это точно.

Я согласился, не прерывая процесса переодевания и экипировки. Подумав, мы все-таки забрали и «макаровы», и ПСС, пусть они и без патронов – для «макарова» найти проще, ну а для ПСС... кто знает, были бы деньги, а так-то найти можно все.

Собрав все нужное в рюкзаки, надели их на плечи, и я с печалью посмотрел на наш джип – пусть недолго мы им владели, но он был таким удобным, таким классным домом на колесах, что очень жалко было его уничтожать...

– Не жалея, Серег, – поняла меня Лена, – купим лучше! У вас, мужиков, такое трепетное отношение к

этим железякам на колесах, просто диву даешься! Себя надо жалеть, а не эту коляску – внутри маяк, и, может, сейчас к нам уже несется эскадрилья вертолетов или штурмовиков, чтобы сровнять с землей! Жги, не жалей!

Я кивнул, создал светящийся шар и метнул его в джип, тут же взорвавшийся изнутри и запылавший ярким пламенем.

В нем горело все – ноутбук, телефоны, кредитные карты, выданные нам куратором, – пользоваться ими все равно нельзя, а внутрь них могли быть спрятаны маячки.

Мы осмотрели и ощупали нашу одежду по сантиметрам, по миллиметрам – это заняло не менее получаса, – вроде все было безопасно, без жучков-паучков. Теперь надо было быстро отсюда убираться.

До деревни оставалось идти около полутора километров, когда я заметил «Ниву» с синей полосой по боку и надписью «Полиция», бодро пылившую к нам по проселочной дороге, покрытой мелкой, коричневой, тонкой как пудра пылью.

– Лена, ты работаешь... – вполголоса сказал я, наблюдая, как «Нива» подсакивает к нам, разворачивается и из нее выскакивает милиционер, толстый, с пятнами пота на сиреневой рубашке.

– Кто такие? Предъявите документы! – грозно сказал капитан, передвигая потертую кобуру сбоку вперед, под руку.

– Гляди-ка, Лен, вот и патроны... или, может, там у него огурец? А транспорт шикарный! Работай его!

Лена посмотрела на капитана полиции, мне показалось, что из ее глаз реально потекли потоки силы, даже меня, стоящего в сторонке, слегка задело, и мне захотелось повилить хвостом, как той собачке.

Милиционер глупо улыбнулся и сказал:

– Да-да, товарищ полковник, присаживайтесь! Я вас вмиг домчу с вашей подругой до города!

Мы важно сели на заднее сиденье «Нивы», капитан втиснулся за руль и рванул машину с места. Как ни странно, ехал он очень умело, гнал, но осторожно и почти не вытрясал из нас дух. Я наклонился к Лене и тихо спросил, задыхаясь от смеха:

– Ты чего ему там внушила-то? Чего он меня полковником кличет?

Лена хихикнула и так же тихо ответила:

– Вообще-то полковник – это я. А подруга – это ты! Он сейчас увидел какого-то своего начальника, который якобы попросил его отвезти в город вместе со своей какой-то там подругой! И потом он будет помнить только то, что отвез полковника в Магнитогорск. Нас он помнить не будет.

– Отвратительно! Я, значит, подруга? Фу-у-у... Ленка, ты извращенка! А вообще – молодец! Ну ты и сильна!

– Ну не все же тебе быть героем-Терминатором, я тоже кое на что гожусь... – Она подмигнула мне, я подмигнул ей, и мы успокоились на сиденье чуда российского автопрома.

При всех недостатках нашего пакостного автомобилестроения «Ниву» они сделали зачетной тачкой... если бы еще она не скакала по шоссе, как горный козел!

А она скакала, а она тряслась – так, что зубы клацали.

Лена тоже была недовольна:

– Пока доедем, из нас всю душу вытрясет!

– Терпи! Не пешком же идем! Зато смотри – пост ментов прошли, никто даже не чухнулся, на

ментовской машине ведь едем. Может, вообще у него тачку экспроприруем? Внушишь ему, что он где-то ее оставил на ремонт, а тем временем мы на ней отвалим куда подальше, а?

Мы поразмышляли на этот счет и пришли к выводу: нет, не прокатит – засветка по полной, вдруг кто-то увидит за рулем знакомой машины чужих людей?

Был вариант заставить его отвезти туда, куда нам надо, но и это не годилось – очнется он в чужой области, и что? Зачем нам лишние разговоры... А эту поездку он и не вспомнит – прокатился в город, сходил в забегаловку, бухнул, вернулся в деревню, и все, норма.

Мы вылезли в тихом переулке где-то в центральном районе. Прикинули, куда идти, и пошли искать нужный объект, а нужным объектом был таксист, загорававший у автобусной остановки, накрывший лицо листом газеты и положивший босые ноги на панель своей «семерки».

– Эй, командир, работаешь? – спросил я, вежливо постучав указательным пальцем по газетке.

– А? Что? Где? Ага, работаю! – вскочил растрепанный водила, тараща заспанные глаза. – Жара чертова, разморило! Вам куда надо?

– Нам надо куда-нибудь в автосалон, хотим присмотреть автомобильчик себе... Есть тут какой-нибудь салон, где продают бэушные иномарки? Только чтобы не левый какой-нибудь, не бандитский!

– А вы хотите взять иномарочку? – понимающе прищурился таксист. – Зачем вам салон? Я могу помочь – у меня хороший знакомый, таксер, продает тачку – ну чудесница! «Киа Серато» называется. Пять лет машине – «климат», кожаный салон, автомат, двигун два литра! Корейской сборки тачка – всего триста пятьдесят рупий!

– Рупии, они же тугрики, они же деревянные, они же... давай показывай своего дружбана, может, и договоримся, если тачка нормальная. Она снята с учета?

– Я не знаю... А что, долго снять, что ли? Это не в Питере-Москве, тут у нас сорок минут – и уезжаешь с транзитками на тачке. Поехали, тут недалеко. Накинете за помощь пятихатку?

– Накинем, не бойсь. И дорогу оплатим.

Мы сели в машину довольного пассажирами таксиста, и он лихо отрулил от бордюра под ругань водителя маршрутки, целящегося забрать пассажиров с остановки и недовольного его маневрами.

Ехать и правда было недалеко – частный дом, оплетенный диким виноградом, располагался в десяти минутах езды от того места, где мы наняли таксиста.

Водила выбежал из машины, громко постучал кулаком в железную дверь ворот и закричал:

– Петро! Выдь сюда! Я тебе клиентов на тачку привез!

Я усмехнулся и подумал – еще и с Петро получит комиссионные, а почему нет? Работа его такая... пусть себе зарабатывает.

Петро вышел из ворот – мужик лет пятидесяти пяти, с изборожденным морщинами лицом, поздоровался и предложил:

– Пойдемте, посмотрите. Машина хорошая. Цена триста семьдесят. Если реальные покупатели – уступлю. В такси почти не работала, хотя честно признаюсь: четыре месяца на ней откатал, пришлось в такси поработать – уволили по сокращению из-за кризиса типа, вот и пришлось баранку крутить. Вот, смотрите!

Во дворе стоял автомобиль «киа» – серебристый, с красивым, блестящим, слегка голубоватым серебристым кузовом, не бросающимся в глаза. С первого взгляда он мне понравился, но надо было

посмотреть, как он на ходу и все такое прочее.

Я попросил у хозяина ключ, завел машину – она ровно зашелестела, включил движение вперед обтянутой кожей рукоятью – она легко и мягко тронулась, как перышко.

Салон просторный, вверху люк с электрическим приводом, «климат» ровно сопит, нагнетая прохладный воздух, – великолепно.

– Я согласен – триста пятьдесят, оформление пополам. Вы готовы сейчас оформить машину? Мы бы хотели сразу уехать на ней.

– Согласен! – ободрился продавец автомобиля. – Тут в двух кварталах салон, можно сразу страховку сделать и переоформить – поехали, я сейчас только документы возьму!

Хозяин «серато» исчез в доме, не забыв предварительно выдернуть ключи из замка зажигания – тертый мужик, – а мы расплатились с таксистом.

Я дал ему шукарь, и он, совершенно счастливый, поехал на поиск новых «гусей» – так таксисты зовут потенциальных пассажиров, ловящих такси на обочине дороге. Ну как гуси типа машут руками...

Не сорок минут, но полтора часа – и вот мы выбираемся из потока автомобилей в центре города на трассу в сторону Москвы.

В многомиллионном городе скрыться легче, да и возможностей заработать денег там больше.

Конечно, мы могли бы легко промышлять мелкими грабежами, отнимая выручку у кассиров магазинов и у ларечников, они сами бы отдавали нам деньги, но как подумаю – ведь этот человек потом будет выплачивать деньги из своего кармана, ну не скоты же мы! Одно дело – обчистить государство, всю жизнь нас надувающее, или же выгresti деньги из банков – бандитских, бессовестных организаций, но отнять у мелкого предпринимателя или у простого человека, еле-еле сводящих концы с концами, у меня рука не поднималась.

Лена тоже была против этого. Конечно, в случае если бы мы голодали или нам срочно требовались бы деньги, мы бы пустились во все тяжкие, тут уже не до сантиментов, но у нас были деньги, и по российским меркам вполне неплохие – даже после того, как мы купили машину, навигатор и еще всего разного по мелочи, у нас оставалось около миллиона наличными. Не бог весть какие деньги, да, особо на них не пожируешь, «мерседесов» не купишь, но для того, чтобы нормально питаться, заправляться, отдыхать в гостинице, средств у нас было достаточно.

Дорога наша лежала на запад, та же самая, по которой мы приехали сюда.

Ехать предстояло тысячу семьсот километров, но эта дорога не казалась трудной – хорошая машина бодро несла нас, шелестя мотором и сопя климат-контролем, играл диск ДДТ – «Еду я на родину...», рядом сидела красивая женщина – можно сказать моя жена... и вдобавок к тому – мой друг, что еще мне надо для хорошей жизни?

А вот что: перво-наперво документы. Наши документы это полная лажа. У нас нет ни водительского удостоверения, ни паспорта, ничего, что можно было бы без опаски показать милиционеру на стационарном посту, – вполне вероятно, что мы уже внесены в базу данных как находящиеся в федеральном розыске. Если нас остановят, нам придется или откупаться (что вряд ли получится – федеральный розыск это вам не превышение скорости!), или мочить всех, кто решит нас задержать, а это очень, очень нехорошо: люди-то ни при чем, у них есть жены, дети – зачем им наши разборки?

Ну да, с такими человеколюбивыми мыслями только матерью Терезой работать, согласен, но все равно – я был готов убивать невиновных, только чтобы выжить. Ну не смогли из меня сделать

хладнокровного убийцу, и все тут... Лена тоже была против лишних убийств, но относилась к этому более спокойно – придется, убью. Оно и понятно – при ее-то жизненной школе...

Ехали мы хорошо, весело, хотя и довольно медленно – я старался не превышать скорости сто километров в час, как набрал эту скорость, так и тащился по трассе дотемна.

В этот день мы прошли около девятисот километров – с остановкой на обед в придорожном кафе на берегу какой-то речки. Заночевали в кемпинге – за полторы тысячи сняли люксовый номер, впрочем, люксового в нем было всего лишь то, что душ находился прямо в номере, а не на этаже в коридоре, ну и туалет соответственно.

В эту ночь мы крепко любили друг друга, наслаждаясь покоем и безопасностью – пусть и кажущейся.

За окном двигателями запоздавших фур изредка гудела трасса, в туалете журчала вода из неисправного унитаза, а мы с Леной лежали рядом и смотрели в потолок, на котором бликами отражались фары проходящих мимо автомобилей.

– Как ты думаешь, Серег, сможем мы нормально жить в этой стране? Может, нам выбраться куда-нибудь за рубеж? Например – в Грецию... купить там гостиницу и жить нормально, в покое и достатке. Что мы хотим в этом мире? Зачем мы едем в ту же Москву? Почему мы летим как бабочки на огонь? Подумай...

– Хм... вопрос, конечно, интересный – и правда, а зачем в Москву? Затем, моя дорогая, что нам нужны документы, нам нужна легализация. Есть у меня одна задумка – как сделать документы, без тебя тут точно не обойтись. Опять же деньги нужны, где мы можем добыть денег, где их больше всего? Конечно, в Москве... ну и в других крупных городах – но в Москве больше.

– И как ты собираешься добыть эти деньги? Грабить?

– Надо будет – и грабить. Есть у меня парочка банков на примете – рассылают кредитные карты по почте и вовлекают людей в необдуманные траты, а потом разоряют их бешеными процентами. Почему бы их не грабануть? Это не грабеж – это возмездие. Веришь – я бы с чистой совестью убил этих тварей, хозяев банков-грабителей.

– Хм... за чем дело стало? Давай грохнем их! Нас чему учили, забыл? Впрочем, шучу, конечно... смысл какой убивать ради убийства? Мы не народные мстители, нам бы выжить... Серег! Я хочу нормальной жизни – семью, детей, не хочу все время бояться, бегать, скрываться. Пообещай мне, что ты сделаешь все возможное, чтобы обеспечить нам спокойную жизнь, ладно? – Лена приподнялась на локте и внимательно посмотрела мне в глаза... ее зрачки блеснули в темноте, почти как у кошки. – Не позволяй втянуть себя в бойню, не надо! Меня очень беспокоит то, что ты как-то сказал – месть за мать. Я очень, очень тебе сочувствую, поверь, но стоит ли месть того, чтобы за нее погибнуть? Я – стою того, чтобы погибнуть ради твоей мести? Матери уже не помочь, того, кто косвенно виноват в гибели твоей матери, полковника, ты убил, он умер в мучениях, может, достаточно? Ну да, куратор и эти подонки нас мучили, ломали, превратили нас в рабов, но мы не сломались, вырвались, теперь свободны – может, достаточно войны? Давай уедем за границу, давай забудем об этом ужасе, что мы перенесли, отсидимся, отдохнем, ну а там и видно будет! Вспомни, еще не все порталы закрыты, ты же сам сказал, что нити куда-то еще ведут, съездим захлопнем их, а в остальное время будем жить тихо-тихо, незаметно, как мыши, авось нас не найдут! Ну, что скажешь? Что ты думаешь по поводу нашей дальнейшей жизни? Только не отмалчивайся, давай начистоту!

– Лен, ты права на все сто процентов, но... хорошо, давай так: мы выправим нам документы, добудем денег сколько сможем, купим недвижимость в Греции или Черногории – гостиницу, да. Но через некоторое время я все равно вернусь сюда, найду могилу матери и снесу всех, кто мне портил жизнь. Что ж, как гласит поговорка, месть – это блюдо, которое нужно подавать остывшим. Я обещаю тебе, что сделаю все, чтобы

наладить нам жизнь, а потом... а потом видно будет. Вначале жизнь. Потом смерть. Врагов.

– Ну хоть так... иди сюда...

Я забылся в ласковых объятиях моей подруги, а потом мы уснули, крепко и сладко, как не спали уже много, много месяцев... а может, и лет.

Мне опять снилась деревня, река, бабушкины пироги с вишнями, я ел их, ел, ел... с губ тек красный сок... капал... и вдруг я почувствовал, что этот сок отдает железом, и с ужасом понял – это кровь! Кровь? Как кровь?! И тут же я почувствовал боль в губах и проснулся.

Комната была ярко освещена, а надо мной склонилась Ласка в темной одежде, напоминающей одежду ниндзя:

– Что, любовничек, никак не проснешься? Наигрались за ночь? Вставай, Колдун, пойдешь с нами! И без выкрутасов – Заря у нас, и кстати, ничего не сможет сделать – вырублена наповал!

Я постарался собраться с мыслями, вытер с разбитых губ кровь и осмотрелся – в комнате находились четверо, вместе с Лаской, и пристально следили за мной, фиксируя каждое мое движение.

– И не думай, – предупредила Ласка. – Если ты дернешься, Заре перережут глотку. Теперь ее судьба лежать как бревно, с одурманенной головой – снова на Базу, и бомбу в спину. Как вы умудрились вытащить бомбы? И где были все это время? Впрочем, у тебя будет еще время все рассказать. Или ты, наплевав на Зарю, все-таки хочешь попытать удачи и вырваться? Ну-ну, давай, я с удовольствием вырву тебе кадык!

– Ласка, ведь мы с тобой были близки, дружили, почему столько злобы? Почему ты так ненавидишь меня?

– Почему? Я помню, как ты смотрел на меня после того боя – как на грязь, как на дикое животное! Чистоплюй хренов, мать твою!.. – Ласка выругалась и правда сплюнула на ковер. – Да, я люблю кровь! Люблю ее вкус, люблю ее запах! Я люблю все, что связано с кровью, с жизнью, и секс тоже, кстати, люблю, а ты променял меня на это бревно? Жалкую Зарю? Тварь! Вы, мужики, все твари! И если бы не ваши члены, которые доставляют мне удовольствие, я бы вас всех вырезала! Вырвала бы вам глотки! Выпила бы вашу кровь!

На губах Ласки появилась пена, глаза вращались, как у безумной, и я подумал – сейчас ведь упадет в приступе эпилепсии, она же одержимая, берсерк! Вот откуда ее патологическая скорость и бесчувственность к боли...

– Ласка, ты безумна, тебя лечить надо! – с нарочитой брезгливостью сказал я. – Как это ты умудрилась меня найти, может, расскажешь?

– Я безумна? Это ты безумен! Я гениальна! Ты болван со своей телкой! – Ласка усмехнулась и горделиво продолжила: – Я вычислила тебя! После бойни у деревни – кстати, потом расскажешь, как ты там умудрился всех положить, из тебя все равно эти сведения вытянут, щипцами, если надо будет, – ты куда мог отправиться? В город. Бабки у тебя есть, передвигаться тебе надо – значит, ты купишь машину. Вот тут ты, болван, прокололся! Тебе надо было купить тачку по доверенности, по рукописной, и нормально уехать, а ты денег пожалел? Все сделки отмечаются в компьютере ГАИ, переоформление владельца, влезть в базу – что проще? А документы-то у тебя прежние, опять идиотство! Куда ты на машинке со своей телкой рванешь – на запад, конечно, с ночевкой в мотелях, вы же любите кувыряться на чистых простынях, в машине вам не климатит, да? Знаем, знаем... Когда вы расположитесь на ночлег? Вечером. Скорость известна, расстояние вычислить нетрудно – примерный район поисков готов! Остается найти «серато» серебристого цвета с транзитным номером таким-то. Ну а узнать, в каком номере вы тут ублажаете друг

друга, чего проще? Ладно. Хватит беллетристики – поднимайся, одевайся и вперед, в машину, да не кипеши ты, я твою голую задницу видала, и не раз! – Ласка грубо захохотала и прислонилась к стене, наблюдая, как я натягиваю белье, штаны, рубаху.

Я лихорадочно размышлял – похоже, Лену оглушили газом или инъекцией. Почему меня не глушанули? Ошибка! Прокол! Посчитали не таким опасным, как она? Или решили, что раз она у них в руках, то я не буду дергаться? Или Ласка просто решила поглумиться надо мной? Вероятно, и то, и другое, и третье... Это хорошо, что она ошибается, что считает себя супергениальной – это ее слабое место. Если она поместит меня в машину, где находится и Лена, им хана. Только вот рассудить – может, мне стоит добраться до Базы, а потом показать им, кто в доме хозяин? И что? Лену запрут где-нибудь в таком месте, где я ее не достану, меня оглушат и воткнут в спину бомбу, ей тоже засадят бомбу – и мы снова на привязи! Что делать-то? Они не знают, что я могу переносить поводок, – вот в чем моя сила! И не знают, что я могу выпускать в один прием до десяти амгуров! А раз так – держитесь!

Глава 15

Я сделал вид, что сосредоточенно натягиваю ботинки, а сам лихорадочно выпускал и выпускал амгуров, пока они не облепили моих пленителей, как мухи дерьмо.

Тени вздрагивали, не понимая, чего их кольнуло или резануло, лишь Ласка внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Делаю вывод – она точно не знала о моих свойствах. Еще один прокол, уже прокол куратора и иже с ним – если бы она знала... а впрочем, ну и знала бы, и что бы сделала? Хм... что? Да заглушила бы меня во сне, а не рисковала, вот что!

Итак, теперь сделать следующий ход.

– Я хочу убедиться, что она жива. Если это так – я поеду добровольно, без проблем. Если вы ее убили, тогда держитесь – вы плохо знаете, на что я способен, мало вам не покажется!

– Я просто умерла от ужаса! – насмешливо воскликнула Ласка. – Посмотри, я там не описалась?! Какой ужас, ты меня просто запугал! Жива твоя подружка, жива! Я дам тебе возможность в этом убедиться! Давай, пошел вниз, святоша, придурок хренов!

Конвоируемый своими пленителями, я вышел на стоянку у мотеля и сразу увидел черный большой фургон с наглухо тонированными стеклами. Ласка постучала в дверь, та открылась, и показалась голова человека, я узнал еще одного из Теней, поразился – за нами отправили сразу пять элитных убийц! Это надо же!

– Влезай, придурок, и без шуток! Пристегните его наручниками к сиденью! Вон твоя суженая-ряженая, тут и барахлишко ваше – кстати, интересные украшения у нее нашлись. Это где вы такие взяли? Да с камешками! Чувствую, рассказ будет долгим... Пристегнули его?

– Подожди, ты обещала дать мне пощупать, убедиться, что она жива! – отпрянул я от парня с наручниками и сдвинулся по борту фургона. – Вы же не хотите разборок тут, на стоянке? Дай мне ее пощупать, ты, тварь бесчувственная!

Я уже бесился, видимо, Ласка это почувствовала и насторожилась:

– Одно лишнее движение – и я стреляю. Прострелю тебе ноги и то, что между ними, жить будешь, но плохо, очень больно, и отыметь свою подружку больше не сможешь, это ясно? Иди щупай, и очень, очень медленно... защупай ее разок, больше-то не придется. – Ласка опять рассмеялась. – Она в багажнике лежит, можешь туда подойти.

Я подумал: «Она под кайфом, что ли? Неадекват из нее прет, как паровоз «Иосиф Сталин»...» Выкинув эти мысли из головы, я пробрался назад, к багажнику, к связанной бесчувственной подруге, открыл тяжелую дверь, взял Лену за руку и быстро перекинул поводки двух амгуров – у меня была надежда, поскольку наркотическое или газовое опьянение сродни отравлению и вредно для организма, а значит, амгуры должны очистить кровь Лены, и она очнется.

Дело было сделано, и я добросил одного амгура на того, кто находился в фургоне. Итак, все было готово.

Под прицелом ПСС в руке Ласки двинулся к открытому проему двери, взялся за угол, Ласка ослабила внимание, собираясь влезть внутрь следом за мной, и тут я ударил ее наотмашь с такой силой, что ее отшвырнуло метра на два и она проехала на спине по мостовой, выронив при этом пистолет, улетевший куда-то под фургон.

Второго бойца я ударил в горло, перебив кадык, и он свалился, дергаясь, прямо мне под ноги. И

понеслось – Тени высыпали из фургона, их оставалось трое плюс лежащая на асфальте, но уже приходящая в себя Ласка.

Убитого мной я застал врасплох, иначе мне совсем пришлось бы худо, но и сейчас мне было совсем несладко – я не успевал отбить все удары Теней, и они колошматили меня со всем умением, которое нам привили на курсах рукопашного боя, я уже весь был в крови, и спасало меня только то, что амгуры усиленно сосали из них жизнь.

Чем больше они били меня, тем медленнее двигались и тем хуже им становилось. Наконец встала на ноги и Ласка, вот тут началось настоящее веселье. В ее руке оказался нож, которым она молниеносно распоролла мне плечо, грудь – вначале я сгоряча не почувствовал боли, но потом меня как раскаленным железом прижгло – было очень больно, особенно когда она подрезала мне бок.

Я вертелся как белка в колесе и даже умудрился сбить с ног двух Теней, но против Ласки никак не мог устоять – она была вне конкуренции в рукопашном бою, ее феноменальная скорость могла быть заблокирована только ментальными установками, а Лена по-прежнему находилась в наркотической спячке.

Плохо было и то, что поводок амгура, сидящего на Ласке, шел не ко мне, а к Лене – то есть фактически, когда она забивала меня ударами ножа с помощью своих парней, то гибли они, а ей ничего не делалось. Одно было хорошо – я очень быстро восстанавливался, быстрее, чем она шинковала меня ножом, а остальные противники уже не могли с прежней силой меня избивать.

Ласка заметила это, удивленно хмыкнула:

– Что, Колдун, колдуешь? Ну ничего, на меня твое колдовство не действует! – И она с удвоенной силой набросилась на меня, ее руки и ноги мелькали с такой скоростью, что я не мог различить ее движений... почти не мог. Я ведь не совсем уж лох, меня тоже обучали на Базе!

По крайней мере половину ее ударов я блокировал, иначе мои доноры давно бы легли, как озимые.

Доноры уже сидели на земле, когда я в полную силу схватился с Лаской, не отвлекаясь на второстепенных бойцов... и с ужасом понял – я проигрываю! Я не могу соревноваться с этой чертовой кровожадной тварью!

С трудом отбивая удары, я думал – что делать? Как она там сказала? Колдовством? Ну мощный удар сферой я не могу – сам полягу, и фургон сгорит, а кто мне мешает применить старый боевой вариант, тот, что послабее? Он же есть у меня в памяти!

Отпрыгнув назад, я создал сферу и метнул ее в Ласку – она автоматически уклонилась от летящего снаряда, но на ее лице возникло выражение страха и ошеломления. Я запустил еще один снаряд, еще, еще – она прыгала, уворачивалась от летящих светящихся сфер и, кажется, потеряла голову от необычности происходящего, потому что рванула не ко мне, чтобы попробовать завершить бой как можно быстрее, а от меня, в сторону трассы, видимо потерявшись со страху и решив спастись и разобраться со мной после, когда-нибудь.

Это было ее огромной, непоправимой ошибкой – я метнул ей вслед огромный шар боевой сферы, от которого она легко увернулась (при ее-то реакции – глупо, если бы было иначе!), но шар ударил в асфальт рядом с ней и разорвался, как бомба.

Асфальт сорвало, а в гравийной засыпке под ним образовалась яма глубиной не менее полуметра.

Останки Ласки – торс с оторванными ногами – шмякнулись на обочину дороги у мотеля. Окровавленные куски мяса, бывшие ранее прелестной и смертельно опасной девушкой, дымились и

воняли так, что, наверное, я долго не смогу есть после этого шашлык.

Я огляделся по сторонам – в окнах мотеля, за стеклами фур, припаркованных в окрестностях гостиницы, виднелись любопытные физиономии, разглядывающие поле боя, трупы и меня, изрезанного чуть не в ленты, стоящего над издыхающими супостатами.

Посмотрев на своих противников, увидел – они на последней стадии издыхания, покрыты язвами и нарывами, решил – даже не прикоснусь к ним, за что боролись, на то и напоролись, не о том думать надо.

Дернул дверь фургона, поднял на руки Лену и понес ее к нашей машине, стоящей чуть поодаль. Она была уже отперта, видимо, Тени собирались посадить кого-то из своих за руль и перегнать машину в безопасное место.

Положив подругу на заднее сиденье, я проверил содержимое фургона и нашел там наши вещи, любовно собранные нашими похитителями. Заглянув под фургон, подобрал пистолет ПСС, мельком осмотрев салон, нашел пачку патронов к нему и два «макарова» – все взял с собой, магия магией, но стволы как-то привычнее...

Наши деньги были целы – я проверил наши рюкзаки, которые забросил в машину, – можно уезжать отсюда.

Двигатель заурчал, и машина рванулась к трассе – пока вызовут ментов, пока разберутся, мне надо было уйти как можно дальше от этого места.

Полотно трассы неслось под колеса, а я раздумывал: на этой машине нельзя двигаться дальше, ее сейчас дадут во все ориентировки – свидетели опишут и машину, и тех, кто там может находиться, – как ни жаль, от нее следует избавиться, и как можно скорее. Ближайший город был в сотне километров от нас, и это был мой родной город, уж там-то я найду где укрыться, главное – обойти стационарные посты, благо, что их практически все убрали с трасс, за исключением стратегических объектов – мостов.

Сотня километров была проглочена минут за сорок, и вот уже мелькают предместья... проезжаю въезд в город – пост закрыт, так что не страшно.

Куда теперь? В гостиницу? С моими-то документами? Нет, исключено... вдруг у них есть доступ в общую базу данных – вычислят. Думай, думай... Ночевать в машине? Машина в розыске, наши приметы есть – исключено. Стоп! Надо не в центральные гостиницы, а куда-то на окраину, в гостиницу для дальнобойщиков или нефтяников – ага, есть такая! Пансионат Нефтегаза, это так называется – пансионат, на самом деле – обычная ночлежка в семейном общежитии, дешевая гостиница для командировочных. Рвем туда!

Что там с Леной? Спит... поводки с нее уже слетели – носители мертвы. Увы, всех я знал по учебе на Базе, но они были моими врагами, тут нет никаких вариантов – или я, или они. Лучше это я еще немного поживу...

Заспанная дежурная открыла дверь после пятнадцати минут стука и с неудовольствием спросила:

– Чего хотел?

– Комнату мне и жене.

– Точно жена-то? – ехидно осведомилась дежурная. – Много вас с «женами»! Паспорт есть?

– Дома забыл! – на всякий случай соврал я. – А разве без него нельзя?

– Без паспорта нельзя! Может, ты террорист какой, дом взорвать хочешь! – мстительно ответила оторванная от сладких снов дежурная.

– А если вот так? – сунул я ей тысячную купюру. – А данные паспорта я припомню! Не ночевать же нам на улице!

– Ну ладно, – смягчилась дежурная, – что теперь с вами делать! Заходи. В номере не курить, оплата до двенадцати дня. Все ясно? Ну тогда пошли оформляться.

В номере не было ничего лишнего – типичная бордель-гостиница, которую можно снять и на час и на сутки: две кровати, стол, кресла с вытертой, в пятнах обивкой, маленький телевизор, в общем, все, чтобы не очень комфортно, но все-таки под крышей и в тепле переночевать небогатому страннику.

Подняв Лену, все еще пребывающую в сонном, полубоморочном состоянии, я положил ее руку себе на шею, обхватил за талию и под удивленным взглядом дежурной повел ее в номер.

– Она что, больная? – подозрительно спросила дежурная.

– Устала с дороги, спать любит много...

Я положил Лену на кровать, сняв с нее обувь, прикрыл простыней и пошел к машине, оставленной у подъезда, – нужно было куда-то ее девать.

Подумав, отогнал машину за угол, к помойке у спуска в овраг, образованной чистоплотными жильцами этого дома, вытащил из салона наши рюкзаки, запихав в них все, что мне было нужно, запер машину и с сожалением окинул ее взглядом – прощай, тачка! Больше мы на тебе не поездим... Ты сделала свое дело, теперь пора отдыхать...

Не оглядываясь, я ушел от машины и скоро лежал на своей кровати в номере.

Перед глазами проплывали события этого дня, мелькали вспышки, лица, крупно высветились окровавленные ошметки плоти, свисающие с того, что раньше было прекрасным, как у фарфоровой куклы, телом Ласки.

Ну что ж, я не звал ее к себе, не заставлял нападать на себя – другие заставили, она не виновата... Может, и не виновата... однако нечего было садистски наслаждаться своим заданием... но как она ненавидела меня! Почему? Скорее всего, как в зеркале, увидела себя в моих глазах – кровавую маньячку, кем она и была всю свою жизнь.

Ну да ладно. Надо обдумать, что делать – документов нет, транспорта нет, в общем, вернулись на прежние позиции. Одно хорошо – проследить нас теперь очень трудно, если только они не дадут объявление о розыске по телевизору, с показом наших фотографий... а ведь могут! Надо поторопиться с мерами безопасности...

Что бы я сделал на их месте? В первую очередь – автомашину в розыск, отсечь нам путь по трассе. Ориентировки на вокзалы, в аэропорт – купил билет, тут же красным светится: РОЗЫСК!

Пустить агентов по гостиницам города – не останавливались ли в них такие вот люди. Вначале они пойдут по центральным гостиницам, затем начнут шерстить второстепенные, дня через два доберутся до забегаловок типа этой хаты. Или раньше. Но сутки у нас есть.

Итак: нужно найти не засвеченную хату. Где искать? Купить газету с объявлениями риелторов и снять квартиру?

Опять – что бы я сделал, разыскивая таких, как я? Нас же обучала одна школа – значит, я взял бы те же объявления риелторов, обзвонил бы всех, встретился, показал фото беглецов и тут же явился бы в квартиру, в которой мы спрятались, считая, что теперь-то уж не доступны никому в мире. Этот вариант отпадает.

Обратиться к родственникам за помощью? Даже не рассматривается – они точно их пасут.

Сорвать со столба объявление о съеме квартиры? Чушь! Эти объявления пишут те же риелторы в расчете на психологию клиента – тот думает, что, если написано от руки и развешено по столбам, значит, это сам хозяин квартиры писал, сдает без посредников.

Увы, это не так... знаю. Откуда знаю? Да все из того же курса подготовки... Хорошо нас готовили. Так-так... что остается? Есть вариант... завтра еще обговорю это с Леной.

Кстати, как она там?

Я встал с кровати, подошел к сладко спящей подруге, проверил пульс – он был ровным, сильным, она просто спала, ее обморок плавно перешел в здоровый сон, организм защищался от перегрузок психики, вычищая из себя остатки сонного зелья. Завтра все будет нормально...

С этой мыслью я снова улегся в постель, расслабился и заставил себя отбросить все лишние мысли, кроме одной – уснуть! Через пятнадцать минут я уже спал...

Разбужен я был прикосновением к губам, спросонок вцепился во «врага», готовый биться до последнего, подмял противника и... увидел перед собой смеющееся лицо Лены.

– Тихо ты! Убьешь, сумасшедший! Это я, я! Давай рассказывай, что было, пока я была в отключке!

– А ты что, ничего не запомнила?

– А что я запомню? Шипение, запах фиалок... и темнота. Все. Просыпаюсь тут, в этой комнате, одетая, голова болит, как будто пила неделю, ты спишь рядом на кровати. Рассказывай, не томи!

Я вкратце рассказал своей спутнице жизни о том, что произошло в последние часы, в то время, когда она лежала в бессознательном состоянии.

Лена посмотрела на меня и проницательно сказала:

– Решаешь, где нам приткнуться? Отсюда валить надо, ты это понимаешь?

– Само собой, понимаю. Давай сейчас сходим в душ, вымоемся – и сваливаем. Сейчас восемь утра, до двенадцати у нас оплачено. Машину бросаем – засвечена по полной.

Так мы и поступили – через полтора часа мы, с рюкзаками, уже стояли на автобусной остановке.

Можно было вызвать такси к гостинице, но я решил, что это слишком бросается в глаза – лучше поймать на дороге. Так и сделали – еще через пятнадцать минут издавший виды «Логан» вез нас к Центральному рынку.

– Девушка, я бы хотел купить сим-карту, можно? – обратился я к накрашенной смазливой девице, стоящей за подиумом с логотипом оператора сотовой связи в зале Центрального рынка.

– Конечно, можно! – обрадовалась девушка. – Паспорт давайте, и все оформим!

– Видите ли, в чем дело, – притворно смутился я, – забыл паспорт дома, но я все данные помню! И номер и серию!

Девушка поколебалась – стремление к порядку боролось в ней со стремлением заработать, – и жажда наживы победила.

– Заполняйте бланк. Сим-карта стоит сто пятьдесят рублей, все они лягут на ваш счет. Вам помочь вставить симку?

– Нет, спасибо, – облегченно вздохнул я, – сам вставлю.

Не буду же я ей говорить, что и вставлять симку еще некуда? Телефона-то пока нет...

Через полчаса мы стали обладателями телефона – обычного, за пять тысяч, без изысков и выкрутасов.

Я попросил работников салона его зарядить и, оставив включенным в розетку, отправился по вещевым рядам выбирать приличные вещи, одеться следовало так, чтобы быть максимально незаметным – ну не ходить же по городу в камуфляже, как рейнджеры...

Переодевшись в неприметные, но добротные вещи, сменив рюкзаки на сумки, мы забрали телефон из салона связи и пошли в скверик рядом с рынком, где уселись на скамью, выбрав ту, около которой было поменьше людей, – рядом с торчавшей из стриженного газона ветлой, опустившей свои космы до самой земли.

Достав телефон, я набрал номер, который запомнил больше двух лет назад.

– Профессор? Привет. Это Колдун. Не забыл меня? Хорошо... Слушай, у меня к тебе дело, помощь нужна. Я заплачу за услуги. Можем встретиться? Ага, в течение часа буду. Я с подругой. Дождешься? Ну все, выезжаю! – Закрыв телефон, я сказал Лене: – Он ждет. Когда я сидел в СИЗО, мы с ним были в хороших отношениях. Должен помочь. Берем такси на углу, и вперед.

Пятнадцать минут – и мы в центре, у высокого здания с надписью «Водхозмелиорация». Скучающая бабка за стойкой дежурной, вращающаяся блестящая вертушка, непонятно зачем тут поставленная, все равно все проходят без пропусков, на стенах куча прилепленных скотчем указателей к фирмам и фирмишкам, снимающим тут офис, стол для корреспонденции – все как обычно, стандартное офисное здание, ничего особенного.

Лифт, скрипя и потрескивая, подкатил к нам, открыл свое побитое временем нутро, пахнущее застарелым табачным перегаром, и вот мы уже на восьмом этаже, перед дверью с богато выглядящей табличкой, на которой написано: «Строительная компания «Успех».

– Он что, и правда строит? – усмехнулась Лена.

– Все, что он строит, это финансовые пирамиды, аферист хренов. Но человек нужный и благодарный – будем надеяться. Пошли.

Я толкнул дверь, и мы оказались в большом офисе, где сидели несколько человек в строгих костюмах, с бейджами – они сосредоточенно работали за компьютерами, видно было, что идет напряженная работа по обеспечению населения «успешными» квартирами.

К нам сразу обратилась девушка с очаровательной дежурной улыбкой на лице:

– Здравствуйте! Приветствуем вас в компании «Успех»! Вы бы хотели внести взнос? У нас самые дешевые квартиры в городе, я могу предоставить вам фотографии самых лучших, элитных квартир, которые имеются у нас в наличии!

– Девушка, не тратьте ваше время, я к директору, он меня ждет.

– Как вас представить? – Улыбка девушки сразу потухла.

– Колдун.

Девушка с удивлением посмотрела на меня:

– Что, так и представить?

– А разве я не ясно сказал? Девушка, поторопитесь, нам некогда.

Девушка исчезла за двойными дубовыми дверями («Пускать пыль в глаза тоже надо уметь! Профессор это умеет как никто другой», – подумал я), затем снова появилась и сказала с оттенком недоумения:

– Проходите, директор ждет вас!

Мы с Леной вошли в кабинет, и я увидел за огромным полированным столом из темного дерева человека, которого сразу даже и не узнал – во-первых, два года прошло, а во-вторых, в СИЗО это был хоть и прилично выглядевший, интеллигентный человек, но все-таки обычный мужик, в тренировочных брюках, майке и тапках на босу ногу. Сейчас же передо мной сидел олигарх. Нет, вот так: Олигарх!

Дорогой костюм, золотые часы, запонки, ненароком выглядывающие из-под обшлагов костюма и сверкающие драгоценным камнем на белоснежных рукавах рубашки, бросались в глаза, как в витрине магазина. Сам костюм явно не был куплен в соседнем магазине или на рынке, как наши вещи, – это был костюм из бутика, от какой-то дорогой фирмы, великолепно сшитый и даже издалека выглядящий неприлично дорого.

– И правда Колдун! – весело воскликнул этот Олигарх и вышел из-за своего стола, чтобы поприветствовать меня. – А ты изменился – худой какой-то стал, жилистый, правда, тебе это идет! А какая девушка с тобой! Вы прекрасны, о прелестница! Ты не представишь меня своей спутнице?

– Хм... Лена, это мой старый товарищ... мы с ним как-то... хм...

– Отдыхали на курорте! – рассмеялся Профессор. – Да ладно, чего ты так стусевался, Колдун? Как тебе мое рабочее место? А мой прикид? Видал, офис какой? Бабки прут недуром! Лохов на наш век всегда хватит.

– Давно откинулся? – перебил я его откровения.

– Да уж полгода как... вот, наращиваю обороты, надо восполнять то, что потеряно за время отсидки, – два года парился в СИЗО, а доказать, что я мошенник, так и не смогли. Я на них еще в суд подам, на уродов! Ну не обо мне речь – рассказывай, что тебя с такой прекрасной дамой привело ко мне? Дорогая, если бы он не был моим старым корешком, я бы вас увел у него! Такой бриллиант, как вы, нуждается в прекрасной, дорогой оправе! Тихо, тихо, Колдун, без твоих штучек, – хохотнул Профессор, – я шутя! Обойдемся без всяких там проклятий! Давай рассказывай, в чем нужда, помочь своему старому корешку – дело святое. Бабок надо? Или что? Я сейчас на коне, помогу чем могу! А потом рассчитаемся – не чужие же! Присаживайтесь в кресла, сейчас я этой телке скажу, чтобы кофе сделала. Видали, какую телуху нанял? У ней ноги сразу из ушей растут, а не из ж... пардон! Отвык с нормальными людьми общаться!

– Нет, не надо кофе. Просьба такая: нам надо укрытие, квартиру или дом, где можно спокойно перекантоваться с неделю или две. Можешь устроить? Я оплачиваю услуги. – И я положил на стол перед Профессором пачку денег. – Тут штука баксов.

– Да ты что! Ну как я могу оставить старого корешка без помощи? Конечно, найдем! Посиди, сейчас я узнаю. – Профессор вышел через неприметную дверь, ведущую, как я успел заметить, в комнату с большой кроватью и зеркалами на потолке.

Усмехнулся – аферист времени даром не теряет, уже осмотрел, откуда растут ноги у его офисной телки. Еще я заметил – моя штука баксов испарилась, как будто ее и не было на столике.

Ну что же, всякий труд должен быть оплачен... Как говорил один мой знакомый: «Боюсь бессребреников, они больше всего воруют!»

Профессор вернулся минут через пятнадцать с сияющим лицом:

– Все устроено! Вас ждет отдельный коттедж за городом, в элитном районе! Хозяева уехали за границу, а его сдают через знакомых – иностранцам и элите, можете месяц жить спокойно. Дороговато, правда... сто сорок кусков. Потянете? Там бассейн, сауна, все удобства, закрытый двор – шикарный двухэтажный коттедж! Ну как?

Я молча достал пачку денег и отсчитал сто сорок тысяч.

– Получи. Только нас надо туда отвезти, есть машина?

– Обижаешь, начальник! Сейчас скажу своему водителю, он вас туда доставит! Выходите из здания, увидите «мерседес» – такой здоровый, с номером ноль ноль три. Это мой. Водителю сейчас я скажу. Ну все, не буду вас задерживать! Удачи, мой друг, если что – обращайся! Помнишь мое предложение? Так оно в силе, подумай, бабок нарубим немерено!

– Что там за предложение? – спросила Лена, когда мы шли по коридору к лифту. – Аферюга тот еще, бабки подгребают и ртом и задом... но хорош мужчина! Красавец, однако!

– Ему и надо быть красавцем – он же мошенник. Кто поверит мошеннику, если он выглядит как бомж? Предлагал мне открыть клинику по лечению проклятий – амгуров снимать. Мол, он все раскрутит, бабки лопатой будем грести.

– С ним загребешь... проблем огребешь, а не бабок!

– Так я и не бегу к нему с распростертыми объятиями. Он оказал услугу, я ее оплатил – с лихвой, надо сказать. Я ему ничего не должен.

– Надо еще посмотреть, что там за коттедж такой... небось халупа какая-нибудь... чего от него хорошего ждать. – Лена сердито сдвинула брови и шагнула в подъехавший лифт. – Если коттедж дерьмовый, я его своими руками удушю! За такие-то деньги!

Коттедж оказался великолепным – два этажа, стены из красного облицовочного кирпича, голубые ели вокруг, закрывающие обзор, бассейн с чистой водой, залитый, видимо, недавно, роскошная обстановка – он стоил своих ста сорока тысяч в месяц.

Отпустив машину, мы тут же разделись и запрыгнули в бассейн, где полчаса плескались, как пингины, а еще полчаса – сосредоточенно и со вкусом занимались сексом.

Потом мы валялись на шезлонгах возле бассейна, подставляя тела лучам уходящего на осень солнца.

В голове было пусто, тело охватывала приятная истома, и не хотелось никуда идти, ничего делать...

С трудом заставив себя подняться, я сказал:

– Лен, нам надо в город. Не забывай – мы без документов, как бомжи, да и денег у нас уже не так много. Пора на разграбление города отправиться, тебе не кажется?

– Кажется... а может, еще побарахтаемся, а? Уж очень не хочется уходить, когда еще нам удастся так классно отдохнуть.

– Отдохнем... собирайся. Вот бабок нарубим и отдохнем. Слушай меня, план таков...

Через час мы ехали в такси, вызванном к коттеджу, и молчали – я всю дорогу обдумывал план действий, просчитывал возможные проколы, Лена тоже не говорила ни слова, вероятно, в ее голове шел тот же процесс.

Высадились мы в центре, расплатились с таксистом и пошли по нужному адресу. Я спросил у водителя, какой нынче день недели, он с удивлением посмотрел на меня – как, мол, люди теряются в днях, счастливые, видать, времени не наблюдают, – и ответил, что сегодня вторник.

Зайдя по дороге в фотоателье, делающее фотографии за пятнадцать минут, мы сделали фото на паспорт и отправились дальше.

Паспортный стол работал. Как всегда стояла куча народу, и в помещении было ужасно душно – пахло потом, немытыми телами, нечистой одеждой... кого тут только не было, от стариков и старушек до молодняка, впервые получающего паспорта.

Я нашел правила получения паспортов – там был целый перечень документов, которых нам не видать как своих ушей, взял два бланка, один заполнил сам, другой дал Лене, и через минут десять мы были готовы.

Лена сосредоточилась, немного постояла и сказала мне:

– Готово, пошли!

Мы прошли мимо толпы, истово следящей за тем, чтобы никто не вошел без очереди – они нас как будто и не видели, вошли в кабинет... В общем, через полчаса мы вышли из паспортного стола с новенькими паспортами, в которых стояли все отметки – абсолютно все необходимые отметки вплоть до прописки.

Теперь мы были Кузнецовы Сергей и Елена, двадцати лет от роду, женатые уже два года и проживающие по адресу... проспект Строителей, дом восемь, квартира три.

Поймав в центре такси, рванули на окраину города, в МРЭО ГАИ – там повторилась та же самая история, и через полтора часа у нас были водительские удостоверения, закатанные в пластик, со всеми нужными отметками – даже мотоцикл и грузовик были указаны в разрешенных к управлению.

Самое главное – все эти документы не проходили ни по каким базам, но при всем при том бланки были подлинными.

Теперь настал черед добычи денег.

Купив большие сумки, мы отправились в один из банков, разоряющих людей, – его центральный офис находился в одном из самых оживленных районов города.

Перед тем как идти в банк, мы зашли в магазин косметики, потом в магазин, торгующий всякими аксессуарами, потом в «Канцтовары», после чего заглянули в туалет одного из ресторанов, отдав метрдотелю пятьсот рублей, которые он не моргнув глазом принял, услышав объяснение, что нам прямо-таки приспичило в сортир.

Он понимающе прищурил глаза, глядя на потупившуюся Лену, и впустил нас в светлое помещение с зеркалами по всем стенам.

Здесь мы задержались минут на двадцать и вышли уже блондинкой с длинными кудрявыми волосами и широкими ноздрями, полными оттопыренными щеками на веснушчатом лице и брюнетом с волосами до плеч, усиками и эспаньолкой. Мои губы оттопыривали заложенные туда тампоны, а ноздри расширялись кольцами. «Сейчас меня не узнала бы даже родная мать», – подумал я и загрустил... не надо было про мать. Слава богу, метрдотеля, когда мы выходили из туалета, поблизости не было – впрочем, если что, он бы сразу забыл то, что видел... уж Лена бы в этом пособила.

Отъем денег прошел спокойно и буднично – Лена приказала провести нас в хранилище, там наши сумки до отказа нагроутили евро и долларами, а также пачками российских денег – чтобы не заморачиваться разменом, и с грузом в двадцать килограммов на каждого мы покинули гостеприимный банк.

Потом они посмотрят записи, поймут, что кассир ничего не крал, но узнать нас в дальнейшем будет совершенно невозможно, поскольку мы изменили внешность. Через двадцать минут после того, как мы покинули банк, на нас не было ни париков, ни грима.

Экспроприировав экспроприаторов, мы поймали такси, доехали до коттеджа и, затащив добычу в дом, облегченно вздохнули – тяжеловато, однако, было тащить эти сумки!

Выпив по банке колы (от нас чуть не пар валил от усилий по перетаскиванию этих бумажек!),

принялись пересчитывать добычу: оказалось, мы взяли десять миллионов рублей пятитысячными купюрами, пятнадцать миллионов евро пятаками и два миллиона долларов сотнями. По весу, как оказалось, это составляло около пятидесяти килограммов – то-то мы еле доперли...

Задача была выполнена – но только наполовину.

Как легализовать эти деньги? Как перевести их за рубеж? Одно было ясно – отсюда надо было дергать, скоро тут будет пахнуть жареным.

Контора изучит сводки преступлений, совершенных в городе за сутки – ограбление на такую сумму не пройдет мимо их внимания, – а сопоставив масштабы и стиль действий преступников, они обязательно поймут, что это мы с Леной хлопнули банк.

Казалось бы, огромное количество наличных, живи – не хочу! Вот только жить с ними было не очень просто – как их переведешь на пластиковую карту? Даже у нас в стране чемодан денег вызывает подозрение, а уж за рубежом... точно в полицию заявят. Их же надо еще отмыть, легализовать! Вот тут уже проблема...

Решил для себя – потом подумаем, как и что, пока что надо дергать из города, и как можно быстрее.

Спрятав деньги в коттедже – мало ли кто туда придет, не оставлять же их на виду, мы взяли с собой рубли – десять миллионов и отправились в автосалон «Мерседес», где выбрали самый здоровенный джип, какой был, с мощным двигателем и просторным салоном.

Никто не спрашивал у нас, откуда мы взяли эти наличные, – мы внесли их в кассу, нам тут же оформили страховку и все что нужно, вплоть до номеров, и скоро мы катили по улицам города, наслаждаясь комфортом.

Да, скоро похищенные деньги заявят в розыск – скорее всего, номера купюр известны, – они мелькнут где-нибудь в госбанке, их засекут, проследят цепочку... но только к тому времени мы будем уже очень далеко отсюда. И что мешает нам проверить ту же операцию с документами и в Москве или в Питере? Хлопотно, зато безопасно!

Джип мы загнали во двор, спрятав его за домом, чтобы из-за забора, даже если на него залезть, не было видно ни номеров, ни модели машины, вообще ничего.

Коттедж стоял практически в чистом поле, на самом краю элитного поселка – здешние бедные люди героически осваивали те гектары земли, которые в народе метко называли «Поле чудес».

От коттеджа до коттеджа было метров пятьдесят, не меньше, а заборы были высотой по четыре-пять метров, но все-таки, если подставить машину или лестницу, можно было заглянуть во двор – если у кого-то возникнет такое патологическое желание.

Теперь можно было и расслабиться – раздевшись догола, мы прыгнули в бассейн, купались, любили друг друга, опять купались, пили дорогое вино, ели деликатесы из элитного магазина, снова купались... Вечер застал нас полусонными в шезлонгах возле бассейна, слегка покусанными комарами, слегка пьяными и измотанными в нескончаемых любовных соитиях – уж в этот раз мы точно оторвались по полной!

Я накрыл Лену, лежащую в шезлонге, пледом и сам накрылся, с удовольствием ощущая прикосновение тонкой шерсти к обнаженному телу.

Подумалось – вот так и надо жить! Интересно, олигархи умеют наслаждаться жизнью или они только и думают, как нагрести побольше денег? По-моему, не в коня корм... только тот может понять наслаждение покоем и роскошью, кто перед этим терпел лишения, голод, муки... а эти мажоры, сразу ставшие богатеями

и посылающие в ж... всех, у кого нет миллиарда, – что они видели? Что они знают о реальной жизни? Твари!

Я отхлебнул немецкого пива из бутылки и замер, разглядывая звездное небо над головой. Интересно, а какое небо в Черногории? Сколько помню – всегда мечтал туда уехать.

Адриатическое море, горы, леса, доброжелательные к русским переселенцам люди – чем не жизнь?

Вспомнил, как в мастерской один из наших рассказывал про своего друга: тот продал квартиру в центре города, трехкомнатную, и купил гостиницу в Черногории, на берегу моря – тогда только что закончилась гражданская война в Югославии, все стены были в отметинах от пуль, и жилье было очень, очень дешевое, после покупки гостиницы у него еще остались деньги, чтобы отремонтировать ее и запустить в работу!

Мужчина поставил управляющего из местных, а сам отдыхал, загорал, купался в море и пил легкое красное вино под греческий салат...

Через год управляющий ему сказал: «Послушай, Юрий, дела у нас идут отлично, давай прикупим и соседнюю гостиницу – деньги есть!» И он купил... Теперь живет безбедно, без волнений, переживаний и революций – прозрачное море, пляжи и горы... что может быть лучше этого?

Слушая рассказ коллеги, я завидовал белой завистью – вот только у меня не было квартиры в центре города, которую можно продать, да и югославская война уже давно закончилась, и люди поняли, где нужно жить, – Черногория заполнилась всевозможным российским людом.

Впрочем, думается, там есть местечко и для нас... с такими-то деньгами.

Я пошевелился, нашел глазами ковш Большой Медведицы и снова отхлебнул охлажденного пива – хорошо быть здоровым и богатым, а не бедным и больным! Деньги уложены в «мерседес», вещи тоже там – завтра надо сваливать.

Позвоню-ка я Профессору, предупрежу...

Я набрал знакомый номер, долго никто не отвечал, потом сдавленный голоса афериста ответил:

– Да... Слушаю... Это ты, Колдун? Извини, что так получилось, они меня зажали... прости!

Телефон отключился, а я выметнулся из шезлонга, как будто меня подорвало миной.

– Ленка! Быстро, подъем! Нас нашли! Одеваемся! Похоже, они уже тут!

Лена вскочила, натянула на себя одежду, я тоже оделся и побежал за ключами от джипа. Поднялся на второй этаж, посмотрел в окно и замер: пространство вокруг коттеджа было забито машинами, перебежали люди, мелькали фонарики – я насчитал около десятка машин, и хуже всего – два бэтэра с автоматическими пушками, каким-то образом незаметно подобравшиеся к нам со стороны трассы. Как они могли подъехать так близко? Впрочем, почему нет, на холостом ходу, накатиком... да-да, слышал, что работают двигатели, но думал, это местные перемещаются туда-сюда, тут и на квадроциклах гоняют, и на джипах с ревом носятся – мажоры есть мажоры. Но все-таки я ступил, расслабился... они нас вычислили. Как? Через Профессора, конечно. После ограбления сводку получили в Конторе, ну а оттуда ее получили уже все заинтересованные лица.

Все просчитали и стали поднимать мои контакты. Возможно, кто-то вспомнил про Профессора, а может, он давно на них работал – мне же говорили про подведенного ко мне агента, не зря Профессора так быстро выпустили и не осудили, ох не зря!

Поздно уже боржоми пить, когда печень отвалилась, теперь только драться... осилю ли? Автоматчики, бэтэры, ох, мама моя! Это еще что там ревет и клацает?! Да это же танк! Вот сволочи! Ай да я, ай да

Терминатор – вот я страху на них нагнал!

Я схватил ключи со стола, взял пистолет, второй, засунул их в карманы – сгодятся – и бросился вниз по лестнице.

По крыше, разбрасывая обломками синюю черепицу, ударила пулеметная очередь – пока еще только над головами, и голос из ГУ проревел:

– Сдавайтесь, вы окружены! Иначе вы будете уничтожены!

Почему-то подумалось – жалко «мерседес» раздолбают, хотя он же за домом... а может, удастся как-то уйти через территорию позади дома? Там забор, но можно его и разбить сферами... в принципе там поле, можно уйти через него. Номера автомобиля они не знают, модели машины не знают – до столицы запросто доберемся...

Только я дернулся бежать к машине, как в ворота ударили первые очереди из автоматических пушек, снеся их к чертовой матери.

Лена рванулась ко мне, я сунул ей в руку пистолет ПСС и прокричал:

– Вали всех, кто покажется! Там танк еще! Они танк пригнали!

– Да ладно! Не может быть!

– Я тебе говорю – танк! Будь внимательна, сейчас я амгуров на них пущу, дай руку!

Я стал очень быстро создавать и выпускать амгуров, лихорадочно перекидывая их поводки на Лену, уже десяток висел на ней, когда я перешел на обеспечение себя поводками амгуров – через пять минут мы были полностью упакованы для битвы.

Как ни странно, некоторое время ничего не происходило, потом голос из ГУ, в котором я без труда узнал голос куратора, снова проревел:

– Колдун! Заря! Сдавайтесь! У вас нет шансов! Мы в любом случае вас уничтожим! Дом окружен!

– А вот хрен тебе! – завопил я и бросился к пролому в заборе, в котором виднелись автомашины захватчиков.

Первым делом надо было выбить бэтээры, чем я сразу и занялся. Это было легко, несмотря на свою броню, горели они как спички – ну что такое бэтээр против пушки, а сфера чем не пушка?

Потом я перевел огонь на автомашины, из-за которых поливали свинцом автоматчики, бойцы сразу разбежались в стороны – те, кто не был убит моими ударами и взрывами бензобаков своих автомашин.

Через несколько минут поле боя представляло собой скопище коптящих и полыхающих обломков, трупов, а на переднем плане весело полыхали бэтээры, содрогающиеся от взрывов, идущих изнутри, – рвались снаряды и патроны к автоматическим пушкам и пулеметам.

И тут с каким-то трубным звоном жажнул выстрел, и фасад коттеджа обвалился прямо в бассейн, голубая гладь которого сразу стала грязной и бурлящей, как сибирское болото.

Танк! Я забыл про танк!

Высунувшись из-за забора, я пустил в него самую мощную сферу, которую мог создать. Она разорвалась, разбив активную броню танка, но не причинила ему никакого вреда!

Еще удар, еще! Бесполезно – неуязвимое чудовище надвигалось на нас, клацая траками и утробно ревя двигателем.

Неожиданно заработал танковый пулемет, две пули сбили меня с ног, вырвав целый кусок мяса из

плеча. «Это вам не какой-то там «Кипарис», – подумал я, – крупнокалиберный, он пополам перерубит...» Меня охватило отчаяние – неужели все? Неужели конец? Так все было классно, так хорошо все продумано, и что, вот эта сорокатонная железяка растопчет наши мечты?

Мне хотелось выть от ярости и разочарования, я заколотил кулаками по асфальту, на котором лежал, и не заметил, когда стройная фигурка бросилась к стальному монстру и, пока тот не успел отреагировать, забралась на броню!

Танк замер, как будто его отключили, а потом начал пятиться, развернулся, разбивая в хлам асфальт под собой, и начал садить из пушки по оставшимся живым из группы захвата.

Пулемет работал не смолкая, и фигуры в черных комбинезонах падали, разорванные пополам тяжелыми пулями калибра 12.7. Против них не спасали никакие бронежилеты...

Лена крикнула:

– Давай ко мне! Прячься за броню, я держу их под контролем! Там за домом их еще кишит!

Я запрыгнул на танк, и он с грохотом рванул через двор коттеджа, заходя с обратной стороны дома и поливая все впереди себя пулеметным огнем – через пару минут все было выметено как метлой.

Мы вернулись назад и увидели, как выскочивший из-за кустов какой-то темный фургон улепетывает от нас, пытаясь завернуть за угол. Танк с ходу жажнул из пушки так, что у меня заложило уши, а под фургоном рванула вспышка – то, что осталось от командирского фургона, подпрыгивая, кубарем полетело по улице. «Конец куратору!» – подумал я.

Танк застыл, а Лена подбежала ко мне:

– Машина цела? Джип цел? Серега, очнись! Валим отсюда, сейчас тут весь город будет!

Я встряхнулся и побежал к джипу – как ни странно, он был абсолютно цел, только очень запылен, – прыгнул за руль, завел машину, подал назад и скрепя сердце выехал через пролом в воротах – все время боялся, что мы напоремся колесом на какую-нибудь арматуру, и тогда нам точно трындец. Нет, все обошлось нормально – Лена запрыгнула в машину, и мы понеслись вперед.

Когда проскакивали мимо танка, слышались выстрелы внутри его, а потом рвануло так, что сорвало башню – она пролетела по воздуху и воткнулась стволом в землю справа от нас.

– Ни хрена себе! Это что такое было-то? – с недоумением спросил я, переводя дух. – Твоя работа?

– Моя. Они видели машину, видели наши лица – их могли расколоть внушением и препаратами, нельзя было их оставлять в живых... Я дала им команду на самоуничтожение. Что теперь поделаешь – на войне как на войне. Жми, Серега! Жми к светлому будущему! Все в наших руках, может, мы еще и будем счастливы?!

И я нажал на газ...

Эпилог

Усталый гаишник потер спину – чертов радикулит! На этих стационарных постах вечно дует, как в аэродинамической трубе! То ли дело в патрульных машинах – сидишь себе, рубишь бабло... Зато тут бабла больше – все дальнобои с данью проходят через этот пост... вот только на пенсию гонят, гады... так и выживут, если захотят... уж лучше самому уйти. Джип, что ли, тормознуть... все равно нет никого больше!

Гаишник поднял жезл и сделал шаг к остановившейся блестящей машине, присмотрелся – за рулем сидел полковник милиции в форме, рядом сидел еще один, – гаишник отдал честь и махнул – поезжайте. Джип засопел движком и ушел по трассе, уменьшаясь в точку...

«На Москву пошел, – подумал гаишник... – Хрень какая-то... почему мне вначале показалось, что там сидели молодой парень с девушкой? С ума схожу, что ли... старею, черт побери! Глаза уже не те стали!»

Он с досадой крутнул в воздухе жезлом и ушел в КП, матерясь на высокопоставленных ментов – сами вон на каких джипах ездят, а мы тут пыль и гарь глотаем!

Гаишник открыл бутылку боржоми, которую достал из холодильника, с наслаждением отпил ледяную шипучую жидкость и вскоре забыл о странном происшествии...